

ISSN 0130 — 1527

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1990

3

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

1990

3

ЗВЕЗДА ВОСТОКА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ
УЗБЕКИСТАНА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1932 ГОДА

№ 3

1990 ГОД

Ташкент. Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма

В номере:

ПРОЗА

АСКАД МУХТАР. Серебряная нить. Повесть. Перевод с узбекского И. Рогова. Окончание	9
АХАТ КАШАПОВ. Ньюка. Рассказ	70
ЕВГЕНИЯ ЖИЛЬЦОВА. Краб в лабиринте. Рассказ	81
ГЛЕБ ЗОТОВ. Скажи падишаху. Рассказ	105

ПОЭЗИЯ

АЙДЫН ХОДЖИЕВА. Сорок первый. «... Если тысячу лет простоял — и чинар упадет...». «Нет, стихи не грибы, чтобы после дождя...». «Рыдая, ослепли твои родники...». «Шербета сладкого любви своей испив...». Перевод с узбекского З. Тумановой	7
АННА КОЛЕСНИКОВА. Стихи для Людмилы. Черно-белым платьям Беллы Ахмадуллиной. Стрелочник жизни. Белле Ахмадуллиной. «Плачь обо мне, дождливая погода...». Вечер. «Прости меня, прости — за мой талант!..»	49
ЕЛЕНА КРЮКОВА. Отпуск. На перекрестке проспектов. Белые ангелы	52
ГАЛИНА ГАЛИМОВА. Брест — Брест. Опять. Ботанические мифы. Память. В пользу вегетарианства. Мир прекрасен	53
ЛЮДМИЛА БАКИРОВА «Осталось мало дней в календаре...». «Сад августа...», «Бог не выдал, не съела свинья...» «...И вот отходит августа корабль...»	56
ЮЛИЯ ГОЛЬДБЕРГ. «Двенадцать строчек напишу...». «Заспать и дрожь, и дождь: не помнить, не желать...». «Я возвращаюсь к осени, в полет...». «Сторублевая плата — не деньги по нынешним ценам...».	67
ВАЛЕНТИНА МАРКИНА. Осень. Земля. Пушкин. «У придорожных жду берез...»	68
ВЕРА ФЕДОРОВА. «Пускай мой путь бывал не из прямых...». На базаре. Вовка	76
СОФИЯ ФАЙЗИЕВА. Аистиха. «Я помню лобастые горы...». В сае. «Ветры иву гнули...». Тревога. «Под тяжестью плодов согнулась яблоня...». «Люблю...». «Черными ресницами шурша...». Алия	77
ЗАРИФА ЕШМУРЗАЕВА. «Не в город и не к другу в час беды...». «Литой закат. Поникшая трава...»	79

ПЕРЕСТРОЙКА: ИДЕИ И ПРАКТИКА

ВИКТОР ДУХОВНЫЙ. Взгляд из «третьего мира»	3
--	---

ПУБЛИЦИСТИКА

СЕРГЕЙ ТЮТЮННИК. По нашу сторону границы	58
--	----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

РУБЕН САФАРОВ. Моей всей жизни миг	92
------------------------------------	----

КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

С. САДЫК. Жизнь творца, жизнь творчества	97
А. ВУЛИС. Судебный протокол, или Кардиограмма судеб	99
Г. МЕНЬШИКОВ. Было ль то, не было ль...	101
Д. АБДУЛОВА. В сюжетных лабиринтах	103

РУССКИЕ ПОДВИЖНИКИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

МИХАИЛ ПОПОВ. Ак-паша — «белый генерал». Скобелев в Средней Азии	111
--	-----

ПУБЛИКАЦИИ. ДОКУМЕНТЫ. ВОСПОМИНАНИЯ

ВАСИЛИЙ ВЕРЕЩАГИН. От Оренбурга до Ташкента	118
---	-----

ГЛОБУС

ИВАН ЛОБОДА. Тайны китайского лака	128
--	-----

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

АЛИШЕР НАВОИ. Рубаи. Перевод с узбекского А. Наумова	135
--	-----

КОРАН

Сура 4. Женщины	138
Комментарии	146

САТИРА. ЮМОР

Ф. БОКОВ. Дефицит на мужчин. Юмористические рассказы	150
--	-----

ПРИКЛЮЧЕНИЯ. ФАНТАСТИКА

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ. Наука как наука Роман-утопия	152
---	-----

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

А. СОСНОВСКАЯ. Верность себе	206
--	-----

О наших авторах	208
---------------------------	-----

Главный редактор **С. П. ТАТУР.**

Редакционная коллегия: **В. А. АЛЕКСАНДРОВ, И. М. АЛЯБЬЕВА** (отв. секретарь), **А. Ф. БАУЭР, А. Р. БЕНДЕР** (зам. главного редактора), **Е. Е. БЕРЕЗИКОВ, С. А. БРЫНСКИХ, Г. П. ВЛАДИМИРОВ, Н. К. ГАЦУНАЕВ, М. М. МИРЗАМУХАМЕДОВ, Ю. А. МОРИЦ, И. Ф. РОГОВ, Р. А. САФАРОВ, Н. В. СТРИЖКОВ, А. А. УДАЛОВ, Ш. ХАЛМИРЗАЕВ, Н. ХУДАЙБЕРГАНОВ.**

Виктор Духовный

ВЗГЛЯД ИЗ «ТРЕТЬЕГО МИРА»

Профессия автора — инженер, должность — генеральный директор научно-производственного объединения «САНИИРИ». Мы не стали выносить в подпись эти данные, поскольку его заметки — не об ирригации. Они — о духовном состоянии нашего общества. Может, не со всеми выводами и сравнениями автора можно согласиться. Кое-что покажется наивным, но его тревогу по поводу наших экономических, социальных и нравственных болезней нельзя не разделить.

Здесь же с улыбкой заметим: если наши публицисты и обществоведы столь смело и уверенно рассуждают о проблемах ирригации, то отчего не прислушаться к мнению ирригатора о проблемах общества?

Всю новейшую историю мы провели как борьбу двух миров за первенство. Зато с «третьим миром» нам было все ясно: это нечто бесконечно далеко отставшее, потребляющее нашу снисходительную помощь. Мы сами не очень близко к сердцу принимали нами же данное определение «развивающиеся страны».

Чуть отрезвившись в последние годы, мы огласили секрет полишинеля — «некоторое отставание» от развитого буржуазного мира. Но еще более для нашего державного самолюбия то, что и «третий мир» наступает нам на пятки, а нередко и обходит по многим экономическим и социальным показателям.

Впрочем, нам сейчас не до борьбы за лидерство. Навести бы порядок в доме, помирить ссорящихся, наладить работу. Как это сделать? Вот одно из мнений.

«Большое видится на расстоянии», — сказал поэт. Добавлю: а также и маленькое, и плохое. Недавно я вернулся из двухнедельной командировки в Сирию, куда с двумя своими коллегами был приглашен Генеральной компанией по строительству водохозяйственных объектов на реке Евфрат в качестве консультанта.

Программа нашей работы была полностью выполнена. Компания, принимавшая нас, выразила благодарность за советы, рекомендации, лекции. Мы убедились, что сотрудничество идет успешно по всем направлениям. Более того, сирийские специалисты считают, что с нашей помощью созданы возможности совместного выхода на афро-азиатский рынок конкурсных строительных работ. Казалось бы, все хорошо. Успешная командировка, теплый прием. И все же — ни разу из всех своих четырнадцати заграничных поездок я не возвращался столь опустошенным и расстроеным. Печалили сравнения.

Мы — родина социализма, они — развивающаяся страна. Наш огромный технический уровень и потенциал, и неумение его использовать. Их огромное стремление учиться осваивать опыт и пускать его в дело. Их четкий размеренный ритм работы (без авралов, гонок и сбоев), и наша суматошная производственная деятельность, постоянно напоминающая «бег с препятствиями». Наши постоянные срывы сроков, всеобщая безответственность — и их безупречная договорная дисциплина. Наши многоэтажки, лишенные какого-либо архитектурного образа и сведенные воедино казарменным

конструктивизмом — и их гражданское строительство, настолько же интенсивное и насыщенное, насколько разнообразное и архитектурно привлекательное.

Но главное — это настроение и отношение людей друг к другу. И то сказать: отсутствие очередей в магазинах значительно смягчает нравы. Единственная очередь встретилась нам в самом конце поездки. Регистрируясь в аэропорту Дамаск в кассе Аэрофлота, мы оказались в толпе «совгражданок» с детьми, едущими на каникулы в СССР из Сирии и Ливии.

Поражает предупредительность и внимание obsługi. Во второй день пребывания в городе Алеппо советские и сирийские коллеги повели нас посмотреть вечерний город. Был будний вечер, но на центральных — «прогулочных» — улицах полно народа. Кто сидит у фонтанов, перебирая четки, кто гуляет в парке, в аллеях. Мы подошли к одному из кафе компанией в восемь человек — свободных мест не было. Однако официанты тут же побеспокоились, принесли столик, приставили кресла.

Народ победнее отдыхает в парках и лесополосах, окаймляющих города, расположенных у воды. Располагаются семьями, компаниями — на лужайках, между деревьями. Игры, танцы, песни, угощение. Мы побывали в Дамаске, Алеппо, Хомсе, Латакии, Хамдани — везде встречали подобную картину.

Сирийские коллеги, с которыми мы работали, были прекрасно осведомлены о событиях в Фергане, о дискуссиях на съезде народных депутатов, вскрывающих не всегда приличные стороны нашего бытия. Они не навязывали нам своих мнений и советов, но по отдельным высказываниям видно было, что и они тревожатся. Ведь именно наш советский пример вел их в последние десятилетия. И что же? Мы, в свою очередь, приходим к мысли, что пришло время и нам учиться у своих недавних учеников.

Раньше в таких командировках мы чувствовали себя гораздо лучше. «Читайте, завидуйте!» — как говорил Владимир Владимирович. Мы гордились своей державой, ее единством, сплоченностью и интернационализмом.

Так что же теперь — низко опустить голову? Внешне мы вроде те же, но у нас в стране перестройка и гласность вскрыли такие стороны нашего прошлого и настоящего, которыми гордиться трудно.

Но ведь и мы не всегда так жили, и перерождение не сразу вошло в нашу жизнь. Вспомните послевоенные годы. Голод, разруха, ни единой семьи без человеческих потерь. Но сколько было духовной чистоты, искренности, доброты, сострадания! Помню коммуналку на 13 семей в послевоенном разрушенном Киеве. Каждый вечер собирались соседи на кухне — делились радостью, невзгодами, заботами или успехом. Когда дочка одной из соседок потеряла хлебную карточку на четыреста граммов в день, все по очереди до конца месяца давали хлеб этой семье. Здесь же праздновались праздники — Новый год, 1 Мая, 7 Ноября. Каждый нес на общий стол кто картошку, кто буряк — свеклу, кто затирушные оладьи — «деруны». А какая радость была, когда кто-то извлекал как изысканнейший деликатес полученную на заводе или в учреждении по лимитным карточкам селедку!

До поздней ночи не умолкали говор во дворе на скамейках, бренчание гитар под деревьями, молодой смех, шум детских игр. Чего греха таить, были и драки, и походы на чужую улицу: «наших бьют!», но неписанные законы «не звереть», драться «до первой кровенки» — все это назавтра делало бывших неприятелей игроками одной команды, учениками одного класса, детьми одного города — одной семьи!

А разве великий подвиг доброты узбекского народа во время войны, о котором уже много говорилось и писалось, не огромный пример бескорыстия и великосердия? Не только ворота узбекских двориков, но сердца, души людей открылись, приняли, согрели десятки и сотни тысяч эвакуированных, беженцев, накормили их, делясь последней чашкой шурпы. Покойный Абдумаджит Шагазатов, отец моего друга, вспоминал, как будучи кормильцем семьи из семи ртов — мал мала меньше — с одной карточкой рабочего и с остальными иждивенческими, пустил к себе семью беженцев из пяти человек — с Украины, одарил их курпачами, бублием, одеялами и по пятницам кормил машхурдой, на которую наскребали крупы из старых запасов.

Дальновидность Усмана Юсупова — лидера, открывшего широкую дорогу в Узбекистан сотням крупных предприятий, театрам, писателям, обернулась не только созданием экономического фундамента будущего развития, но и в огромной степени обогатила культуру народа. С каким уважением и благодарностью, преклонением вспоминали и хранили «аксакалы» нашего искусства и литературы Гафур Гулям, Абдулла Каххар, Хамид Гулям, Камиль Яшен, Тамара Ханум память о встречах с такими классиками русской культуры, как Алексей Толстой, Анна Ахматова, Константин Симонов.

Тяжело признавать, но постепенно общество теряло духовность, а с ней и доброту, милосердие, отзывчивость и, если хотите, — общность.

Я не говорю о зверствах, учиненных экстремистами в Сумгаите, Нагорном Карабахе, Фергане, Абхазии. Но посмотрите — для нас стало обыденным, когда сын бросает беспомощных родителей на произвол судьбы, мать оставляет своих малышей в Доме

ребенка. Мы ожесточились. Обычным выражением лиц прохожих на улице становятся насупленные брови и суровый взгляд.

Иногда утром, идя на работу, загадываешь, встретится ли приветливое лицо за тридцать минут ходьбы по многолюдным улицам?

Конечно, темп жизни стал другим, но ведь люди должны оставаться людьми. Смешно требовать в Москве или Ташкенте здороваться с каждым, но давайте хоть не обижать друг друга хамством.

А самое страшное, что человек со всем этим свыкается. Не знаю, что больше действует — дарвиновское приспособление субъектов к изменению среды или марксово «бытие определяет сознание». Теперь мы научились искать причины своих грехов не только у Сталина, Хрущева, но и у Владимира Ильича и даже у Маркса, не сумевшего, как говорят экономисты, прозреть все тонкости развивающегося социализма и не направившего нас куда нужно.

Может, в чем-то и есть доля истины. Однако любое дерево хоть и держится старыми корнями, но растет постоянно обновляющимися молодыми корешками и корневыми волосками. А вот эта молодая поросль оказалась у нас отравленной вседозволенностью, безыдейностью, бескультурьем и эгоизмом. А ведь предела жадности нет: есть три комнаты, хочется пять; есть машина — нужна лучшая; есть три костюма — а у соседа новый импортный, — тянись за ним.

Вседозволенность «верхов» и безответственность «низов», достижения своего апогея в эпоху Брежнева, породили отчуждение людей друг от друга. И то сказать, если на глазах у всего народа первое лицо государства одаряет себя всеми регалиями, то разве это не ниспровержение всей морали? Но сейчас ведь вседозволенность не кончилась. Раньше ее хоть держали в секрете, а теперь все бичуют, да дела не делают — бессильны.

Председатель Совмина сетует, что полтора миллиарда рублей в год на пенсионеров трудно наскрести в бюджете, а в это время только в Минавтосельхозмаше скопилось на полтора миллиарда неустановленного обородования.

Народные депутаты сорвали голос призывами к социальной справедливости. А что изменилось? Возьмем, например, совминовские и госплановские пансионаты, где на каждого отдыхающего приходится по три человека obsługi, где работники Совмина и Госплана и их семьи могут безотрывно находиться все лето за 90 рублей в сезон плюс стоимость льготного питания. А простой народ, если случайно получает каким-то чудом путевку в эти дворцы, то платит почти по 9 рублей в день за койку в обычном двухместном номере.

Главное же, что современная экономическая политика, якобы выступая против уравниловки, создала путь к расслоению общества не по трудовым или деловым качествам, а по способности к махинациям. Отсюда — перекосы в кооперации. А госпредприятия получили в то же время наручники в виде пресловутого «письма четырех», где соотношение доходов и производительности труда, установленное надуманным бюрократическим методом, парализовало материальную заинтересованность тружеников и укрепило диктат бюрократии. Хочешь получить хорошее соотношение в плане — ляжь костями, подарками, чем хочешь перед распределителями.

То, что на первом этапе кое-где допущен дисбаланс в зарплате, — это не вина предприятий, а вина тех законодателей, которые сначала делают, а потом думают.

Значит, наши «корневые волоски» питаются пока еще большей «отравой расслоения», чем было раньше. А это пагубно отражается на идеологии.

Ниспровержение всего 70-летнего периода борьбы народов (а не сталинизма), перекраивание всех идеалов, возведение в ранг ошибок всего, что было сделано в стране, достигло сейчас апогея. И трудно убедить кого-то из молодежи вообще в том, что идеи социалистического общества справедливы и обоснованы, что лишь извращения этой линии создали те негативные явления, которые мы сегодня бичуем.

Журнал «Молодая гвардия» в № 4 за 1988 год опубликовал статью члена КПСС с 60-летним стажем Михаила Ивановича Малахова. Почитайте эту статью. Хотя она написана представителем старшего поколения, но и многие из нас, родившиеся в 30-х и 40-х годах, подпишутся под ней. Он приводит свидетельства народных побед того периода. А разве мы не добавили к ним освоение целины Голодной степи, строительство Братска и Тюмени? Теперь об этих стройках говорят, только выискивая у них отрицательные черты. Но вы вспомните самоотверженность, честность, сплоченность, ответственность и вдохновение тех лет. И никто не сомневался в те годы, нужен комсомол или нет. Комсомольские штабы строек были ядром коллективов. Не потому ли мы ныне спотыкаемся, что потеряли идейный заряд и полет энтузиазма, который во много раз сильнее принципа материальной заинтересованности, о чем так много теперь говорят.

В начале перестройки М. С. Горбачев провозгласил необходимость объединить новые методы хозяйствования и человеческий фактор. Думается, что под человече-

ским фактором следует понимать и духовность, и воодушевление, которое удесятерит силы.

Но мы даем молодежи — Набокова, кинофильмы, где секс органически и естественно перерастает в порнографию. Мы как будто боимся, что без демонстрации эротических процессов наша обленившаяся молодежь не справится с задачей воспроизводства человеческого поколения в необходимых пределах?

Читаю в «Правде» за 27 июля 1989 года: «Рушится на глазах целый пласт культурной жизни, которому всей историей человечества предназначено быть опекаемым, уровень существования которого определяет в конечном счете уровень цивилизованности народа, государства». Речь идет о классической, симфонической и оперной музыке, об искусстве, заставляющем мыслить, искать в себе душу, идеал, бога, наконец!

В той же Сирии мы были приглашены на концерт классической музыки. В переполненном зале культурного центра в Алеппо собралось около 600 любителей классической музыки — слушать произведения Дебюсси, Бетховена, Чайковского в исполнении молодых учащихся, подготовленных советскими музыкантами. Зал не отпускал исполнителей, вызывая их на бис бесчисленное число раз. Я не говорю о Мексике или Испании, где в каждом городе, провинциальном или столичном, концерты симфонических или камерных оркестров прямо на улице являются таким же распространенным явлением, как и народные танцы. Но вспомните наши пустующие залы в дни симфонических концертов.

Рушатся и традиции народной музыки, уступая позиции рок-культуре, которая возвращает нас в эпоху ритуальных танцев первобытного человека, воинственных обрядов язычников.

Партия, вырабатывая новые подходы к своему месту в обществе, должна возглавить, в первую очередь, идеологическую перестройку и обновление. Ликвидировав церковь (а стало быть и институты нравственного воздействия на людей), мы должны были заменить ее новыми духовными институтами, хранителями морали, нравственности, культуры. Религия нам представлялась всегда как царство тьмы и суеверия. Но религия всех видов, с ее общечеловеческими традициями и многовековым опытом воздействия на человека, канонизировала определенные нормы поведения людей. Более того, она доходила до души каждого человека, создавая не только систему прямого нравственного воздействия, но и обратную связь идеологического восприятия, сигнализировала об изменении настроений людей.

Эти глубоко человеческие функции остались у нас без внимания. По сути партийные органы должны были взять на себя функции отделенной и ниспроверженной ими религии. Но нет, партия занялась планами, буднями хозяйствования, а кое-где приписками и самоуспокоением. И на этом пути забыла главное свое идеологическое содержание. Теперь нужно вернуться к нему, вернуться к выкристаллизованным нравственным принципам человечества — Вере, Надежде и Любви. Вере в будущее, Надежде на счастье и Любви к человеку, к ближнему. Именно эти принципы всегда определяют общечеловеческую культуру, достоинство и уважение друг к другу, стремление работать на общее благо, а не только на собственное.

Видимо, партия должна принять и совершенно новые принципы управления и экономикой. Не подменять плановые и государственные органы, а выработать новый стиль производственных отношений, основанный на четырех принципах: дисциплина и ответственность, инициатива и справедливость.

Айдын Ходжиева

Сорок первый

Ночь.
Родник тревоги вновь в душе забил,
Соловей бессонный — песни этой боли.
Но терпенья крышу жаркий вздох пробил
И душа — оленем — вырвалась на волю.
Я бегу — и сердце замирает снова.
Я лечу, лишь серьги на ветру звенят.
Радости обитель позвала меня!
Но по воле дэвов город заколдован...
Не входил в ворота путник сорок лет.
Я стучусь — и вера светится во взоре.
Гляну — и повсюду рушатся запоры,
И боюсь, и верю, что преграды нет.
Друг на друга смотрят арки золотые.
В залах, переходах — нету ни души.
В изумрудных ивах весны затаились.
Угли под ногами — надо поспешить!
В сорок первом зале... надпись есть одна.
В сорок первом зале... соловей зачах.
В сорок первом зале... лампа колдуна.
В сорок первом зале... молния в цепях.
Сорок первый ключ и сорок первый зал...
Сказка в сорок первом — чудо обещает.
Ночь — как друг неверный, прячущий глаза.
В сорок первом зале время не прощает.
Колокол рассвета. Бьет урочный час.
Тайна торопливо пролетает мимо.
Ночь не даст покоя. День обманет вас...
Сорок первая мечта — век неисполнима!

* * *

...Если тысячу лет простоял — и чинар упадет,
Не жалеет труда — и засохший гранат расцветет.
Если голос народа невнятен для слуха властей,
В край тот смута придет, его слава и честь пропадет.

* * *

Нет, стихи не грибы, чтобы после дождя
Их в осеннем лесу вам корзинами брать.
Нет, стихи не цветы, чтоб, весны подождяв,
На холмах, на лугах их пригоршнями рвать.

Не лиса — чтоб поймать, у норы затаясь,
И не рыба — на удочку, нет, не клюют...
Слепок чувств твоих — стих и с людьми твоя связь,
Он твой вздох, он твой стон, твой призыв и твой труд.

Хочешь — в ушко иглы проскользну я тайком,
Хочешь — грешный наш мир удержу на весу?
Я, рожденная заново с этим стихом,
Слова пламя священное людям несу.

* * *

Рыдая, ослепли твои родники,
В расцвете иссохли твои цветники,
Разлука — река, берега далеки,
О край, тот, где буря народ разметала!

Где пламя твоих очагов? В них зола.
Большая дорога травой заросла.
Всю славу минувшего буря смела.
Сынов твоих верных, о край мой, не стало.

В теплушках, набитых битком, увезли,
И вырвали корни твои из земли,
И звезды твои угасали вдали,
О край, тебя ядом судьба напитала.

Не смог исцелить тебя твой виноград,
И ветры морские не дышат, а спят,
Самшитовый посох — одна из утрат
Земли, что своих сыновей растеряла.

* * *

Шербета сладкого любви своей испив,
«Плоды ее горьки» — решила мать родная,
Дитя сдала в детдом.

Малыш в ночи не спит,
Тихонько плачет он, о чем, — и сам не знает.
И устает от слез, и, наконец-то, спит,
За шею обхватив игрушку — медвежонка.
...Во сне к нему опять друг-аист прилетит
И, хлопая крылом, несет в свою сторонку.
Малыш среди холмов, зеленый льющих свет,
С подснежниками он, смеясь, играет в прятки.
Летит бумажный змей — за жаворонком вслед!
И радуга дитя сажает на запятки.
На камне испеклись початки для него.
Преподнесет луна румяную лепешку.
Сплел ветер из травы кроватку для него,
Как бабушка, ручей укачивает крошку.
Ночь ищет мать его. Молчат ее уста.
Неслышен ее шаг, она войдет без стука.
Она в пути давно — иглою посох стал,
Чарыков кожа — тоньше шкурки лука.
Надеждами полна, у двери постоит.
Дитя уплыло в сон.

Летит ведро в колодец...
Пусть, снами развлечен, малыш спокойно спит.
Ночь сбережет его и аиста проводит...

Перевод с узбекского Зои Тумановой.

Аскад Мухтар

Перевод с узбекского И. Рогова

СЕРЕБРЯНАЯ НИТЬ

ПОВЕСТЬ¹

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

I

Что только не делает судьба с человеком. Иногда она словно надсмехается над ним, унижает его чувства и мысли...

Надо же так случиться, чтобы день возвращения Тургунали совпал с днем, когда от Инамджана была получена похоронка. Что было делать бабушке Икраме: плакать или радоваться? Она была без чувств, глуха, растеряна, бессмысленно хлопотлива. Как нарочно три дня назад ушел в армию Хасан-арбакеш. Дома оставили Тургунали с маленькой Айхан и отправились пешком в соседний кишлак.

В обезлюдевшем дворе он сел на ступеньки с обвалившимися кирпичами и посадил на колени Айхан, все еще дрожавшую от недоброй вести. Вот как получилось: солдат, который даже в самые тяжкие дни не переставал мечтать о возвращении домой, попал на поминки! Нет, война его не отпускает: когда в госпитале ему разрешили вернуться домой, он представил себе каждого из однополчан и мысленно обнялся с ним и попрощался. А здесь — опять продолжение войны. Ее черные крылья, тень ее мучений преследуют его всюду.

— Брат, вы воевали?

— Воевал, Айхан... — Хотя он завернул ее в шинель и прижимает к сердцу, однако тепло его никак не согревает девочку. — А ты что в школу не ходишь? — спросил он, разглядывая почерневшие за зиму виноградные лозы, неухоженный цветник.

— Только семь раз ходила. Галош у меня нет, совсем продырявились. Когда потеплеет, буду ходить каждый день. А ваш ботинок деревянный? А почему возвратились без винтовки? Больше на войну не пойдете?

Вопросы Айхан не кончались, не обязательно было и отвечать на них.

— ... Ты любишь тетю Таджихан?

— Да, мы вместе спим. Когда я рассказываю ей про то, что видела вас во сне, она обнимает меня и становится тепло.

Тепло... Хотя и без присмотра, почти развалина, но дом есть дом. И есть в нем тепло.

¹ Окончание. Начало в № 2.

Встал, высоко поднял Айхан обеими руками. Шинель сползла с плеч. А потом он посадил Айхан на шинель и поправил грубые портянки.

— Мы с тобой сейчас пообедаем.

— Разведем огонь в очаге, поставим чайник, — сказала Айхан, и, хлопая руками, побежала к очагу.

Тургунали еще не научился ходить как следует, широко отставляя деревянную ногу, шагал тяжело.

«Мой подснежник золотистый,
из-под плотной земли вылезай!» —

запел он вполголоса и, подойдя к кровати, вытащил из вещмешка консервы и черный хлеб.

— Ой, не так, вы не знаете! — засмеялась Айхан. — «Подснежник, подснежник! Дитя снега и земли!» — запела она, исправляя его ошибки.

Брат положил в алюминиевую чашку кусок мяса и подогрел. Потом они, сидя на шинели, поели.

С поминок вернулись вечером.

Солдата и его невесту оставили наедине. Удивительно, какова судьба, но и эта ночь, как и та первая, прошла без сна. Ведь в день поминок не может быть другому. О боже, есть ли день их соединения?! Сколько лет числятся женихом и невестой, а не то чтобы наглядеться друг на друга, даже приблизиться не смогли. Другой бы не поверил.

Вначале они даже не знали, что сказать друг другу. Ведь они еще и не поговорили как следует. Казалось, слова должны литься сами собой. Однако с чего же начать?

— Ждала вас, Тургунали-ака... — сказала низким голосом Таджихан, свесив ноги с края той самой двухспальной железной кровати.

— Да, Айхан сказала... — проговорил Тургунали.

— Долго... очень долго ждала.

Воцарилась тишина.

— Я сильно изменился, Таджихан, весь... Сама видишь... Однако к тебе все так же...

— Я тоже изменилась.

— Знаю. Орден получила.

— У вас тоже две медали, видела. — Таджихан искоса взглянула.

Однако разговор был не об этом. Действительно, они оба очень изменились. Нет теперь той молодости, что два года назад, нет той страсти. Всего-то два года... На Тургунали оставили следы ранения... его ранние морщины... Таджихан тоже, хотя желтизна и сошла, похудела, потемнела, от поминального плача веки покраснели, она прятала руки:

— Платье то же самое? — спросил Тургунали, положив на ладони ее руки.

— И новое есть. В прошлом году получила за коконы. Это так... Я люблю носить цветастый шелк после того, как он немного сядет, вы же знаете. Мама купила и вам отрез на костюм, когда сдали коконы. В сундуке.

— Ну, к моей походке только шикарный костюм...

— Очень будет к лицу. На своей земле ходите своими ногами, не надо быть неблагодарным. Вон дядя Инамджан... — Таджихан приложила платок к глазам. Тургунали прижал ее голову к груди. Действительно, он может благодарить бога. В госпитале он видел таких калек. У скольких даже могил не найдешь...

К обоим приходили одинаковые мысли. В таком состоянии они сидели долго.

И наутро снаружи слышались причитания женщин. Лишившаяся родной крови, бабушка Икрама сдала, уменьшилась ростом, все еще была какая-то глухая, потерянная. Весь день приходили соседи, старики и старухи, женщины, она сильно устала. Губительная усталость бывает не от трудов, а от боли и переживаний. Два года назад была крепкой старухой, а теперь стала маленькая, с белыми волосами, торчащими из-под платка, сидит среди женщин, словно кокон. Тургунали не может ее ничем утешить.

Вечером повалили мужчины, возвратившиеся с полевых работ, они явились поглядеть на односельчанина, который возвратился с фронта. Это посещение продолжалось до полночи, а те, кто особенно интересовался положением на фронтах, сидели и за полночь.

Когда утром Тургунали зашел в гостиную, то увидел спящую Таджихан, две ночи не смыкавшую глаз. Пожалел ее будить. Сел рядом и долго разглядывал ее лицо.

«Ждала вас...»

«Спасибо, дорогая. Потому-то я и вернулся живым. Мы еще станем прекрасными, счастье ждет нас. Будет у нас большая семья, большое хозяйство...»

В сладком сне Таджикихан чуть улыбнулась. В лучах рассвета ее лицо показалось таким чудом, что Тургунали забыл про свои печали и горести. «Дети наши будут красивыми, как ты, ладно, Таджи?»

В этот момент за окном послышались кашель, звуки шагов, кишлак просыпался.

2

Похоже, что весна будет теплой. На деревьях распукались почки, пчелы липли к цветкам вишни, жужжали до вечера. Вначале Тургунали лежал на кровати, глядя на чистое небо, а когда Айхан уходила в школу, а остальные в поле, он брал в руки то топор, то молоток, находил дело по себе, а когда чувствовал в пояснице боль, то садился надолго на первое попавшееся место. Это полубезделье и одиночество начали угнетать его, иногда очень скучал, не знал, куда себя деть, по любому поводу нервничал, на душе было неспокойно.

Однажды навестил его Мадраим-ата и спросил:

— Как дела, солдат?

У Тургунали вырвалось:

— Дайте работу, раис-аксакал. В сумерках свекровь и невеста возвращаются с поля и начинают лепить кизяки, а я стою разинув рот...

— Как здоровье-то?

— Большое дело не смогу сотворить. Если сказать откровенно, смогу сделать только двести шагов, лишние шаги — схватит боль. Пока состояние вот такое.

Раис, утешая, долго разговаривал с ним, а уходя, вдруг что-то вспомнил и вернулся назад.

— Слушай... Девушка у меня на почте учится заочно на агронома. Если я сейчас не переведу ее в колхоз, то при распределении, боюсь, пошлют ее куда-нибудь в другое хозяйство. Вот... место освобождается.

— Я согласен на месте этой девчонки клеить конверты, председатель.

— Не говори так, я хочу обменять тебя на целого агронома. И коня дам.

От коня Тургунали отказался, посадка на него была целой проблемой. Тогда ему дали осла. Сесть на него для Тургунали было делом легким, — станет на носок здоровой ноги, перебросит покалеченную, разместится на седле. Глядишь, через десять минут уже на почте.

Однако работа на почте оказалась не столь легким делом, как он думал, людей нет, бестолковый мальчик да старуха, надо ходить из хутора в хутор. Тургунали лично вручал только похоронки или какое серьезное извещение, в другое время отсиживался на почте, раскладывая письма, телеграммы, газеты. Потом он пристроил осла к «делу». Длинноухий оказался сметливым животным и выучился разносить почту. Сперва полный хурджун почты отвезет в сельсовет, потом в контору колхоза. Правда или нет, но пошла молва, что осел Тургунали с полным хурджуном ходит из хутора в хутор и ревет, а люди, услышав его, выбегают и забирают свои письма и газеты...

Но надо сказать, что и Тургунали заботится о своем вислоухом. После работы идет в заросли тамариска, садится на корточки и косит траву. Когда он, задыхаясь, притащит траву, свекровь с невесткой тоже работают: бабушка Икрама возле очага собирает угольную пыль и, смешав ее с навозом, подает Таджикихан, а та на стену хлева лепит кизяки. Теперь они здороваются весело, со смехом, теперь бездельников нет, нет смущения, все устают одинаково.

Надвинув на глаза баранью шапку, Дадаали-ака уходит рано утром.

— Наступил месяц хамал — пора цветения, земля подошла, задыхается, а людей нет...

Возвращается в сумерках, а бабушка Икрама переживает: у пеструхи затвердели соски, перестала давать молоко. Думали, что она прокормит их до того, как поспеет тутовник. Что же будет дальше?

— Дальше весна, — начинает Дадаали-ака в утешение, словно ничего не произошло. Сам же знает, пока ячменя не коснется серп, голод не отступит. Даже если ничего не останется, у этих старцев хватит терпения.

Весна поторопила и звено Таджикихан. Во дворах всюю идет обрезка листьев тутовника. Хорошо, что Мадраим-ата еще осенью раздобыл посадочный материал, прекрасный многолиственный привитый сорт «Мирзачуль». Обрадованные этим, Таджикихан с Дадаали-ака, несмотря на холодную осень, посадили рядом шесть деревьев на осушенных и вспаханных землях Каразавура. А теперь, ранней весной, посадки надо раза два полить, чтобы хорошо принялись. Таджикихан через день навещает

Каразавур. К тому же старые, не выкорчеванные тутовники тоже дали листья. Весна теплая, сухая, значит, листья будут грубыми, а это, в свою очередь, может снизить выход нити, если вовремя не принять меры.

Поэтому Таджихан каждый день возвращается после сумерек, ночами не очень открывается мужу. Несмотря на это, засыпает не сразу, присоединяется к разговору Тургунали, они еще не насытились друг другом.

Однажды в полночь Тургунали встал с места. Ему было не легко встать, всегда должен обувать «ногу», валяющуюся под кроватью. В спальне запахло кожей. Тургунали, у которого почему-то пропал сон, подошел к окну. В комнату падал бледный свет луны. Это та маленькая гостиная, в которой они провели первую ночь. Таджихан, словно ожидая важного разговора, лежала, не поднимая головы.

— Таджи... — сказал тихо Тургунали, трогая занавески. — Ты сберегла занавес... Покрывало для колыбели?

Таджихан подняла голову, ответила после долгого молчания.

— Да... Они в сундуке.

Тургунали, стуча протезом по паласу, подошел к другому окну. Оно было со стороны террасы, сюда не падал свет, и в темноте послышалось его прерывистое дыхание.

— Полагаю, Таджи, в нашей жизни... что-то не так получается.

Таджихан почувствовала, что начинается неприятный разговор, и попыталась переменить тему:

— С возвращением вашим работа наша продвинулась, только вот сейчас сезон... времени в обрез... Завтра привезите известь, мы бы побелили большую гостиную.

— Ты опять говоришь про работу. Дело не в том. Вот прошло четыре месяца, как я возвратился. Ты... ничего не замечаешь?

Таджихан промолчала. Этого разговора она ждала, однако все равно была не готова ответить. Тишина затянулась.

Тургунали заскрипел протезом и прилег рядом с ней на бок.

— Тебя я оставил в неопределенном... в неудобном положении. Боялся, что не вернусь. Вот, слава богу, я дома. И тебе спасибо, тысячу раз спасибо. Редко бывает такая верность, такое терпение. Я доволен тобою, — сказал он, обнимая жену одной рукой. — Однако, Таджи, что же занавес будет лежать в сундуке? Семья без детей — не семья.

Таджихан вся затряслась. Тургунали хотел поцеловать ее и почувствовал, что лицо жены мокрое. Он прижал ее к сердцу.

— Таджихан, в чем дело? Я обидел тебя? Чем огорчать тебя, лучше бы мой язык...

— Тургун-ака... вы только сейчас спросили. А я мучаюсь вот уже два месяца, — сказала она, кладя голову на его грудь и беззвучно плача. — Я, как и вы, мечтала о детях, видела их во сне. — Она громко заплакала. Не зная, что делать, Тургунали гладил ее голову, пытался утешить, прижимал к себе.

— Довольно, довольно, Таджи, прости меня...

— Через три месяца после вашего возвращения я ходила к врачу. Ходила дважды. Оказалось, что слишком много приняла акрихина, когда на Каразавуре заболела малярией. Откуда мне было знать, Тургунали-ака?.. «У тебя перегорело семя... ты не забеременеешь», — сказал доктор. Я рассказала матери, с тех пор она тает, как свеча.

У Тургунали похолодело в груди, он выпустил из объятий плачущую жену и лег рядом на спину. Об его голову словно переломили палку, в глазах у него потемнело, дыхание зашлось.

У Таджихан вдруг высохли слезы. Она привыкла к своему состоянию, но ее напугало, что муж вдруг выпустил ее из своих объятий. Что теперь будет? Что он скажет? Казалось, оборвалась нить, связывающая этих людей.

— Ты отдала ветру то, что я тогда пожалел...

Этот грубый голос показался ей чужим. В испуге Таджихан обняла мужа, плача, шептала:

— Ведь вы сами тогда... Вы сами тогда... — вдруг она отстранилась. — Вы о плохом думали тогда. Я не вернусь — вот так вы тогда думали. Вот такими бывают последствия недобрых дум!

— В тот день произошла самая большая ошибка в моей жизни, что делать? Ты тоже...

— Ой, а я что... — встрепенулась Таджихан. — Разве я говорила «нет?»

— Э-э, знал бы, что так будет, стал бы я слушать твое «нет»!

Под влиянием ласк они было немного смирились, но над ними все равно, как темная ночь, витало несчастье. После долгого затишья послышался болезненный голос Тургунали:

— Я думал о беде с ногой... А здесь готовилось большее.

— Война.

— Да, я и говорю. А так не было бы людей счастливее нас. Она проглотила и неродившихся наших детей. Развеела наши мечты, отняла будущее.

Чтобы не заплакать, он спрятал лицо в подушку, но его последние слова долго висели над ними.

Однако они еще не знали, что самое большое несчастье ждет их впереди.

3.

После этой ночи Тургунали изменился. Словно потух свет в его душе, потускнели глаза. Он стал избегать людей, полюбил одиночество. И дома слонялся молча, ни о чем не спрашивает, ничем не интересуется.

Раньше, во время дойки, бывало, скажет бабушке Икраме: «Какое молоко от коровы, которая лижет пустое ведро!» — и обязательно достанет и принесет вязанку клевера. Сейчас и этого нет, за весь день не проронит ни слова! Перестал следить за собой, забыл о боли в пояснице, ходит и ходит, пока не сядет, обессилев.

А позже стал приходиться выпивший. Не подействовали ни уговоры отца, ни просьбы жены. Приходит пьяный и, не снимая помятого чапана, засыпает в гостиной. Вечерами Таджикиан долго уговаривает его и раздевает, спальню наполняет запахом водки.

— Боже... — беззвучно жалуется Таджикиан, глядя на мужа, — парень, не упавший от пуль, от ран...

Подошла годовщина гибели Инамджана. Ушедшие на поминки в соседний кишлак бабушка Икрама и Таджикиан привели за руку двенадцати-тринадцатилетнего мальчика.

— Кто это? — спросил бривший бороду Тургунали.

— Это — Саттар, Саттарджан.

Этот мальчик, круглолицый, с тонкой шеей, все шмыгал носом.

— Иди, сынок, вот, поиграй с Айхан, — сказала бабушка Икрама.

— Не буду с ним играть, некрасивый он, — сказала Айхан отчужденно.

Но брат посмотрел на нее такими недобрыми глазами, что она тут же повела Саттара за руку к огороду, где обычно играла.

— Оказывается, эта кокетка в нетерпении ждала, чтобы быстрее прошла годовщина! — сказала бабушка Икрама о жене Инамджана. — С самого начала было видно, что они не пара друг другу.

— Ну ее с кокетством, ледяная она какая-то, — отозвалась Таджикиан. — Ее ребенка мы повели к себе домой, а она даже из приличия не спросила: «Эй, куда?»

— Ей ребенок не нужен, такие разве знают цену детям?

— Женщины говорили, что она давно нашла молодого пижона — бухгалтера. Не стала даже дожидаться годовщины мужа, только ребенок ей мешал, разве не заметила?

По-видимому, это было продолжение долгой беседы по дороге.

— Эй, чтоб таких матерей! Однажды ответит она за этот грех, пусть ей будет хуже, если она не оценит ребенка. Я сама буду растить мою сиротушку! — заявила бабушка Икрама, заваривая чай. — Саттар, Айхан! Идите сюда!

Дети прибежали, уже вроде подружившиеся.

— Иди сюда, — позвал Тургунали Саттара к берегу арыка. — Что это у тебя на лбу?

— Это?... — спросил Саттар, держась за лоб. — Когда пришел дядя бухгалтер, мама начала хаять папу. «Врет она, мой папа — герой», — сказал я. Тогда она толкнула меня, и я ударился лбом о дверной косяк.

Тургунали, сев на корточки, с грустью уставился на мальчика, в голове зашумело, хотел было приложиться к бутылке, но сдержался. Отмыл в арыке лицо, шею и руки Саттара и смазал йодом шишку у него на лбу.

— Вот теперь похоже на рог барана! — засмеялась Айхан.

— Ты помолчи, — сказал брат безобидным тоном, — человек ведь пострадал за справедливость. Однако это не беда, до свадьбы заживет. Ты говоришь, что он некрасивый мальчик, а видишь, стоило умыться, как стал красавцем. А отец его — герой! Садись, джигит!

Таджикиан поставила сливки, разложила лепешки. Впервые за долгое время они собрались все вместе и пили чай.

Саттару, почувствовавшему к себе внимание, здесь понравилось. Особенно этот хромой дядя... Не балованный отцовской лаской, Саттар потянулся к Тургунали, почувствовав его доброту за грубоватым обращением.

Оказалось, что Саттар учился в пятом классе, Таджихан отвела его в школу и записала. Начали они ходить с Айхан в первую смену. Тургунали, который раньше бродил хмурый, теперь немного повеселел, и если даже бывал во хмелю, то настроение его не портилось. Возвращаясь домой, сразу спрашивал Саттара:

— Как дела?

Он так сильно привязался к мальчику, что все свободное время занимался с ним. То ножницами укорачивает его волосы, то посадит на осла и катает, то мастерит ему рогатку. Когда получает пенсию, то обязательно принесет или пепушка на палочке, или полную тюбетейку фисташек. Наблюдая за ними издали, Таджихан внутренне радовалась: лишь бы муж утешился, лишь бы не вспоминал о ее несчастье...

И Дадаали-ака, словно заимел внука, говорил:

— Упадет лошадь — останется жеребенок, сбруя не будет бесполезно лежать!

Хотя и смягчилась душа Тургунали, однако он не сумел бросить пить. Приходил во хмелю и изводил Таджихан разговорами.

— Слушай меня... Саттара сделаю человеком. Ты будь ему матерью. Теперь у нас есть сын, поняла?

— Ладно, Тургунали-ака, я рада. У Саттара теперь кроме нас нет никого, кто бы о нем позаботился. Только... только теперь вы не пейте, Тургун-ака.

— Ты опять про то же самое? Я о чем говорю, а ты...

— Все взаимосвязано...

— Говорю же — буду ему отцом! А вот ты уходишь с утренней зарей и возвращаешься только к ночи.

— Что я могу сделать... На вас надеюсь.

— И надейся, — говорит усталый от хмеля Тургунали и засыпает.

Тургунали и Саттар на самом деле стали отцом и сыном. Ребенок и Таджихан звал «ая», однако ей некогда было присмотреть за ним: то на хлопке, то занята коконами. К тому же она поступила учиться заочно на факультет шелководства сельскохозяйственного института. Но даже еще не листала материалы, присланные ей в двух больших бандеролях. И Дадаали-ака мало бывает дома, ухаживая за тутовниками на Каразавуре. Теперь всем стало ясно, что тутовая плантация на этом массиве — это будущее колхозных шелководов.

Поэтому единственный защитник Саттара, который не дает ему чувствовать сиротства, это Тургунали.

— Выше голову, никого не бойся, — говорит Тургунали. — Большим человеком тебя сделаю, будешь у нас Саттаром Иногамовым.

Присоединившись к Айхан, которая один раз скажет, а десять раз засмеется, они все громко рассмеялись.

4.

Когда Саттар перешел в шестой класс, то однажды пришел домой, получив по географии единицу. Даже не двойку, а единицу.

— «Кол» тебе, Суслик! — сказала Айхан, смеясь.

— Единица? Не может быть, чтобы единица! — отозвался Тургунали, словно он сам получил единицу. Скрипя протезом, походил туда-сюду, по-видимому, в коридоре тайком опрокинул пиалу, так что щеки его покраснели. — Почему единица, тем более в последней четверти?! Ты что, ничего не знал! Что именно ты не знал?

Саттар стоял, опустив голову.

— Мне учительница сказала, чтобы я перечислил области Украины, а я...

От этой обиды Тургунали еще больше опьянел, как будто злясь на судьбу, постоял немного, нахмурившись, и пошел, громко стуча, на террасу. Там из старого сундука вытащил жестяную коробочку.

— Подойди-ка сюда! — позвал он Саттара.

Потом вытащил из коробочки орден Красной Звезды и медаль «За отвагу» Инамджана, обер их рукавом и повесил на грудь Саттара. Затем пошел во внутреннее помещение, выпил для «храбрости» еще пиалу и сказал Саттару:

— А ну-ка пошли!

Они пошли в школу. В кабинете географии седоволосая, старая, бедно одетая учительница с какой-то девочкой клеили разбитый глобус. Внимательно выслушав солдата, она удивилась не столько его нервным требованиям, сколько ордену и медали на груди своего ученика.

Саттар, обувший грубые солдатские ботинки на босую ногу, стоял с бессмыс-

ленным выражением на круглом, как подгоревшая лепешка, лице, словно пришел показать орден и медаль, блестящие на заштопанной рубашке.

— Его отец, товарищ учительница, — говорил Тургунали, выставив указательный палец, — прошел пешком все области Украины сперва с запада на восток, а потом с востока на запад, и там, на той земле, сложил голову! А вы... «кол», «суслик»...

Почувствовав, что инвалид во хмелю, учительница стояла, неловко улыбаясь.

— Ладно, товарищ! Оценку-то исправим.

— Да, надо поправить, — подтвердил Тургунали.

— Однако вот это... — учительница взглянула на грудь Саттара, — это нехорошо, братишка. Мальчик должен всего добиваться своими усилиями, своим умом. А то, что вы делаете, непедагогично.

— Все это — его. Его родного отца. Хочет — будет носить, не хочет — нет. Исправьте оценку, до свидания!

Они вышли, держась за руки, звеня наградами. Когда возвращались, Тургунали, от радости не обращая внимания на боли в пояснице, наставлял мальчика:

— Хочешь — нацепи и ходи грудь колесом! Молодцом будь! А эти дамы, не нюхавшие пороха, не видавшие крови и смертей, только и знают, что распускать языки.

Между тем Айхан, конечно, успела обо всем сообщить Таджихан. Когда Таджихан пришла домой, то муж ее, посадив рядом с собой на террасе «орденоносца», уже раскупорил бутылку водки и две бутылки пива. Сдувая со стакана пену, вытирая губы рукавом, он даже на заметил Таджихан, стоящую на пороге.

— После моей смерти, Саттар, и вот это все нацепишь, — продолжал он, звеня медалями. — Имеешь право! Ты мой сын, дорогой, мой сын! Я получил их не для того, чтобы они лежали в сундуке! Взамен ноги получены. Твои!

Таджихан вся вспыхнула, но прикусила язык, говорить сейчас с отцом и сыном было бесполезно.

У Дадаали-ака тоже душа была в сумерках, но и его слова не доходили до сына. Старик ворчал:

— Мы тоже не вечные, сегодня есть, завтра нет... Кстати, все во власти аллаха, сам должен знать...

Однако и он брал под крыло маленького Саттара:

— Ладно, не огорчайся. Говорят, если добром воспитаешь — будет богатырем, а если наказываешь — то дураком. Ребенок сразу чувствует нелюбовь. Толкать хуже, чем бить. Если рука поднимается, то бей, по крайней мере, зло пройдет. Но помни, в будущем будешь зависима от него, если бог того пожелает.

— Оставьте, как я могу побить мальчика, растревожив дух его отца! — отвечала Таджихан.

Только когда муж засыпал в спальне, она, горюя над ним, плачущим голосом шептала:

— Что вы наделали... на весь кишлак опозорили... О боже, ведь человек-то правильный... Во всем виновата я. Не проявила вовремя твердости, надо было мне лечь на его пути. Правильно говорит отец: если слабо удержишь камыш, то он режет руку...

Так она переживает по ночам, а когда утром Тургунали скажет ясным голосом: «Саттар, уроки приготовил, сынок?» — то в душе у нее снова пробуждаются тайные материнские чувства. Улыбнется и махнет рукой: ладно уж, раз сама не могу присмотреть за мальчиком. И у нее душа смягчается от веселых, грубоватых выходов отца и сына, от их мужских бесед...

Через несколько месяцев имя Саттара появилось в районной газете. В корреспонденции «Юные патриоты» в числе школьников, внесших из своих сбережений вклад в Фонд обороны, был и Саттар Иногамов. «И его двести пятьдесят рублей, превратившиеся в деталь боевого танка, помогут разбить ненавистных фашистов!» — говорилось в корреспонденции.

— Двести пятьдесят рублей? — спросила Таджихан, вопросительно глядя на Саттара, не зная, то ли радоваться, то ли удивляться. Саттар был растерян, раскрыв рот, он посмотрел на Тургунали.

— Боевой танк, слышишь? Твой танк! — сказал Тургунали, высоко подняв палец.

В прошлый раз, когда он ходил в институт ортопедии, то от имени Саттара послал в Комитет обороны двести пятьдесят рублей из полученной им пенсии. Он рассказал это, и все рассмеялись.

— Молодец, мой сын! — похвалил он и похлопал рукой по плечу Саттара, а тот, взволнованный, сидел и горящими глазами смотрел на свое имя в корреспонденции. Сначала все это показалось Таджихан безобидной затеей отца и сына, но, услышав следующие слова Тургунали, она забеспокоилась:

— Вот, пусть почитают газету твои школьные белоручки!

И действительно, как она услышала потом, Тургунали в пьяном виде снова наступал на учителей.

— Что, не достоин одной «пятерки» сын героя? — вопрошал он, тряся вырезкой из газеты. — Ну?

Таджихан, не зная, куда себя деть, потихоньку плакала. С какими глазами она покажется в школе?! Однако все чувства хоронила в себе. Все это от проклятой водки! Он нее все злосчастья. Из-за нее все её мученья, радость не в радость. С почты Тургунали уволили. Сейчас он без дела. Конечно, не сказали ему ничего плохого: без ноги, нет почти половины легких, разве можно обидеть такого человека. Сказали: устали вы, Тургунали-ака, отдыхайте. Однако, сколько бы ни пытались смягчить разговор, это было увольнение с работы. Думаете, он не понял? Стал еще больше пить с гор. Случалось даже валяться на улицах.

А в День Победы... Во всем мире люди обнимали друг друга, давали волю слезам счастья и боли, пели от избытка радости, кричали до одурения, ходили, переполнив улицы и площади. Кто не выпьет в такой день! Разве можно запретить? В такой день не грех выпить!

На площади состоялся митинг, решили золотыми буквами выбить на камне имена погибших односельчан. Эх, молодость села! До боли жаль ее! Но жизнь все равно побеждает. Шум и гам царили вокруг. В одном дворе поминки, плач и крик, в другом торжество — смех и радость. Что будет завтра — пока об этом никто не думает, всеми владеют сегодняшние чувства.

Фронтовики, особенно инвалиды, в течение трех дней ходили группами, пили то в этом садике, то за тем магазином. В первую ночь Тургунали даже не возвратился домой. На второй вечер подростки, участники конных состязаний, нашли его в яме возле буфета ипподрома и на плечах притащили домой. Он был без сознания, одежда в грязи, а на лице, ободранное и посиневшее, невозможно было смотреть.

У Таджихан внутри перевернулось все, в дни празднования Победы она голосила вместе со вдовами. А после того, как чужие люди стали доставлять мужа домой, она доходила до такой степени, что не желала жить, чуть не рвала на себе волосы, в сумерки выходила в одиночку на улицу, чтобы решиться на что-то окончательно, но не находила решения и, немного охладев, возвращалась домой.

Однажды ночью она в волнении шла по улице, не зная, куда деться, и взгляд ее упал на каменную глыбу. За карагачами всходила кроваво-красная луна. На имена, золотом выбитые на камне, упал далекий свет. Таджихан остановилась и засмотрелась. «Ладно бы, если даже он был среди них...» — вроде шепнул ей на ухо. Она испугалась этой мысли, невольно пришедшей на ум, и покраснела до корней волос. «Боже мой... ведь, ведь...» — с этими словами она поспешила домой.

Пришла и увидела, что Тургунали вымылся, надел белую рубашу и пьет чай, накинув на плечи чапан. Лицо сероватое, но открытое. Боже мой! Что за наваждение? Или то, что вчера видела Таджихан, был сон? Это ведь тот же Тургунали!

— Таджи... послушай меня, — сказал он. Знакомый, родной голос. Таджихан снова лицо залило краской, от стыда она даже вспотела. — Теперь что будем делать? — спросил Тургунали.

— Что?

На лице Тургунали засветилась та знакомая мягкая улыбка, за которую его так любила Таджихан. Где же он был?

— Ты ничего не заметила? — улыбаясь, продолжал он.

— Наверно на пенсию купили мне подарок? — спросила Таджихан изменившимся голосом. Она сама не заметила, как сама стала ластиться к мужу.

— Постели, ляжем, есть разговор.

— Говорите без постели.

Помешав ложкой чай, Тургунали немного задумался.

— Ты перестала присматривать за нашим Саттаром.

Снова Саттар. Все мысли о нем.

— В чем дело-то?

Тургунали снова улыбнулся широко и, оглянувшись вокруг, произнес:

— Влюблен в Айхан... Чуть что, берет ее за руку. Если не веришь, попробуй произнести при нем имя Айхан, у него сразу загорятся глаза.

— Да ну вас, подумали невесть что, — Таджихан махнула рукой. — Тоже мне, нашли о чем говорить...

— Вот-вот, ты не понимаешь. Взгляни, когда они вдвоем возвращаются из школы.

— Раз учатся вместе, значит и возвращаются вместе.

— Раньше, помнишь, кое-как собирались, кто успел, тот впереди, а кто проспал — бежал в школу один. А теперь? Друг друга за воротами ждут, не замечала?

— Что с вами? Айхан не исполнилось и пятнадцати.

— Ну и что, такая стала кругленькая, день за днем раскрывается, как бутон. Ты просто не обращаешь внимания. Неплохой вкус у Саттара, молодец.

— Саттар... Саттар... Ваш Саттар — еще мальчишка. Пусть сперва окончит школу.

— Окончит! Авторитетный будет человек. Оба достойны друг друга, если их звезды взаиморасположены, бог даст, сыграем свадьбу, поженим. Смотришь, внуки забегают. А ну, иди сюда!

— Ой... Сбудется ли это? — расслабилась Таджихан. словно не было вчерашних мучений. Подошла к мужу. Как обычно, Тургунали свой подарок, привозимый из города после получения пенсии, — на этот раз азербайджанский платок с большими красными цветами — накинул на ее плечи и обнял за талию.

Вот такие вечера... Как хорошо! Простая вечерняя мирная беседа... Неужели богу жалко этого счастья?! Неужели ее мучения вернутся снова? У Тургунали и волосы поредели, вот белые пряди... Как она сможет сурово выговорить мужу, если ему так мало оставалось на свете. Может быть, единственный свет его души — это Таджихан. Когда говорит: «Таджи», — светится изнутри. Вот еще и эти смешные мечты... Говорит: «Внуки...» Смешно. Сама Айхан еще ребенок.

5.

Однако Таджихан начала теперь замечать, что в словах мужа был смысл. Дети, которые раньше подтрунивали друг над другом, дурачились, теперь искали уединения. Айхан, впрочем, была все та же: веселая, смешливая. А вот Саттар, вытянувшийся за последнее время, с пробивающимися усиками и пухлыми щеками, стал очень следить за собой: мягкую рубашку не наденет, постоянно чистит ботинки. Свое некрасивое лицо подростка он долго разглядывает в зеркало, когда рядом никого нет, мочит сладкой водой упрямые волосы, вылушивает угри на лбу.

Прежде, видя такое, Таджихан посмеивалась и ограничивалась тем, что рассказывала мужу. А теперь стала беспокоиться. Поздно приходят со школы, вместо того, чтобы готовить уроки, шепчутся, смеются... А Айхан, если «брат» задержится немного, не знает куда себя деть, а как придет — загорится вся, расцветает.

Когда Саттар перешел в десятый, молодые про сон вовсе забыли. В сумерках зовут их домой с площади под карагачами. Сами не спят и другим не дают.

Таджихан то радовалась в душе, то пугалась. Что же будет? Они еще должны учиться. Айхан — ладно, девушка, однако Саттар обязан учиться.

Бабушка Икрама замечала все эти душевные переживания, знала и понимала. Прикусив губы, прищурив глаза, она непослушными пальцами вдевала нитку в иглолку.

— Оставь, дочка, — говорила она, — пусть радуется дух твоего дяди Инамджана.

— Перед памятью дяди мы в ответе, — отвечала Таджихан, глядя на мужа.

Потом она тысячу раз каялась, что так сказала. Тургунали, задавшийся целью сделать Саттара большим человеком, оказывается, по-своему понял ее слова и снова пошел в школу.

Как обычно, был выпивший. Крепко держа Саттара за руку, стуча деревянной ногой, он вошел в кабинет завуча. Завуч была та самая учительница географии.

— Золотая медаль, значит, полагается сопливой дочери Хатчи-дастурханчи¹, а сироты героев пусть остаются в обиде, так что ли? — спросил Тургунали. — Учиться, стать руководителем не входит в их обязанность, эти отдельные сорт, они должны махать кетменем, ковыряться в земле, кормить других, а если нужно, отдать и жизнь! Это написано у нас на роду. Так? Да, мы исполнили все это! — выговаривал он, стуча палкой о деревянную ногу и задыхаясь. — Наверно, имя его отца вы видели на камне, что на площади, золотом выбили! — Тургунали говорил безостановочно, не сумев совладать с нервами, растревоженными выпивкой, а заведующая не решалась его прервать. — Если вы видели имя, вот смотрите на это тоже! — Тургунали вытащил из-за пазухи бумагу, послунывил палец и раскрыл пожелтевшую, порванную на сгибах похоронку.

— Читай! — сказал он, передавая бумагу Саттару. Саттар, глядя то на учительницу, то на Тургунали, стоял в растерянности, однако, привыкший к тому, что названный отец всегда выходит победителем в таких случаях, и сейчас был на его стороне. Заикаясь и спотыкаясь, он начал читать, но постепенно его голос окреп. Добросердечная учительница огорчилась своей слабости, но все равно не решалась

¹ Дастурханчи — постоянная участница всех поминок и похорон.

раскрыть рот. Злосчастные слова о смерти отца читались попеременно с пьяным криком инвалида. Если бы знал об этом покойный отец...

— Героически погиб... — читал протяжно Саттар.

— Геройски! — высоким голосом резко подтвердил Тургунали, вонзая в небо указательный палец. — А вы здесь черт знает с кем сравниваете его родное дитя!

Этот скандал дошел до ушей Таджихан. И она наконец высказала все, что думала, Тургунали, который лежал пьяный, послав Саттара за водкой, чтобы праздновать свою очередную «победу». Она впервые выложила ему все свои обиды, не боясь его обидеть. У Тургунали нервно вздрагивали челюсти, он сжимал кулаки, стараясь совладать с собой.

— Раз сама не можешь рожать, оставь его мне, ты, бесплодная! — крикнул он, весь побледнев. — От меня останется вот он! Единственный!

И снова выпил полную пиалу.

Выскочив в другую комнату, Таджихан бросилась на диван и громко заплакала. Она чувствовала себя униженной. Молодые, чтобы быть подальше от этого шума, ушли из дома. Бабушка Икрама и Дадаали-ака, всполошенные, попытались было успокоить их, но результат оказался плачевным: Таджихан тоже убежала из дома и не возвращалась до рассвета. Слова мужа вонзились в сердце, как ржавый гвоздь. Двор, словно место поминок, обезлюдел, в комнатах воцарилась зловещая тишина.

Летние ночи коротки. Не успеет наступить темнота, как с другой стороны уже белеет горизонт. Дети, встретившие рассвет вместе со всеми выпускниками, возвратились во двор и замерли с бьющимися сердцами от непривычной тишины. Вошла и Таджихан, пряча покрасневшие глаза после одинокой ночи, проведенной на скамейке под карагачами, и вздрогнула, встретившись с вопросительным взглядом детей. Вошла к матери. Бабушка Икрама, тоже не смыкавшая глаз, словно ожидая беды, сидела одетая.

— Сердце не на месте, дочка... — сказала она, глядя на Таджихан.

Этим утром у всех сердце было не на месте. И предчувствия домочадцев сбывались. Дадаали вышел из спальни сына, держа в руке баранью шапку. Лицо его было цвета земли, глаза ничего не видели, он пошел, сторбившись, и сел на ступеньки, но в состоянии вымолвить ни слова. Потом поглядел на собравшихся вокруг и показал рукой во внутренние покои.

Там лежал скончавшийся Тургунали.

6.

Таджихан прикусила язык. Язык, который огорчил немого мужа, лишеного простых благ этого мира, без вины виноватого...

Соболезнования пришедших простились казались одинаковыми, как заунывные слова, они звучали безразлично, словно не доходили до души. Она сидела без чувств, замерзшая, на ум приходили разные мысли, не относящиеся к происходящему. Когда пришла завуч школы, та самая женщина, она сказала: «Все сделали, как он сказал, не беспокойтесь, дорогая, и не надо сильно горевать, ради вас мы готовы на все, не обидим...» А Таджихан сидела и думала о том, что эта учительница чем-то похожа на ее мать. Голос такой же мягкий, лицо круглое, белое... Затем на ум пришла такая мысль, что из всех слов соболезнования самыми верными были: не горюйте, это не неожиданный случай, так и должно было быть...

Таджихан просидела дома три дня, а потом не вытерпела, не сняв траур, поплелась в поле. Речь была не о том, чтобы горечь утраты выместить на работе, а просто на Таджихан навалилось бремя вдовства. Ведь целая семья теперь оказалась на ее плечах. Мать давно сидит дома. Свекор тоже после того, как лишился сына, занемог и стал «домашним». Айхан в школе, Саттар хочет ехать учиться, и ему тоже надо дать кое-что на дорогу. Глядит Таджихан — она одна, если не сумеет заработать сейчас, плохо им всем придется.

Сходила на могилу Тургунали, поплакала и вышла в поле. Саратов пылал, как пламя в тандыре. Пот заливал тело. Поливальщиками сейчас дети, старики, заливают поля водой, превращая их в озера, а потом, при окучивании, затвердевшая глина становится точно камень. Солнце так печет, словно хочет растворить мозг, пыль, поднявшаяся с междурядий, затрудняла дыхание Таджихан, работающей под черным платком. Измученная, она посмотрела на женщин, которые кое-где махали кетменями, сняла головной платок, резко разорвала на две части и одной половиной завязала голову. Второй вытерла брови и глаза, побелевшие от пыли, и запихла за пазуху. Хотя женский кетмень был маленький, но в горячем пыльном поле, где трудишься с утра до вечера, все равно страшно устаешь. Каждый раз, когда

выходила на край карты, она чашками пила охлажденный чай из глиняного кувшина, установленного в арыке за полевым станом. Но бесполезно: тело было как сито — вода не держалась, и снова внутри все сохло. Человек в таких условиях быстро ослабевал и начинал дремать там, где застала его минута отдыха.

А ночами, наоборот, болит тело и не дает уснуть. Не зная, что делать, она встает с постели, подходит к столу, где уйма книг. В райцентре, в инкубатории, есть библиотека грензавода, вот там она взяла учебники и пособия. Взять-то взяла, а прочитать как следует некогда, вот лежат программы, присланные с заочного отделения института, список рекомендованной литературы, все перемешано, разве есть сейчас время, а если и найдется время, то полезут ли знания в голову?

В один из таких вечеров у калитки послышался шорох, потом звук отодвигаемого засова. Это Саттар, а рядом, чтобы ей пусто было, Айхан. Таджихан узнала их по осторожным шагам. Стали приходить поздно, ходят по полевым дорогам, сидят на скамейке под карагачами, разговор у них, дай бог им здоровья, не кончается. О чем же они разговаривают? Вот и до сих пор не могут разойтись, шепчутся, смеются. Лишь бы конец был добрым...

Таджихан подошла к дверям, ведущим в коридор, и невольно прислушалась:

— Надо же попрощаться! — говорит Саттар наступательно.

— Идите... разве таким бывает брат.

— Айхан...

Кажется, парень пытается поцеловать ее, а девочка отворачивается и прижимает голову к плечу.

— Потом сама будешь жалеть, долго не увидимся.

— Уезжайте, там таких, как я, много.

— Айхан... ты единственная.

Снова тишина. Таджихан, держась за разгоряченный лоб, удаляется от двери. Стараясь вытеснить из души горькие мысли о короткой юности, еле-еле мерцающей в памяти, раз за разом шепчет про себя: «Я мать, я им вместо матери...» Чтобы не расплакаться, садится на корточки и моет лицо холодной водой. Проходя мимо зеркала, она останавливается.

Давно не смотрелась в зеркало. Если сказать откровенно, то боялась, стеснялась смотреть. А сейчас, несмотря на то, что сердце забилося испуганно, не двинулась с места, прямо взглянула правде в лицо. Теперь она и в самом деле была, как все кишлачные вдовы: груди висят, на почерневшем от солнца лице, боже мой, мелкие морщинки, глаза ввалились, губы потрескались!

Когда она хотела пальцами расправить морщинки под глазами, взгляд ее упал на руки. Таджихан! Таджи... где твоя девичья краса, которую шепотом хвалили ночами Тургунали? Где твоя женственность, Таджихан, куда все ушло, кто украл?

Таджихан села за стол, положила голову на книги, лежавшие горой.

— Ая, — крикнул снаружи Саттар, — вы еще не легли спать?

Возьми себя в руки, Таджихан, ты же мать!

— Ая!

Ты — мать. Ты не одинока, вокруг тебя есть люди, которые надеются и опираются на тебя.

Она поспешно сменила платье, вытерла глаза, глядя в зеркало, поправила волосы, села за стол и, подняв пламя в лампе, взяла в руки книгу.

Саттар вошел на цыпочках, тихо обнял ее за плечи.

— Аяджан, почему не ложитесь?

— Ты готовишься, сынок?

— Да, я готов. Вот это платье очень идет вам.

Таджихан погладила его теплую руку на своем плече. Саттар теперь не худющий подросток, а рослый парень. А ведь еще вчера этот мальчик играл орехами под арыком.

— В молодости надо учиться, сынок, вот видишь, как бывает потом тяжело? Из-за ее спины он глядел на раскрытую книгу.

— Ты не обижешь Айхан?

— Пусть попробует обидеть! — крикнула Айхан снаружи. Оказывается, прислушивалась, проказница.

Все засмеялись.

— Когда отъезжаешь?

— Хочет ехать завтра! — злась, крикнула Айхан. — Даже не хочет остаться на сороковины Тургунали-ака...

— Следовало бы тебе подождать сорокадневные поминки отца, — сказала тихо Таджихан.

— Ая...

Айхан перебила разговор:

— Кто помог этому человеку получить золотую медаль, уже выветрилось из памяти?

Таджихан склонила голову и глядела в землю. Это была нерадостная тема. — Аяджан, дело не в медали... Документы до конца месяца...

— Да, этому человеку необходимо побыстрее уехать в Ташкент, ведь он думает только о себе... — на этот раз в голосе Айхан явно чувствовались признаки плача. Не желает отпускать Саттара. Особенно после смерти брата она привязалась к нему, неотступно следует за ним, однако и придирается по каждому пустяку.

А на самом деле их дружеские отношения являются единственным теплом, единственной радостью в этом печальном доме. Видя их, и взрослые забывают о своей горе, и у Таджихан смягчается сердце, которое кажется окаменевшим. Однако, если подумать, сейчас их, безусловно, надо оторвать друг от друга, ведь они еще дети.

Размышляя об этом, Таджихан не могла поддержать разговор о покойном Тургунали, о медали. Действительно, дело не в медали, на медаль даже не смотрят, институтские коридоры полны фронтовиков... Лишь бы поступил учиться. Какие еще остались мечты у Таджихан? Айхан подождет, она рядом. К тому же, в ожидании вытянется ростом, поумнеет, лучше сумеет оценить брата Саттара эта лукавая насмешница.

Когда осталось три дня до сороковин названного отца, Саттар взял его фанерный чемодан и уехал в Ташкент.

7.

В первые месяцы Айхан заскучала, нервничала и не знала, куда себя деть. Вечерами никуда не ходила, сидела и слушала старые пластинки. Вспоминая, сожалела, что беспричинно огорчала своими приставаниями Саттара, если он даже говорил о хорошем. Оказывается, она не оценила те беззаботные дни, когда они ходили, взявшись за руки, вместе играли. А теперь вот, когда вернется, каким он вернется?..

Таджихан, замечавшая, как она мечется в постели без сна, в нижней рубашке садилась возле нее на кровать. От нее Айхан ничего не скрывала, обнимет ее за талию и смотрит перед собой затуманенными от нетерпеливого ожидания глазами. Не нужно ничего и скрывать. Таджихан сама все знает. От объятий Айхан становится тепло всему ее существу, очень теплеют и их отношения. Девушка совсем округлилась. Эти ожидания, эти навалившиеся на нее первые горести помогают ей взрослеть. Уходят порывы озорства, прибавляется ума.

— Я не поеду на учебу, ладно, ая? Возле вас буду. Выращивать коконы, хлопок собирать.

— Ладно, доченька, — говорит обрадованная Таджихан, — нам достаточно, что брат твой Саттар выучится и вернется. Не так ли?

Сама она тоже скучает по Саттару. И у нее нет другого человека, по которому нужно тосковать, другой ожидаемой радости. Эти ожидания сблизили их еще больше, сделали единомышленницами, подругами.

Поэтому они и дома вместе, и в поле, и в червоводне, на всех работах помогают друг другу.

В этом году весна пришла поспешно. Маки в степи словно воспламенились и погасли. Сады вчера еще были в цвету, а сегодня урючины уже завязали плоды величиной с хлопковое семечко. Сезон шелкопряда начался с конца апреля. Из тутовых плантаций Каразавура впервые заготовили листья, это напомнило Таджихан и Айхан их трудные годы, придало им внутреннюю гордость и силу. Освободили обе гостинные, подправили стены, побелили, и все соседи впряглись в работу. Даже бабушка Икрама и Дадаали-ака, кряхтя, вышли из дома и стали помогать в переборке листьев под тенью большого карагача.

Коконы дали такой урожай, что в ветвистых пучках они были нанизаны, как кораллы, а на покрывалах и в корзинах густо золотились и серебрились. В дом Таджихан зачистили корреспонденты. Один видел причину столь высокого урожая в том, что рано пришла весна, другой — в уходе за новыми плантациями тутовника, однако у всех с языка не сходила и Таджихан.

— В нынешнем году доход от коконов будет большой, скажите, Таджихан-ая, на что собираетесь расходовать деньги?

— Есть у нас девушки, которым надо сыграть свадьбу, все уйдет на их приданое, — пошутила Таджихан, — если у вас есть хорошие парни, то скажите, пусть заглянут в наш колхоз!

В этой шутке была немалая доля правды. В этом году за коконы выдавали

дефицитные товары — атлас для одеял, бархат для портьер, крепдешин для платьев. Не только Таджихан, но и бабушка Икрама и Дадаали-ака все, что заработали, сложили в сундук для приданого Айхан. В доме, во всем дворе царил дух завтрашнего дня, будущих радостей большой семьи.

С приходом осени Таджихан и Айхан переселились на полевой стан и хорошо заработали уже на первом сборе хлопка, который принимался высшим сортом.

Однажды, когда они спали на открытой террасе полевого стана, Айхан разбудила Таджихан на рассвете.

— Ай, ая, вставайте, что с вами случилось?

Таджихан во сне без конца кашляла, а когда встала и присела, то начала мучительно икать, словно внутренности ее готовы были выскочить. Айхан потрогала ее лоб.

— Айяджан, идемте домой... — сказала она, вспомнив, как болела Таджихан когда-то на Каразавуре.

— Ой, самолет, видимо, вчера пролетал. Не бойся, впервые, что ли, мы дышим химикатами, задохнулась я во сне, вот и все... — сказала Таджихан, снова кашляя.

— А помните, когда малярия трясла... — сказала Айхан, пугаясь.

— Ну тем более... ты же знаешь, теперь мне нечего бояться всякой химии, курносая...

Хотя она так сказала, но не было возможности дальше оставаться на полевом стане. Едкий запах застревал в горле, и этот запах шел от чая, который они пили, шел и от цветов, которые росли на полевом стане. Начался период массовой дефолиации.

Они вернулись домой, словно оглушенные и опьяненные, неся постельные принадлежности на голове. Ходили из дома собирать остатки хлопка на кустах и подбирать опавшие дольки после машинного сбора. Это была невыгодная работа, и настроение у всех было неважное. У Таджихан часто кружилась голова.

— Интересно, выходит ли Саттар-ака на хлопок? — спросила Айхан, увидев приехавших студентов.

— Да... В этом месяце и денег послали мало твоему брату, — сказала Таджихан. — Наверно, сидит теперь на одной стипендии.

Надо было работать, надо было зарабатывать, пока есть хлопок. Ходили в поле, пока не наступили холода, возвращались замерзшие, руки у них потрескались, нагноились, когда вечерами Таджихан доила корову, пальцы не сгибались. Но и тогда они находили повод похохотать. Особенно Айхан, она закалилась за лето, стала сильной, обнимает Таджихан и кружит ее до изнеможения. Отдохнув, они снова становились веселыми. Душой семья стала эта огненная Айхан. Все играет в ее руках: шьет ли она одеяло, варит ли шилпилдок, режет ли лапшу для лагмана, тонкую, как косички. Все видят — достойная невеста! «Даст бог, скоро и ее халву поедим!» — между собой говорят соседки.

Только ближе к зиме, когда поубавилось дел, Таджихан немного сдала. Когда садится за уроки, вдруг закипит желчь, схватит за бока и встать не дает. Сначала Айхан думала, что причина этому сквозняк, сырость в доме, поэтому установила железную печку, которой обогревали червоводню, и затопила. В доме стало тепло, но это не помогло, вдобавок ко всему, Таджихан слегла с высокой температурой.

Пришла доктор. Это была та самая полная русская женщина, которая приходила после кончины Тургунали и двумя словами поставила диагноз: «Сердечная недостаточность». Она переворачивала Таджихан то на один, то на другой бок, пальцами ощупывала то живот, то бок. Сказала, что есть изменения в печени, и долго писала в анкете. Затем через день приходила медсестра и делала уколы в вену. Таджихан вставала, ходила, однако быстро уставала. Айхан старалась быть рядом с ней. Она видела, что у Таджихан пожелтели белки глаз, но не говорила ей об этом. Она старалась по возможности быть веселой, а когда выходила на улицу, то обязательно приходила с добрыми вестями:

— Ая, ая, вернулся арбакеш! — заявила она однажды с порога.

— Арбакеш?! — не поняла Таджихан. И спохватилась: — Ой, что ж я это?.. Неужели? — Она попыталась встать, но Айхан ухватила ее за плечи и тихонько уложила. — Говоришь, Хасан вернулся? Жив ли, здоров ли?

— Еще какой здоровый, отрастил усы, стал, как большие дяди. Я сказала, что вам нездоровится, скоро придет, увидите.

Таджихан разволновалась, немного встревожилась, потом расслабилась и легла, с виду равнодушная.

— Захочет, придет... Однако ты не называй его арбакешем. Это было в детстве, сейчас нехорошо, — сказала она, и глаза ее погрустнели.

Хасан пришел в полдень. После войны он несколько лет служил в Германии, об этом вместе со всеми в кишлаке знала и Таджихан. Однако она не думала, что он

стал таким здоровенным. Вот он в передней, длинноногий, едва ли не двухметрового роста, широкие плечи чуть не рвут гимнастерку, а усы на почерневшем лице, как два меча. Они, как знак солидности, вызвали в Таджикиан печальную улыбку. Ведь был «арбакеш» в тряпичной кепке набекрень, со смешной козой Супи на поводу.

— Я рада, что вернулись живым и здоровым, Хасанджан, — сказала Таджикиан, улыбаясь. При виде этой грустной улыбки на ее слегка желтоватом лице у Хасана по коже пробежала легкая дрожь. Он знал обо всем пережитом Таджикиан. Однако ему показалось, что, как он ее оставил трясущейся в приступе малярии, так с тех пор она все еще лежит в таком же положении. Приготовленные им веселые слова увяли и улетучились. Неужели в мире не найдется храбреца, который мог бы очастливить такую умную, прелестную женщину!

— Вы счастливый, Хасанджан! Мало тех, кто вышел целым из этого ада. Какие теперь планы?

— Летом поеду на учебу, келиной¹!

Сухой вышла их беседа. Оба не ждали этого. Как будто кто украл беззаботные, душевные беседы их юности... и это расстроило Таджикиан. Она чуть не заплакала, когда ушел Хасан. «Келинойи», верзила! Теперь-то?

Однако Айхан разве даст заплакать. Снова влетела как огонь, потребовала «суюнчи» за добрую весть. Танцевала, прыгала, вертя газету над головой.

— Суюнчи! Суюнчи! — кричала она. — Вот про вас в газете напечатали!

Таджижан привыкла к этим шумным радостям Айхан, придуманным ею для поднятия духа, и не пыталась встать с места. Взяла газету в руки.

— Вот, заголовок: «Таджижан-ая», я думала, что для меня вы ая, а вы, оказывается, всем в республике ая! Ташкентская газета это, видите? «Новый маяк в шелководстве» — вот как называли вас!

Таджижан пробежала глазами зарисовку. Наверное, написал один из тех корреспондентов, который приезжал тогда летом, тут и описание большого карагача, и тутовых плантаций на Каразавуре, и корзинок, полных коконов, и шуточные диалоги с Таджикиан, — ничего не упустил.

— Какой там «маяк»? «Маяк» здесь лежит больной... Неужели у корреспондентов такое легкое дело? Пришел, увидел, изобразил?!

— Правду написал, вот, все так.

Глядя в задумчивые глаза Таджикиан, Айхан вдруг замерла:

— Ая, о чем написали бы вы, если бы были корреспондентом?

— Я-то?.. Я не умею писать. — Она долго лежала молча, а затем переспросила: — Я-то? Если бы я могла написать... написала бы про трагическую, короткую жизнь удивительного, чистого душой парня... Про трагедию Тургунали-ака!

— Это же про вас?

— В той драме есть и я.

После этого веселья у Айхан поубавилось, словно она лучше узнала свою Таджикиан. Оказывается, в душе ее теснились такие тяжелые думы...

Но однажды девушка снова не выдержала. Влетела в дом, как пуля, выкрикивая еще от ворот:

— Ая, ая, письмо! На ваше имя, но...

Слова застряли в ее горле: дома сидели доктор и медицинская сестра. Таджикиан, почему-то одетая, искала шаль.

— Закрой двери, ты, что, играла в снежки! Стряхни-ка одежду...

После этого они продолжили беседу.

— Что мы можем сделать, таких больных, как вы, невозможно лечить дома, дорогая, — говорила доктор, разводя руки. — Теперь мы вынуждены отвезти вас в больницу, место-то освободилось, собирайтесь, сейчас будет машина.

В этот момент Айхан протянула Таджикиан письмо.

— От брата Саттара... На ваше имя.

Таджижан прочитала письмо и забеспокоилась.

— Доктор, милая, я не могу ехать в больницу.

— А?

— Не могу поехать, сын вызывает.

— Что случилось, ая?

— Не знаю, просит приехать.

— Нет, больная, вы должны лежать. Если это необходимо, то, может быть, сын сам придет.

— Что же случилось, ая?

— Нет, доктор, милая, обо мне не беспокойтесь, я...

— Разговор окончен, я не разрешаю вам оставаться, товарищ больная!

¹ Келинойи — так обращаются к жене брата.

— Доктор, ведь сын пишет, что без меня не обойтись, не могу же я в таком случае лежать в больнице, подумайте сами!

— «Без вас не обойтись»? Почему же, аяджан?

— Слушайте, товарищ больная... — пока доктор, растопырив пальцы, хотела что-то сказать, взволнованная Таджихан перехватила разговор.

— Письмо-то неясное, но раз он пишет, что без меня не обойтись, я не могу не ехать, доктор, может быть, заболел, а вдруг на его голову свалилась какая беда... нет, нет, я поеду, вы не беспокойтесь.

Доктор развела руками. Теперь медицинская сестра начала разъяснять Таджихан.

— Как же вы поедете-то...

— Потихоньку поеду...

— Доктор не разрешает же... Если упадете по дороге...

— Раз сын пишет, что без меня не обойтись, то я...

В этот момент доктор подозвала медицинскую сестру и стала ей объяснять: «Ладно, что же делать, не надо особо настаивать, эта как раз из тех больных, которые портят нам статистику».

Таджихан решила ехать не в больницу, а в Ташкент. Сегодня уже было поздно, и после того, как ушли доктор и медицинская сестра, она, уставшая от этих волнений, споров, особенно от собственной растерянности в связи с письмом Саттара, разделась и прилегла. Всю ночь они перебирали тысячу предположений о том, что могло случиться с Саттаром, и без сна встретили рассвет.

Назавтра, повязав поясницу шерстяным платком, чтобы не простудить бок, и как следует одевшись, Таджихан пустилась в путь. Она долго лежала дома, и на чистом холодном воздухе у нее внезапно закружилась голова. Айхан подхватила ее под руки, и они мелкими шажками направились по скользкой дороге на автобусную остановку.

8.

Таксист попался молодой, и когда она назвала Шелковичную, пожал плечами — такой улицы нет. Как это нет, ведь когда Таджихан приезжал в Ташкент на летние сессии, то останавливалась именно на этой улице. Такая многолюдная махалля с множеством деревьев.

Ориентируясь по подсказкам Таджихан, таксист, хотя и кружил долго, но все же приехал туда, куда надо.

— Это же улица Лопатина, сестра, а вы путаете человека... — обиделся таксист.

Таджихан сама удивилась, она еле-еле узнала улицу и общежитие на ней. После того, как отъездало такси, она присела на скамейку и отдохнула. В вагоне почувствовала только слабость, а эта машина несколько раз так ее подбросила, что заболело в боку. Ладно, это не страшно, поболит и перестанет, лишь бы не было худо Саттару. Большой город, тьма людей, молодежь...

Держа в одной руке узелок, а другой придерживая бок, Таджихан пришла к общежитию института. Две кишлачные девушки, сидевшие на подоконнике, свесив ноги, показали ей комнату Саттара. Оказалось, что Саттар живет с тремя товарищами, сейчас его дома не было. Позабыв о боли, Таджихан подумала о том, в каком состоянии она его увидит, и, держа узелок на коленях, присела на край кровати.

По-видимому, Саттара предупредили, потому что он вошел запыхавшись и с криком: «Ая!» — раскрыл свои объятия. Ой как хорошо, что жив, здоров, весел! Таджихан чуть не заплакала от радости, расслабилась и снова присела на кровать. Не было сил.

— Сыночек, что случилось?

— Ничего не случилось, аяджан! Почему у вас такое лицо... нездоровится вам, да? Поправитесь, наверное, устали. Сейчас поставлю чай. Эй, ребята!

Пока мать и сын расспрашивали друг друга про житье-бытье, соседи принесли чай, прошептали на ухо Саттару: «Мама твоя молодая, во!» — и вышли.

— Хорошие у тебя товарищи... — сказала Таджихан, развязав узелок и ставя на стол гостинцы...

— А то как же! Ох, люблю я эту слоеную лепешку с луком, — сказал Саттар, протягивая руку. Он не похудел, наоборот, лицо его округлилось, а глаза сузились еще больше. — Надо было вам приехать, одевшись получше, ая, орден даже не повесили...

— Да расскажи о себе.

— Все в порядке, как дела в кишлаке?

— В кишлаке все живы-здоровы. Дедушка Дадаали и бабушка Икрама очень состарились, но живут себе, из армии вернулся Хасан, Айхан тоже бегаёт, передавала тебе привет.

— Здорово, ая, что вы приехали! — подтвердил Саттар со слоеной лепешкой в руке. — Будете отдыхать?

— Ой, здесь что ли? — спросила Таджихан, голова которой уже клонилась к подушке.

— Отдыхайте без стеснения, эта комната наша, ребята не придут, я им найду место в большом зале.

— Разве это хорошо, сынок... — сказала Таджихан. Сказала, но от усталости вынуждена была прилечь. — Я обрадовалась, сынок, что ты жив-здоров, что дела у тебя в порядке... Я беспокоилась, не случилось ли чего? Или у тебя есть что сказать, но стесняешься говорить?

— Никакого разговора нет, что может быть, ая... — заметив, что лицо Таджихан снигло, Саттар немного насторожился, но не придал ее виду большого значения: деревня, там все такие...

— Все равно скажи, сынок, зачем вызвал?

— Соскучился, ая, а что может быть?.. Потом... Если сказать откровенно, меня лишили стипендии.

— Ой, всего-то, сынок! Слава богу. Теперь душа моя успокоилась. Теперь-то я могу растянуться и отдохнуть. Хорошо, хорошо. Эх, сынок, о чем мы только не передумали вместе с Айхан... В чем дело? Нет, не дают стипендию, так я сама тебе буду высылать, мой милый. Каждый месяц! Ты не думай, пошлем от души, сейчас мы с Айхан хорошо зарабатываем. Учись и не думай ни о чем постороннем.

— Вы интересно рассуждаете, ая. Речь не о деньгах. В стипендии есть свой смысл, ая: если получаешь стипендию, то разговор с тобой другой.

Таджихан наморщила лоб, устремила горестные глаза в одну точку и задумалась. Это для нее была неожиданная мысль. Может быть, Саттар прав, честь дороже денег... Однако, что она сможет сделать, кроме как посылать деньги сыну? Юноша же, может быть, ему неудобно было перед друзьями... огорчился и написал. С кем же еще ему посоветоваться, кому написать?

Таджихан устала от сложных раздумий и заснула. Она, оказывается, так устала, что если бы не боли в боку, то не проснулась бы и утром.

Комната Саттара в этом старом общежитии была высокая, светлая. Мягкое зимнее утро заглядывало в большое окно со стороны двора. На дворе ребята скатывали снежки, бросали друг в друга, шумели. И Саттар рано утром куда-то ушел.

Когда Таджихан умывалась, в коридоре послышались голоса. Через некоторое время скрипнула дверь и показалось лицо простой девушки.

— Как самочувствие, ая, выпались?

«Ая?» Откуда-то узнала. Да что там, студенчество, кто пришел, кто ушел — сразу всем становится известно. Потом показалась еще одна девушка.

— Куда же ушел Саттар-ака, оставив гостью?

— Проходите, девушки, входите. Саттар скоро придет.

Разыскивая Саттара, пришли еще девушка и парень.

— Таджихан-ая, хорошо, что вы приехали, побудете еще денька два.

— Откуда вы меня знаете?

— Ой, конечно, знаем вас! Вы же и есть та самая знаменитая шелковод Таджихан-ая! И в газете про вас писали. О вашем приезде мы узнали еще вчера.

Это были кишлачные девушки в жилетках, штанах с кантами, все они, как Айхан, гладко причесывали волосы.

— Вы... на первом курсе? — спросила Таджихан, с интересом рассматривая их.

— Да. Мы учимся на факультете шелководства.

— Ах, да... — промолвила Таджихан, поняв их интерес. — Ну как? Все вы живете в общежитии? Вы откуда?

— Мы из Сурхана.

— Мы из Намангана.

— Я из Ультармы...

— Расскажите нам о себе, Таджихан-ая...

— Ой, сладкие мои девушки, однако что же я вам расскажу?

В это время Саттар принес в сумке молоко, горячие лепешки, кефир, а девушки ушли. Чай был готов, сели завтракать.

— Не тратьсь так, сынок, довольно того, что я нашла тебя благополучным. Они еще не успели выпить чаю, как девушки снова открыли двери.

— А ну-ка, ну-ка, уходите, кыш-кыш, мои цыплята! — раскинув руки, Саттар начал выдворять девушек. Они не уходили, громко щебеча, на шум собралось еще больше народу, переполнив коридор.

— Расскажите, пожалуйста...

— Ой, милые мои, я не умею говорить, что же...

— Да как орденов получили...

— Расскажите, ая!

— Дадите чайку попить или нет! Ая больная, уходите! — Саттар, словно на самом деле выгонял цыплят, взмахнул двумя руками. Потом взглянул на Таджихан.

— Вам я должен еще показать наш учебный корпус, деканат.

— Ладно, сынок. Раз надо, расскажу. Очень уж милые эти девушки, будущие шелководы.

— Нас много, ая. Перейдем в ту большую комнату. — Они взяли Таджихан под руки и вывели в светлый зал. Там была небольшая сцена, на которой поставили стул.

— Ой, милые, разве я собираюсь делать доклад, лучше я сяду среди вас, — сказала Таджихан, опустившись на один из стульев в зале. Девушки, парни, стуча стульями, с шумом окружили ее. Таджихан изрядно растерялась, разглядывая любопытные глаза вокруг себя, немного посидела, собираясь с мыслями.

— Про себя... ничего интересного нет, девушки... — сказала она, подумав. Зал утихомирился. — Поведаю вам один рассказ моего покойного дедушки. Кстати, это... почему ваша улица названа именем Лопатина, знаете? Раньше ведь она называлась Шелковичной.

Молодежь молчала.

— Значит, не знаете, так?

— Лопатин был другом Маркса... — сказал кто-то.

— Он перевел «Капитал»...

— Приезжал в Ташкент...

— Был сослан в Ташкент...

— Правильно... да ладно, об этом потом... — сказала Таджихан. — Во времена моего дедушки в наших краях жил человек по имени Шалгамбай¹.

Молодежь засмеялась на весь зал. Таджихан засмеялась тоже и пояснила.

— Был он из русских баев. Фамилия была Шагалов. Степан Шагалов. Простые дехкане, как мой дедушка, поставившие коконы на его предприятия, Шагалова-бая переименовали в Шалгамбая.

На берегу Сырдарьи были расположены шелкомотальные промыслы Шалгамбая, грену раздавал он дехканам и собирал весь урожай окрестных кишлаков. Разбогатец, он расширил свои предприятия. Все мысли его сводились к тому, чтобы одолеть соперников в Фергане и Хорезме. С этой целью он рыскал по Европе, ездил в Италию, привозил самые лучшие сорта, раздавал дехканам и богател еще больше.

В одну из весен на шелковичных червях напал мор. Когда они вступали в последний возраст, то чернели, как пиявки, и падали на землю. Дехкане недоумевали, не зная причины этой беды! На второй год урожая не было вовсе. Семьи шелководов растерялись, наступали голод и скорбь. Куда податься? Разорение грозило Шалгамбаю. Он кинулся в Ташкент, обратился за помощью к генерал-губернатору.

Короче говоря, для изучения этой болезни и предупреждения ее дальнейшего распространения из Ташкента приехал специалист. Это был, по словам дедушки, приятный человек средних лет, с проседью в волосах. Расспросив дехкан, он установил, что это была опасная болезнь, часто встречающаяся в привозимых из Италии сортах. Он посоветовал по два-три раза за лето опрыскивать все тутовые плантации и червоводни химикатами, установить карантин на один год. Специалист этот был мягким, доброжелательным человеком, он с уважением разговаривал с людьми, не брезговал дастарханом бедных дехкан и искренне переживал их беду. Дехкане полюбили его и называли Домуллой. Только один Шалгамбай бежал вокруг него, называя барином, но не уважал его за то, что тот здоровался за руки с каждым бедняком.

Не зря, оказывается, называли этого бая репой. Он заявил, что если дехкане хотят, то пусть опрыскивают свои червоводни, а он свое предприятие останавливать не станет. Бедный Домулла сколько раз ходил к нему домой, объяснял необходимость карантина, а он, жадюга, твердил свое: нет, у меня имеется двухгодичный запас сырья, я не могу согласиться на такие расходы, предприятия свои не останавливаю. А если не остановить фабрики, то от опрыскиваний нет никакой пользы: хозяйство бая расположено в верховьях реки, отравленная вода все равно попадет во дворы, и болезнь будет распространяться. Что было делать? Каждый раз Домулла возвращался от бая с лицом, почерневшим от злости, когда он вытирал платком изнутри свой картуз, щеки его нервно подергивались. Ведь говорится же: от ивы не проси абрикосов, а от бая не жди снисхождения.

— Оказывается, ваш хозяин такой скупой, что с мертвого готов содрать сало, а с живого ногти. Что же делать? — говорил Домулла с горечью.

Но откуда знать бедному дехканину, что делать? Мор привез из Италии сам

¹ Шалгам — репа.

бай, а теперь сидит, обхватив кошелек с деньгами, и говорит: «Нет, если вы желаете умереть, умирайте». Что может быть у дехкана на душе, кроме ненависти к такому скряге?

— Что же нам делать, укажите сами путь к спасению, Домулла!— просили озлобленные дехкане.

— Что я могу сказать, огню что ли предать все, другого выхода поди нет,— отвечал Домулла. С этим он и уехал в Ташкент.

Через три дня в Ташкенте его вызвал к себе генерал-губернатор.

— Что вы там сказали дехканам?— спросил он.

— Что надо предать огню заболевший тутовник, другого выхода нет, ваше превосходительство.

— Так ведь те проклятые смутьяны подожгли все имущество Шагалова!

— Как жаль...— улыбнулся Домулла, а про себя подумал: «Что ж, пожалуй, они правильно поняли мои слова».

Таджихан вздохнула и заключила:

— Вот тот специалист, тот Домулла, и был Лопатин, Герман Лопатин. Знал он и энтомологию и, не имея возможности в ссылке заниматься политикой, занялся «безвредными» науками. Так открыл вот на этой улице первую в крае шелковичную лабораторию. Это я узнала из книг, ребята...

В это время ее взгляд упал на Саттара, который стоял в дверях рядом с седоватым человеком.

— Простите, я устала, девушки...— сказала Таджихан и встала с места.

— Спасибо, Таджихан-ая, спасибо вам!— поблагодарили ее слушатели.

Саттар подошел к ней и повел в общежитие.

— Хорошо рассказали, ая. Где вы нашли эту историю?

— А вот и нашла. Знающий читает, незнающий сочиняет, сынок. А кто это стоял рядом с тобой?

— Декан нашего факультета. Сам подошел. Очень ему понравились вы и все ваши слова...

9.

После возвращения в кишлак у Таджихан случился сильный приступ болей в боку. И хотя у нее, обессилевшей, было большое желание лечь, она все же держалась на ногах и без конца рассказывала Айхан о брате Саттаре, его товарищах и соседях по общежитию. Айхан слушала ее со счастливыми глазами, ей все было мало, и она требовала новых подробностей, не замечая ее состояния.

Вскоре пришло письмо и от самого Саттара: у него все было в порядке, в тот же день, когда уехала Таджихан, ему восстановили стипендию. От радости Айхан запрыгала. Так радовалась, что болезнь матери заметили только ночью, когда она сильно застонала.

Утром вызвали уже знакомого доктора.

— Что же нам делать...— начала она,— запоздали с лечением. Теперь вам надо быть очень осторожной, вот так. Я запрещаю вам работать на хлопке.

— Запрещаете?

— Да, на хлопке работать вам не следует, это опасно, шутить с этим нельзя. Время от времени, когда будет болеть печень, принимайте эти лекарства. Вот так...

Таджихан показалось, будто ей сказали: «Ты инвалид». Такого слова сказано не было, но ей на сердце упала тень тревоги. Она даже упала духом, к работе не лежала душа, ходила разбитая и подавленная. Неужели запоздали? Неужели упущено время?... Долго вглядывалась в зеркало в свое бледное отражение. «О, боже, то, что щемит сердце, видно даже в зеркале, где ты, Таджи-упрямица?»

Однако, нет, белки глаз уже стали светлыми, и постепенно глаза становятся ясными, так зачем же поддаваться унынию? Дома есть старики, которые от тебя зависят. Ладно уж, раз нельзя, то не будет она работать на хлопке, у нее есть своя прекрасная специальность, которая дала ей имя, так зачем же она переживает, вянет? Тут и Айхан...

Она окончила десятилетку, выросла, стала как огонь, это она причиной того, что Таджихан не пала духом. Она теперь девушка, привлекающая внимание мужчин, глаза ее блестят и испускают черные искры, эта девушка, в таинственном волнении ждущая своего завтра,— словно собственный мир Таджихан. Таджихан любит ее материнской любовью и говорит: «Для нас обеих глину взяли с одного места». Ее интересуют все переживания девушки, она с радостью наблюдает за ней, словно находит в ней свою юность.

Иногда от озорства Айхан обхватит ее за талию и вихрем кружит вокруг себя,

так что Таджихан потом, смеясь, держится за бок. А то, подражая доктору, раскинет руки, растопырит пальцы и, шагая вразвалку, произносит: «Что же делать?» Таджихан снова смеется от души и забывает о боли. Или Айхан выучит наизусть любовные стихи, изображает царевну Ширин, а Таджихан вместо «царевича» в тексте произносит «Саттар», и обе громко хохочут.

Иногда, после таких выходов обе надолго замолчат. Таджихан берет тогда в руки старый дутар с перламутровой инкрустацией, оставшийся еще от бабушки, и под тихую, словно доносящуюся издали грустную мелодию думают о Саттаре. Проходят годы, скоро он закончит институт и вернется. Каким же он вернется?

Таджихан пальцами щелкает о струны дутара, и раздается нервная мелодия. Каким же он вернется? Когда дело доходит до этого вопроса, думы их расходятся. У Таджихан есть свои тревоги, свои сомнения. Однако это подозрение — простое некое чувство, внутренний голос, который она не выпускает наружу. Но чем больше она старается утаить свои чувства, тем больше рука невольно нащупывает бок. Интересная привычка: иногда от душевных волнений, сердечного беспокойства рука сама по себе тянется к боку, хотя печень и не болит. Какая между ними связь?

Наверно, есть связь. Действительно, это было беспокойство, проходящее через печень и сердце. Материнское сердце Таджихан, оказывается, чувствовало верно, это стало известно через два года.

Стало известно, что Саттар женился.

Только этого ей не хватало!

Услышав об этом, весь кишлак сожалеет: все думали, что они с Айхан рождены друг для друга!

Однако не было времени анализировать эту выходку Саттара, узнавать причины. Вроде это уже было и бесполезно. В эти дни Таджихан целиком была занята Айхан. Нельзя было спускать с нее глаз. Девушка восприняла это известие как самую худшую беду в своей жизни. Не плакала, не стонала, бросалась на кровать навзничь, лежала не вставая, дрожали ее плечи лишь тогда, когда к кровати приближалась Таджихан.

Имя Саттара не упоминали. Девушка очень изменилась, ее большие глаза стали дикими и блуждающими. Вечерами пропадала со двора. Таджихан беспокоилась, искала ее и находила в укромном месте, одиноко стоявшую, прислонившись к дереву.

Однажды в сумерках Таджихан в ее пудренице обнаружила мышьяк, завернутый в чайную бумагу, и надавала ей по щекам. У нее закипела кровь, она не сдержалась и нанесла ей еще несколько пощечин. Бедная девушка впервые заплакала громко, мокрое лицо спрятала на груди Таджихан.

— Он не клялся тебе, ничего не обещал, знаешь ведь, полоумная! Это его личное дело.

— Вы его защищаете?! Вы его защищаете?!— в слезах посмотрела девушка в ее глаза. Глаза, полные слез, были широко раскрыты, щеки побледнели. Таджихан испугалась. Как теперь успокоить ее, как ее наставить на путь разума?

Бабушка Икрама открыла сундук, перебрала собранное ею приданое, а также белую матерю для своего савана, проветрила и снова сложила, задумчиво присев на сундук. Больше всего она беспокоилась за состояние деда Дадаали. Услышав о выходах Айхан и покушении на самоубийство, он слег в постель. Говорят: всему есть причина. Может быть, это была не причина, а просто толчок. Он давно говорил о том и об этом свете и, кажется, начал готовиться к своему часу. По-видимому, старики как-то это предчувствуют. Они понемногу приучают себя признать необратимое, покоряясь судьбе, готовят себя к худшему, притупляют острие страха. Дадаали-ака, никого не беспокоя, никого не мучая, по-видимому и сам не мучаясь, отошел в мир иной. Утешая невестку поговоркой: «Валит дувал сырость, а человека — горе», — умер сам, бедный. В такие дни было не до Саттара и его поступка. Поэтому история эта как бы сама собой забылась. Только через полгода дошли разные новые слухи и обновились душевные раны. По слухам, перед окончанием института он якобы дружил с сестрой большого человека, а потом был вынужден жениться на ней. Жена намного старше его и уже будто бы имеет ребенка от чужого, неизвестного...

О боже, не хватало еще этого позора! Невеста, принесшая в подоле убудка... Когда речь идет о ребенке, Таджихан не произносит такие слова, однако, разве можно закрыть рот людям! Они умеют приукрашивать слухи. Один говорит: «Род невесты видный, да еще, говорят, есть брат, который занимает большой пост», а другой добавляет: «Ой, говорят, была уже в положении, да как будто бы аборт сделала...» Короче говоря, слухов много, а уши всегда найдутся. Скажешь аулу — весть умножится, скажешь соседу — прибавится...

Больше всего беспокоило Таджихан состояние Айхан... Она снова изменилась, стала бояться выходить на улицу. Чувствовала, что растоптаны ее честь, девичья

гордость, чистые мечты. Старалась понять себя, Саттара, в задумчивости сидела вечерами у окна, освещенного луной, а иногда загоралась сама и кричала: «Поеду! Найду! Поцарапаю лица обоим! Плюну ему в лицо!» Глядит Таджихан: она не девчушка стыдливая, взрослая уже, знающая все, говорит откровенно, как старшие женщины. Разве можно теперь обмануть ее или утешить?

— Слушай, плюнешь в лицо бесчестной, она это назовет божьей росой,— говорила Таджихан в такие минуты, пытаясь ее образумить.— Город большой, много разных людей, на одного хорошего всегда найдется один плохой. Может быть, брат Саттар...

— Не говорите, что он брат! Нет у меня такого брата, который отыскал объедки в кормушке!

— ... Может быть, он обманулся. Неопытный ведь, молод, может быть, закружили ему голову и взяли в свои руки...

Таджихан говорит так Айхан для утешения, но чувствует, что сама этому не верит, что эти фальшивые слова придуманы ею для утешения девушки. Она понимает, что Саттар не такой уж простак. Когда она болела тяжело, он вдруг вызывает ее, чтобы, используя ее имя и авторитет, поправить свои дела. Теперь только она это поняла. Но одного она не понимает: когда и как эта порча пристала к нему? Неужели она вырастила сына, который не подумает о матери, когда она ему не нужна?

Таджихан пытается представить перед глазами всю его жизнь, его детство. Видит, что многого не знает. Занятая целиком на работе в то тяжелое время и доверив сына Тургунали, она пропустила мимо многие его годы. Не начался ли этот недуг в те годы, когда он в школе, заслонившись заслугами отца, выбивал себе оценки и золотую медаль? А несчастный муж, отдавший все войне, был беспомощным человеком. А ты? Где были твои глаза, где был твой разум, Таджихан!

О, боже, лишь бы он не поставил всех в еще худшее положение! В то время, когда она негодовала, Айхан, наоборот, что-то задумала про себя и пришла однажды покорная:

— На самом деле он не такой, ая. Он все равно меня не забудет, вот увидите.

Лучше, когда от злости Айхан царапает себе лицо: гордость блестит в ее глазах. А вот в такой момент, когда она, смирившись, с грустной надеждой упрасивает судьбу, Таджихан жалеет ее так, что щемит сердце. Их печаль разделяет Хасан. Он на учебе, но под разными предложениями один раз в две недели появляется в кишлаке, лебезит перед Таджихан: «Вы поправились!», «Вы пополнили!» С его приходом теплее становится в этом дворе, радостнее, во всяком случае, все оживают. Даже иногда происходят шуточные разговоры.

— Вы не называйте меня Таджи, а зовите, келинойи, арбакеш!— шутит Таджихан.

Все трое тихо смеются. В такой момент и Айхан чуть-чуть приходит в себя. Сколько бы ни была унижена, все равно она прекрасна, блестит, как истоптанное на земле золото. Про это говорят: если даже сделаешь портянки, настоящий шелк все равно видно.

— «Арбакеша»-то — мы как-нибудь переживем, однако не буду звать вас келинойи,— сказал гордо Хасан, не потерявший еще солдатскую бравость.

— А что, разве для нынешней молодежи стало обычаем лебезить перед женщинами, имеющими детей?— спросила Таджихан. Ей нравилась любезность Хасана, во всяком случае, это поднимало настроение.

— Мы-то, старые студенты, что бы там ни говорили, чуть повоевавшие, подававшие мир, сами знаем, что делаем. А вот некоторые сопляки...— вдруг вырвалось у Хасана. В комнате воцарилась тишина. И самому Хасану стало неудобно, после этого разговора он два-три дня не заходил к ним.

Как стало потом известно, Саттар будто бы приехал на работу в подчиненный брату жены соседний район. Говорили, что переехал с семьей. Оказывается, на собраниях говорят о нем как о молодом председателе не только в районе, но и в области... Это известие тоже принес Хасан.

— Пока, видать, не находят других достоинств, кроме молодости,— съязвил Хасан.— Потом найдут, погодить надо, все-таки зять большого человека...

Словно эта ирония вонзилась в печень, Таджихан схватилась за бок, и вот тогда она решила, не откладывая, поехать в соседний район, повидать Саттара и его семью...

ГЛАВА ПЯТАЯ

1.

До восхода солнца Таджикихан хорошенько проветрила червоводню, на окна, куда падал свет солнца, повесила влажные занавески. Снаружи слышался разговор женщин, перебиравших под карагачем листья. Сейчас беспокойства о листьях нет, агроном Хасан теперь со всем своим семейством в бригаде Таджикихан. Тутовые плантации Каразавура, принятые им с рук покойного Дадаали-ака, нынче в его ведении. Хорошо, что в годы войны вырастили сад в Каразавуре, сейчас листья хватает всем шелководам колхоза. К тому же это позволяет Таджикихан получить второй урожай ранней осенью.

Сейчас на машинах доставляются откуда-то листья молодых деревьев, которых весной не коснулись секаторы. Там в кругу женщин главная — Айхан. Поэтому Таджикихан спокойна, опухаясь подолом широкого атласного платья, она пошла вразвалку по червоводне и села на низкий стул.

Как обычно, скрипнула дверь, вошла Гульзира. Пока не началась учеба, она появляется рано утром.

— Пришла, Гульзира?— спросила Таджикихан не оборачиваясь, узнавая ее по тихому скрипу двери.

— Пришла, ая,— сказала Гульзира, глядя на червей, которые, словно не отделившиеся еще друг от друга, шевелились серой массой.— Расскажите продолжение?

Вчера она расспрашивала, откуда появились эти серые грены. Таджикихан вспомнила одну сказку, услышанную от старухи Гульбазар.

— На чем мы остановились-то?

— На том, что китайская царица выбирала подарок хорезмскому царевичу.

— Таким образом...— Таджикихан села поудобнее и, как будто желая заговорить шевелящихся червей, продолжила мягким голосом:— Царица пожелала привезти суженому редкий, никем не виданный подарок. Любила она очень этого царевича. Думала, думала и решила взять в подарок семена вот этого смехотворного существа. В то время шелковый путь, начинающийся в Китае, проходил через земли Хорезма, однако здесь не ведали, из чего получается драгоценный шелк. Знала царица, что нелегко будет перевезти подарок через границу. Китайские властелины тысячелетиями хранили тайну этого чуда. Голова любого человека, передавшего кому-либо эту тайну, ложилась на плаху. Однако любовь разве боится плахи! Она делает человека дерзким, не боящимся смерти. Царица, надеясь на неприкосновенность, в своих длинных волосах спрятала горстку семян червей и пустилась в путь.

— Ой, какая хитрая!— сказала Гульзира радостно.

— Не хитрая, а умница она... Однако,— сидя на стуле, Таджикихан осторожно разложила на стеллаже мелко нарезанные листья вместе с прилепившимися к ним шевелящимися червями.— Однако лазутчики властелина узнали об удловке царицы и бросились за ней следом. Когда они догнали караван, царица вместе со свитой и спутниками уже переправлялась на лодке через Джейхун. Преследователи начали их обстреливать. И царица со спутниками, и лодки потонули в воде. Злодеи, удостоверившись, что царица утонула, возвратились назад.

— Ой... бедная царица! Все?

— Нет. Придворные властелина тоже думали, что происшествие на этом кончилось. На самом деле не так, на самом деле эта сказка растягивается, как шелковая нить, и доходит до тебя, до всех нас...

— Как это?

— Когда утонула царица, то ее драгоценный подарок — семена вот этих червей, не утонули в воде, а, качаясь на волнах Джейхуна сорок дней и сорок ночей, достигли далекой Хорезмской земли. В один из прекрасных дней сторожа крепости Гургандж пили воду из Джейхуна, черпая воду своими медными касками... Подожди!— Таджикихан прервала свой рассказ и неожиданно встала с места. Подошла к горевшей печи и приложила ладонь к ее поверхности.

— Ой, ая, зачем в такое тепло топите печку, да еще эти большие лампы?

— В нынешнем году мы их будем выращивать по-другому, дочка,— объяснила Таджикихан.— Сейчас не надо ожидать, как весной, спелости листьев, корма сколько угодно, обжоры досыта поедят и быстро вырастут. Для этого нужно тепло, влажность не столь обязательна. Осенние листья тоже малость суховаты, это хорошо. Если в комнате сухой воздух, то меньше всяких болезней. Про лампочки говоришь?

Они тоже удаляют влажность, и при круглосуточном свете вот эти твои красавицы вырастут равномерно.

Обрадованная словами «красавицы твои», Гульзира спросила с улыбкой:

— Значит, мы их обманем?

— Одурачим мы их!— сказала Таджихан.— Глядишь, не за месяц, а за три недели подрастут, пойдут искать пучки и сучья. Сами не узнают, что обошлись наполовину дешевле.

— Ой... это же все по-новому, ая! Вы сами придумали?

— Не только это. На этот раз мы взяли грену сорта «Багдад». Быстро ожи-вают, ужасно прожорливы, нахалы. Наматывают серебристо-белые коконы! Те-перь целиком перейду на этот гибрид. Шелка много, подкормка осенью — всего двадцать дней! Поняла?

— Ой, ая, здорово вы находите... Про вас снова напишут в газете. И снимок поместят.

— Кому нужно мое желтое лицо...

— Нет, теперь не желтое, лицо ваше побелело и пополнело, вы красивая. А тот снимок папа вырезал из газеты.

Таджихан взглянул на нее широко раскрытыми глазами, вздрогнули ресни-цы, покраснели щеки.

— Да что он с ней будет делать?

— Сказал: «Пусть наша красивая ая будет здесь»,— и вложил в книгу. А те-перь, ая, продолжите, пожалуйста, вашу сказку.

Таджихан посидела задумчиво и, довольная изменением темы, продолжила:
— Так... Значит, они пили воду из медных касок...

В это время дверь со стуком распахнулась и послышался испуганный неприят-ный голос. На пороге стояла жена Хасана — Мамахал. Грязный платок ее съехал на шею, сросшиеся брови были нахмурены, волосы растрепаны. Она кричала:

— Сегодняшние листья разложили? Не раскладывайте! Не раскладывайте се-годняшние листья! Идемте сюда, бригадир, везде черви растаяли!

— Что?!

— Черви растаяли!

Придерживая груди, Таджихан выбежала из дома.

— Эй, чтобы твои родинки засохли, прервала сказку! Как будто черви могут растаять,— недовольно отозвалась Гульзира.

Вместе с Мамахал Таджихан сперва побежала к ней домой. Войдя в червовод-ню, она застала холодную, мертвящую тишину. На листьях, измельченных, как лапша и разложенных на стеллажах, слепившись в темноватый ком, лежали черви. Таджихан замерла. Такого она еще никогда не видела.

— А где был агроном?!

— Так и знала! Знала, что вы прицепитесь к моему мужу,— Мамахал, развол-новавшись, выбежала, со стуком открыв обе половинки двери. Выкрикнула снару-жи:— Какое отношение имеет агроном, когда во всех дворах течет со стеллажей от сегодняшних листьев. Девушки-сборщицы сказали: над Каразавуром пролетел самолет с ядовитым шлейфом.

Сердце Таджихан заглодело. Думала, что в Мамахал заговорила старая рев-ность, оказывается, нет, дело похуже. Пробежала по дворам своей бригады: у мно-гих такое же положение. Только некоторые не успели еще промыть утренние листья, проветрить и покормить червей. Бригадир ходила по всем террасам, под карагач и объявила:

— Не давайте листьев Каразавура! Не давайте сегодняшние листья! Известите другие бригады!

Внезапно она побледнела и схватилась за бок, подошли Айхан и Гульзира и отвели ее домой.

— Оставьте, ая... Ладно уж, пропал наш нынешний урожай,— утешала ее Айхан.— Вот, выпейте горячего чаю. Даже если очень большая беда, не стоит так горевать. Весной наверху, здоровье нужно беречь.

— Беда не в одной червоводне, Айхан,— сказала Таджихан, ложась набок.

— Не в червоводне? Да, да, конечно, раз на тутовые плантации Каразавура попали ядохимикаты...

— Если бы попали лишь на тутовые плантации... На людей они попали. И это на совести Саттара, твоего брата Саттара...

— Оставьте, ая, какое он имеет к этому отношение?

— Каразавур примыкает к его землям. К его хлопковым плантациям. Досадно, что он из нашей семьи. Это не болезнь червей, это болезнь совести...

— Не мучайте же себя, ая, я не понимаю... Вы и так больны.

— Больны мы, дитя мое. Ты сейчас иди в червоводню. Я немного отдохну,— отослала ее Таджихан. Но как только девушка вышла, она вскочила, будто ее уку-

сил скорпион, и начала одеваться. Несмотря на жару, она надела городской костюм, поправила волосы, посмотрела на себя в зеркало: «Сдержи себя, Таджики-упрямица, сдержи хоть немного себя...» Она старалась быть солидной, не спешила, однако все равно дыхание было частым, руки слегка дрожали.

2.

Таджихан не собиралась садиться. Желая все высказать стоя, она, стуча каблуками по паркету, не здороваясь, подошла к столу. Подошла, но увидела, что говорить не сможет, задохнется. Поэтому села в кресло за большим блестящим столом, со стуком поставила сумочку. Кабинет председателя широк, высок, просторен. Но Таджикихан показала, что ей не хватает воздуха.

— Даже окна не открыли...

Чувствуя, что произошло какое-то неприятное событие, Саттар еще пуще растерялся от подчеркнутой вежливости Таджикихан. Что случилось с ней, которая всегда называла его сыном? Если побывала у него дома, то, видимо, полоумная Карамат указала ей на порог.

— Ой, аяджан, очень вовремя вы приехали!— вставая с места, сказал Саттар. Он распростер объятия, но не успел обнять Таджикихан, как та уже села.— Надо бы ко мне домой, зачем же в контору... Но то, что вы приехали,— это прекрасно! Сегодня было хотел спрятаться, решил никуда не выходить, может, сердце чуяло ваш приезд,— он становился многословным, когда пугался от неизвестности.— Зашли бы домой и сказали Карамат, она бы тут же позвонила и я бы приехал, машина стоит у дверей, зря утруждали себя, ая. О, аяджан моя, как здоровье?

— Вы научились мягко душить. Если можно, откройте окно.

— Невозможно, ая. Сами знаете, дефолиация. Очень плохой запах. В комнате воздух хороший, отдышитесь.— Саттар беспокоился, не понимая ее настроения, не ведал, как себя держать.

— Вам самому не нравится этот запах...— сказала Таджикихан,— а там... а там погибают...

— Кто погибает?

— Шелковичные черви погибают!— воскликнула Таджикихан, глядя в глаза сыну. У Саттара отлегло от сердца, он улыбнулся.

— Эй, оставьте, ая... напугали. Как будто про людей говорите! Черви... Кстати, что случилось с червями! Э, да что там черви, посмотрите на свое лицо, ая!

— Сады уничтожает червь, но из воздуха золото создает тоже червь. Они разные. И люди тоже бывают разные!

— Ая, в чем дело, не понимаю?..

Однако он все понял, и сейчас во что бы то ни стало надо было сделать так, чтобы ая не гневалась.

— Мы ведь договаривались с тобой, чтобы над Каразавуром и вокруг него не летали самолеты? Разговор этот состоялся в райкоме, помнишь?

Саттар немного пришел в себя от того, что Таджикихан стала говорить с ним на «ты», но не сразу нашелся что ответить.

— Где научился такой беспринципности? Черви тают на стеллажах, как клей! Кто ответит за такое преступление?

— Кто летал? Когда летал? Я такое задание не давал.

— Ты просто не ведаешь! Летают над твоей землей, а ты не знаешь! Есть люди, которые собственными глазами видели, как самолет пролетал над тузовыми плантациями, таща за собой желтый шлейф. Что ты на это скажешь? Хотя бы убирал свой «подол», когда пролетает над садами с одного поля на другое. Где ты нашел таких хулиганов?— Таджикихан выпила холодного чаю.

Саттар в спешке снова наполнил пиалу. Он знал, что не надо подливать масло в огонь, поэтому смиренно заговорил:

— Ой, ая... какие «хулиганы»? Летчики очень хорошо знают, что нельзя приближаться к плантациям тузовника. А поля в окрестностях Каразавура, как вы знаете, мы каждый год обрабатываем тракторными опрыскивателями. Потом, послушайте, моя дорогая аяджан, к чему еще и осенью выкармливать шелкопряд? Вы делаете работу, которую никто не делает и которая никому не нужна. Показать вам интересную статистику?— С искусственной улыбкой на лице он достал из ящика стола красную брошюру.— Вот, посмотрите на эти цифры: в шелкомотальной промышленности лежит на три года вперед сырье, предприятия по своей отсталой технологии не успевают его перерабатывать. Так что труд ваш пропадает зря — коконы гниют на складах! А вы и осенью продолжаете работать. Кому это нужно?

Таджихан покачала головой.

— Однако это не твое дело. Твое дело — не отравлять тутовые плантации, мы требуем от тебя только этого.— Она снова повысила голос.— Промышленность, сырье! Если ты такой деятель, думающий в государственном масштабе, то не губи труд людей!

— Тутовые плантации ядохимикатами не опыляли, ая, поверьте моему слову.

— Не верю, опылили.

— Не опыляли.

— Опылили.

— Нет же. Поклясться?

— Говорят, если честен, то не клянись. Поедем вместе посмотрим.

— ...Работы по горло, зайдите к нам домой, ая, приезжаете-то раз за год... я позвоню Карамат. Поговорите с Ильхамом, облегчите душу. Ваш ученик стал большим знатоком. Давно же не виделись.

— Нет, сейчас поедем на массив Каразавур, ты должен посмотреть собственными глазами.

— Ая...

— Внизу стоит твоя машина. Поехали.

Таджи-упрямица своих слов обратно не брала, председатель был вынужден встать с места. И, не давая ему опомниться, она взяла его за локоть и свела вниз по ступенькам.

Председательская «Волга» повезла их по пыльной дороге, с обеих сторон окруженной хлопковыми полями. Несмотря на то, что дверцы машины были закрыты наглухо, и в кабине чувствовался едкий запах. На душе делалось дурно. Доехав до Каразавура, машина остановилась, вылезли на голой площадке около тутовников.

Это была та самая голая высота, и от землянки Дадаали-ака, где они дрожали от осенних холодов, осталась только незаметная ямка. Вот и кусты тамариска, где Айхан бегала босиком, зовя козу: «Супи, Супи!» У Таджихан дрогнуло сердце, когда она вспомнила, как бродила в жару, как трясла ее малярия. Закрыла глаза. Ей почудилось, что от пожелтевших камышей порывы ветра несут густую гарь. Все ее беды начались с тех дней...

Когда она снова подняла веки, яркое небо ослепило ее. Теперь это место стало площадкой для погрузки веток на машины. На земле — следы колес, валяющиеся ветки, старый топор, ржавые секаторы. Крепкие ряды тутовников, слегка шумящие под ветром, показались Таджихан живым пламенем. Что бы то ни было, а от них от всех остались эти зеленые сады! Это — ее наследие. Ныне отравленное...

— Вот, видите!— сказала Таджихан, снова обращаясь к Саттару на «вы». Это вырвалось у нее само по себе, невольно, когда ей показалось, что Саттар снова становится чужим.— Вы хотите, чтобы я вам поверила, давайте подойдем ближе.

Они приблизились к густым рядам тутовников. Саттар следовал за ней нехотя.

— Что? Что случилось с вашими тутовниками, ничего страшного.

— Понюхайте.

— Этот запах сейчас везде. Пахнут поля по всей республике. Да и зачем нам опылять тутовники!

Таджихан задело, как он сказал заведомую ложь. Даже глазом не моргнула. И она поклялась заставить сына признаться в содеянном.

— Значит, говоришь, что ничего нет? Значит, черви зря почернели?!— Перед ее глазами возникли стеллажи с клейкой массой. Воспламенившись, как каленое масло, она устремилась вперед.— А ну-ка, давайте зайдём вглубь, раз говорите, что ничего нет. Я чувствую издали, что цвет листьев изменился.

— С листьями ничего не случилось, у ваших червей есть тысяча и одна болезнь.

— Ну тогда войдите в тутовые ряды, чего же ждете?!

— Давайте оставим это ребячество...

Но когда он, повернувшись, хотел уйти к машине, Таджихан схватила его за рукав.

— Я вам говорю, входите!

— Не кричите, на нас смотрит шофер.

— Не бойтесь, не уроните свой авторитет, входите.

— Прекратите.

— Не войдешь?

— Ребячество это...

— Не пойдешь? Признайся, что ты трус. Если боишься, тогда я одна пойду!— сказала Таджихан, трясая в гневе.

— Что случилось с вами...— попытался удержать ее Саттар.

— Отпусти, я войду! Вот, а ты смотри!— сказала она и резко шагнула вперед.

— Ая!

Не останавливаясь, Таджихан углублялась в сад, отодвигая ветки. Саттар,

ошарашенный, смотрел ей вслед. Но, почувствовав, что дело принимает серьезный оборот, заволновался.

— Ая, вернитесь! Ая, что вы делаете, это же бутифос! Бутифос, ая!

Таджихан пропала из виду в густых рядах тутовника. В воздухе звенел голос Саттара, оставшегося в нетерпении, в беспокойстве. С голого места хорошо были видны низкие тутовники, обрезанные весной и успевшие выпустить молодые ветки. Весь массив Каразавур переливался темновато-зеленым цветом и молчал. Он словно проглотил Таджихан. Как будто призывая в помощь, Саттар то смотрел в сторону машины, то снова нервно шагал вдоль тутовых рядов. Поглядывая в одну сторону, обернувшись в другую, носком туфли потрогал оставленную сборщиками листьев рукавицу, пнул валявшуюся посуду для воды, но не мог унять злобу. То ли от вонючего запаха дефолианта, то ли от нервного напряжения, его тошнило, он сплюнул на землю.

Немного погодя он увидел, как со стороны центрального арыка из тутового массива вышла Таджихан. Сняв платок с головы, стирая с костюма белые пятна, она подошла к берегу арыка. Словно ожидая, что произойдет взрыв, Саттар стоял в смятении. Но взрыва не последовало. Сев на корточки, Таджихан ополоснула водой руки и лицо, поднялась и стала приближаться.

Саттар молча ожидал ее в машине. Таджихан отряхнула сапоги и села на свое место.

— ...Ну, что вы доказали этим? — спросил Саттар после того, как они порядочно проехали молчком. — Ваше упрямство?

— Ты же крикнул мне вдогонку: «Бутифос!» Может ли быть лучшее доказательство, чем это! Молчишь?

Саттар действительно долго молчал. Шофер даже обернулся назад и взглянул на седоков.

— Теперь мне нужно доказать и то, что ты сам приказал летчикам выполнить эту работу, — сказала Таджихан после того, как они выехали на большую дорогу. — Думаю, что это ты сам признаешь. Но разговор продолжим завтра в райкоме, там расскажешь обо всем сам.

Когда подъехали к автобусной остановке, Таджихан остановила машину, открыла дверцу и вышла.

— Завтра в райкоме. Продумай свое слово.

За ней следом вышел из машины и Саттар.

— Ая, вы от злости выдумываете какие-то разговоры. Какой же приказ я отдавал? Почему я должен приказывать? Идите домой, не возвращайтесь с полпути, стыдно ведь перед людьми. Дома поговорим не спеша, как подобает матери с сыном. Вы стали какой-то странной.

— Да, мы перестали понимать друг друга. Приду завтра, давай поговорим в райкоме, я хочу знать, какого сына вырастила.

— Ая... это же неумно... Что вы наделали? Из-за какого-то червя, гнусного насекомого. Подумаешь, растаяли и липнут, как клей, хоть бы пропали вовсе!

— Не из-за червя, а из-за тебя.

— Ая, вы же мать мне! Разве можно жить так в постоянной суете, терзаясь безрадостной заботой, это же ад! Такие, как вы, быстро сторают, ая.

Уходя, Таджихан резко обернулась.

— Однако правда не спорит.

— Правда... Правда — там, повыше. Речь о червях, а вы и сюда вмешиваете правду...

У Таджихан уже не было сил слушать эти слова.

— Завтра, завтра... Там, «повыше», и поговорим, — сказала она и пошла на остановку, где только что остановился рейсовый автобус.

В автобусе она расположилась рядом с цыганкой. Раскинув подол складчатого платья, та на глазах у всех совала грудь чернявому пухлому ребенку. Но даже в таком состоянии она не прочь была поболтать и попробовать заработать. Как только Таджихан уселась, цыганка затараторила:

— Не горюйте, душечка! Лицо ваше открыто, дай бог, чтобы и рука была открытой! А ну-ка, дайте мне вашу ладонь, душа моя, то, что вы не видели, я скажу. Что знаете, то ваше, что не знаете, я вам раскрою...

Таджихан болезненно улыбнулась, кивнула головой. Она как раз и едет, узнав то, чего не знала. Раньше у нее было материнское чувство к этому человеку, а теперь это чувство оказалось пустым.

Цыганка начала приставать к другой соседке. Карапуз, вдавив черные пальчики в полную грудь молодой матери, сосал с чмоканьем.

Материнское молоко... Дает жизнь ребенку. А матери взамен? Матери — право. Дающая молоко делает должником того, кому давала молоко. А какое право есть у Таджихан? Она может выносить приговор на суде, а дома?..

Глядя на тараторку-цыганку с сыном на коленях, Таджихан позавидовала этой беспечной женщине, и ей стало больно.

3.

Возвратившись домой, Саттар кинул на диван шляпу и пиджак, выпроводил Тулкина, побужавшего к нему с радостным криком: «Папа! Папа!»— и закрыл двери. Карамат, почуявшая, что он пришел не в настроении, вышла из кухни и свысока взглянула на мужа. Чтобы подбородок не стал трехслойным, она ходила, запрокинув голову. Молча вернулась на кухню, через минуту принесла на подносе чай, лепешки, кишмиш, миндаль, казы, мед в чашке и все поставила перед мужем. Саттар посидел молча, ничего не тронул, встал и пошел.

— Что еще случилось?

— Ничего. Ая приезжала...

Карамат, шлепнув по бедрам, села на стул и вдруг взорвалась:

— Я так и подумала! Что еще понадобилось ей? Как только появляется эта женщина, вы возвращаетесь измученным! Сколько раз вам говорила: доведет она вас, пусть не вмешивается в ваши дела, седьмая же вода на киселе! Чужие мы, понимаете? Еще называется ая... Какая она мать? Называя «сынок, сынок», она заставляет вас плясать под свою дудку. Какое еще дело возникло у нее к вам?

— Прекрати. На ее червей напал мор. Считает, что наши дефолианты...

— Пусть мор нападет на нее саму...— Ворча, невестка обновила чай.— Пейте погорячее, о боже, столько шума из-за каких-то червей.

— Говорит, что пойдет в райком.

Карамат, отставляя босые ноги в штанах с кантами, захохотала. Затем достала из буфета коньяк.

— Садитесь!— сказала она, ставя бутылку на стол.— Сейчас поджарю мясо. Сколько бы ни бегала дворняжка, не станет борзой. Если потащит в райком, то вы поведете ее в обком. Гулям-ака не даст ей задирать вас. Нож не режет свою руку!

— Убери, ничего не нужно, хочу отдохнуть, — сказал Саттар. Зашел в комнату Ильхама, занавесил окна и растянулся на диване.

Разве можно отдохнуть в таком состоянии! Перед его глазами возникали отчужденные взгляды Таджихан. «Не из-за червей, а из-за тебя...», «Хочу узнать, какого сына я вырастила...» Эти слова вонзились в него, как острие. Мастер она говорить... но, годами сидя в своей червоудне, не знает о приметах времени, о положении в районе, области, отстала ая. Сколько в области таких председателей, как Саттар? Может быть, ей как раз объяснят, «какого сына вырастила», если завтра она пойдет в обком. «Из-за тебя...» Не было необходимости из-за Саттара лезть в огонь... Разве он горел?.. Наоборот! Не знает ведь, что делается. Да, сейчас нет возможности сказать ей обо всем открыто. Показался только первый след его желанной цели, надо наладить отношения с ая, потом сама поймет, обрадуется. Вы самая счастливая мать, ая! Что стоят черви перед этим?! Или завтра дать понять ей чуть-чуть? Для выравнивания отношений...

Нет, ая слишком настойчива, она все равно не успокоится, пока не доведет свое дело до конца.

Однако этими мыслями Саттар не смог утешиться. Он радовался, когда вспоминал свою цель, чувствовал, что способен достичь ее, но не желал рассуждать о средствах ее достижения. И когда думал об этом, то падал духом, пытался разогнать сложные мысли. Пусть о них думают другие, Саттар нужен не только себе, а прежде всего людям.

Лучше, если он оставит Таджихан Гулям-ака. Пусть как следует объяснит ей, каким бывает общественное мнение.

В любом деле Гулям-ака опирается на «общественное мнение», эту фразу он так любит, как будто сам ее сочинил. Общественное мнение всегда перед его взором, в случае необходимости он сам приводит его в действие, и с силой общественного мнения он везде прав, в любом деле побеждает. Заведующий организационным отделом обкома, он наверное уже тысячу лет работает на этой должности, во всех районах у него знакомые, и все его, как лошадь с белой отметиной на лбу, узнают издали, по одной фигуре. Опыт большой, связи широкие, за «тысячу лет» с кем только не столкнулся, кому только не помог, с кем только не подружился.

Хотя Гулям-ака и низок ростом, но зато руки длинные, пальцы свисают ниже колен. Обычно такие люди бывают расторопны. Разговоры о том, что у него длинные руки, ведутся в большинстве случаев в переносном смысле. У него безграничная вера в себя и влияние на других, даже секретари обкома глядят ему в рот.

Слушаются его, но самого не выдвигают. На каждых выборах идут разговоры о том, что его вот-вот выдвинут, но он остается на своем месте.

Когда Саттар женился на его сестре, он еще подавал надежды стать большим человеком, однако не стал. Он особенно не занимается «организацией» или там «доставанием», наоборот, тех, кто «организовывает» или «достает» лишнее, сам корит по-отечески. Его сестру с ребенком сосватало за парня окружение Гуляма-ака. В этом особой заслуги лично его нет, он только объяснял, в какую сторону в этом случае будет крениться «общественное мнение».

Ну а когда Саттар был избран в депутаты, то все «общественное мнение», конечно же, целиком было на стороне молодого председателя с высшим образованием. А когда Саттар защитил диссертацию, у «общественного мнения» уже не было никакого сомнения насчет того, кто должен быть вновь избран председателем.

Нынче можно не беспокоиться за это, общественное мнение будет создавать сам Саттар.

И невольно вспомнился прошлогодний курултай. Гулям-ака был тогда при галстукe, похожем на змеиную кожу, сам коренастый, с лицом, блестящим, как колода мясника, лысиной и животом. Большой краснойбай, всегда воодушевленный, он был удивительным собеседником и опытным организатором. Мог наизусть цитировать крылатые слова писателей и поэтов.

На том курултае он настоял, чтобы Саттар выступил. Прохаживаясь в перерыве по «бухарскому залу», Гулям-ака, держа зятя под руку, заклинал: надо уметь управлять общественным мнением. Пусть у начальства сложится о тебе благоприятное впечатление, а для этого надо брать высокие обязательства, сильным джигитам подобает сказать народу веское слово!

— Области нужны маяки, а руководителям — авторитет, брат, мы же стоим во главе народа. Сеять может каждый человек, но воду проводит только смелый.

Когда Саттар хотел спросить, как начать свое выступление, Гулям-ака вытащил из кармана бумагу и сказал:

— Вот тебе обязательство, это не просто цифры, а норма лауреата!

— Хорошо, Гулям-ака, сказать-то можно, но как их выполнишь? Есть еще и прошлогодний долг...

— Ты не кусай руку того, кто подает тебе хлеб. Разве я бросаю слова на ветер? Раз сказал, значит, все правильно. А нам вот как нужен лауреат! Молодой, со знаниями председатель, который может привести хозяйство к расцвету. Урожай? Сделаем урожай, — засмеялся он. — Одно слово хорошего руководителя камень превращает в золото, а?

Удивительны глаза Гуляма-ака, они существуют как бы отдельно от него: сам он смеется, а глаза — нет. Раньше о таких говорили: «Лица его не посещает ангел».

— Все в наших руках. Как сказал поэт: судьбу свою создает сам человек! А? Не так я говорю? А раз так, разве плохо, если из среды своих кто-нибудь прославится? Чем ты хуже других, зять? Везет — кому повезет. А тебе подавно, я все сделаю, брат. Если добьешься этого, то и до Звезды останется один миг. Тебе-то что — держи речь, а остальное мы сделаем. Газеты пишут, что у кого большая цель, тот и счастлив. Говори громко, по большому счету. Я записал тебя на выступление. Договорились?

— А если... просто дело делать?

— Нет, для этого нужно общественное мнение... и его уже сейчас необходимо готовить. Речь, газета, имя... чтобы не было неожиданностью. Чтобы люди удивлялись: «Э, разве он еще не был лауреатом?» Вот это и называется общественным мнением!

Поддавшись на эти уговоры, Саттар тогда произнес ответственное слово. И теперь для выполнения этого слова нужно было делать все возможное и невозможное. Половину хлопка надо было собрать первым же машинным сбором, а значит, закончить эту работу за десять дней. Поэтому председатель раньше всех позвал авиаторов и начал сплошную дефолиацию.

Все шло, как он наметил, и тут возникла ая со своим тутовником. Правда, три года назад райком строго запретил проводить дефолиацию вокруг плантаций Каразавура. Однако время ли сейчас думать о чужих зарослях, случайно оказавшихся рядом с колхозом? Ая не имеет представления ни о масштабах его работы, ни о перспективах.

Но хотя Саттар и рассуждал так, он боялся приезда Таджикиан, внутренне чувствуя тяжесть спора с ней. Назавтра он надел новый костюм с орденами и депутатским значком, пытаясь держаться солидно и смело, но опасение все же жило в уголке его сердца. Однако в тот день Таджикиан не приехала.

В душе Саттара боролись надежда: «Отступила?» — и все растущее беспокойст-

во. Наткнулся на Карамат, уставившуюся на него жалеющими глазами, и разнервничался пуще прежнего, бросил на диван костюм с регалиями.

Таджихан не приехала и на следующий день.

— Вот, разве я не говорила? Бег кошки до сеновала! У нее хватает сил только на то, чтобы испортить вам настроение! Еще грозитя пойти в райком!..

Но и после этих слов жены сердце Саттара не успокоилось. Пуще прежнего замучила его неопределенность. Не мог усидеть ни дома, ни в конторе. В конце концов собрался и вызвал машину.

— Туда...— сказал шоферу.

Немногословный, себе на уме, шофер хорошо понимал «туда» хозяина. Вот так нахмуренными бывали его брови, когда вечерами он ехал повидать Айхан, а когда возвращался — еще пуще. Зачем едет?.. Видно, верно говорят, что та кишлачная девушка приворожила его.

Когда Саттар вошел, то большой двор показался опустошенным. Оказывается, Таджихан увезли в больницу. И Айхан со вчерашнего дня там. Рассказала женщина, вышедшая из червоводни: Таджихан в тот вечер, бедняжка, жаловалась на печень, лежала скорчившись, утром приехали из больницы и увезли.

Саттар сел на потрескавшиеся кирпичи порога. Все разбросано, во дворе ни души, при малейшем дуновении ветерка где-то со скрипом открываются и закрываются двери. Под кроватью проскочила кошка-воровка, во дворе закудахтала курица. Арык полон воды, осенние цветы завяли, не раскрывшись... Места, где Саттар нашел материнскую любовь, первые волнения, первые радости... Когда он закрыл повлажневшие глаза, откуда-то послышался веселый, как колокольчик, смех Айхан. Куда делась та большая семья, жившая спокойно, кипящая горем и радостями? Кто порвал те нити, которыми ая связывала всех? Нет, они еще в ваших горячих руках, не уходите, ая, не уходите...

По дороге шофер изредка оборачивался назад. Хозяин сидел, как мумия, до дома не проронил ни слова, угрюмо потащился к дверям. После этого три дня не вызывал машину ни домой, ни в контору.

4.

Больница располагалась на окраине райцентра, в старом саду, где высыхали урючины. Почти голая местность, окруженная зеленой железной оградой. Когда-то Саттар внес свою долю в строительство раскинувшегося здесь межколхозного диспансера. Однако ни разу не приехал, чтобы посмотреть на него, не знал, какие болезни здесь лечат.

Он удивился, встретившись с множеством людей в приемном покое. Почти все расспрашивали о Таджихан, шумели, обижались, что не разрешают посещения, не зная, уходить или ждать. Поэтому, когда разрешили войти одному человеку, они оживились, сразу освободили проход к двери, зашептали друг другу: «Ее сын», «Председатель».

Палата Таджихан была трехместная, догадливые соседи по палате, надев халаты, тихонечко вышли. На первый взгляд, Таджихан изменилась мало, но глаза были потухшие, голос болезненный:

— Пришел, сынок...— сказала она, облизывая высохшие губы.

— Аяджан, как вы себя чувствуете?..

— Сейчас мне хорошо, сынок... Болезнь ведь, она как гостья: сама приходит, сама уходит,— сказала надломленным голосом, чуть улыгнувшись.— Это — старая моя спутница, сам знаешь, был приступ... Сильный приступ.

Может быть, вспомнила вчерашние боли — искривились брови, на желтоватом лице обозначались морщинки. «Сейчас мне хорошо». Если это называется «хорошо», то... Удивительно, не прошло еще и недели, а человек так изменился...

— Зря вы так поступили в тот день... Недаром врачи запретили вам работать на хлопке, а вы...

Словно внутри у нее горел огонь, Таджихан мучительно передернулась.

— Не могут, значит, запретить совесть и жажду правды.

— Допустим, правда... А что, обязательно надо гибнуть за нее? А есть цена той правде? Если есть, то сколько? Дороже человека?

— В твоих словах есть смысл, сынок. Действительно, правда все равно выплывает наружу, но часто жизни на это не хватает,— сказала Таджихан тихо.

Почувствовав, что он невольно повысил голос, Саттар прикусил язык. По дороге он убеждал себя говорить мягко, уступчиво. Однако Таджихан не оценила его умильного состояния, ее глаза смотрели на потолок.

— И если я сейчас не открою твои глаза, то кто откроет их потом?..— продолжала она.

— Не нужна мне никакая жертва, ая!— возразил Саттар.— Отец мой отдал всю свою жизнь за народ, я тоже готов, вы же знаете...

— Нет, нет, дорогой мой...— махнула она слабой рукой,— твоя жизнь... Нет, нет, дай бог тебе здоровья. То было во время войны... Чтобы никому никогда не довелось этого пережить... Ни тебе, ни твоим детям. Скольких людей проглотила она... Вот теперь и меня тянет за собой.

В последних ее словах чувствовались бесконечная боль и безнадежность. Саттара мучила жалость к ней, в душе возникло то ли страдание, то ли раскаяние.

— Ая... вы меня простите, если все скажу откровенно...

Таджихан услышала его, но продолжала лежать, уставившись в потолок. Саттар, как будто ему было все равно, как будто говорил сам себе, не оправдываясь, рассказал обо всем происшедшем откровенно и правдиво. И про Гуляма-ака, и про то, как поддался на его обещания, и про то, как ради лауреатского звания отдал приказ летчикам о сплошной дефолиации лично. Рассказал подробно, а про себя отмечал: «Да, да, делаю правильно, все откровенно».

Рассказал обо всех своих грехах, о неблагоприятных делах, но не распрямился, не вздохнул облегченно. Видимо, тяжелее всего было ожидание приговора матери. А Таджихан не удивилась и не изменилась. Через некоторое время тихо сказала:

— Знала, я все знала, сынок...

Этот слабый голос ошеломил Саттара, ожидавшего строгого приговора.

— Откуда?

— Предположительно, сынок, приблизительно знала. Вот это и сосет мои внутренности, как пиявка. Чувствуя, что однажды я буду вынуждена обидеть тебя до такой степени, что совсем расстанусь с тобой, я пугалась. Хорошо, что этот случай тебя предупредил, что в одном из уголков твоего сердца еще сохранилась совесть...

— Я не хочу обвинять только других, сам я дал команду, чтобы вырваться вперед...

— Дело даже не в этом...

Таджихан, словно желая отдышаться, немного полежала молча. А потом усталым голосом продолжала:

— Теперь пошли руководители, которые ради авторитета специально выращивают «маяков», словно скот на убой. Ты как раз понадобился таким...

— Колюче говорите, ая...— сказал Саттар и склонил голову.

— Хоть помягче, хоть колюче, но смысл один...— Таджихан, не в силах говорить, задумалась. Немного осталось, чтобы ее сын, подхватив одну из самых страшных болезней времени — тщеславие, стал паразитировать на своей славе.

О боже, что она наделала? Где эта болезнь прицепилась к нему? А что такое тщеславие? Она не такая уж скрытая болезнь? Если взглянуть пристально, видна невооруженным глазом. Однако цветет. Есть мастера, которые прячут одну страшную болезнь под другую. Прячут под обманчивый блеск, под парадность. «Вот видите, как все хорошо! Не пожалел жизни для общества. Поэтому я и достоин чести и славы!»

Таджихан, закрыв глаза, думала о своем сыне, словно забыв, что он сидит рядом. И Саттар, думая, что она устала и, кажется, задремала, тихонько поднялся и на цыпочках вышел.

5.

После этого он не мог в течение нескольких дней поехать в больницу. Знал, что нужно ехать, но ноги не шли, как будто он там будет сидеть перед своей виной, перед своим преступлением, а так не хотелось чувствовать себя виноватым.

Когда он наконец решился и съездил в конце недели, то оказалось, что ей делают внутривенные вливания, и его не пустили. Приехал еще раз, но Таджихан лежала, скорчившись от боли, отвернувшись к стене, и он постоял и вышел, не сумев сказать ни слова.

В последнюю поездку вообще близких и родственников не пускали на свидание. Саттар обогнул здание, вошел в двери со стороны сада и натолкнулся на главного врача. Это был человек в возрасте, с грустными глазами. Оба, словно заранее ожидали эту встречу, вошли в кабинет и молча посмотрели друг на друга. Врач, сняв с головы белую шапочку, нажал на кнопку вентилятора. Потом снова нажал и отключил.

— Доктор, вы нашу ая знаете... как она, что скажете?

Доктор поднял утомленные глаза и посмотрел так, словно впервые видел собеседника.

— К сожалению, ничего не могу сказать...— ответил он неопределенно.

— Если от нас потребуется какая помощь...

Доктор покачал головой.

— Нет, от вас помощь... не нужна. Мы принимаем все меры, доступные медицине.

— Есть ли изменения к лучшему?

Доктор долго молчал, так что Саттар начал беспокоиться.

— Председатель...— сказал наконец главврач.— Если... ладно... только вам лично могу сказать. Наше мнение такое: ее надо увезти домой.

— Домой?

— Да. Ей самой мы это тактично объясним, об этом не беспокойтесь. Так, мол, и так... слишком много становится желающих ее проведать. Впрочем, это действительно так, можно подумать, что она на свете только тем и занималась, что умножала друзей. Смотрите, сколько народу! Если скажу, что здесь побывало полрайона, не удивляйтесь. В таком положении, скажем ей, удобнее будет дома, нежели в больнице... и тому подобное...

— Это следствие, а причина, доктор, вы же обещали, что мне все скажете откровенно.

— Откровенно... теперь, пожалуй, нет эффекта от лечения. Упустили время. Цирроз, сами понимаете...

Хотя Саттар и почувал неладное в начале беседы, но когда выслушал последние слова доктора, замер всем телом. Сидел долго, будто лишился языка, непослушные руки спрятал в карман.

— Ладно, отдавайте домой...— сказал тихо.

В памяти остались грустные глаза доктора и то, что он промямлил, прося прощения, другого не помнит. Пришел в себя дома, сидя на диване.

— Папа, пап,— обращался к нему не раз из своей комнаты Ильхам, но Саттар даже не шелохнулся. Окно показалось темным, словно падающим, ночь сейчас или день?

— Папа, послушайте меня,— держа учебник, вышел Ильхам.— Никак не могу решить одну задачу. На экзаменах может попасться этот вопрос, а я его не знаю.

Саттар сидел, еле сдерживая себя: экзамены, вопрос... О, боже, каких только пустяковых вещей нет на свете! Как все мелочно: и президиумы, и аплодисменты, и награды, и должности, и звания...

— Хотел порасспросить бабушку, а она почему-то перестала приходить к нам,— сказал Ильхам.

В темном углу беспокойно пошевелился его папа, скрипя диваном, Ильхам не видел его лица, стоял на пороге, держа книгу на свету, падающем с его комнаты.

— Задача вот какая: есть один пожилой человек, больной. Болит сердце. Слушаете меня? Присмотреть за ним некому. Часто принимает лекарство. Один только сосед часто заходит к нему и беседует. Он говорит соседу: в нише есть лекарство, если можно, подайте, пожалуйста. Смотрит сосед — у старика дела плохи. И вместо того, чтобы поискать лекарство, смотрит в обескровленное лицо больного. «Дорогой сосед, там, подайте, пожалуйста, побыстрее...»— просит больной. А сосед не спешит. Делает вид, что ищет лекарство, а сам все посматривает на больного. Таким образом, через некоторое время старик, умоляя «дорогого соседа», умирает. Понимаете, папа, ситуацию? В законе есть «преступление, совершенное умышленно». Есть статья о неумышленном преступлении. А к какой статье относится этот случай? Правда, сосед его даже пальцем не тронул. Я утверждаю: все равно — раз умер человек... А товарищ мне сказал, что за такой ответ я получу «двойку». Скажите, папа, ведь и обе статьи...

Саттар вскочил с места, как будто его ужалил скорпион. Ему показалось, что этот мальчик издевается над ним, и сын показался ему таким чужим, что он крикнул Ильхаму в лицо:

— Убирайся вон!

Книга выпала из рук Ильхама. Он испуганно отшатнулся и замер, ошеломленный.

В тот вечер Саттар не пришел домой. В одиночестве он бродил по безлюдным полевым дорогам.

С полей улегучились неприятные запахи, опали листья хлопчатника, в междурядьях стало голо, кое-где мерцали огоньки полевых станов...

В полночь шофер разыскал председателя, сидящего в одиночестве на голой солончаковой полянке возле Каразавура.

— В контору...— сказал Саттар.

Там и заночевал.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

1.

Таджихан уложили в той маленькой гостиной, где когда-то она провела первую брачную ночь. Впереди — веранда, потом вход в смежную с гостиной комнату. Когда пришел Саттар, и в этой комнате, и снаружи было много народу. Люди шептались между собой и стояли группами, чего-то ожидая. Этот приглушенный говор привел Саттара в замешательство. С ним поздоровались молча, кивком головы, агроном Хасан, его жена и еще какие-то неизвестные люди.

Сказали, что Таджихан никого не принимает. Возле нее только Айхан. Иногда, когда ей становится лучше, она спрашивает про тех, кого желает видеть. Сегодня, по словам Айхан, она в сознании, настроение ее нормальное, но, несмотря на это, с утра никого не приглашала.

Через некоторое время вышла Айхан, неся посуду. Ее окружили, спрашивая:

— Кого она хочет видеть?

— Никого.

Она хотела пройти, но Саттар преградил ей дорогу.

— Айхан...

Показалось, что в тапочках Айхан стала меньше ростом. Подняв покрасневшие от бессонницы глаза, она печально взглянула на стоящего против Саттара.

— Можно мне войти?

Айхан покачала головой: нет. Потом обошла его. Когда она снова шла в гостиную с полотенцем и лекарством, Саттар не смог преградить ей дорогу. Не посмел. Снова тишина. Кто-то пришел, кто-то ушел. Снаружи, перед окном, дремала черная шелковица с высохшими листьями, время от времени золотистый лист резко обрывался и слетал, кружась, на землю. Саттар не находил себе места. Можно было войти в комнату больной, резко открыв дверь, однако он не решался это сделать и сам удивлялся, кого он боится?

К полудню снова вышла Айхан.

— Кто? Кого она спрашивает? — поинтересовались женщины.

— ...Гульзира, — сказала Айхан, озираясь. — Где Гульзира?

Она пошла ее искать. В комнате оживились.

— Гульзира? А кто это — Гульзира?

— Кто она?

— Говорят, совершенно чужая...

Вошла девочка. В школьной форме, длинноногая. Она растерялась от множества людей и остановилась на пороге. А когда Айхан повела ее вовнутрь, все проводили их удивленными взглядами. Смутно стало на душе Саттара. Для чего стоит он здесь: надо или входить, или уйти. Но как уйти?

Женщины все еще говорили про девочку.

— Это же Гульзира!

— Ой, дочка учителя!

— Да, да...

В это время вошел сам учитель. По-видимому, он пришел в поисках дочери и, поздоровавшись, огляделся по сторонам:

Увидев учителя, Саттар, как камень, застыл на месте. Отвернулся в сторону. Почему этот здесь? Откуда пришел? Узнал или нет?

Теперь оставаться здесь было мучительной пыткой. Тайком поглядывая на учителя, Саттар злился, что тот не здоровадается с ним, делая вид, что его не узнал. От нетерпения ему стало жарко.

В этот момент из гостиной вышла Гульзира и, побежав, обняла отца. Он спросил ее тихо:

— Почему ая вызывала тебя, дочь моя?

— Захотела увидеть, — сказала Гульзира.

— А что сказала?

— Я спросила, когда расскажете продолжение сказки, а она ответила: сказку дедушки я довела до тебя, а остальное сочинишь сама.

Тогда учитель, на лицо которого пала тень беспокойства, шагнул к двери гостиной. Видя это, Саттар заметался и грубыми шагами, не подобающими царящей здесь тишине, выскочил на улицу.

Таджихан, которая при встрече с учителем всегда испытывала таинственное чувство, на этот раз встретила его спокойно, без лишних волнений.

— Входите, учитель,— сказала она просто и открыто. Учитель, высокий, неуклюжий, не зная, куда положить свою соломенную шляпу, сел на маленький стульчик возле ее кровати.

— Не хотела я показываться вам в таком состоянии...— сказала Таджихан, не глядя на него.— Но что делать, кажется, теперь все равно, может быть, и не будет больше возможности поговорить с вами.

— Наоборот! Вот теперь мы и поговорим, Таджихан,— сказал учитель неожиданно.— Я и так долго молчал, думал... Думал, думал и решил...

— На что решились, учитель?

— Рассказать обо всем. Я вас не утомлю, вы не говорите. Сегодня буду говорить только я. Вы должны знать, я вам благодарен не только за то, что балуете мою дочь, как родная мать, в общем... благодарен за то, что вы вообще есть.

— Это похоже на признание в любви?

— Да, так! Я, бродяга, осел в этом кишлаке из-за вас. Я вас...

— Смотрите, оказывается, и в такой ситуации можно отыскать слова, льстящие человеку.

— Вы... вы не относите это к психотерапии, прошу вас, Таджихан, я пришел не утешить вас. Эти слова я обдумывал два года! Я говорю, пользуясь именно таким вашим состоянием. В другое время вы бы убежали... — Он, улыбаясь, рукавом отер испарину со лба.

Таджихан тоже улыбнулась печально. Учитель не замечал и то, что она похудела, и то, что пожелтела, и то, что от внутреннего недуга заострился ее нос.

— Вы хотите сказать, чтобы я наконец узнала об этом?— Таджихан вдруг погасила печальную улыбку. Учитель хотел возразить сразу, но Таджихан слабо махнула рукой.

— Да ладно, скажите-ка, учитель, почему вы раньше не сказали... эти ваши слова... Я почувствовала это в тот ваш приход, теперь признаюсь в этом и для себя. Потом ждала вас... Не пришли.

— И у меня есть к вам вопрос, Таджихан. Почему потом... не вышли замуж?—Учитель сам удивлялся тому, что сегодня он стал таким решительным.

— После того, как в семье... лишились трех мужчин, мама начала гаснуть, как свеча. Потом скончалась. Из-за проклятой войны разрушилась, сгинула целая семья. Я бы ослепла, учитель, если бы не была верна их памяти.

— Зная это, я тоже... Нет, дело даже не в этом. Я просто такой тип, который не может пройти мимо трех человек, не споткнувшись. Страшный я трус, Таджихан. Если бы был не трус, то в те годы не отступил бы, не сбежал бы. Все из-за Гульзиры, все из-за единственной моей сиротки. Думал, если арестуют или что случится со мной, куда она пойдет одна, что будет делать? Ей было тогда только семь.

Заметив, что у Таджихан задрожали ресницы и что она не все понимает, он спросил:

— У входа я видел вашего сына...

— Саттара?

— Я давно слышал, что у вас есть сын. Однако только сейчас ... узнал, что тот человек и есть он. И очень удивлен, что... это ваш сын.

— Эту загадку, хотя она и обошлась мне дорого, я сама тоже решаю только теперь, учитель... Знаете, что я содержала семью. Старик и старуха, муж-инвалид, дети... Все они были на моем иждивении. Для воспитания, видимо, не хватало ни времени, ни сил... Ко всему еще война... Не подумайте, что жалуюсь... О боже, может быть, все было бы по-иному, если бы мы встретились с вами пораньше... Судьба...

— Я не хотел бы вас утомлять... Давайте буду говорить я, а вы только слушайте. Да, судьба... она смешала все, и я встретил на своем пути вашего сына.

— Вы работали в его колхозе, я слышала. Я, учитель, сама узнаю теперь многое о Саттаре. Однако до сих пор не поняла одного. Каким это образом он до сего времени ходит в руководителях? Я ведь знаю его с детства. Знания у него средние, и в школе, и в институте он учился кое-как, с чужой помощью, у него нет особых достоинств, если не считать его постоянного стремления быть впереди всех, нет и особых способностей. Не лучше ли было, если бы он, не будучи руководителем, взялся за посильное ему дело, был бы обыкновенным работником? Ведь в его натуре, кажется, были и совесть, и порядочность. Может быть, я ошибаюсь...

— Я бы рассказал вам об этом, но боюсь, что утомлю вас.

— Нет, говорите, я буду только слушать, отдохну, говорите, учитель. Теперь вам нельзя не говорить, я должна знать это.

— ...Ладно.

В комнате воцарилась тишина, только слышались с другой комнаты кашель, шаги. Помучившись, учитель начал невпопад:

— Раз избрали его... Два раза избрали, три... Инструктор привозит, рекомендует, мы голосуем, поднимаем руки. Это превратилось в простой обычай: из уважения к райкому — избираем единогласно, не зная, какие у него достоинства. Лишь бы руководил. Поднятие рук для нас — легкое дело, как утренняя физзарядка. Говорится, что «рекомендуется», на самом деле назначается. «Назначенно-избранный...» — какое-то безобразное слово-калека, говорить-то не выговоришь... Не так ли?

Ваш Саттар начал считать себя пожизненным руководителем. Пожизненными бывали падишахи, ханы... Это ладно, самое худшее то, что посредственное ведение дела стало гарантией успешного руководства. Таким образом, мы избрали себе мерилом посредственное ведение дела, а в таком положении саттары будут расти, как грибы после дождя, умножаться. Способ их работы — исполнение не воли коллектива, а сказанного сверху. И Саттар понимает, что его судьба в руках не коллектива, а партийной власти. В любом случае райком защитит председателя, которого сам рекомендовал. Поэтому он высокомерен, поэтому нетерпим к людям. Я не выдержал, и когда его привели под руку, выступил в самом начале собрания. Я сам не соображал, верите ли, никогда я так не говорил.

Вообще-то никто никогда у нас так не выступал. И в колхозном клубе воцарилась мертвая тишина. В воздухе все еще будто звенели мои последние слова: «Ведь что такое выборы? Не означает ли это — избрать из своей среды самого лучшего человека? Так давайте это сделаем, товарищи!»

Потом вдруг начались паника и смятение, как во время землетрясения. Выборы превратились в суд надо мной. Инструктор оказался речистым, и мои слова, и мое поведение он разбил в пух и прах. Там я надолго заработал себе славу клязника.

Таким образом, я для всех стал неугодным. Затем заседание парткома, комиссия за комиссией, бюро райкома... Заинтересовались, что преподносит детям этот безыдейный учитель, на мои уроки посылали инспекторов, проверяли мои конспекты, короче говоря, все это тянулось два месяца. Разве может воспитывать наших детей человек, который хотел разрушить основы социалистической демократии, оскорбительно назвав ее «утренней физзарядкой»? Уволили меня из школы. Взяв дочку за руку, бродил из района в район, из школы в школу, прибыл в ваш кишлак и остановился здесь. Таджихан, и у меня, и у Гульзиры нет близких, кроме вас, про вашего сына я вам сказал откровенно, если вам это не понравилось, согласен опять уйти из кишлака из-за этого человека... Однако, прошу вас, не отталкивайте нас, Таджихан, мы любим вас.

Во время рассказа состояние Таджихан ухудшилось. Она еле собрала силы, чтобы сказать:

— Знаю, теперь разговор не о личных делах... Просто об уважении, учитель. Если уходящие уважают остающихся, остающиеся — уходящих...

— Не говорите так...

— Если можно, не перебивайте, силы кончаются, учитель... Надо, чтобы нить не обрывалась, чтобы человек чувствовал руку другого человека. Это делает его вечным...

Айхан, войдя, подумала, что это бред, и испуганно положила ладони на худые плечи учителя. Учитель понял, посмотрел горестно, словно виноватый, и вышел в смятении...

3.

Саттар пришел домой ночью и лег, не снимая одежды и обуви. Карамат проснулась и, войдя в нижней рубашке, набросилась на него.

— Где вы пропадаете, забыли про дом, что ли? Что это такое, в каком виде вы лежите? О, боже мой, только этого не хватало, когда-нибудь эта женщина обязательно сведет вас с ума! Подумаешь, воспитывала сироту, чтоб ты сама осиротела... Кого много на свете, так это матерей сирот...

«Началось, — подумал Саттар, которому осточертела жизнь. — Теперь пойдет — слово за слово...» Он сел, где лежал — на кровати с белым покрывалом, вытянув ноги в туфлях.

— Раздевайтесь же и ложитесь, чего насупились? — закричала Карамат, неприятная, с растрепанными волосами. — Та сумасбродка, называя себя матерью,

обращается с вами как с сопливым ребенком, а потом вы являетесь и свою злобу срыпаете на домашних...

— Не ори! Прекрати... Я ее... убил... — сказал Саттар, уставившись ничего не видящими глазами в пол.

— Ой, несчастная я! — выпучив глаза, Карамат грузно опустилась на кровать. — О чем вы говорите! По правде умерла? — спросила она, и у нее перехватило дыхание.

Саттар долго сидел молча.

— Лежит при смерти... — сказал он, теребя обросший подбородок.

— Ах, чтоб она пропала со своей смертью! Как сильно вы меня напугали, — сказала жена и встала, колыхая грудями под ночной сорочкой. — Даже с ее смертью вы не сможете освободиться от нее, ей-богу, какие же у нее претензии к вам, если она лежит? Не ловстер же, сколько лет уж слышу, что она больна. Раз заболела, пусть принимает лекарства, есть доктора, а вам-то что? Не помогают лекарства — есть знахари, табибы. Пусть не скупится, на деньги, вырученные за коконы, можно устроить жертвоприношение.

— Замолчи...

— Почему я должна замолчать? Почему должна молчать, а? Из-за нее мне житья нет, уют и покой дома пропали, вы возвращаетесь, будто проглотив яд... а там Гулям-ака должен заниматься всякими пустяками...

— Э, плевать мне на твоего Гуляма-ака! — сказал Саттар и, обругав жену, резко встал с места.

— Ах, теперь значит так?! Так, стало быть теперь, а?! — вскричала Карамат, кружась вокруг мужа. — Жиром обволокло ваши глаза, и забыли, кто вы такой? — у нее началась истерика и она перешла на «ты». — Кто сделал человеком тебя, сироту, бродившего по улицам? Что, с неба свалились на тебя, приемыша, эти дом и должность, машина и звания? Говори! Если бы не было меня и Гуляма-ака, то женился бы на той кишачной, махал бы кетменем, пуская сопли, называя мамой ту сумасбродку в вонючей червопроводне...

— Заткнись, говорю тебе! А не то я надену тебе штаны на голову!

— Побей и меня, если тебе недостаточно оскорбления сына! Заодно и пойдешь в тюрьму!

— Э... Каким образом может быть он моим сыном, твой ублюдок?

— Кто ублюдок, подлец?! Ты сам ублюдок этой взбалмошной! Эй, чтобы твоя ая сдохла в эту минуту, чтобы ваши могилы были рядом!

— Вон!

— Ты сам вон отсюда! В этом доме нет твоей доли хоть с ногтей! Тысячу раз непотребен тебе этот дом! — Карамат рванулась и заорала во весь голос.

В это время оба они замерли, увидев на пороге своей комнаты Ильхама. Сын с припухшими от сна глазами гневно глядел то на отца, то на мать, а потом, не вытерпев, бросился между ними и выбежал из комнаты.

— Вот! Вот что ты наделал, неблагодарный! Это наказание мне за то, что вышла за приемыша, за нищего! Недаром говорят, пожалей сироту, а он поддаст тебе под зад! Эх, бедняжка ты, Карамат! — Она расселась на ковре и заплакала навзрыд. — О, пропащая жизнь, что я в ней видела?!

— Что, для твоего горшка еще нужна золотая ручка?

— Если бы ты, как паршивая собака, не цеплялся за меня, то разве я, безумная, вышла бы замуж за сопливого студентика?

— За что я цеплялся, неряха! Зачем ты ворошишь... Да, ладно, правильно говоришь, что собака. Только собака станет грызть валявшуюся на улице кость!

В это время в коридоре раздался стук.

— Кто это? — вскочила Карамат. Оказался сын. Одетый. Положив на пол чемодан, который помещался в нише над дверью, он выкидывал из него разное барахло.

— Кто может быть... — ответил он. — Тот, кто с самого дня рождения погряз в болоте лжи.

Ильхам потащил раскрытый чемодан в свою комнату и начал кидать в него учебники, гантели, шерстяную рубашку, кассеты магнитофона.

— Что ты делаешь, сынок?! — закричала мать, хватаясь за волосы, словно хотела их выдрать.

— Не говорите мне «сын». Тот злосчастный, живущий с лжецами, умер!

— Зачем говоришь так, сынок, я объясню...

— Я понял все! — крикнул он. Потом взглянул на Саттара. — Вы тоже лгун! Не стыдно вам, все годы обманывали меня! — схватив чемодан, он направился к двери.

— Ильхам, куда?.. Ночью... — умоляла Карамат.

— К тете за инжиром! — оскалился Ильхам. — Меня не ищите! Считаю ниже своего достоинства быть маской вашего бесчестья!

Повалившись на пол, Карамат заплакала навзрыд.

Саттар бесчувственно открыл ящик шкафа и положил оттуда документы во внутренний карман.

— Удивляюсь, что у меня не хватало ума на то, что сделал этот подросток...

— Ты тоже иди, уходи, если поумнел! — вскричала Карамат, раздувая ноздри. — Пропадите вы все пропадом! — зазвенел ее ненавистный голос.

Саттар вышел не торопясь, как обычно уходил на работу.

— Вовек бы мне не видеть это гнездо злосчастья... — сказал он себе тихо.

Спускаясь по ступенькам и увидев соседей, разбуженных шумом и высунувших головы в окна, пошел, сгорбившись, прочь. Изнутри слышалось ворчание жены:

— Не уйдешь, бросив такое добро! Ты меня взял, чтобы добыть эти должности и звания. Куда же ты теперь пойдешь?! Врешь, вернешься!

А Саттар направился прямо в контору.

«Правильно говорят: если объединятся два негодяя, то им тесно будет в подлунном мире», — сказал Саттар самому себе. Словно человек, который добрался до цели, он повалился на диван. В последнее время он часто и ночует здесь, хорошо, что есть это место, последний приют. Ища спасения, вечерами приходит сюда, успокаивает нервы, находит покой, словно освобождаясь от мук совести. Немного полежит на этом диване, пахнущем запахом чужих людей, и становится легче. Но потом догоняют мысли и начинают мучать. Мучение в одиночестве — это теперь для него единственное избавление.

Рассветает. Душевные схватки Саттара дошли до предела, голова его устала от размышлений. Он даже не может контролировать, куда устремляются его мысли. Как будто в душе его спорят два человека. «В чем моя вина? — спрашивал один.

Почему я, способный человек, всегда аккуратно обделяющий свои дела, должен обеднить себя, не взяв от жизни все, что могу взять? Все стремятся найти свое место. Ну и что, если мне кто-то в этом помог? Люди опираются друг на друга, поднимаясь по дороге жизни, и пусть иногда закрывают глаза на некоторые изъяны, таков мир. Эх, ая, а вы... ведь я еще буду жить! Или я тоже конченный? Тогда... что за жизнь была у меня? Была ли она?... Была... Не стала... По чьей вине?»

«Ты понимаешь, не хитри, — говорил другой. — Хотел летать высоко. Если у муравья отрастают крылья, то значит, смерть его близка. Знаешь такую поговорку? Ая говорила это тебе в лицо. Скажи ей спасибо. Может быть, это и есть твое спасение от беды, подлец!»

«Куда я пойду, если рухнет построенное мною здание? А? Какое здание? Построенное на песке? Теперь... Теперь, если хватит сил, отречешься от всего, закроешь глаза и отречешься, и если найдешь силы, очистишься, начнешь жизнь сначала!»

«В таком-то возрасте?»

«Легко ли быть чистым? Надо отвечать за содеянное, очиститься в огне. Если не так, то сам ищи себе другие пути!»

Сидящего, говорят, съедают думы. Голова лопается, А во дворе рождается новый день. Для кого, для каких дел?

У Саттара резало от бессонницы глаза. Он прикрыл лицо ладонью и снова повалился на диван.

4.

То ли забылась, то ли заснула, во всяком случае, после ухода учителя Таджихан умолкла. Сидя в кресле, Айхан на отрывала от нее глаз, боялась, что не услышит, если она к ней обратится. Однако Таджихан до полуночи лежала спокойно, только перед рассветом застонала, приговаривая. Айхан поняла лишь одно слово: «Горит...» Что горит, где — этого она не знала.

Утром Таджихан проснулась со спокойным лицом, словно освободившись от тисков боли. Заметив на ее лице слабый проблеск сознания, Айхан приподняла ей подушку. Теперь Таджихан лежала, глядя в окно.

— «Мы любим вас...» — прошептала она, вспомнив вчерашние слова. Улыбнулась.

— Хорошо жить, Айхан... Как хорошо! — она говорила, открывая душу, как будто перед ней сидела не дочка и не сестра мужа, а подруга. — Иногда, глядя на тебя, удивляюсь. Где были глаза этого парня, чтобы ему пусто было...

Это было настроение, оставленное учителем вчера вечером. Таджихан даже не

спросила имени этого человека. Учитель и все. Это был для нее не просто собеседник, а символ любви к жизни.

Потом вспомнила про повседневные дела, которыми занималась всю жизнь, расспросила про червоводню, про изобретенные Хасаном новые секаторы для резки тутовых листьев.

— Да, кстати... в конце прошлого месяца на заседании коллегии должны были вынести на обсуждение «особое мнение» народного заседателя, чем кончилось, не сообщили об этом?

— Сообщили, — сказала Айхан, у которой сердце запрыгало от радости, что ая начала разговор про такие обычные дела. — Вы были в больнице, и не стали вас беспокоить. Оказывается, дело того Байбусина пересматривается, передали другому следователю.

— Хорошо... — сказала Таджихан. Мысли ее, видимо, перешли от чужого дитяти к своему, и она спросила:

— Саттар не приходил?

— ...Несколько раз бывал... незваный гость — неотесанная палка... Поскольку вы не звали его, он ушел.

«Не оттого, что не звала... а из-за трусости», — подумала про себя Таджихан, а сказала Айхан про другое:

— Не ко мне, имею в виду, а к тебе он не приходил?

Айхан нахмурилась.

— Ну ладно, ладно... А ну-ка помоги. — Она, удивив Айхан, встала с кровати. С ее помощью переоделась, надела чистое платье, новые чулки. Потом пересела на место Айхан.

— Теперь для тебя здесь нет места. Завари чай, поухаживай за собой, он, может, еще явится.

— Ая! — сказала раздраженно Айхан и вышла.

Таджихан знала, что неуместным словом она нанесла девушке душевную рану. Однако в уголке ее сердца жила горестная надежда. Знает, что теперь это бесполезно, поздно, невозможно исправить и трагедию Саттара, и несчастную судьбу Айхан. Но, несмотря на это, она тайком ждала еще одного прихода того злосчастного человека. Вспоминает его выходы, и рука сама тянется к боку.

— Поделом! Сама воспитала! — говорит она, считая режущую боль как справедливое наказание для себе.

В это время снаружи сильно застучали створки дверей, послышался шум. В окно были видны перья куриц, летящих с кудахтаньем в разные стороны. Вслед за ними — шум шагов на террасе.

Таджихан, ожидавшая Саттара, вместо него на пороге увидела Назми со съехавшим на шею платком и растрепанными волосами. Она влетела с воинственным видом, выкрикивая неприличные слова, попытки утихомирить ее были бесполезными. Отталкивая Айхан, которая хотела преградить ей дорогу, она шумела:

— Знаю, сидит здесь! Ха-ха, убежит от меня! Своей цели достигли, матушка! Вместе с сыном и меня отдают под суд! Однако посмотрим потом, ребенок не отвечает за мать, мать — за сына! Законница вы одна, что ли, мы тоже знаем! Надо же было мне, дурехе, обратиться к тебе с жалобой. Разве поймет эта бесплодная недуги матери и сына!

Это слово вонзилось в сердце еле сидевшей Таджихан! Увидев, как она побледнела, Назми было примолкла, но тут же снова начала.

— И на тебя найдется управа, чтоб тебя камнем придавило, дай боже!

Вместо того, чтобы ответить на эти унижения и ругань, Таджихан, задыхаясь, встала, опершись о кресло, и, дойдя до кровати, упала на нее. Бесконечные страдания отразились на ее лице.

— Ты не ругай меня... погубил тебя выращенный тобою же сын, — сказала она с трудом. — Матери... — продолжала она некоторое время спустя, глядя на потолок. Потолок качался. — Матери...

В это время Назми повернулась и выбежала из комнаты. Вошли Айхан и Гульзира, подложили под голову Таджихан подушку, окропили ей губы водой. Таджихан этого не почувствовала, слизав бескровные губы, она все еще говорила Назми.

— Слушай... Я из-за проклятой войны не смогла присмотреть за ребенком... Погубила. А ты? Что с тобой случилось? Обрывается же...

Что обрывается — этого она или не отыскала, или не смогла высказать.

— Однако... и я не лучше тебя... Кто остался от тебя, а кто от меня... Мать? Мы не смели быть даже, как шелковичный червь...

Она задохнулась. Снова качнулся над ней потолок. Войдя, учитель обмер на пороге, переглядываясь с Айхан и Гульзирой.

Таджихан не знала, что все они рядом, у нее пламенело все существо, она не могла выговорить ни слова, однако какой-то уголок мозга продолжал работать.

Откуда-то слышалась приглушенная мелодия дутара, а иногда раздавался и дружеский смех. Свадьба? Почудилось, что со стороны окна повеяло запахом дыни. Таджикхан собралась с силами, но не смогла встать. Запах дыни! Может быть, он идет вот из этого соседнего сада. Таджикхан взглянула на сюзане, где обычно висел дутар, его там не было... Человеку хочется жить даже со столькими горестями. Не насытившаяся жизнью, Таджикхан посмотрела на окно угасающими глазами. Казалось, что все эти горестные думы, которые она не могла передать, высказывает эта мелодия дутара. Она похожа то на мелодию, то на молитву. Мучительные думы... вы отступите. Человеку нужна мелодия, нужна молитва. Человек уходит... Но он будет жить. Будет жить его боль, его мечты. Человек чувствует это в душе, поэтому и создает такие мелодии, такие молитвы. Вот и думы Таджикхан ушли далеко... И они тоже останутся, как та мелодия, не умрут.

Вдруг у нее ожил язык. Однако слова были путаные. То говорит связно, то заговаривается, словно бредит, забывает, кого подзывала к себе.

— Назми!.. Гульзира!.. Матери... дети мои... Жизнь моя оказалась ошибкой. Не сумела я исправить. Теперь... Осталась смерть. Может быть, она приведет его в чувство. Да, учитель, умирают те, которые упрямо говорят «нет»...

Потолок качался сильно, казалось, что рушатся стены.

— Матери... дети мои... опомнитесь. Шелковая нить тонка...

Тут мысли и чувства ее стали ясными, словно вдруг очистилось все ее существо. Глаза ее видели все, всех стоящих вокруг дорогих людей. Она взяла за руку Гульзиру.

— Гульзира... наша серебряная нить... — сказала она и сжала губы. Остальное не сумела договорить. Теперь она перестала чувствовать боль. То, что вдруг просияло на лице Таджикхан, оказалось миганием свечи перед тем, как погаснуть. Неведомая сила трепетно потянула ее в черный провал и оборвала жизнь.

5.

После долгого оцепенения, безмолвного молчания они взглянули друг на друга. В их взглядах был безответный вопрос. Первой, придя в себя, встала Айхан. Хотела было протянуть руку к еще не остывшему лицу Таджикхан, но невольно отвела ее с дрожью. Снова протянула, снова отвела, схватилась за грудь рукой и беззвучно заплакала. Учитель протянул свою длинную руку и дрожащими пальцами, слегка касаясь по векам покойницы, закрыл ее глаза. Горький крик вырвался из груди девочки. Чтобы подавить его, она крепко закусил губы и, сняв с головы платок, накинула его на зеркало.

Отец, жалея дочь, крепко взял ее за руку и вывел на улицу.

— Папа, что случилось с красивой ая?

Учитель, занятый своими думами, не услышал ее вопроса и не ответил.

— Папа...

— Большая трагедия торжествует над мелким злодейством пошлых людей...

— Что случилось?

— Такие дела невозможно опровергнуть словами... С ними надо бороться, пожертвовав своей жизнью... Правда... за самую высокую цену.

— Папа... моя красивая ая...

Учитель очнулся и увидел, что разговаривает не с дочкой, а с какими-то людьми.

— Что тебе сказала ая, дочка? В последний раз.

— Сказала: «Серебряная нить».

— Еще?

— Это все.

— Она хотела сказать, чтобы эта нить не оборвалась. Надо продолжить дело тети Таджикхан, дочка.

— Я буду шелководом, папа.

Учитель прижал ее голову к сердцу, удивляясь тому, что она не плачет. Или не понимает, или не умеет плакать, бедный ребенок.

— Речь не только о том, чтобы не оборвалась шелковая нить, моя милая. Должны продолжаться дух, нравственный мир таких людей, как ая. — Он снова заметил, что говорит не дочери, а то, что скажет завтра старшеклассникам. — Семья, упавшее в землю, погибнет, только тогда вырастет урожай...

— А что случилось с ая, папа?

— Твоя ая умерла, моя взрослая дочь.

— Почему умерла, кто ее убил?

Вопросы девочки были собственными вопросами учителя. Поэтому он сперва отвечал самому себе, а потом дочери.

— Убило все то хорошее, что она делала. Хорошее, которое она делала Саттару, хорошее, которое она делала Назми...

— А разве хорошее убивает?

— А?..Нет, убивает плохое, болезнь убивает, дочка.

В это время вышла Айхан с посеревшим лицом.

— Вы, сестра, бегите за доктором, — сказал он девушке, — а я...

Айхан кивнула головой. На ее взгляд, ая скончалась легко. Однако все вокруг казалось холодным, темным, и небо было не голубое, а черное, как провал. У Айхан обрушилась голова, внутри было пусто...

6.

После похорон Саттар к вечеру снова вернулся в контору. Облокотившись на председательский стол, за которым сидел двенадцать лет, долго плакал. Когда наступила темень и снаружи, на дорожках, стихли звуки шагов, уставший, задремал.

Перед ним возникла толпа людей на кладбище и гроб, покачивающийся на плечах. Сотни людей, но не видно ни одного знакомого. И все же Саттар не решался приблизиться, стоял в стороне. Раздался сдержанный плач, застучали лопаты, посыпалась земля. О, боже!.. Неужели он не сможет приблизиться! Ноги не идут, идти не могут, а в это время чужие люди берут горсти земли... В волнении Саттар было приблизился, но в этот миг проснулся.

Не мог понять — сон это или явь. Снаружи ночь, на потолке пятиламповая люстра, но почему-то только две лампочки мерцают слабым светом. Стремясь унять нервы, Саттар сел возле стола, взял бумагу и ручку. Он пришел сюда по делу — написать заявление...

Заявление? Зачем он будет писать заявление? Ну, освободят его от работы, а куда он потом пойдет? С таким грузом на душе, а? С этим проклятием? Куда сбежит он от совести?

Нет, не заявление, он должен написать письмо с подробным объяснением! Случилось так, случилось эдак, всю жизнь — фальшь, убил человека... все, все нужно описать.

Саттар скомкал три-четыре написанных листа. Снова написал заявление, потом порвал его и снова начал писать. Все описать... разве это легко?! Когда началось это, каким образом он очутился в этом болоте?! Исполнял... Столько лет... Исполняй и бери, сиди в президиумах осанисто, еще исполняй... Дома нечего делать, ничего нет в душе, ни любви, ни человечности... Все вранье! Можно было утешиться фальшивыми радостями и прожить всю жизнь... Страшно... Если не считать того, что иногда, заскучав, ездил повидать Айхан, то ни один день в жизни не согревался любовью. он даже не задумывался серьезно о любви.

Ведь когда-то он любил: как, бывало, услышит голос озорной Айхан, то брала его дрожь, ночами не мог спать.

Саттар вытер со лба пот, снова взял бумагу. Неужели так мучительно писать о своей жизни? Если подумать, то, не считая годы студенчества, когда посылал письма Таджихан, никогда ничего не писал. Писали другие: характеристики, статьи, очерки... Какой большой, какой страшный обман!

Теперь он хочет перенести на бумагу этот обман.

Теперь он разом вместе с собой хочет уничтожить весь этот обман.

Задрожала рука, отбросил ручку.

«Так, допустим, что меня нет. А лысый, длиннорукий, низкорослый плут Гулям? А Гулям останется? Так, допустим, он тоже ушел. Но ведь ему на смену придут другие гулямы¹...

Эй, ты, Саттар, не глубоко ли берешь? Говорят, если ударишь быка по рогам, то у него занюют копыта. Так ты можешь и до секретарей райкома, обкома дойти? А они...

Например, секретарь нашего райкома первый орден получил на войне, а Золотую Звезду на целине... В какой бы район ни посылали, росла урожайность, появлялись новые «маяки», новые герои... Ладно, может быть, есть здесь и вина... Однако разве можно эту вину считать виной?

Нет, ты сам себя запутываешь, Саттар. По-твоему, виновны все вокруг тебя, среда, порядки, а ты только жертва. То есть преступление есть, а виновного нет. Так, наверно, не бывает... никогда так не бывало. Каждый получает свою долю. Ты подумай про себя, про свою жизнь, про свои проделки. Ведь все равно не сможешь всю жизнь носить их с собой!»

¹ Гулям — буквально означает «раб» (араб.)

Саттар постарался обдумать все эти слова заново, нервно шагая по кабинету. Однако подступали еще более противоречивые думы. Устав, он сел снова. Пощупал холодный лоб. Голова свинцово тяжела, давит вниз.

Так можно стать сумасшедшим. Насилюя себя, с горем пополам написал письмо. Будь что будет — смешное, трагическое, в нем есть все. Когда рассвело, вышел в коридор, держа в одной руке шляпу, в другой — «письмо». В предрассветной тишине отчетливо слышались скрип половых досок и звуки его шагов. Остановившись напротив кабинета парткома, открыл своим ключом обитую дерматином дверь. «Письмо» положил на стол секретая парткома, придавил один угол телефонной книжкой.

Когда вышел наружу, то облегченно вздохнул и, не оглядываясь, зашагал по первой попавшейся тропинке.

7.

...В тот день, а может быть и в другой — даже сам не знает, усталые ноги привели Саттара во двор, где он вырос.

В большом дворе погасла жизнь, которая раньше здесь шумно текла. Оказывается, широкий двор наполняла Таджикиан. А нынче все словно проглочено землей, не слышно ни звука, все опустело. Вспугнув стаю воробьев у террасы, он вошел внутрь. В пустых комнатах вечерняя темень. На спинке стула висело знакомое платье Айхан, стиранное тысячу раз. Сердце заохлодело. Словно стали сиротами вещи, когда-то дорогие ему. Как будто кто-то их унизил, глядели уныло.

Однако, кажется, в доме кто-то есть? Саттар от испуга чуть не вскрикнул: «Ая!» Айхан, которая, заметив его тень, спряталась в темный угол, встрепенулась и выдала себя.

— Айхан... — сказал Саттар тихо.

Ответа не последовало. Пуще прежнего сжавшись, девушка дрожала в углу.

— Айхан... — Хотя Саттар не видел ее, но внутренним чутьем догадывался, что она здесь. Поставил на землю маленький чемоданчик.

— Айхан... Я ушел из дома. Вернулся к тебе, Айхан. Насовсем.

— Я дома одна, уходите, — сказала девушка дрожащими губами.

— Айхан, я отрекся от всего. Теперь я тоже совсем одинок. На эту встречу я пришел, словно на мученичество, Айхан. Теперь я... не я. Все начнется сначала.

— Легко вы отреклись «от всего»... — сказала Айхан, глядя в землю. Потом смело подняла голову. — «Сначала»... Вернуться в детство невозможно.

— Я пришел с маленькой надеждой, Айхан. Если нет чувств, оказывается, не бывает и счастья...

— Нет счастья — одно дело, но приносить несчастье другим...

— Айхан, ты любила меня... Все помню, как вчера... Потом столько лет в снах... Можно же прошлое отрезать и выбросить. Я отрезал... сжег все мосты для отступления. Айхан, прости, никто другой не простит, знаю, ты прости мою вину.

— Какую из них? Оставьте другие, я не могу даже простить этот ваш приход!

— Ведь... наша ая мечтала, чтобы мы были вместе.

— Вы убили... те мечты.

Услышал ли Саттар фразу до конца или нет, но после слова «убили» лицо его побелело, он постоял, как мертвый, потом, наступив на чемодан, быстро вышел.

Айхан затряслась и заплакала. Спрятав лицо в ладонях, села на корточки. Смотрит, перед ней раскрытый чемодан. Пара носков, смятая рубашка, платочек... Айхан протянула руку и подняла платочек за угол. Большой платочек, на уголке которого зеленым шелком вышита буква «С». Та самая. Вечером в день окончания десятого класса она вложила платок в его карман и убежала. Потом три дня не показывалась ему на глаза...

Айхан взяла свой платок, приложила к лицу. В один миг платочек намок.

...Весь вечер шагая по дорогам, Саттар оказался на какой-то бахче. Споткнулся о толстую тыкву и почувствовал, что от жажды горит в груди. Шагнув дальше, он стукнулся о незрелую дыню и съел ее с жадностью. Потом улегся на деревянную кровать какого-то безлюдного стана.

Утром он проснулся, дрожа от прохлады. На столбе висела пустая клетка для перепелки. Вдалеке виднелись голые тутовые деревья, кое-где на вспаханные поля слетались стаи ворон, взлетали с шумом. Хотя Саттар и дрожал, все же он умылся холодной водой из бочки. Ему некуда было идти, болела голова. Немного пройдя по берегу канала, он присел на берегу. Вода текла неспешно, словно отдыхая от трудов. Говорят: посиди у арыка и понаблюдай, как протекает жизнь. Саттар печально глядел на голые деревья, на стаи ворон. Потом с гримасой схватился за

голову. О, боже, что за нестерпимая боль! Неужели теперь каждый новый день будет начинаться с этой боли?

Он почувал шорох за спиной и вздрогнул от неожиданности. Но еще больше он испугался, когда услышал слова:

— Сказали, что бродит в этих местах. Я пришла за тобой, сынок...

— А?

— Ты Саттар?

Обернувшись, Саттар широко раскрыл глаза. Женщина, повязанная платком, немного горбатая, глядела на него с состраданием.

— Ведь ты Саттар?

Саттар, сидя, подался назад.

— Я твоя мать, сынок.

— Нет!

— Я твоя мать, не узнал, сынок.

— Нет! Нет! Нет! — закричал Саттар, обхватив голову обеими руками. Голова болела так, как будто сейчас треснет, но не только голову, ломило все его существо.

— Моя мать умерла!.. — закричал он, но почувствовал, что голоса его не слышно. — Моя мать умерла, — прошептал он...

Анна Колесникова

Стихи для Людмилы

Не выходят стихи! Так, как ты, я писать не умею.
Покачав головою, бездумно в окно на февраль
буду долго глядеть и, беспомощно вытянув шею,
утверждать, что он кляузник старый, пропойца и враль...

Я навру про февраль. Ты не верь мне! Придумана поза.
Это — маска от слабости. В жизни я много мудрей.
И навзрыд гололед, листопад, шторм,
а может быть, проза,
когда ты, в час вечерний, —
бумаги и снега белей!

Но вернусь к февралю!
Мы к нему, как к беде, притерпелись.
Пожимая плечами: безумствует, дескать, чудак!
Как наряжен наш быт в белых хлопьях нежнейшей метели.
Уничтожил снега января —
не поправить никак!

Не получится жизнь!
Как задумано было — с размахом!
Не мельчаю в деталях: задумано было с умом!
Это что там за вспышка, на грани — меж светом и мраком?
Это отблеск звезды над упрямым, задумчивым лбом.

Черно-белым платьям Беллы Ахмадуллиной

До черно-белых дорости причуд
я, Белла, к сожаленью, не успею.
Но вы так близко, что сочту за труд
ничем не беспокоить вас...
Затею
немой и безответный разговор,
чтоб не смотреть, когда идем мы рядом!
Готова проиграть!
Иду на спор
цветным моим бессмысленным нарядом.
Я проиграла больше... Видит бог.
И столько же — в итоге! —
на раздаче.

Мне ведом мой предел и мой итог;
ИМЕТЬ И ПРОИГРАТЬ —

нельзя иначе!

Смешнее не бывало неудач!
Печальнее удачи не бывало.
В гортани вашей —

легкий вздох иль плач,

но я вас даже в этом обогнала...

Осознанно шагнула в ничего.

А вы?!

Реально ваше отраженье.

Смешная тень сожмется и чихнет,
нарушив ритм строфы, стихотворенья.

Неблагозвучен мир цветных удач.

Я с вами в черно-белой гамме буду.

Я смех зову! Мне труден этот плач.

Приятней бы сослаться на причуду,

Прикрыться ею! Ветошью надежд

не обрастать, не зеленеть так ярко.

Не увлекает мир цветных одежд.

Лишь жизнь одна!

Прекраснейшим подарком!

Стрелочник жизни

Стрелочник жизни моей!

Стрелки назад поверни:

в светлые, добрые дни,

чтобы я стала мудрей!

Стрелки укажут мне путь.

Компас надежный — душа.

Я ведь живу не спеша!

Стрелочник,

не позабудь!

О, дисгармонии звук!

Чуткое ухо у звезд.

В мире отчаянья, слез —

все выпадает из рук...

Честность, за что по щеке?

В мире предательства, лжи —

почести мне окажи:

твой поцелуй на руке!

Милый не знает о том,

что укорочен мой путь.

Если любви не вернуть,

пуст мир души и мой дом!

Видишь: декабрь на дворе.

Вся облетела листва...

Дай мне любви волшебства —

в снежном, седом декабре!

Белле Ахмадуллиной

Я, словно звук, проникла в голос ваш.

От теплых губ еще не отделилась.

Вдохнули вы — я призрачно явилась,

чтоб, как туман, рассеяться у глаз.

Прелестное подвижное лицо,

и голоса серебряные звуки.

Я помню выразительные руки

и старое массивное кольцо.

Чуть робко, не спеша, вошли вы в зал.

И грациозны были все движенья.

Рта милый оттиск слабо выдавал

и сдерживал невнятное волненье.

Как будто бы невидимый оркестр

играл над вами чутко и опасно.

И замер зал... Услышав, как прекрасно

ваш нежный голос

музыкой воскрес!

* * *

Плачь обо мне, дождливая погода!
Перехитри!

Постой! Перемудри!
Простужена печальная природа..
Дождем февральским смой и раствори
все то, что не сбылось, хоть обещало.
Все то, что не дано переиграть.
А сердцу человеческого мало!
Не надо бы, не надо умирать.

Мы умираем...

Но, себя лелея,
живем в родстве, оправданы собой.
Себя любя! И лишь себя жалея!
Обласканы — отвергнуты судьбой.
Мы все в себе прощаем без остатка,
придирчивы, язвительны к другим.
О, дай мне бог отвергнуть эту взятку,
погнавшись за едино

дорогим!

Вечер

Тот вечер — таких не бывало! —
Иссохший в полуденном зное,
светился, и нежно мерцала
звезда у меня за спиной.
И серпик — турецкой эмблемой,
прилежный эпитет Востока,
покинул границы поэмы
и в небо взлетел светлооко.
Кружатся небрежные польки.
Их платья по-детски раздулись,

прочь тувелек легкие дольки,
в них — жар остывающих улиц...
Останутся в памяти звуки,
ночной Бухары силуэты,
слегка загорелые руки,
звенящие в танце браслеты,
свеча колдовская Каляна,
воздетая в небо для света,
и голос, протяжный и странный,
и внятный в тиши минарета.

* * *

Прости меня, прости — за мой талант!
За то, что трое дороги на свете.
Была лихой, но честный дуэлянт
у пошлости злорадной на примете.

Не расстрелять! Злословье велико.
Но как чиста душа, ты знаешь тоже.
При встрече отверну свое лицо.
Была я лучше... На семь лет моложе!

Не возвратить! Проехали — и пуст,
пуст мой стакан... Напиток славы горше.
Хвала, злословье ль равнодушных уст —
мне все равно. И мне не надо больше.

Я ничего не жду. В стихи одет,
ты их носил, роскошные одежды.
Так люди излучают тайный свет,
его не видят вещи и невежды.

Как пуля в пулю, выпущу всю жизнь.
Рука не дрогнет: пошлость на примете.
А ты при встрече резко отвернись.
Мне только трое дороги на свете!

Отпуск

Доживу, дотерплю до июля
И умчусь с рюкзаком на плечах,
Окунусь в синеву Иссык-Куля,
Растворюсь в луноликих ночах.

С упоением вдохну ароматы,
Упаду на ковер из цветов —
Все проблемы забыты и сняты,
Нет за мной ни дорог, ни мостов.

На песке поспешу распластаться
И до снежной дойду высоты.
Может, все позабыть и остаться
В этих дебрях заветной мечты?

Не найдут меня здесь телефоны,
Среди гор, в неземной тишине,

Кану я за лиловые склоны,
Стерегающие солнце во сне.

Да притянет назад, хоть не близко,
В задымленный панельный гигант
Госпожа городская прописка,
Мой магнит, мой конвойный сержант.

Я вернусь покоренной рабыней
В свой отсек на седьмом этаже
В сладком запахе горькой полыни
И с непойманным счастьем в душе.

Буду ждать и терпеть до июля,
Длинным веком покажется год,
Чтоб лететь к синеве Иссык-Куля,
К белой вечности снежных высот.

На перекрестке проспектов

На перекрестке проспектов,
Где грохот стоит и чад,
Где духота и пекло
И круглые сутки — ад,
Из выхлопов грязно-сизых,
Словно в туманном сне,
Вышел однажды призрак
На вороном коне.

В визг тормозов, урчанье,
Нервный дорожный быт
Влились степное ржанье,
Мерный цокот копыт.
Ахнул автоинспектор:
Что за дурацкий бред?
На перекрестке проспектов —
Всем гужевым запрет!
Ахнул и поднял сразу
Жезл — закон не тронь!

Но, не моргнув и глазом,
Шел черногрудый конь.

Ревели автомобили
От ревности, без нужды,
К одной лошадиной силе
Невиданной красоты.
Шествуя горделиво
Мимо людских забот,
Конь с вороною гривой
Скрылся за поворот.

Всадник из ниоткуда
Ушел в свое никуда.
Катила металла груда
По кромке его следа.
Ветер врывается с поля
В дымную пелену,
Степью бродила воля
В душном моем плену.

Белые ангелы

Белые ангелы, Жизнь и Любовь,
В мире безумства, где слезы и кровь,
Как отыскать к вам дороги-пути,
Как к вам проехать и как вас найти?
Флаги пиратские лжи и обмана
Кутают город клочками тумана,
Плотной вуалью зловещей беды

Скрыты в ночи Милосердья следы.
Но в темноте, налетевшей орлицей,
Светятся окна, как добрые лица.
Может, лучистый, негаснущий свет,
Белые ангелы, ваш? Или нет?
Только скажите, на чем к вам добратся,
Вечные спутники Дружбы и Братства,
Где путеводная кроется нить,
Как постучать и куда позвонить?
Может, вдали от шоссе и метро
Ваше пристанище, Мир и Добро?
Или в толпе городских площадей
В душах живете обычных людей?
Как вас узнать, кто вы: юноши, девы?
Белые ангелы, где же вы, где вы?
Свет и Надежда, куда к вам идти,
Как к вам проехать и как вас найти?

Галина Галимова

Брест-Брест

Ну вот, я ступила на этот порог.
(Ни страха унять, ни стыда...)
Безумная кисть и шальное перо
меня завели — но куда? —
сейчас я дрожащей рукой надорву
надписанный косо конверт
и с криком коротким паду на траву,
земную покрывшую твердь,
земную ли? нет, — я зачем-то в раю...
нет, просто в заморском краю...
Так вот как караешь ты душу мою,
за что? — я тебе говорю.

Стою, как свинчатка, тоской налита,
с отчаянным криком в очах:
о Господи, Господи, можно ли так —
дрожит и не гаснет свеча;
пока на последней ступеньке стою,
ликующим горем горит...
Да что ж отправленье никак не дают,
и кто это мне говорит:
мужайся! — а что остается, душа? —
не плачь, не жалей, не зови.
О, если б не этот свистящий в ушах,
разреженный воздух любви!..
Во имя которой придут и распнут,
и снимут, и снова распнут...
Но если на миг перед смертью проснусь —
о, если я только проснусь! —
тогда испрошу по себе благодать,
приняв и суму, и тюрьму, —
оставь меня, Господи, здесь подышать.
Я больше нигде не умру.

Опять

...Опять позабыла, зачем родилась.
Для радости? Вряд ли. Для боли? Примерно...
Допустим, я шла... и увидела лаз
в заборе. А там, за забором, — премьера!
Там титры в начале, и кто режиссер —
известно, и плавно ползет кинолента,
и верность! и ревность! и нервность! и все
понятно почти, как предсказывал лектор.
...Нет, дам объявление: «Прохожий, прочти!
Быть может, ты помнишь — я кто и откуда...»
Два конуса света всосали зрочки,
но память молчит, освещенная скудно.
Ах, что за идея внезапно зажглась
таким излучением, острым для глаза,
что глаз попросил перерыва, и мгла
накрыла меня, и я снова погасла?..
Должно быть, задумался или влюблен
был при исполнении небесный провизор, —
и долю безумства и дикости он
во мне, хоть без умысла, явно превысил.
И мой результат — он всегда нулевой.
Когда решетом я не черпаю воду —
как спичкою, чиркаю я головой
по низко подвешенному небосводу.
И запах настырный пожженных волос,
и запах пустыря — душные волны...
Затем ли живу я, что жить довелось?
Зачем же, зачем? Ах, довольно, довольно...

Ботанические мифы

А. ШИРОНИНОЙ

Весна, и первоцвет, и снова Персефона
покинула Аида-старика
(неужто он еврей?), и трубку телефона
сняла нетерпеливая рука.
И диска поворот, и хрип, и дикий клекот
некормленного Гебою орла, —
пружиною сквозь ткань прорвалась подоплека, —
все о любви — и сразу умерла.

Весна, и автор строк, вконец сошедши с круга,
летает на растрепанной метле;
как от любви темно в глазах моих, подруга,
он ненависти станет ли светлей?
Ну, выверну любовь, ушью, перелицую,
с нуля начну и с чистого листа...
Но алым сургучом мужского поцелуя
навек запечатаны уста.

Мне не давить во рту зеленых виноградин,
вина не нежить, не ласкать лимон...
Да не утерян вкус к любви, не украден,
хоть все пройдет, как думал Соломон.
Не по плечу богам подвалы, катакомбы
любви моей...

Ты слышишь Суламифь?

Весна, и нету сил — соскучиться по ком бы,
страдать и плакать, руки заломив!

Цветут тюльпан и мак, повылезла сурепка,
и мифы, и легенды заслоня, —
я о самой себе их сочиняю редко,
а чаще сочиняют за меня.
Весна, и распишись — вот все, чего алкала,
но сможешь ли ты жажду утолить?..
Широнина цветет, не мудрствуя лукаво, —
нарцисс Сарона, лилия долин.

Память

...А как ее спросишь: зачем приходила,
и жизнь через сито свое процедила,
и сыпала хмель?
Ведь жизненный опыт добыт и почерпнут,
и мир не представится белым и черным,
как уголь и мел.

В стакане вина полстакана осадка.
Но вновь заставляет испить без остатка,
и — об пол стакан.
На вкус солона, и кисла, и прогоркла —
тверда ее хлеба железная корка,
середка жестка.

И ржавый болбочет ее колокольчик,
что долг не оплачен и спор не окончен,
но в щель бытия
вся жизнь утекает, хоть крошечна ранка...
О, дай мне напиток, постой, самарянка.
О, память моя!..

В пользу вегетарианства

Что за мука — на званом сидеть четверге!
Треп салонный... общенья вериги...
(В морозилке — говядины пара кг...)
Говорите еще, говорите.

Одоброя, а то порицая вождя,
рассуждайте умно и свободно
(но по-прежнему слаще всего — пригвождать...),—
это можно сейчас. Это модно.

Что за скука — на зва-ном...немедля очнись!
Не зевай, не свисти, не горбатся!..
(Да, так что же с говядиной мне учинить?
Вот — вопрос, вот — издержки богатства.)

Говорить о себе ни один не устал
(в мясорубку ее! На котлеты!..) —
о, как мило душе, о, как сладко устам
слово «я»! Никакое — как это!

...Ну а ты что — иначе живешь и жила?
(Лоск уже потускнел, глянец смылся...)
Оглянись — не во гневе. Скажи — не со зла:
все полно беспощадного смысла.

Все мы — миром одним, и на равных паях, —
инородцев едим, иноверцев.
...Так рыдайте же, скрипки! И смейся, паяц!
Разрывайся же, глупое сердце!..

Мир прекрасен

В воде не балуй, не играй с огнем,
в трамвае уступай орденоносцу;
пригнись, мне говорят, не то согнем
в бараний рог — тогда не разогнешься.

Команды жди назад или вперед,
в калашный ряд не лезь с суконным рылом.
Парад собачий для других пород.
Не стой в проходе с этим шестикрылым.

Я думаю, хоть мир несправедлив,
зато прекрасен, если прост и ясен,
да тем, что прост и ясен, он прекрасен,
хотя во многом и несправедлив.

Людмила Бакирова

* * *

Осталось мало дней в календаре.
На крышах иней, иней на заборах.
Восходит солнце.

В ярком серебре
шиповник нежно-алый во дворе
— цветет! — и сад пустынный в ноябре,
скамья и стол и желтых листьев ворох.
Над ними сверху плод айвы висит,
он золотой, он вызревший на диво,
— игрушка новогодняя на вид.
Арык весь высох.

Ветер холодит
до половины срубленные ивы.
Природа все меняет не спеша,
давно ль узор багряный и вишневый
с ветвей стекал, задумчиво шурша,
но обнажилась дерева основа.
Как тихо все.

Тиха моя душа,
не вьет гнездо в ней песенное слово.
А, может быть, молчит она не зря,
пока в ней отражаются невнятно,
шиповник, цветом розовым горя,
пустынный сад в начале ноября,
скамья и стол и желтых листьев пятна.

* * *

Сад августа.

Сломает ногу черт
в густых кустах у ветхого забора,
на ветке низкой яблоко — апорт —
познанья плод, плод тяжкого раздора
красавиц трех.

Но суть совсем не в том.
С дрожащей ветки, отягченной шаром,
сорви его.

Утешь себя плодом,
насыщенным божественным нектаром.
Свет наливное яблочко, оно
мне правду скажет.

А сладчайшим вкусом...
Какая горечь! Кислоты полно,
летит оно в дремучий куст — с надкусом.
Ты сам поймешь, где истина, где ложь,
добро и зло.

И к общему итогу
жизнь подведешь.
Какой тяжелый дождь
из жестких яблок вымостил дорогу.

* * *

Бог не выдал, не съела свинья,
друг не предал, и
вольному воля,
да опять нанесло воронья,
и туман закрубился по полю.

Да опять за окошком
пурга,
и с кровати — на правую ногу!
Богу свечка, свинье кочерга,
Ну а воле —
коня и дорогу

* * *

... И вот отходит августа корабль,
идет в тяжелом бархате сентябрь,
он бунтовщик! Устроит ералаш,
или шутник, любитель маскарада,
в одеждах пышных и богат и важен,
он просит краски — масло и гуашь.
Пишу я сад во время листопада,
плоды, и листья, и травинки даже,
все, все уже описано в пейзаже...

Но мне покоя не дает пейзаж.

Сергей Тютюнник

ПО НАШУ СТОРОНУ ГРАНИЦЫ

Прошел год с того дня, как завершился вывод советских войск из Афганистана. Кончилась самая противоречивая, самая долгая наша война за последнюю четверть тысячелетия. Но «бои» продолжаются в тылу — по нашу сторону от пограничных рек Пяндж и Амударья. «Бои» за нормализацию жизни тех, кто выполнял интернациональный долг, а также их родных и близких.

На этот раз противник вооружен не автоматами и минами, а черствостью и эгоизмом. Его не учили иноземные инструкторы, он говорит на нашем родном языке и, может быть, сроду не бывал за границей, он носит не чалму, а шляпу, но его плотные бюрократические боевые порядки способны заменить «духовские засады» и минные «банки». Одиночки с таким противником не совладают. Нужна организация.

1

Была середина восьмидесятых.

Высохшие от жары, тоски и эпидемий, мы хотели домой. Мы, офицеры, рвались домой, зачеркивая в календаре каждый прожитый день. Мы ждали единственного положенного за два с лишним года службы в Афганистане отпуска или замены во внутренний округ, успокаивая письмами почерневших от дурных примет и бессонных ночей матерей и жен. Мы сочувствовали нашим солдатам, у которых право на отпуск согласно приказу министра обороны СССР обуславливалось исключительно смертью «ближайших родственников» (читай: отца с матерью). Но некоторые ездил в отпуск по телеграммам, не вызывавшим у них большого горя. Хотя в этих телеграммах, заверенных военкомками и врачами, сообщалось о смерти отца (матери) и значилась просьба отпустить сына-солдата на похороны. По такой телеграмме ездил в отпуск и мой подчиненный.

Я держал тогда в руках имевшую силу юридического документа телеграмму и смотрел в глаза солдату. Мы оба все понимали. Мы понимали, что наши матери пошли бы грудью на душманские пулеметы, если бы это помогло сыновьям. Что уж тут говорить о приказе министра обороны. И военкомы это тоже понимали. И врачи. И начальники штабов, подписывающие отпускные билеты. Офицеры лишь были благодарны «ближайшим родственникам» солдат за то, что они не «умирают» все одновременно.

Матерям не был страшен приказ министра. Не боялись они дурной молвы, не боялись анонимок в прокуратуру. А офицеры не боялись, что отпускники дезертируют и не вернуться назад. Командиры боялись лишь за солдатских матерей и поэтому за месяц до увольнения в запас старались не пускать их сыновей под огонь. Они хотели, чтобы побольше живых и невредимых добралось домой. А домой мы рвались все. Мы рвались точно так же, как те солдаты и офицеры, которые в составе своих подразделений и частей вышли из Афганистана после самой первой договоренности в Женеве. И точно так же, как те, что вышли после хабаровского заявления М. С. Горбачева. Мы хотели домой точно так же, но встречали нас по-другому. Не было тучи корреспонден-

тов своих и чужих, не было моря цветов, не играли оркестры, не хрипел в микрофон Михаил Лещинский, не пели Розенбаум с Кобзоном.

Родина начиналась для нас не только «с той песни, что пела нам мать», не только «со старой отцовской буденовки», но и с... таможни. Таможня ташкентского аэропорта заменяла нам цветы, оркестры и корреспондентов. Было начало 1985-го года. Офицеры ехали служить в Союз. Солдаты ехали на «похороны» к живым родителям на десяток дней отдохнуть от войны.

Таможня распахнула наши чемоданы и захлопнула наши души. У меня отобрали блокноты с дневниковыми записями, фотографии неприглядностей войны, рукопись с описанием нашего боя в горном массиве Луркох, кассеты с песнями Владимира Высоцкого, Александра Розенбаума и моих друзей-офицеров, перетрясла каждую из 167 книг советских изданий, которые я вез с собой и которые мне помогли донести от самолета до таможни четыре солдата-пограничника. У моего друга отобрали маленькую декоративную книжечку Корана, в которой он, конечно же, ничего не смыслил, но захватил с собой на память об Афганистане. Его фамилия из-за этого попала в приказ министра обороны о контрабанде, и друг мой был исключен на партсобрании за «тяжелейший проступок» и понижен в должности. Я в приказ не попал. Я стал спорить с упитанным седым капитаном-пограничником, отстаивая свое право на фотографии, блокноты, кассеты и рукопись.

— Это же Высоцкий! — упрасивал я пограничника в 1985 году. — У него ведь пластинки есть, фильмы, «Нерв» издан!

— Высоцкого нельзя, — советский капитан смотрел на меня, как на капризного ребенка.

— А Розенбаума почему? Он концерты дает по всему Союзу.

— Розенбаума тоже нельзя, — капитан начал замораживать меня взглядом.

О «самодельных» песнях моих друзей я и спрашивать не стал. Но неясность с причиной конфискации описания нашего боя в горном массиве Луркох на 24-х машинописных страничках подогревала меня, заставляя в рискованном положении контрабандиста приставать к пограничнику. «Почему?»

— Потому! Какое-то начальство там у вас непонятное... Подполковники по горам лезят... Где вы видели, чтобы подполковник по горам лазил?

— ?!

Взамен кассет, блокнотов, фотографий, рукописи мне выдали маленькую бумажку, на которой я подтвердил конфискацию всего вышепоименованного.

— А то потом скажете, что мы это все себе забрали, — пояснил седой капитан, старый волк досмотров и конфискации.

Нет, я так не скажу. Я теперь только признаюсь, что перехитрил таможню и вывез лишний экземпляр описания нашего боя в горном массиве. Этот очерк был опубликован в 23-м номере журнала «Советский воин» за 1987-й год под названием «Доверить «Гурзуфу» и «Кобре», и редколлегия журнала присудила мне вторую премию за участие в конкурсе, посвященном 70-летию Вооруженных Сил. Прости меня, таможня!

Мы долго не могли понять, почему наши «самодельные» песни — контрабанда. Там не было ничего антисоветского, наоборот: сейчас ими заполнены телепередача «Когда поют солдаты» и поэтические сборники, выходящие в издательстве «Молодая гвардия». Мы не могли понять, почему через границу в Союз можно было ввозить согласно необъяснимой таможенной норме 20(?) магнитофонных кассет всяких арабесок, пинк фloydов, спейсов и еще черт знает чего, но нельзя Высоцкого и Розенбаума. В 1985 году! Ведь издали «Нерв», а Розенбаум давно пел со сцены официально. Не могли понять, почему нельзя везти блокноты и дневники, ведь память наша горяча, и мы напишем все сначала, а некоторые уже написали. Почему нельзя фотографии? Разве осторожно продвигающийся по ташкентскому (московскому, киевскому и т. д.) тротуару на костылях одноногий девятнадцатилетний парень с наколкой «ОКСВА» на руке менее впечатляющая иллюстрация? Мы не могли понять, почему таможню обложили «непущательными» инструкциями, а из седого пограничного капитана сделали цербера. Мы догадались потом, когда поползли разные слухи о солдатах, уволившись в запас после службы в Афганистане.²

— У них же нет «стопа», — говорили «информированные». — Страх потеряли, вот и бешуют. Под Москвой появились какие-то полубанды, которыми верховодят бывшие «афганцы», в Сибири вообще ужас! Ими же никто не занимается...

Да, чувство «стопа» у этих «афганцев» сместилось. Изрезанные осколками и врачами, изъеденные москитами и вшами, они научились побеждать свой страх. А в соединении с честными песнями Высоцкого и Розенбаума, в соединении с правдой вообще умение побеждать свой страх — небезопасная штука для власть имущих. Тем

¹ ОКСВА — ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

² В дальнейшем речь пойдет только о них. Те, что сейчас служат в армии, требуют отдельно-го разговора.

более, если приплюсовать сюда отчаянность матерей и жен, отцов и братьев тех, кого привезли в оцинкованном гробу, или кто пропал без вести.

Мы также не могли понять, почему отцу с матерью, которые поставили на могиле сына памятник с надписью «Погибшему от афганской пули», должно что-то грозить. А ведь все их односельчане говорили, что грозит.

— Нагрянут военкоматовцы с милицией — они вам дадут «Погибшему от афганской пули»! Кто разрешил такую надпись высекать? — шептал битый жизнью сосед. — Пока не поздно, сотрите надпись.

Сосед знал, что говорит. Потому что военкоматовцы и милиция многих и без того издерганных стариков прорабатывали насчет эпитафий. Во всех концах страны, куда возили цинковые гробы, немало случалось инцидентов на кладбищах и вокзалах. Поэтому кое-где хоронили «афганцев» даже ночью, чтобы предотвратить митинги, а кое-где на панихидах милиция четко следила за регламентом и социальным содержанием надгробных речей, не стеснялась перебивать людей над могилкой. И надпись о гибели «от афганской пули» власть предержавшим не нравилась, и речи, и причитания на похоронах. Слова о никому не нужной войне еще очень резали слух. От горя и отчаяния начиналось даже открытое выражение недовольства районным, областным и прочим начальством, от безысходности шло желание наконец-то сказать правду.

В газетах тогда правды не было. Например, то, как освещала события в Афганистане военная пресса, вполне выражает анекдотическая цитата из заметки в газете: «Огонь! — прозвучала команда, и мишени, истекая кровью, уползли в горы».

Правда была в том, что везли в дневниках, кассетах и воспоминаниях «афганцы». Поэтому таможня, обложившись инструкциями для служебного пользования, бдила. Правда была в том, что бывшие интернационалисты казались бюрократами опасными. Они несли в себе заряд энергии, и этот заряд давал искру, когда бескомпромиссное недавнее прошлое сталкивалось с конформистским настоящим. Искра могла привести к «пожару». Кое-где от таких искр начала уже тлеть труха. Ну какому чиновнику это нужно?!

Но только с помощью метода «держат и не пущат» с набравшими авторитет в стране молодыми ребятами, несущими в себе искру и правду, «охранители застойной системы» не справились бы. Они это хорошо понимали. Они понимали, например, что рты затыкать лучше всего не кнутом, а пряником. И «афганцы» получили такой крупный пряник в зубы, что скулы свело. Постановление о льготах (подготовленное еще при Брежневле) у многих интернационалистов отбило охоту к активной и последовательной общественной деятельности. Постановление создавало иллюзию социальной справедливости. Так было до 1985 года, так есть и теперь.

— Что же вы, — качал головой председатель горисполкома, укоряя бывшего солдата, расшумевшегося из-за горисполкомовских махинаций с распределением жилья, — государство о вас заботится, а вы обстановку накаляете, нездоровый ажиотаж создаете. У вас однокомнатная? Будет двухкомнатная. И поверьте, мы тут не штаны просиживаем. Наша работа — о человеке забота. Видите: даже стихами...

И пошел бывший солдат с «двухкомнатным» кляпом во рту, рассеянно глядя на таких же возмущенных, каким сам был несколько минут назад. Шел и не мог заставить себя продолжить борьбу с махинациями, потому что чувствовал — увязнет по неопытности в бюрократическом болоте, еще и квартиры лишится.

Тут ведь что любопытно — не кем-нибудь, а государством, вроде, гарантирована квартира, но гарантию реализует конкретный столоначальник. Этот конкретный столоначальник государством считается себя. И от его имени отдаст многое (квартиру, дефицитный товар и т. д.), но не отдаст права на распределение льгот. И уж ни за что не станет спорить, что льготы не нужны (в их настоящем виде). Он ими живет, в них его власть, сила, авторитет. Вряд ли подумал об этом «афганец». А если подумал и не возмутился, значит, льготы и «система» свое дело сделали.

Стиральные машины и телевизоры (законмерно, как и многое у нас, ставшие дефицитом), квартиры и вузы самым шумным выдаются сразу, одним махом решая зачастую проблемы возмущенной общественности и «заботы о людях». И взяткой это не назовешь. Разве что официальной взяткой, при любом контроле или ревизии — оправданной постановлением. Подчеркну, что эти блага — только самым шумным. Потому что на всех пряников не хватает, как справедливо заметил в песне Булат Окуджава. Ведь «афганцев»-то — сотни тысяч. Ну, телевизоров еще худо-бедно наскребем после нынешних таможенных ограничительных законов, даже с учетом ветеранов Великой Отечественной войны. А квартир где наберемся (их за границу никто не вывозил). Да и почему квартира бывшему солдату, пусть жизнью рисковавшему, но вполне здоровому, небогатее, чем, скажем, многодетной семье, матери-одиночке или забытым богом и детьми бессильным старикам?!

Пряники, думается, нужно раздаривать налево и направо с учетом их наличия в мешке. Иначе — инфляция всякой добродетели. Вместо того чтобы предусмотреть реальные, вполне выполнимые обещания (квартиры, нормальное лечение, бесплатные

путевки в санатории — только для инвалидов, да плюс пенсии, на которые можно жить), постановление о льготах позволяет чиновникам свободно варьировать дефицитом, а ловкачам — варьировать чиновниками.

Приходит, например, в магазин рядовой покупатель за стиральной машиной.

— Только «афганцам», — отвечает продавец.

Приходит «афганец».

— Только ветеранам Великой Отечественной, — говорит продавец.

Приходит ветеран Великой Отечественной.

— Уже продали «афганцам», — отвечают в магазине.

А стиральная машина давно отдана «блатным», и проставлен в ведомости фиктивный номер льготного удостоверения. Я сам с подобным случаем сталкивался.

А вот что характерное произошло в Ташкенте. Нуждавшийся в жилплощади журналист не поленился через военкоматы узнать о жилищных условиях «афганцев», объездил тех из них, кто был в особенно плохом положении, составил своеобразный «черный список» и ознакомил с ним некоторых работников горисполкома.

— Вот, посмотрите, какое громадное количество героев Афганистана живет в безобразнейших условиях, — размахивал списком «заботливый» журналист. — А ведь есть постановление!

В горисполкоме люди были сообразительные.

— Что вы хотите? — спросили у «обеспокоенного» судьбой героев журналиста.

— Трехкомнатную.

— Это реально...

Совершенно случайно об этом узнало прямое начальство журналиста и нарушило планы уже договорившихся сторон.

У нас вокруг каждой привилегии, вокруг каждой льготы такая гора нравственного мусора вырастает, что изначальное благое намерение творцов льгот приводит к диаметрально противоположным результатам. В наших очередях седоголовых ветеранов Великой Отечественной запросто матом кроют, сделай они хоть попытку добраться до прилавка в обход остальных. Что уж говорить об отношении к «афганцам»! Привилегии пока что **не добавляют** уважения к интернационалистам, **не выражают** его формально, а наоборот — **растворяют** от очереди до очереди. Справедливо заметила, наверное, австрийская писательница Мари Эбнер-Эшенбах, сказавшая: «Самый заклятый враг права — привилегия».

И еще о самом постановлении. Всякое учреждение, обладающее этой тоненькой книжечкой, старается хранить ее за семью печатями. Я встречал немало людей, служивших и работавших в Афганистане, которые ни разу в жизни этого постановления не видели, несмотря на то, что тщательно изыскивали возможности ознакомиться со своими правами. Учреждения держат постановление под замком (так же спрячут и вышедший недавно сборник последних юридических документов по «афганцам»), и это вполне понятно. Ибо интернационалистам столько там обещано, что выполнение всех обещаний, во-первых, просто невозможно, а во-вторых, внесло бы хаос в работу всех взлелеянных нами торговых, жилищных, приемных и прочих, и прочих комиссий. Даже не все члены комиссий сами знают, чего от них вправе требовать бывшие солдаты. Доходит до курьезов. Пользуясь свидетельством о праве на льготы, некоторые сообразительные «афганцы», безылазно служившие на продскладах, бесплатно ходят в кино и ездят в трамваях и метро, озадачивая контролеров таинственной надписью в удостоверении: «Предъявитель настоящего свидетельства за успешное выполнение заданий Правительства СССР имеет право на льготы...» Что за задание такое, что за льготы? Уже в этом документе закреплена тайна. Неудивительно поэтому, что ошарашенные контролерши спрашивают:

— Разведчик, что ли? Штирлиц?

Недавно корреспондент ТАСС вынужден был взять интервью по вопросам льгот интернационалистами у заместителя начальника Центрального финансового управления министерства обороны СССР генерал-майора Н. М. Бая, потому что люди не знают своих прав и возможностей. Это подчеркнул и сам генерал-майор Н. М. Бай в своих ответах. Хотя постановлению о льготах уже много лет. За это время пора бы уж иметь полную ясность во всех вопросах работы вокруг него. Однако аж корреспондент ТАСС обращается к самому генералу за информацией, которой располагают все военкоматы, райсобесы и т. д. Но это ведь, по идее, все равно, что обратиться к академику с просьбой рассказать о таблице умножения.

Всякая «тайная канцелярия» вокруг постановления губительна и для «афганцев», и для уважительного отношения к ним, и для помощи действительно нуждающимся (а многим она крайне необходима). Только бюрократии таинственность выгодна. Это очередной козырь распределения жизненных благ в ее руках.

³ Изложение постановления впервые опубликовано в газете «Красная Звезда» за 28 ноября 1987 г.

Расчистить социально-нравственные завалы вокруг «афганцев» должны, по-моему, прежде всего сами «афганцы», объединившиеся в союзы, клубы или какие угодно по названиям группы с минимальной формализацией (например, только списком членов). Угроза бюрократизации — хуже душманской засады. Бумаги и штатные должности не должны убить живое дело. Неважно, как будет называться общественная организация «афганцев». Но такой союз интернационалистов уже стал складываться. Этому процессу нужно помочь. А именно — преодолевать раздробленность, объединять усилия на решении основных проблем.

Будущие члены такой общесоюзной единой организации — это, конечно, прежде всего сами «афганцы». Молодые люди, сильные духом, но не всегда телом (многие из них инвалиды, многие переболели тифом, гепатитом и тому подобными болезнями, накладывающими отпечаток на всю жизнь, и с годами это все больше будет сказываться), не должны легко поступаться голосом совести. У них оголены нервы. Они умеют побеждать страх. И такое качество делает их очень нужными стране в наше крутое время. Человек, умеющий побеждать свой страх, вряд ли станет рабом. Таких сотни тысяч. Юношеский максимализм бывших солдат в сочетании с опытом жизни в экстремальных условиях, умением преодолевать свои слабости — уникальный на сегодняшний день букет. Но с годами он вянет. Время дорого. Желание ввязаться в бой за идеалы может превратиться в желание ввязаться в бой за льготы, или вообще пропадет всякое желание куда-либо ввязываться — возникнет нездоровая обозленность на всех и вся.

Наряду с воинами-«афганцами» в союз, по-моему, с полным правом должны войти отцы и матери, родные и близкие тех, кто погиб в Афганистане, оставил там здоровье, да и вообще служил. В рамках комсомола такой союз невозможен хотя бы потому, что объединение молодежи и людей пожилых противоречит его уставу. Да, к сожалению, и чиновничьему духу во многих райкомах. «Афганцы» должны образовывать самостоятельную организацию со своим Центральным советом. Зачем это нужно? Затем, что накопилось много проблем, решить которые должны, могут и хотят прежде всего люди, имеющие непосредственное отношение к Афганистану. Дел хватает. И речь идет не только о наведении порядка вокруг постановления о льготах.

Не так давно создан общественный комитет «Надежда», в который вошли в основном матери, отцы и братья тех, кто пострадал в Афганистане, кто попал в плен. Комитет сразу заработал активно, с мертвой точки сдвинулось дело освобождения наших ребят. А что же было до «Надежды», на что потрачена уйма времени?

Помню, года полтора назад на всю страну протрубили, что в посольстве Пакистана побывала наша делегация, передавшая обращение к правительству этой страны с просьбой о содействии в освобождении советских военнопленных из душманских лагерей. Единственной женщиной в этой делегации была космонавт Светлана Савицкая. При всем уважении к ней, непонятно, какое отношение к военнопленным имела Савицкая. Потому что из космоса ей виднее? Или сын у нее в плену томился? Или послан ее показать можно, не стесняется в дипломатической обстановке? Или всем нашим космонавтам рано или поздно положено переходить на общественную работу? Почему нельзя было послать в посольство мать пропавшего без вести или погибшего солдата? Потому что хлопотать об освобождении сыновей не материнское дело? Или потому, что мать в дипломатической обстановке разрешится от горя? Или соответствующего внешнего вида она не имеет? Это солдатские матери, женщины с огрубевшими руками, с выпланными глазами, с иссохшими сердцами должны спрашивать: «До каких пор наши советские военнопленные будут самые пленные в мире?!»

Не хочу обидеть Савицкую. Ее желание помочь попавшим в беду солдатам понятно и заслуживает уважения. Но не понятно, что сделала она, чтобы в делегации — хотя бы **рядом** с ней, а не **вместо** — находилась солдатская мать. Или, может, никто из матерей не хотел тогда говорить о сыне с послом Пакистана? Слава богу, космонавты у нас никогда особо не страдали от невозможности высказаться. Вот с простыми смертными было тяжелее. И не только было. Ведь все так же, как во времена «застоя», о народе заботится кто угодно, кроме самого народа. В данном случае речь идет именно об этом.

Думаю, родные и близкие пленных задолго до создания комитета «Надежда» вполне «созрели», чтобы «разрешить» им подать голос в защиту сыновей. Да и в свою тоже. Потому что, честно говоря, не знаю, кто больше из-за плена страдает — сам пленный или обезумевшая от горя его мать.

Скорее, члены союза «афганцев», чем назначенные произвольным решением люди, должны заниматься проблемой пленных. Это лишний раз подтверждает созданный непонятно кем в свое время и до сих пор не распущенный координационный совет, в который в основном вошли чиновники, для проформы разбавленные несколькими представителями бывших солдат. А матерей там нет. Наоборот ведь должно

быть: костяк всех комиссий и советов должны составлять подлинные представители заинтересованной общественности, а для помощи им — минимум функционеров. Усилия этого совета совершенно незаметны. Непонятно: кому он нужен?

А нынешнее положение, к стати, вполне закономерно, потому что Всесоюзной общественной организации «афганцев» нет. Как можно считать с тем, чего нет? Поэтому и не считаются. Считаются с тем, что есть. А есть кое-как разбросанная сеть клубов интернационалистов со слабыми связями между собой. То есть организация в зачаточном состоянии. С ней соответственно и считаются: взяли двух-трех человек в координационный совет по освобождению пленных. А матери тем временем перед закрытыми воротами пакистанского посольства рыдают так, что слезы на объектив телекамеры корреспондентов «Взгляда» летят. Быть в «совете» матерям не доверили. Одна надежда — на «Надежду». И, думается, чем больше таких добровольных комитетов будет — тем лучше.

Но не только пленными, по-моему, должны заниматься «афганцы». Есть еще проблема сохранения памяти о подвиге наших ребят южнее реки Пяндж. Многие сомневаются в том, что это был подвиг. А, например, писатель Александр Проханов в некотором смысле справедливо говорит, что наши интернационалисты — жертвы застоя, ошибки руководства страны. Правда, Проханов сказал об этом гораздо позже написания целой обоймы своих произведений о пользе ввода войск и вреде сопротивления ему.

Наверное, в какой-то степени наши солдаты и жертвы. Но прежде всего они герои. О морях крейсера «Варяг», например, не говорят, что они жертвы царизма. Подвиг выше, главнее, а статус «жертвы» унижителен. Ошибочным или нет было решение правительства о вводе войск в Афганистан в декабре 1979-го — это вопрос, касающийся прежде всего совести самого правительства. Оно не может бросать тень на солдат, которых вся пресса и телевидение, а заодно командование до слез убеждали в правильности и необходимости такого шага. Более того, войдя на территорию сопредельного государства, наши воины защищали не столько «соседей», сколько самих себя. Такая защита в той страшной неразберихе местных социальных, национальных, религиозных и других противоречий была единственно понятным до конца делом.

Память о подвиге советских солдат нуждается в сохранении. Причем не только «в наших сердцах», как любят говорить обычно неспособные проявить ее на деле. Она может и должна быть увековечена. Имею в виду памятники, музеи, преданные огласке документы, изданные письма, кинохронику и т. п. Иначе нашей «афганистанской кампании» грозит судьба советско-финляндской войны 1939—1940 годов, о которой мы почти ничего не знаем.

Как сказал один офицер, «память об Афганистане нужно застолбить». Заниматься этим без участия самих «афганцев» безнравственно. Их союзы и клубы без понуканий «сверху», толчков «снизу» и «сбоку», без вечного нашего нытья из-за финансовых трудностей могли бы работать с самоотдачей и многое сделать. Материально их подержал бы весь народ. Нужно только в полный голос говорить об этом.

В 1987 году Ташкентский горком комсомола, наверное первым в стране, кинул клич о сборе средств на памятник «афганцам» в столице Узбекистана. Всеми ли он услышан? ⁴ Денег поступает мало, да и те, если верить сообщениям в печати, расходуются не на памятник, не на общее дело. Неизвестно, как проводится конкурс на лучший проект, что за эскизы рассматривает комиссия, создана ли такая комиссия вообще. Почему ни одна центральная газета об этом не сообщает, не публикует эскизов будущего памятника? Неизвестного в этом деле много. Настолько много, что возможность сооружения мемориала в честь интернационалистов в ближайшем будущем вызывает сомнение.

Определенные старания, проявляемые в этом деле газетой «Фрунзевец» Туркестанского военного округа, в общесоюзном масштабе теряются. Я видел в газете некоторые эскизы памятников, присылаемые на конкурс, объявленный «Фрунзевцем». Фигурально выражаясь, они не самого высокого уровня. Хотя очень хорошо, что есть неравнодушные люди со своим видением мемориала. Более того, я уверен, что некоторые проекты заинтересовали бы горсоветы, горисполкомы, клубы и союзы «афганцев» в сотнях других городов страны. То, что не подойдет Ташкенту, может быть приемлемым для Ашхабада и Самарканда, Кушки и Термеза. Но для этого эскизы должны быть опубликованы или показаны по телевидению. А для того, чтобы состоялась публикация или телепередача, по-моему, нужна мощная организация «афганцев». Она — самый надежный «толкач» в этом деле. Союз или клуб интернационалистов, не в пример горкому ВЛКСМ, последовательно будет строить будущий памятник, а не писать отчеты и отдавать телефонные указания. И уж, конечно, общественная организация позаботится о том, чтобы обо всех этапах строительства мемориала узнали как можно больше бывших солдат, их родных и близких. В этом ее сила.

О памятнике в Ташкенте нужно сказать особо. Ташкент в нем нуждается, по-мое-

⁴ Счет ташкентской конторы Госбанка — № 000700390.

му, больше, чем какой-либо другой город нашей страны: особую роль сыграл он в развитии афганских событий. И если памятник интернационалистам в столице Узбекистана не появится в обозримом будущем, то такое положение сравнимо разве что с отсутствием в Москве мемориала в честь Победы в Великой Отечественной войне. Будет очень жаль, если Ташкент, так же, как и столица страны, более четырех десятилетий с холодным спокойствием сможет обходиться без закрепленной в камне дани уважения к героям и павшим. Будет очень жаль, если так же, как в забракovaný Московский проект мемориала на Поклонной горе, в Ташкенте полутайно родится свой вариант чего-нибудь подобного. Да услышат меня Союз художников и Союз архитекторов!

Подчеркну — памятник интернационалистам должен быть прежде всего в центре Ташкента, а не на задворках Москвы. Летом 1988 года в газете «Красная звезда» (а потом и во «Взгляде») сообщалось о закладке камня в столице на том месте, где в будущем будет стоять памятник «афганцам». Автор репортажа подполковник П. Ткаченко справедливо сетует, что закладка камня, митинг, салют в честь павших происходили на глазах очень многих людей, которые совсем рядом загорали и купались на прудах, абсолютно равнодушные к не совсем рядовому событию.

У меня, не москвича, возникает два вопроса. Во-первых, это что же за район столицы выбран, где запросто купаются, сколько от него миль до центра? Во-вторых, поскольку это не первый камень в Москве под будущий памятник, не станет ли он недвижно лежать до тех пор, пока вышеупомянутое место не станет центром столицы?

Поскольку ответы на вопросы очень проблематичны, осмелюсь сказать, что Москва — мягко выражаясь, прохладный к «афганцам» город. И не только к ним. Некоторые советы ветеранов Великой Отечественной войны с подачи московских городских властей решили уже не приглашать на праздники Победы в столицу фронтовиков без московской прописки (интересно, спрашивали ли о прописке осенью 41-го года у тех воинов, кто защищал столицу?) Об этом в письме в «Огонек» написал старый солдат. Унизили седоголовых, всемирно уважаемых людей, каждым днем жизни которых мы должны дорожить.

Ведь с каждым годом ветеранов второй мировой войны будет все меньше. Но как хранить спокойствие интернационалистам, где гарантия, что в прокрустово ложе прописки не попадут ветераны нашей последней войны, к примеру, приехавшие в столицу на встречу с однополчанами и пожелавшие возложить цветы к памятнику (камню) павших в Афганистане? Не схватит ли милиция за шиворот, предварительно изучив штамп в паспорте? Опять осмелюсь после таких вопросов посоветовать «афганцам» не рисковать с Москвой, а в Ташкенте безбоязненно собираться на встречи, может быть, здесь основать и штаб своей всесоюзной организации, здесь и памятник ставить прежде всего.

Не хочу противопоставлять Ташкент Москве, тем более, что в столице Узбекистана бюрократия тоже сильна, но факты говорят о более благоприятных условиях для работы союза интернационалистов в Ташкенте. Одна только помощь Туркестанского военного округа чего стоит!

Памятники — лишь один аспект вопроса о Памяти. Есть еще множество. Взять хотя бы выросшую на глазах волну «афганской» литературы. Пишут мемуары и очерки, рассказы и романы те, кто в Афганистане никогда не был и толком не говорил с теми людьми, которые там были. Все это — опощление Памяти, дискредитация людей, проявивших мужество. Помочь литераторам интернационалисты могут, могут и сами написать немало правдивого и интересного. Стоит на повестке дня и вопрос о создании честной главы об афганских событиях в «Истории СССР». То же можно говорить о музеях и комнатах славы (например, в школах), об аллеях героев, присвоении их имен улицам и т. д.

Много еще есть тем для размышления, и все они говорят о необходимости специального печатного органа для союза «афганцев». Своими журналами располагают, например, пчеловоды и рыболовы, охотники и филателисты. Почему бы свою газету не иметь бывшим солдатам и семьям, в которых были «афганцы». На первый взгляд, необходимость не кажется слишком уж острой. Но это только по причине пока большой популярности афганской темы. Думаю, что теперь, спустя год после вывода войск, и в перспективе интерес к этой теме ослабевает. Не сомневаюсь, что многие журналисты начнут стесняться нашей последней войны. Это уже происходит.

Говоря о печатном органе «афганцев», не разрываю это с необходимостью создания общественной организации интернационалистов. Нет союза «афганцев» — нет печатного органа. Это аксиома. Не может ведь газета (журнал) повиснуть в воздухе, быть вне интересов какой-либо общественной группы. Но сложившаяся сейчас в стране ситуация характерна тем, что всесоюзная организация интернационалистов стала формироваться сама по себе. Множество клубов бывших солдат успешно действуют во всех концах Союза (по данным печати, их больше трех тысяч). Это подтверждают всесоюзный и республиканские слеты воинов запаса. Факты — вещь упрямая: прооб-

раз будущего союза «афганцев» почти сложился. По-моему, как минимум, тут нужен и прообраз будущей газеты (журнала). А именно: зачастую бессистемные и недейственные выступления многих наших газет вполне мог бы заменить штатный отдел по освещению афганской темы в одном из центральных изданий, например, в «Известиях» или даже в «Ветеране». Имея свою постоянную рубрику или полосу, а может быть, полностью самостоятельно готовя периодически цельный номер, штатный отдел стал бы и пропагандистом, и организатором.

Особо скажу о действенности, организаторском эффекте печатного органа. Они будут тем выше, чем больше юристов станет сотрудничать с ним, чем чаще будут подниматься вопросы юридического, правового характера, под этим углом рассматриваться многие проблемы «афганцев». В идеале газета (журнал) союза интернационалистов видится мне в обязательном порядке с юридическим отделом. А пока практика показывает: только морально-нравственные увещания наших средств массовой информации, их призывы к милосердию без юридической постановки вопроса малоэффективны, хотя и бесполезны. Да и в целом деятельность организаций «афганцев», по-моему, должна включать правовой «кликбез».

Но все это вопросы второстепенные. Они правомерны, наверное, лишь после формального создания союза интернационалистов. Из-за отсутствия такой всесоюзной общественной организации бывшие «афганцы», считаю, проиграли на первом Съезде народных депутатов, а затем и в Верховном Совете СССР. Понимаю, что такой оценкой вызываю в свой адрес множество критических стрел. И все же. Разве заметное на съезде выступление народного депутата СССР Сергея Червонопиского — это выступление «афганца»? По-моему, это, скорее, доклад профессионального военного. Кстати, после своей речи уважаемый депутат, будучи майором запаса, оперативно получил очередное звание подполковника (тем самым Минобороны как бы указало направление деятельности всем народным депутатам из Вооруженных Сил). А ведь «афганцы» и армия — не одно и то же. Их не надо путать, хотя здесь много сходного и не сразу распознаешь, кто кого представляет. Так и получилось. Напористая речь Червонопиского была в основном воспринята и депутатами, и теми, кто следил за работой съезда, как речь «афганца» в защиту «афганцев». Это, считаю, неверно. Сомневающихся отсылаю к опубликованной речи Червонопиского. Вчитайтесь, вдумайтесь, посмотрите интервью этого депутата «Литературной газете»!

Если бы депутаты «афганцы» подготовились к съезду хотя бы так, как это сделала «московская группа» (имею в виду организационные моменты), если бы они создали свою фракцию (лучше термина не найти), думаю, в общественном мнении они не носили бы на себе печать позиции и взглядов Червонопиского. Объединившись и выработав свою платформу, подобно аграрникам, они бы выставили «своего» выступающего. И мне кажется, что озвученная делегатом фракции «афганцев» платформа отличалась бы от позиции Червонопиского, который говорил вроде бы и от себя лично, и в то же время как бы от всех «афганцев», одновременно от комсомола и от армии, да плюс — от всех тех, кто стремится построить коммунизм и кому дорого такое интересное и хитрое понятие — «державка»(!)

К сожалению, не было на съезде ни фракции, ни платформы, ни толкового выступления. Подчеркиваю свою оценку — Червонопиский выступал от армии, а не от «афганцев».

Такое сложное дело, как ответ депутату А. Сахарову, — тоже, думаю, прерогатива «афганцев». Это было бы и авторитетнее и не так агрессивно, и вряд ли вдохновило бы Евгения Евтушенко на стихи, разлетевшиеся по стране и качнувшие весы общественных симпатий не в пользу бывших воинов.

Теперь о сессии Верховного Совета СССР, где народный депутат Павел Шетько требовал от правительства очередных льгот для «афганцев». Сама постановка такого вопроса уже вызывает у людей раздражение. Сейчас единственное, что можно сделать, — более или менее справедливо распределить то, что есть, а не просить добавки.

Именно в этом плане Всесоюзная организация интернационалистов могла бы многое сделать. Возьмем хотя бы такой момент, как устав или кодекс чести «афганца» (без чего трудно представить себе организацию). Он мобилизовывал бы членов организации на помощь крайне нуждающимся в ней, регулировал бы взаимоотношения различных «очередников», через соответствующие запросы в органы власти лишал бы права на льготы тех, кто опозорил честь воина-интернационалиста...

Мне представляется, что трибуну Первого съезда и Верховного Совета СССР следовало использовать для завоевания поддержки политическим руководством, правительством, местными властями идеи создания всесоюзной организации интернационалистов, для консолидации сил, а не выяснения, кто кому чего должен. Что, например, может принести требование к руководству страны дать политическую оценку событиям вокруг Афганистана? С одной стороны, какой бы ни была политическая оценка, она может расколоть общественное мнение на «за» и «против». С другой стороны, мы не одни в мире живем — есть у этой проблемы и международный аспект. И, наконец,

просьба депутатов к руководству дать политическую оценку — не что иное, как сталинизм «снизу»: словно несмышлениши «поднимают очи горé» с непоколебимой уверенностью в правоте старшего — как он скажет, так и будет. Так и будет? Так есть. Увы.

С моей точки зрения, на съезде и в Верховном Совете СССР безрезультатнее всех (аграрников, кооператоров, военных, людей искусства и культуры, «зеленых») пока работают депутаты-«афганцы». Вернее, результат есть — уже устойчивая на сегодняшний день тенденция к падению авторитета воинов-интернационалистов. И это очень огорчительно.

Конечно, никуда «афганцам» от самих себя не уйти. Рано или поздно они созреют, их консолидация неизбежна. Но время дорого. И еще. Не хотелось бы, чтобы объединение бывших солдат базировалось лишь на прошлом. Ограничиваться только военно-патриотическим воспитанием, которое пока выражается в форме выступлений в школах с рассказами, как «молодежь восьмидесятых не подвела (не подведет)», или в лучшем случае организовывать «Зарницы» — примитивно. Кстати, некоторые местные власти только этого хотят от интернационалистов.

Нужно идти дальше, использовать весь неисчерпаемый потенциал организации с сильными «первичками» и авторитетным центром, с продуманным уставом и программой. (Я намеренно не говорю здесь о «союзе ветеранов Афганистана» со штаб-квартирой в Москве. Это такое же местное объединение «афганцев», как и в других городах и республиках. У него нет ни устава, ни программы, не было и учредительного съезда, который передавал «союзу» право координирующего центрального штаба, и т. п.)

С помощью своей организации можно решить половину тех проблем, которые депутаты пытаются взвалить на политическое руководство и правительство страны. От такого подхода пользы мало. Надеюсь, «афганцы» это понимают.

Верю, что возникнет всесоюзная организация бывших солдат и солдатских матерей, что такой союз начнет войну со всем отжившим, застойным. КПСС такую войну уже ведет. Бывшим солдатам пора открывать второй фронт. А фронт не состоит только из разведгрупп, в виде военно-спортивных клубов, фронт — это мощная организация.

Юлия Гольдберг

* * *

Двенадцать строчек напишу,
Поставить точку позабуду,
Доверю все карандашу
И буду уповать на чудо.

И буду жить, как целый свет, —
Безграмотно и беспристрастно, —

Пока идет ко мне ответ
Разбуженного мной пространства.

Пока я жизнью дорожу,
Пока я слов и тела пленник,
Двенадцать строчек напишу,
И это будет искупленье.

* * *

Заспать и дрожь, и дождь: не помнить, не желать.
И пахота черна, и нагота отечна...
Но — господи! — душе, пока еще жива,
Так хочется любви — хоть капельку — проточной,

Ручьевой, луговой... На мятых простынях
Она не может петь, ей не по чину плакать,
Беги, моя душа, и уводи меня
От каменных гробниц, воздвигнутых на прахе.

Нет искушенья в том уюте роковом.
Стряхни скорей, вернись в забытую отчизну!..
Как хочется судьбы ручьевой, луговой,
Когда поцелуешь смерть за поцелуем жизни.

* * *

Я возвращаюсь к осени, в полет
Отживших листьев, ржавого, сухого,
Моя постель отныне небосвод,
Я снова сплю и снова слышу Слово.

От выгод и расчетов отступясь,
Все уступив заранее, без боя,
Я начинаю ощущать ту связь,
Что в смертный час сближает все земное.

И обретает простоту судьба:
Ни лишних звеньев в цепи, ни пробелов,
И начинаешь понимать себя,
Как слог, как часть, осмысленную целым.

Такой покой исходит от земли,
Что неуместна и смешна поспешность,
С которой мы стремимся утолить
Слепою страстью страх пред неизбежным.

О нет, не надо: все свершится в срок,
Пребудет совершенно и сохранно.
И осень льет свой животворный сок
И поит сердце из открытой раны.

* * *

Сторублевая плата — не деньги по нынешним ценам.
Правда, счастья не купишь, да о счастье ли тут разговоры.
По ночам будет плакать убиенный во чреве младенец
И будить этим слабым, этим нежным, надрывным укором.

Мне о том еще рано, пока еще рано, но скоро
Будет плакать в ночи — буду петь над пустой колыбелью —
Нерожденный ребенок, затерянный звездный осколок.
Ах, как ветер гудит над обломками мачт корабельных...

Сторублевой бумажкой за смерть твою плачено миру.
Раньше было дешевле, но те времена пролетели.
Если нету любви, остается кровавая милость
Акушерских наук и холодной немой колыбели.

Валентина Маркина

Осень

Тает слеза на ресницах —
Снился мне он...
Крик улетающей птицы
Слышу сквозь сон.

В окна, закрытые плотно,
Бьется вода.
Осень — пора перелета,
Слез и дождя.

Земля

Средь бела дня не видно света.
Зачем? К чему?
И задыхается планета.
Земля в дыму...

Неужто дикая погибель
Нам на роду?
Планета вздернута на дыбу.
Земля в бреду...

В Ливане или в Палестине —
То скорбь, то гнев.
Предвестья ядерной пустыни.
Земля в огне...

Черны подпочвенные воды,
И смерть — везде.
Очнитесь, пасынки природы!
Земля в беде...

Пушкин

Он — строгий. Он в металл одет.
Он — важных критиков икона...
А мне знакомо с детских лет:
«У лукоморья дуб зеленый...»

Он полн возвышенных идей,
Весь — совершенство, весь — нетленье...
А мной любимо с юных дней:
«Я помню чудное мгновенье...»

Все мимо мчат — бегом! бегом!
На лицах суета и скука...
А я украдкою, тайком
Целую памятнику р~~у~~ку. . . . .

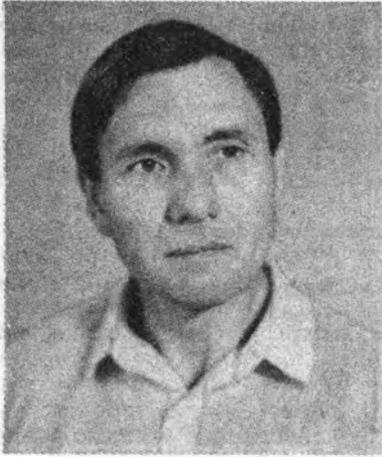
* * *

У придорожных жду берез.
Эх, будь что будет!
Так верилось. И так ждалось
Единства судеб.

Скользнет случайный луч с небес,
Прощальный, поздний.
Что между нами? Темный лес.
Березы. Сосны.

Есть много тайных троп лесных,
Медвежьих, лисьих.
А счастье — это только вихрь
Опавших листьев.

Ахат Кашапов

Н Ю Р К А

РАССКАЗ

Семейная жизнь у Нюрки Глазуновой не сложилась с самого начала. Вышла замуж, и года не прожила, разошлась. Вернулась к отцу и мачехе, устроилась швеей в колхозное ателье. Попала в извечно женский коллектив — пестрый, бурлящий, подвергающий самому беспощадному анализу житейские проблемы, неистово любопытствующий и падкий на сельские новости. Знающий все и обо всем. Та вышла замуж, да неудачно. Эта развелась. Одна счастлива, другая нет. И почему. Все перевероятно. Все обсудят и решат: кто прав, а кто нет.

В женской говорильне соглашались, что деревенской невестке особенно трудно: спозаранку встать, по хозяйству успеть и на поле не осрамиться. Да и городской, мол, не очень позавидуешь: каждый день по магазинам и базарам мотаться, выстаивать огромные очереди, запастись продуктами. И делали вывод: как бы там ни было, в городе все же лучше.

Была ли от судов-пересудов какая польза, становились ли женщины умнее, а девушки мудрее — неизвестно. Жизнь решала по-своему. Любовь подкрадывалась неожиданно, игрались одинаково веселые свадьбы и в городе, и на селе. На место выпорхнувшей красавицы в ателье приходила новенькая, такая же, как и ее предшественница, стеснительная, скромная, молчаливая. Только разговорится, защебечет, разоидется, начнет вступать за общим обеденным столом в женские разговоры и с наивной горячностью доказывать, что в жизни все по-другому — и любовь настоящая есть, и счастье, и крепкая семья, — и уже кому-то приглянулась — жди новую свадьбу и часа грустного расставания.

Молодые всегда были выходцами из глубинных деревень, в пример ставили долгую и согласную жизнь своих родителей, и никому неведомо было, так ли это, как они утверждают, или совсем не так, может быть, вовсе наоборот. Может быть, ее батька так же пьет, как и все мужики, а мать предусмотрительно припрятывает значенные бутылки в дальний погреб или чуланчик. На подозрительные намеки и несправедливый оговор спорщица не отвечала, краснела и наконец начинала понимать: здесь видят жизнь, пожалуй, однобоко, каждая со своей колокольни. А если это так, то стоит ли обижаться и расстраиваться?

Состав ателье в основном оставался стабильным: Глаша — вековуха, потерявшая всякую надежду на замужество, годы неудержимо несли ее к заветной пенсии. Две вдовушки, у которых дети повзросли, стали семейными, и вот день на день надо ожидать прибавления, а значит, и уважительно-иронического к себе обращения: «Бабушка!». Остальные смирились со своей судьбой и уже не помышляли об изменении сложившегося быта...

Была, правда, однолюбка Анфиса: еще в молодости полюбила тракториста Митю и верна своей любви на всю жизнь, хотя Дмитрий Харитонович давно уже стал дедом, не знает отбоя от беспокойных внуков и внучек. О ней в ателье не говорили, так как почти не верили в ее сильную любовь...

Нюрка слушала и не слушала бабьи пересуды, могла и вступить в разговор, а большей частью промолчать. А что ей доказывать? Опыта же жизненного никакого. Замужество не в счет. Не ужилась со свекровью. Да и муж оказался тираном, буйного поведения и частенько бил с пьяных глаз, куражился.

К ворчанию и укорам мачехи Нюра привыкла, вернее, старалась близко к сердцу ее слова не принимать — сколько же можно говорить об одном и том же?! Ну, разошлась с мужем, разошлась. Не выдержала издевок и унижений. Могла бы свое дитё иметь, да боком вышли нещадные побои мужа. Мертвым ребенок родился. А бурчанием не подсластишь и не разбавишь просчеты молодости.

Несколько скрашивала тоскливый быт работа в ателье. Нюра быстро освоилась, профессия швеи пришлась по душе, нормы выполняла как бы шутя. Все у нее получалось, клиенты были довольны, благодарили за отменно сшитые наряды и всем знакомым советовали к Нюрке идти. Сельские модницы, прослышав о незаурядной мастерице, валили прямиком к ней домой. Нюрка никому не отказывала. Любой заказ выполняла. Шила платья и блузки, сарафаны и брюки.

Так бы и текла жизнь мерно, за швейной машинкой, если бы не заболела закройщица и Нюрка не поехала бы с шофером комбината бытового обслуживания Мишей Золотниковым по селам и деревням принимать заказы... Поехала и подгадала себе судьбу. До сих пор не может Нюрка понять того рокового своего шага: почему стала с ним встречаться, а затем и замуж вышла. Ведь из хорошо осведомленной женской почты все знала о нем. Большой гуляка, охотник до женского пола. Женат он был не раз и с последней своей женой разводился и сходиллся неоднократно. И пил, и на руку был нечист. Одно утешение: бездетный. Возможно, жены остерегались рожать, или он сам не хотел связываться крепкими семейными узами — пойди разбери. Знала доподлинно. Все знала. Не сказать, чтобы влюбилась, но почему-то потянулась к нему...

Было это весной. Зеленели нивы, цвела черемуха, у почерневших бревенчатых домов старички в белых рубахах, стеганых штанах и в валенках красили оконные наличники... Навстречу машине стремительно плыла старая березовая грачная роща, тихая омутистая речка, заросшая осокой и кувшинками. На душе было радостно. От солнца, буйно растущей травы, свободы от пересудов женского ателье. Даже распутица и непролазная грязь проселочных дорог не омрачали настроения.

Золотников вел машину умело, ни разу не забуксовал. На Матвеевском перегоне шофер из Нуклиновки, посадивший своего «жигуленка» в глубокую колею от трактора К-700, попросил взять на буксир.

— Надо заглянуть, может, не стоит зря технику гробить, — пробурчал Миша и прыгнул с подножки. Осмотрел дорогу, достал из-под сиденья саперную лопату, подрыл землю под задним мостом, крикнул шоферу: «А ну, Никодим, поддай газку!». Машина, захлебываясь от напряжения, то и дело съезжала вбок. Чтобы не заносило, Миша подпер «жигуленка» справа своим литым плечом. Машина, немного проюлив, вырвалась из дорожной западни и, смешно раскачиваясь из стороны в сторону, поплыла вперед.

Нюра, наблюдавшая за необычным поединком из кабины, громко захлопала в ладоши: «Молодчина!». Миша сорвал с обочины зеленую травку, вытер замасленные и запачканные руки, соскоблил палкой грязь с кирзовых сапог. Был он весь какой-то угловатый. Ершистый чуб упрямо вылезал из-под кепки, черные толстые брови отвлечали и не давали разглядеть лицо. Ходил Миша медведем, вразвалку. Да-а-а, красотой особенно не блистал, но молодецкая сила так и играла в нем, прикажи — двух таких «жигулей» сдвинул бы. «Неладно скроен, да крепко сшит!» — подумала Нюра.

В тот день принимали заказ для участников художественной самодеятельности. Нюра с непривычки долго снимала мерку с каждой юной артистки и, вконец уставшая, пошла с Мишей в столовую, где их ожидала, кроме всего прочего, большая деревянная миска свежего меда с колхозной пасеки. Председатель расщедрился. Миша пошутил: «Эх, никто не ведает, где обедает!» — и обильно намазал медом краюху хлеба, подал Нюре. Янтарные капли нельзя было удерживать в ладонях, Нюра то и дело облизывала сладкие руки и хохотала. Миша, улыбаясь, добавлял еще. И вышло у них как бы по семейному радостно и весело. На сердце за многие годы потеплело...

Назад ехали через лес. Миша нарочно, чтобы показать ей сосновый бор, свернул с дороги. Остановил машину у родника, пробивавшегося из-под каменистого косогора. Пили холодную, сводящую зубы воду и беспричинно смеялись.

С Золотниковым ездила часто, побывали во многих окраинных и глубинных селах Нуклиновского района, возвращались порою в вечерних сумерках, но, к удивлению Нюры, Миша не нахальничал, вел себя скромно, даже робко. И до женитьбы не тронул ее.

Прожили вместе недолго. Вначале Миша по пьянке позарился на колхозное добро. Его поймали. Судили. Отсидев, стал еще пуще пить да куролесить. Затем новый удар судьбы: совсем «тепленьким» попал под поезд... Накануне с друзьями успели обмыть выгодную сделку.

Нюра осталась с двумя детьми-сиротами и со свекровью, которая души не чаяла во внуках, а к ней относилась строго, следила за каждым шагом и наказывала, чтобы не вздумала путаться с мужиками.

А ей до того ли было? Дети, хозяйство, работа. День заполнен до предела. Чуть свет свекровь будила ее, корову доить. Нюра сама не могла проснуться и звон будильника не слышала, спала как убитая. Доила, выгоняла буренку в стадо, кормила кур, утят, индюшек, поила теплым молоком теленка, собирала завтрак, а там и на работу надо бежать. Вечером приходила уставшая, дома ожидали те же заботы: стирка, огород, кухня. За детьми приглядеть и то не успевала. Хорошо, свекровь при здорье, где подсобит, где сготовит.

Без мужика в деревне тяжело. Все самой да самой. Огород вскопать, дров нарубить, воду принести, баньку истопить, навоз в сарае почистить... Всех дел — делать не переделат.

Нередко соседа-старика кликала: полусгнивший, подопревший колодезный сруб заменить, стекла в окна вставить, кое-какие столярные работы ладить. Глядя, как Макарыч — приземистый, тощий, с сухими корявыми пальцами — неторопливо, кряхтя, прилаживает доску, Нюра едва сдерживала слезы: какой ни есть, а мужик! Не силой, так умелостью возьмет, опытом житейским. Все-то у него ладненько получается.

На более тяжелые работы нанимала крепких мужиков — подвезти дров, угля, сена с дальних лугов. Потчевала их курятиной, ставила на стол початую бутылку. На деньги не соглашались...

Укоряли ее бабы: спаиваешь наших мужиков, сбиваешь с пути! Аль не помнишь, чем кончил твой муж?

Молчала, опустив голову.

Что было, то было. И из сердца не выкинешь. До работы был охочь, за год дом вон какой выстроил, разобрал старые срубы на летнюю кухню. Ворота высокие да забор поставил. Эх, кабы не пил...

— Выходи замуж! Одной трудно будет детей поднять, — советовали ей подруги.

— За кого?! — резонно спрашивала Нюра. — У баб мужей отбивать не собираюсь. А так — все непутевые, пьяницы. Хватит, с одним пожила! Хлебнула горюшка. Теперь у меня на этот счет тройная броня!

— Свекровь уж больно строга, — объясняла другим. — Но, если бы... — недоговаривала она, но женщины с полуслова понимали: свекровь, мол, стара, отправится к праотцам, тогда уж она поживет и жизнь свою устроит. И мужа подходящего найдет себе. Чего отчаиваться? Не время.

— Заезжал мой первый муж, просил, умолял к нему вернуться... — хвалилась Нюра на работе. — Но я ни в какую. Не хочу. Не люб он мне.

Вот уже старший сын семилетку окончил. Теперь его вечерами с улицы не дозовешься. Компанию свою завели, на девчонок поглядывают.

Второй сын, Вадик, болезненным рос. Ох, как она с ним намучилась. Выстрадала и переболела, по больницам натаскалась. Жизнь так была и мяла, что мук, выпавших на ее долю, хватило бы на десятерых. И его подняла, уже по плечо матери. А Нюра сама была статная, крепкотелая, темноволосая, с большими карими глазами и с соблазнительными ямочками на щеках. Моргни только, любой пошел бы...

К сестре, в город ездила. Вот уже насмотрелась всего. И во сне такое не приснится! Катя тоже была без мужа, разведенка, дочь подрастает. Но там проще живут. Забегает к ней через день телевизионный мастер. Глазастый, липкий плумень. И кутят всю ночь до одури. Бесстыдники.

Нюру сестра пожалела по-своему: «Хочешь, и тебе найдем? Поди одичала в своей сурковой жизни...»

Диковатым было это предложение для Нюры. Как так можно...

— Многие так живут, — объяснила опытная сестра. — Любовников имеют. Он тебя забалует, заласкает и отогреет поцелуями... Возлюбленный все достанет, чего хочешь. Даже птичье молоко. Город — не деревня. Своего огорода нет, и петушка не зарежешь. Верно? Чего нос воротить? Вот и пользуйся, душа, по самый край!

Так-то оно так. Притачил Катя телевизионный мастер две полные сумки — мяса, колбасы, фруктов. Потер, довольный, руки, с улыбкой достал из внутреннего кармана кожаной куртки бутылку водки.

Нюра после этой поездки крепко призадумалась, но жизни своей не изменила. Не укладывалась у нее в голове беспечная, разгульная жизнь Катьки. Срамница...

Да, безусловно, нелегко было ей одной в чужом городе, оклад кассира малень-

кий, денег едва хватало на пропитание, квартплату и на обновки дочери-школьнице. Алименты от бывшего мужа не получала — да и какая может быть мощь от пьющего мужика, не имеющего постоянного места работы и своего угла. Пропойца, и устраивался так, чтобы лишний раз не разориться на алименты: грузиком в магазин, сторожем в гараж... Легко ли устоять, не соблазниться, не опуститься!

Катя подняла дочь, как она сама считала, с помощью своих обожателей. И сама не одинока, навещают ее, слава богу, не чахнет без мужика. Да и зачем он, муж, в городе? Крышу не крыть, забор не чинить... Обстирывать и кормить вкусными щами? Пусть законная жена заботится!

— Небось втихую встречаешься? — не верила Катя. — Холодно, признайся, одной-то в постельке?!

— Нет, не встречаюсь, — отрезала Нюра, но чтобы совсем уж не разочаровать сестру, выдумывала разные истории. И тот, мол, за ней бегаёт, убивается, и этот ухаживает, проходу не даёт, да только ее не сломишь. К тому же, где в селе встречаться?! Все на виду, все обо всем знают. Сегодня тайна, завтра — полсела говорит. И дети рядом, и свекровь начеку, глаз не сводит. Вот уж, если свекровь...

— Далась тебе свекровь! Может быть, она сто лет проживет! А жизнь-то мимо, мимо... — убеждала Катя. — Старость-то, она наступает по пятам. Тогда уже все!

— Я за каждый шаг перед ней отчитываюсь, — говорила Нюра. — К родному отцу и то не просто отпроситься. Одна в гости редко хожу, больше с детьми. Даже в сельский Дом культуры, в кино, — он рядом, в двух шагах от дома, — не хожу.

— Я же говорю: киснешь.

— Кто на мне, с двумя детьми, женится? — с холодным упрямством спрашивала Нюра. — Обузу такую на себя взвалит? Не родился еще такой мужик в Нуклиновке!

Когда в другой раз, зимой, приехала в город, Катя, спровадив дочь к подруге, все же устроила так, чтобы Нюра познакомилась с еще не старым, с глубокими залысинами инженером. Об этой встрече (лет пять, наверное, прошло) Нюра со стыдом вспоминает, хотя вины за собой не чувствует перед детьми.

— Мой друг Пашка! — представил телемастер холеного, представительного блондина. — Инженер. Холост, — подмигнул Катьке, из чего Нюра заключила, что врет. — Любит трезвый образ жизни, котомку оклад и премию приносит в дом сполна. Всем обеспечен, в перспективе кооперативная квартира, должность старшего инженера.

— Ну, хватит, хватит! — прервал его Пашка-инженер, сузив в умилении и без того узкие, оплывшие глазки. — Расхвалился тут! Перейдем к делу! — И ловко поставил на стол трехзвездный коньяк. — Тащи закуски!

— Будь спок!

Нюру, заинтересовавшуюся было новоиспеченным женихом, больно кольнуло «дело». Уж ей по горло хватило этих горьких «дел», доведших мужа до могилы. Но она смолчала. Не стала отказываться и перечить за столом, хотя и чувствовала и догадывалась — спаивают ее. И даже как-то повеселела. И впервые на людях спела громко и чисто деревенские частушки, разъяснив предварительно, откуда они. Из молодости, когда вся нуклиновская молодежь устраивала по весне вечерки на лужайке у реки, девочки распевали. Задорно, с вызовом, стараясь взять верх над подругами, перепеть, насмешить...

Похоже, Катьку тронула песня. Взгрустнула слегка. Наверное, вспомнила полноводную Кислуху, свою первую любовь — Тимоху Черепанова, которого не дождалась из армии, выскочила замуж. Оставалось малость совсем — два месяца. Но и причина была веская: не соблюла себя, ходила беременной. Вернулся Тимоха, переметнулась было к нему — не простил. И жизнь пошла наперекосяк. Об этом Нюра подумала только вскользь, мимоходом.

За столом одобрительно заплодировали. Катя вернулась из прошлого в настоящее, и застолье продолжилось. Павел ухаживал за Нюрой: то соленьких помидорчиков положит, то грибочков, то семги...

Стали танцевать под магнитофон. Павел пригласил Нюру. Нежно обняв за талию, пожирая задымленными глазами милое личико, воскликнул: «Да вы совершенство! Хорошо ли такой талант в землю зарывать?!» Нюра зарделась: «У нас в Нуклиновке все такие голосистые и занозистые. Хоть через одного бери в хор Пятницкого» (Нюра как-то видела по телевизору концерт, вот и ввернула кстати)! Партнер одобрительно улыбнулся и закружил ее в быстром темпе вальса. Повезло ему: баба сочная, давно не знавшая мужской ласки, от прикосновения обмирает. Бесхитростная...

Нюра было хорошо. Все новое, не веданное ранее. Полумрак. Музыка. Легкое головокружение. Мужское внимание...

Присели на диван. И тогда только Нюра заметила подвох: Кати и телемастера

не было дома. Павел, тесно прижавшись к ней, уже орудовал пуговицами блузки. Нюра вскочила, словно ей за шею положили лед.

— Нюрочка, ну что вы так? Садитесь...

— Где Катя? Телемастер где? — вырвалось у нее.

— Я не совсем понимаю... — бормотал инженер. — Почему вас это беспокоит? — Хотел взять за плечи.

— Отстаньте! — как припечатала. Нюра бросилась в ванную, заперлась на крючок, так и просидела всю ночь. Недоумение, обида, стыд разом хлынули на нее. Острую боль в груди унять не было сил. Щеки пылали от смущения и гнева: сговорились! А Катька-то, Катька... Как она могла?! Потатчица.

Удрученный неуступчивостью, Павел нетерпеливо переминался у двери, затем стал уговаривать ее выйти, просто посидеть у телевизора. Не вышла. С досады пнул свой рюкзак, откуда торчали удочки для подледного лова, усердно заколотил в дверь ванной и, наконец, поняв безнадежность осады, отстал: «Невелика птичка. Авось перебесится...»

«Уговорились, оставили меня с ним, — злилась Нюра. — На одну ночь. Кто же я такая? Гуляющая, что ли? Я — мать. У меня дети. Выходит, у Паши никаких серьезных намерений. Потешился и отваливай. А я-то спервоначалу думала — Катька сватает за него. Если бы даже не был женат, как утверждает телемастер, как бы все сложилось? Он — в деревню, ко мне? Или я — в город, с детьми? А свекровь? Да она ни за какие пироги не отдаст мне Тихона и Вадика. Скажет: «Нашла себе жениха? Жизнь свою устроить хочешь? Иди! До свиданьица!» И все же зрела в душе ласкающая надежда: допустим, Паша захочет жениться на мне. А дети как? Как отнесутся к нему? Полюбят ли? Не знаю. Я, например, мачеху свою не смогла... Изводила нытьем, попреков сколько было! Исстрадалась сколько из-за Катьки — родной ее дочери. Не хуже сказочной золушки выпали испытания. Ах, да что вспоминать!»

«Обольстилась. Оплошала, надо прямо признаться, затянуло в тину, в болото... — издевалась над собой Нюра. — Эх, какую чудесную жизнь себе обрисовала. Южный городок. Квартира с импортным гарнитуром и кондиционером. Вечера у цветного телевизора... А у Пашки-то одно на уме: время провести приятнее и слаще. И — к жене своей. Тоже, размечталась... Ведь еще с первой минуты знакомства поняла: ложь все это. И за столом Паша скрытничал, в сторону сворачивал разговор, не мог определенно сказать, женат или холост, все сводил к затейливым шуткам и смеху. А вечер — блажь. Прихоть. Рыбалка, одним словом...»

Утром, открыв своим ключом квартиру, вошла Катя, едко хохотнула, увидев развалившегося на диване Пашку. Нюра, всю ночь не сомкнувшая глаз, под утро решила освежиться под душем.

— Не притворяйся! Вставай! — тормошила Катя инженера. — А ты, Нюрка, быстрее мойся и выходи. Снова пировать будем!

Нюра в тот же день уехала в деревню.

За тенистой, одетой в осенние тона рощей открывалось картофельное поле. Было воскресенье, теплое, солнечное. Сельчане, рассыпавшись по своим делянкам, копали картошку. На соседней меже стояла машина Соколовых, и из открытой дверцы «Жигулей» лилась ритмическая мелодия. Мешки с клубнями уже были сложены у дороги.

Нюра шла с сыновьями, подростками, крепкими. Тихон на голову выше матери. На плечи, как ружья, положил лопаты, а младший, Вадик, нес ведра и узелок с пирогами. Нюра шагала «порожня», налегке — сыновья не разрешили ей ничего нести — и не знала, куда девать свободные руки.

— Мам, глянь, Соколовы под «рок-н-рол» картошку копают! — удивился старший и в такт музыке стал дергаться и извиваться. Пятнадцатилетняя Люся, дочь Соколовых, увидев Тихона, лукаво передразнила его, стала изображать циркового клоуна, подбрасывая вверх картофелины. Нюра улыбнулась: вот и невеста подрастает.

Тихон и Вадик выкапывали клубни, а Нюра собирала. К вечеру ребята устали, особенно Вадик, послабее все же был, а виду не подавал. И только уложив в мешки последнюю картофелину, легли оба на сухую ботву. В ожидании машины Нюра вспомнила о письме Кати, снова перечитала.

«Я стара. Истаскалась. Брошена... — с каким-то злым откровением писала Катя. — Забыта всеми. Дочка, едва ей исполнилось шестнадцать лет, вышла замуж и теперь нос не показывает. Все забыли меня. И ты, Нюра, редко пишешь. Но тебя я понимаю — некогда. Двое сыновей на шее и свекровь. А я совсем одна... Грусть и печаль, смертельная тоска. В общем-то, дура я отпетая. Нюра, посоветуй, как мне

быть? Может, уволиться и приехать к тебе? Одна в пустой квартире и места себе не нахожу...»

«Надо бы ей телеграмму дать: пусть едет, — подумала Нюра. — На зиму, почитай, всем запаслись. Вот и картошка уродилась на славу! На кухню газ провели... Солений позакрывала».

— Мама, машина едет! — закричал Вадик. ЗИЛ, натужно урча, заехал в поле. Нюра бросилась к мешкам.

— Нет, нет, мама, тебе тяжело, — отстранили сыновья. — Мы сами.

Нюра растерянно улыбнулась, но все же не удержалась, проворно забралась в кузов. Вместе с шофером принимали мешки и аккуратно складывали. И тут неожиданно стал накрапывать дождь.

«Ох, разненастилось, — расстроилась Нюра. — Никогда не угадаешь погоду, плащи не захватила...»

— Мама, живо в кабину! — скомандовал Тихон.

— Садитесь вдвоем с Вадиком. А я в кузове поеду. Измокнете, простынете... — не сдавалась мать. Но сыновья ее силой усадили в кабину, а сами полезли наверх.

«Эх, приедем домой, — радовалась Нюра, — разгрузимся и в баньку! Потом за стол. Свекровь ждет, поди. Грозилась жаркое приготовить из утятинь».

За окном было пасмурно, знобко и неудобно, размыслись и побурели деревья, окоченели избушки...

У моста проголосовала женщина с чемоданом.

— Никодим, останови. Возьмем. Со станции, небось, добирается.

Она открыла дверцу машины:

— Садитесь в кабину. А вещи ребятам отдайте... — и осеклась, узнав в промокшей, постаревшей женщине свою сестру Катю.

Вера Федорова

* * *

Пускай мой путь бывал не из прямых,
Пусть горькие обиды я знавала,
Но в хлопотах о дальних и чужих
Я о себе порою забывала.

Не знаю, как, не знаю, почему
Чужую ношу на себя валила,
Но жить по сердцу, а не по уму
Мне как-то проще и спокойней было.

И вышло, что я умников умней.
Что выгадала — я того не скрою.
Когда чужая боль больней своей,
Беда твой дом обходит стороною.

На базаре

Базар воскресный яростен и прян.
Мельканье лиц, хор голосов веселых.
Здесь царствует зеленый кок-султан¹
На мешковинной устланных престолах.

Любой торговец сказочно богат,
И перед ним лежат сокровищ груды,
То искрится рубинами гранат,
То виноград сверкает изумрудом.

Здесь яблоки румяны, как рассвет.
Здесь аксакал, коричневый от зноя,
Додумывая мысль о божестве,
Склонился над оранжевой хурмою.

Здесь дыня солнцеликая лежит
Шахиной на соломенной подстилке.
Какое наслажденье — не спешить,
Все пробовать и торговаться пылко.

¹ Кок-султан — сорт сливы.

В сае

Пиала, коса, словно модницы,
разрисованы. Ставим сладости.
Дастархан зовет. Плов готовится...
Сыновьям моим в сае нравится.

И над склонами многострунными
солнце делает шаг доверчиво.
Растекаются песни струями,
просыпаются птицы певчие.

Манит дымкою, запах стелется.
Брызнет яблоко соком солнечным, —
слепит луч, спешит, как по лестнице,
опускается в травы сочные.

Наклонясь, цветы все жеманятся,
в речку смотрятся, умываются.
Прилетели в сай птицы-странницы,
как на празднике, угощаются.

* * *

Ветры иву гнули,
градинки, как пули...
Никуда не деться
ей от этих бедствий.
Ива моя, ива,
как ты терпелива.
Держит тебя берег
с лаской голубиной.

Я бы все стерпела
рядышком с любимым.

Тревога

Возвращаюсь я к хлебному полю.
Здесь волнуется рожь с васильками.
Я гляжу и тревожусь,
и не в силах глаза отвести
от синеющих хрупких росинок.

* * *

Под тяжестью плодов согнулась яблоня.
Сорвались яблоки и покатались.
А яблоня не разогнулась...

Мгновенно вспомнилась мне мама.

* * *

Люблю.
Сгорает время хрупкой спичкой.
Зима нежней.
Спасибо за букет.
Мне так близки твои шаги, привычки,
в глазах твоих
голубоватый свет...

А ты шуршишь листьями чистыми,
прикосновенья ждешь
моей строки,
созвучия желания и мысли...

От жажды умираю у реки.

* * *

Черными ресницами шурша,
ночь пришла.
А мне не спится.
Фонари — ночные сторожа
погасили свет искристый.
Заглянула в комнату луна,
твой цветок пропитан светом лунным.
Как окно, душа отворена.
На свечу любви никто не дунет.

Алия

Она вновь постучится в калитку,
позовет меня в школу сейчас.
В сад войдет и сорвет маргаритку
и положит в учебник, смеясь.

Тот цветок так прозрачен местами —
ее трепет и в нем сохранен.
Ее голос и смех не растают,
Алия прибегает в мой сон.

Мы бежим, взявшись за руки, в школу.
У дороги и тополь притих.
А в портфеле кусочек ржаного —
моя мама дала на двоих.

Зарифа Ешмурзаева

* * *

Не в город и не к другу в час беды,
Уйду туда, где ветер и свобода,
Где все еще земля хранит следы
Кочевий предков и былых угодий.

К нагробиям, где нет имен и дат,
И только боль, пытающая сердце!
Вот здесь меня измучает беда
Да так, что никуда теперь не деться.

На эту землю камнем упаду,
Все выплачу, ломая жаркий голос.
Себя еще не скоро обрету,
Выхаживая раненую совесть.

И голос незабытого отца
Вернет меня к истоку жизни снова.
Не дай мне, жизнь, бесславною конца,
А истина — она всегда сурова.

* * *

Литой закат. Поникшая трава.
Но путь — к тебе лежит. И сердцу жарко.
От грез ли закружилась голова,
Иль от прыжка гнедого аргамака?

И по спине — огнем степного дня,
От душной гривы конской пахнет ночью,
Какие демоны несут меня,
Забить заставив все и дом свой отчий?

Все позади. Здесь хорошо в горах.
Какая ночь! Горят следы ожогов.
И пахнет степью жаркий аргамак,
На нас глядящий с лунного порога.

Евгения Жильцова

КРАБ В ЛАБИРИНТЕ

РАССКАЗ

Это стало у него обычаем — каждое утро перед восходом солнца выходить к океану. Подстергать миг, когда нижняя кромка светила оторвется от горизонта и необозримая водная ширь засветится тепло и нежно, разом отразив все оттенки утреннего неба. В этой игре красок, как в прикосновениях бриза, в гуле прибоя была особая, освежающая после сна радость.

Над головой ветер с сочным шелестом взерошивает растрепанные листья пальмы феи, за грядою рифов ритмично плещутся волны...

Впервые перед стартом Нэв отдыхает здесь, на островах Океании. Конечно, это не ромашковые луга, не берущая за сердце красота березовых перелесков, но тоже ничего, природа! Видно, их брату космонавту, как никому, дано обостренное чувство природы, «чувство Земли». За несколько дней он породнился с океаном, с пальмами, загораю после купанья, обнимает эту землю, смесь перемолотых водой черных кораллов и перламутровых ракушек, прижимается к ней щекой, чувствуя родное тепло.

В эти ранние часы песок прохладен, приятно покалывает босые ступни. Впрочем, эта часть побережья пустынна всегда. Вот только на дальнем мысе появляется черная фигура аквалангиста. Всегда в одно и то же время — неизвестный точен, как хронометр. И движения словно запрограммированы, всегда одни и те же. Вот наклонился закрепить ласты на ногах, но, прежде чем войти в воду, повернул голову и смотрит в сторону Нэва.

Нэв словно ощущает на своем лице этот долгий, темный, из-под маски, взгляд. Потом человек уходит в воду, погружаясь постепенно, не спеша — по колена, по пояс, по плечи... Долго маячит черная голова. Не однажды Нэв краем глаза ловил на скале тень круглой головы за спиной. Оборачивался — тень исчезала. У Нэва укрепляется уверенность: человек преследует его, наблюдает за ним. Или это «гудят» усталые нервы?

Но есть, к счастью, другое существо на побережье. Пошлет же судьба напоследок такую привязанность, точно в компенсацию всей его одинокой скитальческой жизни!

Да вон он, друг, легок на помине! Ковыляет к нему на своих коротких пухлых ножках, Большой Человек с трудным именем.

— Эуа! — Нэв машет рукой. — Эуа-а-а!

Тот деловито, не ускоряя шага, месит песок и, наконец, предстает во всей красе. Лет этак пяти отроду — копна черных, в крупных кольцах, волос, тело коричневого, как кофейное зерно, ясные до зеркальности глаза, в которых полное доверие к нему, Нэву, и словно бы какой-то постоянный вопрос.

Они совершают обычный утренний ритуал — купаются в волнах прилива, а потом лежат рядом вниз животами на краю лагуны, разглядывая ее обитателей.

Там кипит жизнь. На придонных уступах, как цветы под ветерком, колышутся

актинии. Рыбки самых фантастических расцветок и форм то чинными стайками выплывают из густых водорослей, то стремглав бросаются назад, в укрытие.

Одна рыбешка, с крупной головой, точь в точь лакированная китайская игрушка, — феномен рыбьего царства. Время от времени она выскакивает из воды, прицепляется каким-то образом к красному боку кораллового рифа, а потом начинает прискачку путешествовать по суше.

Нэв не может удержаться от смеха. Эуа серьезно посапывает. Его не так-то просто удивить — философ!

Потом они строят сооружение из песка. Слова не нужны. Лишь изредка взгляд, улыбка, возглас и еще та внутренняя связь взаимной симпатии, которая заменяет любой язык.

Странные, почти неведомые чувства всплескивают в сердце Нэва, когда он смотрит на оттопыренные от усердия губы ребенка, его длинные ресницы. Очень хочется спросить:

— Эуа, ты будешь помнить меня, когда я улечу на звезду?

Но как задать подобный вопрос с помощью жестов?

Вот уже готова целая сеть песчаных коридоров и тупиков. В самом центре высятся коническая башня. Эуа венчает ее крупной розовой раковинкой, а в переходе запускает зазевавшегося краба. Пальмовый вор привык двигаться боком: клешни его ассиметричны, и его словно бы постоянно заносит в одну сторону. Для него непосильная задача пробираться в узких коридорах. Видно, никогда ему не добраться до великолепной башни! Эуа не теряет надежды: подталкивает его, направляет палочкой...

— Краб в лабиринте! Поучительно! — на песок падает черная тень.

Нэв резко приподнимается, его глаза встречают внимательный изучающий взгляд незаметно подошедшего человека. Аквалангист.

Седые брови, сухая жилистая фигура. Порывист в движениях — старик с повадками юнца. С черной кожи костюма еще скатываются капли...

— Что вам нужно? Кто вы такой? — Нэв не заботится о вежливости.

Снисходительно усмехнувшись, незнакомец произносит мягко:

— Не бойтесь меня. Я хочу поговорить с вами. Мое бунгало здесь, за скалами. Не возражаете?

Нэв решительно вскакивает.

— А ну, малыш, поиграй один!

В зеркальных глазах Эуа дымка тревоги: черный старик уводит его большого белоголового друга.

.....
— Вы когда-нибудь задумывались над тем, что такое Время?

Нэв на вопрос лишь усмехнулся.

— Глядя на циферблат часов, могу сказать вам точно, но...

— Но, оторвавшись от него взглядом, затрудняетесь? — старик хитро прищурился.

— Когда-то в юности увлекался поэзией, там можно встретить обо всем на свете, — нашелся Нэв. Имитируя усердного школьника, сморщил лоб, придал голову подвывающие нотки:

— Скрипя вращаются галактики,

Как генераторы веков,

А время мерно машет веслами

И к вечности течет вперед!

Безгубый рот собеседника растянулся в улыбке.

— Bravo! Возможно, сам того не подозревая, ваш поэт коснулся истины — разгадка Времени там — в Космосе!

Он скрестил на груди руки, пружинисто покачался на носках перед Нэвом.

— Время! Времечко! Мы его ругаем, сожалеем о нем — быстротечное, невозвратное, все обращающее в пепел... А, собственно, что мы знаем об этой великой субстанции — Времени! Наше скудное воображение не в силах проникнуть в его таинственно-неуловимую суть.

На глазах у гостя произошло удивительное: хозяин помолодел, голос окреп, огромные навывкате светло-серые глаза искрились задором.

— Поверьте, с древнейших времен самые могучие умы пытались разгадать эту загадку. Поэты пробивались к ней с помощью образов, интуиции. Философы стремились разорвать логический круг «причина — следствие». Идеалист Платон считал Время порождением некоего Божественного Разума. Материалист Аристотель сомневался в его существовании. Он рассуждал примерно так: одна часть Времени в прошлом, другая — в будущем, а настоящее можно сужать до бесконечности. Выходит, состоит оно из несуществующих частей. Каков парадокс! — он засмеялся

довольно, как удачной шутке. — Но все они, увы, стучались в глухо запертую дверь. Умозрительные попытки понять сущность Времени оказались бесплодными.

Этот чудак, видимо, «оседлал своего конька», как говорили когда-то. Нэв оглядел бунгало.

Уютная хижина, сплетенная из крепкого желтого бамбука, тонет в зарослях кофейного кустарника. Ветки, усыпанные красными глянцевыми ягодами, тянутся в просветы окон. У двери, как страж, высится пальма феи, разновидность банана. Причудливой гирляндой обвивает ее побег ванили — цветы, как нежнейшие орхидеи. Вдали синим клинком сверкает полоска океана. Тропическая экзотика, ничего не скажешь, подобрана со вкусом!

— ...Стрела Времени! С какой грандиознейшей тетивы она спущена? Куда летит? И было ли Время, когда Времени не было? — светлые горящие глаза уставились на Нэва, к счастью, оратор не требовал ответа. — Фридман утверждает: всему начало — Большой взрыв. Дэвис добавляет: Стрела Времени обратима! Уиллер идет дальше: с каждым новым циклом «расширение — сжатие» во Вселенной меняется все — набор атомов, фундаментальные законы, время... Но, позвольте, в таком мире возможны любые парадоксы!

Черная пружинистая фигура маячит перед глазами, однако Нэв умудряется наблюдать.

Внутри хижины зеленый полумрак от банановых листьев, покрывающих крышу. Удобные плетеные кресла, стол у окна завален чертежами, рисунками. Один свиток, напоминающий древний папирус, усыпанный концентрическими кругами, темной вязью формул, развернулся чуть не до пола. На нем затаилась довольно крупная ящерица, известная на островах под названием «летающего дракона». На другом столе, в простенке, на широких, еще свежих листьях, тропическая снедь: ананасы, крабы, плоды манго, золотые шары апельсинов — роскошный натюрморт!

На столбе, подпирающем крышу, маска из черного неведомого металла. Получеловек, получудовище. Длинный рот сомкнут, в узких прорезях сквозит пустота.

— Бог Времени! — Нэв внутренне улыбнулся, перевел взгляд на хозяина. Кто же этот человек? Назвал только имя — Светозар Невайдо.

— ...Да знаете ли вы, что нет в мире ничего парадоксальнее и многомернее Времени? Оно излучается и поглощается, уплотняется подобно простому веществу, от него можно защититься банальнейшим стеклянным экраном! И одновременно это — внутренняя связь Вселенной, та основная жизненная творческая сила, которая питает энергию звезд и не дает мирозданию разрушиться от его ржавчины — энтропии!

Чтобы прервать поток ученых теорий, Нэв вернул словечко:

— В школе астронавигации, по курсу космогонии, помнится, говорили нам о петлях Геделя.

Внезапно «колебания маятника» прекратились. Невайдо резко остановился. Приблизившись неслышной своей походкой, уперся кулаками в стол. Глаза недобро сощурились, голос прорвался высоким фальцетом:

— Гедель! Посредственность, возмечтавшая стать ровень с самим Стариком! Понятно, я имею в виду Эйнштейна. «Дурная бесконечность» геделевских петель — трясина, из которой нет выхода. Хотели бы вы переживать бесконечную череду своих однообразных жизней с теми же ошибками, неудачами?

Вдруг догадка осенила Нэва. Конечно, он слышал о Невайдо! Астрофизик, исследователь Пространственно-Временного Континуума из Академии Космоцентра. Создатель гипотез из серии «сумасшедших», заслуживший недобрую славу научным фанатизмом, непримиримостью к оппонентам.

Разгромив Геделя, любитель парадоксов успокоился. Как-то погрузстнел, постарел на глазах.

— Живу один. Моя профессия требует сосредоточенности, раздумья. Слышать Шепот Времени. Познавать внутренние связи Сущего. Поклоняться Высшей Красоте. Красота — это правда, равновесие мира, заключенное в строгую гармонию его законов. А точные науки — бритва Оккама, отсекающая все лишнее. Так сказать, концептуальное совершенство!

Терпение Нэва было исчерпано, он поднялся.

— Я, извините, не любитель абстракций. Моя профессия, как известно, требует конкретности, действий.

С неожиданной силой цепкая рука сжала его плечо, опустила назад в кресло.

— Вы, очевидно, решили, что я соскучился по собеседнику? У меня, как это говорят мои земляки, «до вас дило».

Он засмеялся своей шутке, оживился. Пригасил острый взгляд, голос стал походить на мурлыканье: видимо, заглаживал свою резкость.

— Но вы совсем не притронулись к еде, напрасно! Это все дары океана и островов в умелой обработке. Я, видите ли, неплохо приспособился к одиночест-

ву. Вот вареные плоды таро с приправами из трав, омары в красном соусе... Морских ежей не советую, — их надо есть почти живыми, прямо на берегу, обрызгав соком лимона. А эта смесь из разных цветов — настоящий тоник, не хуже прославленного экко с ваших марсианских плантаций!

Из белой керамической бутылки плеснул гостю в отполированную до блеска половинку кокоса тягучую жидкость цвета темного янтаря.

Нэв давно уже ощущал здоровый утренний голод. Немного поколебавшись, придвинулся к столу.

День обещал непогоду. В проеме двери, как в раме, картинно темнела полоса океана, над нею клубились дымчато-синие тучи. Гул валов стал яростнее, видимо, надвигался шторм.

В луче света, прорвавшемся сквозь густую листву, закружилась пестрая бабочка. Затаившаяся ящерица приподняла голову. Ее голубоватый «воротничок» раздулся, миг — и она взлетела на своих полупрозрачных пятнистых перепонках. Бабочки как не бывало. «Дракон», отливая металлом, сидит на прежнем месте. Как створки пневматических дверей, в его глазу сошлись веки-пленки. Узкая щель вертикального зрачка затаила мрак.

Невайдо, стоя за спиной обедающего Нэва, говорил раздумчиво:

— Обратили внимание на эту прелестную тварь? На одном из островов Океании я обнаружил древнее племя Ни, точнее, то, что от него осталось, — рисунки на камнях. У разных народов свой символ Времени, у них — ящерица. Дремлющий ящер. Он затаился, невидим, неощутим. Но вот импульс, прыжок — он слизывает бабочку. Квант-волна Времени! Иногда простые вещи дают нить размышлений.

Эстетствующий аскет! Отрешенный от жизни поклонник прекрасного! Нэв вспомнил, как иные называют Невайдо в Космоцентре. Прямота характера не раз подводила его, но он и тут не удержался:

— Выходит, это вы открыли секрет времени? Так что же оно вам нашептало?

Невайдо окинул его надменным взглядом.

— Да будет вам известно, я изобрел точнейшие приборы, иными словами, перешел от тысячелетней болтовни к делу. Прочион в созвездии Малого Пса отклоняет стрелку моего гравихрона на пять делений. Лунный кратер Аристарх — на три. Аристарх — вулкан. На Прочионе неведомые нам бури, хаос, излучение Времени... Сатурн, туманность Ориона Времени не излучают, там — покой завершенности. А вот Денеб...

Быстрым и резким движением, впрочем, как и все, что он делал, Невайдо достал с бамбуковой полки чемодан зеленоватой кожи, вынул из него несколько рулонов плотной черной бумаги. Один из них с треском развернул прямо на полу, у ног Нэва.

— Давайте перейдем на язык зримых образов!

Нэв склонился над квадратом бумаги. С удивлением увидел: из мрака выступают порошинки звезд, складываются в знакомые контуры созвездий. Вдруг резко изменилось увеличение. Светлые пятна приблизились, развернулись в грандиозные картины. Вот словно расплеснутая капля тяжелой, как золото, жидкости... Косматый спиралевидный краб... Провал в угольно-черный мешок звездной пыли...

Нэв ощутил легкое головокружение: он летел через миры.

Невайдо оглянулся, взгляделся в его лицо с усмешкой:

— Держитесь крепче! Здесь можно, подобно максвелловскому демону, поскользнуться на кривизне галактики. Впрочем, все очень просто. Биокomпьютер в виде бумаги, проэкция воображения. Придется вам довольствоваться моим. Смотрите сюда!

Сухой длинный палец уперся в завиток спирали.

— Надеюсь, слышали о «драконах Вселенной», пожирателях звезд — спинарах? Я обнаружил одного из этих экзотических чудищ мироздания здесь, в системе Денеб. Представьте себе этакий сверхплотный сгусточек звездной материи, вращающийся и втягивающий в свою сферу всю окружающую звездную плотность, включая белые и фиолетовые гиганты. Невообразимый по мощи гравитационный излучатель! Затаившийся, почти неощутимый для нас, так сказать, тень от провала в неведомое... Но я сумел рассчитать с помощью некоторых формул... Так вот, пространство ломается в нем подобно хрусталу под прессом. А Время? — голос ученого внезапно упал до вкрадчивого полупшепота. — Помните?

Там серый свет,
Пространства нет
И Время медленно ступает...

Послушайте, Нэвиолий Светличный, хотя бы на одном из звездных поворотов догнать свою молодость?

С минуту они молча глядели друг на друга. Серые глаза Невайдо словно выцвели от внутреннего огня, в расширенных глазах стояла сумасшедшинка.

Размеренные удары океанских валов только оттеняли глубокую перевозданную тишину, царящую на побережье.

Наконец Нэв потер виски пальцами.

— Вы так ничего и не поняли! — Невайдо хохотнул. — Но это элементарно. Время — не абсолют. Каждая геометрически завершенная пространственная система по отношению к другой обладает собственным Временем. И там, где под воздействием сверхмощных полей гравитации искривление пространства достигает критической величины в две тысячи альбертино, Время меняет свой облик. Это уже не безысходная петля Геделя или необратимая стрела Уиллера, это — спираль. Спираль особого рода, обладающая парадоксальной гибкостью, где Настоящее периодически соприкасается с Прошлым или Будущим.

— Спираль Невайдо! Все ясно. Поздравляю вас! — Нэв промочил пересохшее горло остатками тоника, поднялся. — Пойду я, знаете ли...

— Знаю о вас не так уж мало, — фраза эта, произнесенная негромко и просто, остановила Нэва на пороге. Невайдо продолжал:

— Космонавт экстракласса, 62 года по земному исчислению, сэкономили почти двадцать лет в сверхдальних галактических полетах. Звезд с неба не хватало, но не лишены «технического чутья». Теперь вам предстоит последний традиционный рейс по желанию. И вы выбираете звезду Денеб — летите на свидание с собственной молодостью!

Нэв даже головой покрутил — его здравый смысл окончательно возмутился.

— Да, побывал там когда-то. Теперь, что же, увижу собственный голографический портрет на фоне Млечного Пути?

Невайдо бросил на него один из своих цепких пронизывающих взглядов, сказал через паузу:

— Увидите спасатель «Фомальгаут-1», на котором 28 лет тому назад вы потерпели аварию!

— Не сомневаюсь, — Нэв пожал плечами. — Может, он все еще бултыхается в пространстве с вывернутым нутром. «Бэмй» была мощностью не менее двадцати килотонн.

— Спаслись только вы... — Невайдо как бы в задумчивости барабанил по столу пальцами. — А те, кого вы должны были спасти, погибли. Но это понятно! При взрыве сработала блокировка командирского отсека. Вас подобрал другой спасатель. Вы были в беспамятстве.

— Очень точная информация, почерпнутая из архивов Космоцентра, — Нэв проронил сухо, неприязненно.

— Комиссия виновным вас не признала, — Невайдо не слышал его замечания. — Но ведь вы из тех, кто сам себе судья, не так ли? Вы не прощаете себе этого всю жизнь, тем более, что...

— Я обычно не обсуждаю ни с кем своих прошлых ошибок. За них я расплатился сполна!

Нэв переступил порог, но что-то задержало его. Прислонившись локтем к косяку, он смотрел на потемневшую полосу океана. Хижина, укрытая за скалами, еще была в затишье, но ветер все яростнее раскачивал верхушки пальм.

— Бывают ошибки, за которые расплачиваются всегда, каждый миг своей жизни... — Он услышал эти слова, или они почудились ему в нарастающем гуле шторма?

Внезапно он почувствовал на своих плечах сухие цепкие руки. Невайдо медленно сказал ему в затылок:

— Это ваш звездный час, Светличный! Чтобы войти в мою спираль, вам понадобится ничтожное отклонение от курса. У меня все рассчитано. Вы убьете сразу трех зайцев: совершите научный подвиг, вернетесь на Землю не за десятилетия — за считанные часы, и увидите «Фомальгаут-1» до взрыва...

Нэв резко освободился от объятий, оглянулся.

— Я знаю, что вы хотите мне возразить! — быстро сказал Невайдо. — Вы никогда не гонялись за славой, это — раз! Кроме того, вы считаете меня безумцем, — он насмешливо прищурился. — А самое главное, вам некуда торопиться: вы все отдали звездам, и никто не ждет вас на Земле. Не так ли? Но взгляните сюда!

Он подошел к проему окна и отодвинул в сторону глянцевиные ветви кустарника. Заинтересовавшись, Нэв подошел тоже.

Внизу стоял Эуа. Под мышкой одной руки он придерживал великолепную розовую раковину, ту самую, которая украшала их лабиринт. Другой рукой прижимал к голому животу связку бананов. Видимо, стоял он давно, его ноги основательно утонули в песке. Его лицо и взгляд были терпеливо устремлены вверх, на окно.

Увидев Нэва, он оживился, глаза его засветились. Он крикнул что-то на своем языке, в котором почти не было согласных, но Нэв уловил свое имя — Нэо! Нэо!

Невайдо смотрел пристально в лицо космонавта, прошептал:

— Он принес вам раковину Апорахис, на островах это символ дружбы-любви. И обратите внимание, какие взгляды он бросает в мою сторону — он готов защитить вас от меня! Нет, Светличный, вы не безнадежны, Космос не выпил вас без остатка, вы способны еще внушить привязанность. Вы должны вернуться на Землю!

Нэв был поражен.

— Вы знаете, что я иду в один конец?! Но никогда никому еще...

— Интуиция, — перебил Невайдо. — Та самая, которая помогает мне не только в моих исследованиях, но и в общении с людьми. К тому же, логика вашего характера проста. Вы ведь давно взяли на себя роль трагически одинокого героя. Что ж, планета Аир или другая живописная планетка системы Денеб, пониженный фон радиации и уйма интересной работы! — мягкий голос ученого полнился иронией. — Отдать последнее дыхание так полюбившимся далеким мирам! К тому же, на Аире у вас друг, ваш двойник Нэв-2, с которым немало поработали вместе. Кажется, он спас вам жизнь где-то на Мимасе? Вы храните ему трогательную верность, но помнит ли он о вас? «Парни» этого выпуска славные малые, к сожалению, им неведома эмоциональная память.

— Вы — чудак! — Нэв засмеялся потрясенно. — Но вы чудак интересный...

— Вот и прекрасно! — Невайдо стал очень серьезен. — Я долго подводил вас к этому моменту, но вы неповоротливы, Нэвиолий, как... краб в лабиринте... Я надеюсь, что вы освоите мой, принципиально новый, метод преодоления Пространства. Надеюсь на ваше незаурядное техническое чутье. И да поможет вам эта изящная вещица!

Ученый бережно отодвинул в сторону ящерицу, что-то нащупал под бумагами.

Старт, как всегда, с Пятого лунодрома, со дна Моря Дождей. Знакомая Нэву картина... Под черным агатовым небом у подножия безымянного кратера ряды продолговатых светлых элингов, тускло поблескивающие чаши радаров, антенны дальней связи. Рядом служебный городок под куполом из лунита. Новый сплав — легче алюминия, прочнее стали.

Близко подступающий горизонт оторочен зубчатой грядой гор. Обманчивая лунная перспектива превращает их вершины в островерхие, как бы отдельно лежащие глыбки — протяни руку и возьмешь такой камушек.

Через равные промежутки времени в разных концах огромного бетонированного дола с бесшумной яркой вспышкой поднимаются то быстрые стреловидные ракеты типа «Юпитер», то медлительные «Фотоны», то спеша набирающие разгон для дальнего пути. И лишь изредка мелькнет охваченный синеватым пламенем сверхдальний дискослет.

С математической выверенным изяществом компактности и скрытой мощи он метнется косо в густой мрак лунного неба, быстро превращаясь в звезду. Зубцы гор вспыхнут под ним серебром, глубины кратеров до самого дна на миг озарятся ослепительной голубизной.

На одном из этих совершенных творений техники уйдет к своей цели и он, Нэв Росс.

Откинется на спинку своего командирского кресла и словно бы вернется в родную семью. Чуткие фосфоресцирующие «лица» приборов, разноцветные клавиши панелей, радарные экраны... Мир снова будет просеиваться сквозь голубые линзы видеосистем. Ни дня, ни ночи, ни закатов, ни зорь. Но Большой хронометр с точностью до тысячных долей секунды пошел отсчитывать искусственно-суточный режим, храня память о далекой Земле.

Планета Земля на видеоэкране сначала превратится в хрупкий белогубый елочный шарик, потом быстро затеряется в серебряной пыли пространств.

Бездонная тьма рассылет горошины звезд, припорошит дали туманной дымкой.

В секторе 9 — С, за орбитой Плутона, откуда Солнце кажется пламенем желтой свечи, Нэв уйдет на отдых, поручив свою жизнь и цель автоматам. Ни страха, ни боли, ни сожалений — привычное чувство долга погасит лишние эмоции. Он погрузится в сон без сновидений в прозрачной холодной капсуле на 18 месяцев по ракетному хронометру. Точь в точь пушкинская царевна в хрустале, ожидающая чудесного пробуждения! На Земле пройдет около двенадцати лет.

Задание было выполнено по всей форме устава. В точно запланированное время на лавовой равнине планеты Аир в системе Денеб были выгружены установки «Нейтрино-х» для ДСП, дальнедействующей станции поиска. Небольшие изменения в программе работ, проведенные Нэвом, и обслуживающие станцию

поиска киберы приступили к сборке оборудования. Кроме этих молчаливых «парней», созданных для работы в глубоком космосе, на станции никого не было.

Встреча с Нэвом-2 не состоялась: судя по записи в рабочем журнале, он был переведен предыдущей инспекцией на другую ДСП. Нэв проверил работу станции. Пачкая скафандр ржавой неистребимой пылью, побродил среди грандиозных металлических конструкций, от них веяло инопланетной пустынностью.

Киберы справлялись неплохо. Обязанности Нэва как инспектора были исчерпаны. Не дожидаясь окончания долгой аирской ночи, при свете трех лун он стартовал к Земле.

Со странным чувством Нэв приближался к квадрату, помеченному на карте Невайдо как «зона наибольшей кривизны витка». На его ладони лежала «игрушка».

Когда там, на Таити, Невайдо протянул ее со словами «Да поможет вам эта изящная вещица!» — в глаза, прежде всего, бросился затейливый антураж. Диск светлого камня вправлен в старинный футляр: крылатый атлант из позолоченной бронзы, поддерживая его на плечах, изогнулся в мучительном усилии взлететь. Лицо поражало двойственностью — полураскрытый в тяжком стоне рот и спокойные линии великолепного лба, говорящие о торжестве победы.

Невайдо сказал нетерпеливо:

— Это так, пристрастие к изящным аллегориям. Сам прибор, возможно, напоминает вам школьный компас? Перед вами гравихрон, улавливающий гравитационные волны и квант-волны Времени. Смее думать, ни о чем подобном вам ранее слышать не приходилось.

Нэв приглядывался к стрелке: она казалась сгустком едва уловимо мерцающего света.

— Смотрите на карту! — властный голос старика ввинчивался в уши. — Вот зона кривизны, так сказать, излучина Реки Времени. Вам предстоит разогнаться до субсветовой, чтобы произошло совпадение временных фаз. Вы возразите мне: разгон — дело долгое. Ну, а ваши новейшие установки — антиинерционные? Это тот случай, когда вы сможете проверить их в деле. Разгон и торможение должны быть почти мгновенны. И вот когда дрогнет зеленый луч, отклонившись к синей черте, это и будет означать две тысячных альбертино кривизны. Мы, на Земле, будем провозжать вас в прошлое. Особых чудес я вам не обещаю, но вы увидите «Фомальгаут-1» до взрыва. Все остальное будет зависеть от вас одного... Потом главное — не выскользнуть из витка, не провалиться в тахионы, — из этого потока сверхбыстрых частиц практически вернуться невозможно. А далее еще один умелый технический маневр — и вы, подобно сказочному джинну, Повелителю Времени, уже на подходе к планете Земля!

У Нэва чудовищная память, цепляет все. Он помнит каждое слово этого по старомодному многословного чудака и фанатика. Осведомлен об антиинерциях, но неважно знаком с законами техники. Зато с какой легкостью жонглирует сумасшедшими представлениями и понятиями! Прибор, напоминающий школьный компас... детектор времени?!

Но мысль: «А что если...» — сверлит мозг. И чем меньше остается времени на сомненья, тем упорнее она овладевает им. А что, если это действительно неповторимый шанс судьбы? Исправить ошибку прошлого, сбросить, наконец, груз вины, а может быть, даже вернуть... Но ему, человеку дисциплины и самоконтроля, не так страшно ступить за грань неведомого, как переступить параграф инструкции, изменить курс корабля. Подобного с ним не случилось никогда.

Словно помимо его воли, рука сама тянется к компьютеру. Промедление недопустимо. Пальцы слегка дрожат, когда он вводит в режим двигателей «программу Невайдо».

С этой минуты время будто останавливается. Глаза приковываются к призрачной стрелке гравихрона.

Но ровным счетом ничего не происходит. Спокойно светятся приборы. Золотое лицо атланта кажется спящим. В тишине приходят воспоминания.

... Далекая планета Аир. Прохладное солнце, пять лун, играющих в чехарду на лиловом небе, каскады разноцветной лавы, так напоминающие издали земные осенние леса, небольшая база спасателей. Срочное задание: «прочесать» сектор Д-101. Он оказался нашипованным странными «колечками», около полутонны весом каждое. В инструкции они шли под нежной собачьей кличкой «бэми», назначения их никто не знал.

Потом прибор инструктор и расшифровал, что «бэми» — это блуждающие мины. Он предполагал, что здесь когда-то застрял грузотанкер с этой «начинкой». Это было давно. Метеоритный песок успел источить обшивку, швы лопнули, и призраки когда-то задуманной войны пошли бродить во мгле.

Надо было срочно очищать район от остатков старых вооружений. Они, трое

молодых, Зор, Гелий и он, Нэв, на маленьких спасателях, оборудованных простыми лазерными установками, вышли в замирированную зону. Каждому достался свой сектор.

«Бэми» вели себя, как хищники. Они подкрадывались иногда целой «стаей» с разных сторон и, достигнув критического расстояния, устремлялись к намеченной добыче с молниеносной скоростью. Но, вопреки опасениям, старенькие лазеры справлялись с ними неплохо, только не зевай.

Зона была прочесана. Компьютеры зафиксировали 665 разрядов. Но мин было шестьсот шестьдесят шесть...

Когда-то в юности приходилось увлекаться магией чисел. Где-то узнал, что число 666 древние почему-то называли звериным, приписывали ему свойство приносить несчастье. Тогда он еще не знал, что ему предстоит не в шутку оправдать шутливое присловье: «Примета сбывается тогда, когда в нее веришь...»

Сквозь образы прошлого Нэв улавливал напряженную тишину настоящего. В нее проникали слабые, как бы отдаленные звуки: пощелкивание, шорохи, едва уловимое низкое гудение, должно быть, обычные отголоски работы приборов.

— Просачивается песок времени! — усмехнувшись, Нэв опустил уста-
лые веки.

Прикосновение прохладных ладоней ко лбу он воспринял как нечто естественное. Лишь искрой мелькнула и тут же погасла мысль «на мне шлем экстремальной защиты — прикоснуться невозможно».

Ладони касались его лица бережно, снимая многолетнюю усталость. Тонкие пальцы запутывались в прядях волос. Он попробовал осторожно взять их в плен — они ускользнули. Это походило на полузабытую детскую игру.

Но нет, то не ладони, а стебли трав и цветы! Они сыплются на его запрокинутое лицо, свежие, еще в росе. Забравшись на подоконник бабкиной хибарушки, кто-то будит его охапкой цветов, а за окном — степь, дорога излучиной уходит к горизонту, полыхает зарей небо.

Вдруг он увидел себя стоящим на пороге круглой, как плафон, комнаты, освещенной голубоватым светом невидимых ламп... поблескивание никеля и хрома... стены под зеленоватый порфир... правильные многоугольники и ромбы пола... холодок размеренной до миллиметров красоты...

— Поиграем в эсток?

Девушка в белой спортивной тунике с мячом в руке и гибкой пластиной, напоминающей древний меч, смотрит на него с ожиданием.

Дарилия, соседская девчонка... Я узнал тебя! Это твое имя осталось на бурой песчаниковой скале там, в Хриза Планиции. Мне-таки удалось тогда вернуться вместе с вездеходом из воронки «живых» марсианских песков.

Дарилия... Детство... Далекая Земля. Все то, что давало силы преодоления в самые трудные непостижимые моменты. Отгороженный от мира скафандром, почти сросшийся с этой хрупкой, но непроницаемой оболочкой, «человек в футляре», привыкший к кнопкам, механическим голосам команд, жесткому регламенту поведения, я помнил голубое небо, шум проливного дождя, крик петуха и скрип морозного снега только потому, что существовала ты, Дарилия, моя земная память, моя любовь.

... Внезапно ветер ударил в лицо. Куст снежной черемухи возник, как бесшумный взрыв. Сияющие в лунном свете кисти цветов взметнулись вверх, к звездам. Звездная пыль закружилась, срывая лепестки, воровалась пронизывающей метелью. Дарилия убегает от него, он должен догнать ее во что бы то ни стало!

— Дара, остановись, там обрыв!

Он очнулся от страшного забытья, бросил взгляд на гравихрон.

Зеленый луч ожил! Цвет его стал ярче, интенсивнее. Подрагивая, мерцая, он отходил от нулевой черты. В зыбком его отсвете лицо атланта стало напряженным, ожидающим. Спящий проснулся!

Возникло и стало назойливым ощущение, что кто-то стоит за спиной, но не оглядывался, скованный непривычным оценением.

Он знал: в эти мгновения, согласно программе Невайдо, с лавинообразным ускорением нарастает скорость, корабль соскальзывает на «кривизну витка». «Фомальгаут-2» мчитя в прошлое!

Мечущиеся стрелки приборов отвлекли внимание, но что-то подсознательно беспокоило гораздо больше.

Наконец все разрешилось: в голубом квадрате видеозэкрана бокового обзора он уловил медленно простилающие очертания темного предмета. Словно зловещая тень, отброшенная в пространство неведомым объектом. Но он узнал ее:

— «Бэми»!

Подождал еще немного и дал предельное увеличение. Да, это она, «блуждающая во мгле»! Этакое черное колечко... Видна каждая заклепка, каждая чешуйка

облупившейся краски и грубо намалеванный номер — три шестерки. Тупая сила, откровенная угроза...

Вдруг он понял: «бэми» уходит от него. Она стремится к своей цели. Он знал, что за цель. Теперь главное — опередить посланника смерти, выиграть хотя бы несколько мгновений в этой роковой игре, предотвратить то, что когда-то было неизбежным.

Погоня за прошлым... Эти слова, мелькнув в сознании, не показались странными. Он почувствовал железную решимость потянуться со временем. Он разорвет цепь ошибок, приведшую к гибели «Фомальгаута-1», к гибели Дарилии.

Черное кольцо на экране быстро таяло, «бэми» отставала.

Когда он увидел впереди длинный стреловидный корпус «Фотона» устаревшей конструкции с надписью на борту «Фомальгаут-1», он не удивился.

Теперь его мысли были сосредоточены на технических моментах — как можно скорее провести стыковку. Он помнил в устройстве своего первого корабля каждую мелочь.

Наконец его руки коснулись болтов стыковочного люка. Он узнавал царапины на его внутренней поверхности. Вот надпись, сделанная размашистым почерком Гелия: «Салют, человек! в футлярах!»

Как он спешит! Время сжималось, растягивая пространство. Тесный туннель казался бесконечным, короткая лестница — провалом в пропасть. Спертое дыхание комьями сжатой боли застревало в горле.

Вот и серые створки дверей в «вечерний салон», как эту комнату называли с легкого почина Гелия. Он остановился, словно почувствовав перед собой невидимую преграду. Сейчас он увидит их такими, какими оставил в те последние минуты перед взрывом.

Он знал о них все. Зор, его верный друг... Девушка, закончившая школу астронавигаторов, чтобы не разлучаться с ним, Нэвом.

Гелий. Синеглазый весельчак, балагур, которому слишком многое прощалось за остроумие, коммуникабельный характер. Это его беспечность привела их к трагическому финалу: теперь было ясно, из какого сектора шла эта шестьсот шестьдесят шестая.

Беспечность подчиненного... Но где же бдительность командира? Они оба не знали, что такое война.

Он знал и то, что взрыв предотвратить нельзя, — predeterminedность события он нарушить не мог. Но в нем укрепилась уверенность, что ему удастся вырвать людей из последовательной цепи фактов. Для этого должен вступить в силу момент случайности, хотя бы один шаг в сторону.

Он нажал кнопку. Дверь медленно отошла.

Они все были в сборе. Сидели уютной компанией за откидным столом. На белом пластике ослепительно алели стаканы с цветами — степной дельфиниум, пижма, ветки тамариска, полыни. Дарилия помнила, что он любит дикие земные травы. Ее присутствие изгнало нежилкой дух корабля. Даже круглые плафоны «рыбы глаза» были заменены и напоминали мягкие вечерние лампы.

Они его не заметили. Смеялись и пели. Праздновали прибытие на «Фомальгаут-1» астронавигатора Дарилии Ант и окончание трудных работ по прочесыванию зоны от «бэми», нелепых призраков прошедших войн.

Дарилия смеялась, закинув голову — знакомый до боли жест. Он видел ее в профиль. Ее щека порозовела. Было что-то бесшабашно-детское в звуке ее смеха, в русских завитках коротких волос.

Вдруг она повернула голову, их взгляды встретились.

Теперь они все смотрели в его сторону. Молча, отчужденно. Улыбки гасли. В глазах Гелия мелькнула какая-то искра — страх?

Пролетели частицы мгновений, но они казались ему застывшими в вечности.

Кто он для них? Пришелец из чужого мира? Признают ли? Пойдут ли за ним? «Вот те мгновеенья, за которыми вечная вина и пустота одиночества», — пронеслось в голове.

Он неотрывно смотрел на Дарилию. Она медленно поднялась, шагнула ему навстречу. Если сейчас она скажет, как тогда: «Нэв, сыграем в эсток?» — все будет кончено. Он ступит в заколдованный круг прошлого, и все повторится по старому сценарию. Будет загонять мяч в кольцо, чувствуя себя марионеткой в руках неведомых сил. Потом, движимый безотчетной тревогой, бросится в рубку, но будет слишком поздно.

Девушка приблизилась. Его опажнуло тревогой ее глаз. Он видел, как шевельнулись ее губы, смысл сказанного дошел не сразу.

— Нэв! Что случилось? У тебя белые виски...

Она узнала его через мглу десятилетий.

Он понял, что путь свободен, — события устремились по новому пути. Теперь все зависит от его воли, веры в победу.

— Друзья, объяснять нет времени. Через... — он взглянул на часы на руке, — через четыре с половиной минуты «Фомальгаут-1» будет взорван. Немедленно, — он придал своему голосу негромкую, но исключаящую всякие возражения интонацию, известную всему экипажу, — все переходят через стыковочный отсек на другой корабль!

И, прерывая секунды замешательства, крикнул:

— За мной!

Пятнадцать метров до стыковочной камеры... Гул топота ног... Последними в узкую дверь прошли они с Дарилией. Нэв крепко сжимал небольшую, почти детскую руку, чувствуя ее тепло.

Вложить новую программу в компьютер двигателей — дело двух минут, но их в запасе уже не было. Уйти из опасной зоны можно было только с помощью аварийного маневра.

Последнее, что увидел он на видеоэкране, — клочья взрыва. Они опали страшно медленно, сливались с туманностями звезд. Казалось, полыхнуло где-то в другой галактике.

Потом что-то случилось со зрением: табло, экраны, хронометр — все «струилось». Окружающее проступало как бы сквозь слой сильно колеблемой воды. Стены рубки раздвинулись в бесконечность, подступил мрак открытого космоса. Одиноким звездой первой величины горел впереди фосфорический диск гравихрона. Он увидел вдруг: с потолка просачиваются какие-то темные струйки. Разгерметизация?! Да нет же, нелепость, так она не проявляется. Плавятся швы переборок, обшивка? Но ведь датчики температур показывают нормальный рабочий режим...

Струек становилось все больше. Они уже стекали по стене почти сплошным потоком, отсвечивая алым. Он взглянул под ноги — оставался сухим. В следующую секунду едва успел отпрыгнуть: дымась и разливаясь медленно, как в кошмарном сне, на пульт валилась глыба синеватой от накала лавы. Скатилась бесшумно по наклонной плоскости панели, исчезла в стене. И только когда перепончатое лиловое крыло, неощутимо черкнув по его лицу длинным когтем, мелькнув, растаяло в воздухе, он вспомнил предупреждение Невайдо.

Запредельный мир призраков... Он находился на границе потока сверхбыстрых тахионов. Как мог он забыть переключить антиинерционы?! Неужели конец?

Ударом кулака он разбил стекло над клавишей аварийного торможения. Вся мощь разогнанного до субсветовой скорости «Фомальгаута-2» была брошена на сопротивление разгону.

Сознание покинуло его прежде, чем он ощутил чудовищную тяжесть перегрузки. Он уже не чувствовал, как сила инерции, разорвав ремни, выбросила его из кресла. Поля экстремальной защиты смягчили удар.

Он пришел в себя на полу кабины. Усилием воли заставил себя подняться. Цепляясь за стену, подобрался к двери в боковую каюту. Дверь отошла с шорохом, похожим на вздох.

Он стоял на пороге, чувствуя, как безмерная усталость наваливается на плечи. Это была перегрузка иного рода: каюта была пуста!

Пошатываясь, вернулся в рубку. Итак, опасная игра окончена, он потерпел неудачу. Но почему? Криво усмехаясь изуродованными губами, он смотрел на свое отражение в разбитом стекле хронометра.

Профессор Невайдо, вы были правы во всем, но не закралась ли в ваши расчеты крохотная ошибочка, примерно в две миллионных «альбертино», которая не позволила ему, Нэву Россу, космонавту экстракласса, переиграть собственную молодость? Или это его личная плата за единый миг сомнения, дрожание руки, опоздавшей ввести в компьютеры программу «Спираль Невайдо»?

Отныне останется неизвестным, кто же из них краб в лабиринте: ученый, оторвавшийся от реальности, или космонавт, в решающий момент утративший техническое чутье, заблудившийся во времени?

Он взглянул на гравихрон — стрелка-луч уже не трепетала сверхчутким мотыльком. Проверил приборы — все было в норме. Мир тахионов растаял призраком. Не он ли смысл прошлое? Это была бы задача и для Невайдо!

Пора подумать о возвращении.

Набрал код обратного курса и устало откинулся в кресле. Впервые за всю свою долгую жизнь звездного скитальца вдруг ощутил бесконечность пустого пространства — рядом, вокруг, всюду...

Время потеряло смысл. Задумавшись, он смотрел сквозь голубизну видеоэкрана. Ему наяву снился удивительный сон. Маленький бело-голубой шарик, качнувшись на ветке праздничной елки, летит ему навстречу. Игрушка почти прозрачной

прохладно-бирюзовой голубизны, ее не спутать не с чем... Вот уже явственно проступают зеленый, золотистый, красноватый цвета...

Он рванулся вперед. Его нетерпеливое и еще недоумевающее воображение уже улавливало металлический блеск огромных пространств воды, снежные волокна облаков. Не то стон, не то всхлип вырывается из его груди. Земля... Так близко...

Он ясно видит белый иней горных вершин, курчавые «шкуры» бесконечных лесных массивов. Все в синей дымке предрассветных сумерек. Его глаза ищут огни городов, сигнальные огни космодрома. Он шлет в пространство призыв:

«Земля... Земля... Я — «Фомальгаут-2»... Земля, ты слышишь меня?..»

... Он стоял, грузно опираясь на свой черный обгорелый диск, почти до половины косо вонзившейся в седой песок. Безбрежная ширь океана дышит в лицо. Ветер с сочным шелестом взъерошивает листья пальм на пустынном побережье.

Что это? Воспоминание или предчувствие будущего? В его сознании уже запечатлелись когда-то эта излучина берега, нагромождения острых скал... Вон там, где дикие заросли особенно непролазны, должна стоять бамбуковая хижина, уютное желтое бунгало... И рядом черный аквалангист... Нет. Ничего нет. Ни бунгало, ни аквалангиста. Все незнакомое и все невероятно чужое.

Вдруг от темной завесы листы отделяется человеческая фигура. Человек медленно направляется к нему, его короткие сильные ноги увязают в песке. Коричневое тело, повязка или кусок шкуры вокруг бедер. В длинной опущенной руке — палка, к ней крест-накрест привязан заостренный с одного конца камень. На широкой груди алеет словно огромная развороченная рана. Она приковывает взгляд.

Человек месит песок как-то деловито, не спеша, не спуская глаз с Нэва. Космонавт делает шаг назад, его рука крепче сжимает шершавую кромку еще теплого металла. Он окидывает взглядом пустое побережье, на какие-то мгновенья чувство оторванности от всего мира овеивает его холодом.

Человек с топором совсем рядом. И Нэв видит на его груди алую раковину, подвешенную на грубом стебле травы.

Теплым всплеском память выдает образ: смуглый обнаженный мальчуган прижимает к себе раковину. Причудливо закрученную раковину Апорахис, символ дружбы-любви...

Космонавт с трудом разжимает губы в улыбке и произносит имя-возглас:
— Эуа!

В настороженных глазах обитателя побережья неожиданно залучился свет дружелюбия.

Над океаном поднимается солнце.

Рубен Сафаров

МОЕЙ ВСЕЙ ЖИЗНИ МИГ

14 июня 1937 года был арестован молодой узбекский поэт Усман Насыр.

Об Усмани Насыре говорили по всей стране. Центральная пресса сообщала, что на Востоке появился свой Пушкин. Литературоведы талант узбекского поэта сравнивали с даром Лермонтова. Высокую оценку творчества Усмана Насыра дал первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Акмаль Икрамов. Ясно было одно: на небосклоне узбекской поэзии взошла звезда первой величины, самобытная и яркая, не заметить которую нельзя.

Усман Насыр считал, что если об его аресте узнает Сталин, то даст указание о немедленном освобождении. Ведь арест, осуждение — это вопиющая несправедливость, чья-то злая воля, страшный произвол, о котором «великий вождь», «отец всех народов», ничего не знает. И пишет письмо:

«Секретарю ЦК ВКП(б)
Сталину Иосифу Виссарионовичу
от поэта Насырова Усмана

Я оклеветан врагами народа.

НКВД УзССР, взяв меня под стражу, обвиняет в оскорблении Вас и в написании пессимистически настроенных стихов. Пользуясь моей неопытностью, следователь добивается подтверждения этого ложного обвинения.

5 октября 1938 года перед выездной тройкой Военной коллегии я полностью отрицал вышеуказанное ложное обвинение... Но коллегия без всякого фактического материала осудила меня на 10-ть лет тюремного заключения с 5-летним лишением политических прав...

Это решение, этот приговор был несправедливым.

Мною выпущены шесть собственных, четыре переводных стихотворных книги. Мои переводы творений Пушкина, Лермонтова считались наилучшими среди переводных художественных произведений вообще, как и моих собственных трудов.

За три года нахождения под стражей, несмотря на всякие трудности, я написал один роман в стихах, три пьесы, ряд стихов.

Я молод, полон творческой силы.

Я оклеветан врагами народа!

Я совершенно зря, безо всякой вины нахожусь под стражей!

Я должен возвратиться к жизни, быть полноправным гражданином Великой Родины!

Я прошу Вашей помощи.

Усман Насыр
1940 г., август — 20.

Адрес места отбывания срока:

г. Магадан
Хабаровского края
А/я — № 261/5
Промкомбинат № 2.»

На заявлении штамп прокуратуры СССР, дата: 31 декабря 1940 года. Где находилось письмо четыре месяца, по каким кабинетам оно путешествовало, в чьих руках побывало? Письмо Усмана Насыра, видимо, все-таки попало к Сталину. Почему я так думаю? Уже в декабре 1944 года прокурор Среднеазиатского военного округа составил заключение о необходимости прекращения дела Насырова из-за отсутствия в его действиях состава преступления. Не думаю, чтобы прокурор округа по своей инициативе мог принять в то весьма опасное время столь смелое решение. Правда, заключение прокуратуры пролежало без движения целых двенадцать лет. Волна репрессий вышла из-под контроля отдельных, пусть даже самых влиятельных людей, она стала частью бытия, и остановить ее могла только могучая очистительная сила. Лишь 21 марта 1957 года Военная коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор от 5 октября 1938 года в отношении Усмана Насыра и полностью его реабилитировала...

Усман Насыр родился 13 ноября 1912 года в наманганской махалле Чукур-куча. Рано потеряв мужа, мать Усмана Халимабиби в 1916 году вышла замуж за рабочего наманганского хлопкозавода. В 1918 году семья переехала в Коканд. Большое влияние на Усмана оказал его дядя — Мансур Масадыков, друг гениального Мукими, знаток и ценитель литературы. Дядя познакомил своего племянника с писателем Сабиром Абдуллоем, а тот увидел в мальчике острый ум, проницательность, оригинальность мыш-

ления, любовь к слову, всячески поощрял будущего поэта в творчестве. Как-то преподаватель интерната, где учился юный поэт, Мухтар Мухаммади показал стихи Усмана Хамзе. «Вот истинный талант!» — взволнованно воскликнул тот, прочитав.

Поэтический дар Усмана Насыра развивался и совершенствовался день ото дня. Он работал на педагогических курсах в Коканде, учился в Самаркандской педагогической академии, был сотрудником ташкентской газеты «Еш ленинчи» — и писал одно стихотворение за другим. Известность его все ширилась. Произведения Усмана Насыра переводились на русский, поэма «Нахон» была издана не только на русском, но и на армянском языке. Поэт много ездил, знакомился с Россией, вникал в жизнь народов Закавказья.

Не хочется наводить «хрестоматийный глянец» на облик Усмана Насыра. Вспоминаю э нег, Гайрат скажет: он был горячим, можно сказать — хулиганистым, много употреблял спиртного. И тут же отметил: прекрасный переводчик, знаток русского языка. Да, были в жизни Усмана и приводы в милицию, было исключение из комсомола. Современники вспоминают, что в годы, предшествовавшие аресту, он стал раздражителем, чрезмерно вспыльчив.

Отдавая должное яркому таланту Усмана Насыра, не будем забывать, что он был живым человеком, имел человеческие слабости. Настоящий самородок не нуждается в полировке, под краске, он драгоценен своей естественностью, первозданностью. Главное — отсутствие фальши. Усман был искренним человеком, искренне было и его творчество. Он шел по жизни с обнаженным сердцем, легко ранимый. Нужны ли ему иные оправдания?

Усман Насыр воспевал молодость, пел «нового человека», вдохновлялся революционным преобразованием жизни: «Какая жизнь пошла, кипит, бушует кровь и сердце бьется». В стихотворении «Я тоже пойду» он сетовал, что «поздно вато родился на свет» и поэтому не смог стать матросом на «Авроре», не участвовал в боях с Колчаком.

Молодой узбекский поэт страстно защищал идеалы революции. «И красная звезда пылает над тобой, взойдя взамен былой безжизненной звезды» — его слова.

О Ленине Усман Насыр думал много. Он встречается с памятником Ильичу, отделяется от толпы, чтобы прикоснуться к камню монумента, и от этого прикосновения «между ним и мною теплый ток возник».

Я отделился от людей,
Отстал от них на миг
И прикоснулся к Ильичу —
И будто ток возник
Меж ним и мною,
Теплый ток.
И теплая слеза,
Не знаю, право, отчего,
Возникла на глазах...

Не только талант, но и аналитический ум ученого-историка роднит Усмана Насыра с Пушкиным. Прежде чем написать «Нал и Рим», автор проштудировал не один десяток томов.

Ночь настает. Земля зажигает огни.
Ночь настает, и листою я стопы книг.
Открываю я книгу,
Как в мир отворяю окно...
При огне моей лампы мне слышны голоса.
При огне моей лампы мне прошлое смотрит в глаза.

Усман слышит голоса давно минувших времен, видит картины прошлого, стоны людские над Нилом, умирающих рабов, всевластие фараонов. Поэт рассказывает, как Рамзесы на костях народа воздвигают пирамиды, как Цезарь пьет кровь из чаши, сделанной рабом. «Пирамиды не из камня, по которым прошелся резец, — они из окаменевших, горьких рабских сердец». Перед читателем предстает римский цирк с буйными песнями, пьяным хохотом патрициев и смертельный круг, где в неравной схватке с тигром погибает раб-гладиатор — «гаснет в глазах печальный синего неба цвет».

Толпе от восторга стонать теперь —
Идет представленье «Человек и зверь».
В злобе тигр оскалил клыки-ножи —
И все живое в страхе дрожит...
Видите, как зверь человека рвет?
Слышите, цирк в восторге ревет?
И аплодируют драме кровавой:
— Зверю слава! Зверству слава!

Но, отворив окно в прошлое, Усман Насыр видит и то, как во тьме столетий зарождается ненависть рабов к патрициям, как зреет гнев, готовится протест. Он вспоминает о Спартаке, восставшем против властителей, он видит, как распрямляется униженный человек. Поэт не только сочувствует рабам, не только солидарен с их бунтом — он считает себя их потомком. Усман Насыр скажет: «Нет той родни почетной и радостней для меня».

Я знаю, Рим, совсем неспроста
По грозovým облакам идет Спартак.
Небо — щит ему. Стрелы молний — огонь.
По горячим следам его скачет мой конь...
Я бессмертье рабов в своем сердце вместил,
Мне в грядущие дни эту ношу нести...

Поэт-интернационалист Усман Насыр не только провозглашал, подобно многим нашим литераторам, идею дружбы и братства людей. Он скрупулезно изучал жизнь и быт русских, армян, грузин, других народов страны. А изучив и поняв, полюбил их. И потому его поэзия так искренне, так чутко и тонко отражает неповторимость характера каждого народа. А как звучат слова Усмана Насыра о великой русской реке! Словно родились они не у узбекского поэта, а под пером Некрасова. Или это слагают свои песни-стоны бурлаки?

Жизнь не жизнь,
и белый день не день.
Волга, Волга — поколений прах.
Нищета российских деревень
на убогих долгих берегах.
Солнце, проклиная голод, гнет,
словно Разин
над рекой встает,
эту реку годы и века
наполняли беды бедняка.
Потому она и глубока,
потому она и широка,
потому она и велика —
Волга, Волга —
русская река.

Поэт умеет находить точные, емкие сравнения, самые верные слова. Одна строка, а какой портрет великой армянской горы: «грозный Масис, что хмельной головою над бездной повис». В вечернем Тифлисе он вдруг заметил, что «мерцающие звезд, будто взоры грузиннок». А меткие характеристики Каспия, Баку! Такое доступно только большому художнику. И большому Чело-

веку, у которого широкая, открытая для любви и добра душа.

Он говорил о несовершенстве, незавершенности своих стихов. Это — предельная требовательность к самому себе. «Незавершенные, во многом недоделанные стихи...» Однако даже самые строгие критики не могут не восхищаться прекрасными переводами «Демона» и «Бахчисарайского фонтана». И сегодня они остаются образцом мастерского, близкого к оригиналу перевода. Известные литературные критики считают переводы Усмана Насыра поныне непревзойденными.

Усману было всего двадцать четыре года, когда вышел его последний прижизненный сборник. Всего двадцать четыре! А как много он успел сделать. И какой прекрасный пример для молодежи! Поэт и Человек! Хорошо бы республиканскому комсомолу и издательству «Еш гвардия» подумать об учреждении премии имени Усмана Насыра для молодых талантливых поэтов.

... 1937 год складывался для Усмана Насыра как нельзя лучше. В январе в Ташкенте состоялся его творческий вечер. Вместе с Айбеком, Хамидом Алимджаном, Сабиром Абдуллою, Рахматом Маджиди и другими писателями Усман принимает участие в работе пленума Союза писателей СССР, посвященного Пушкину, которого Усман боготворил, у которого учился. В столице, вспоминает первый наставник поэта Сабир Абдулла, Усман мало спал, много читал и писал стихи о гениях русской литературы.

Усман Насыр сказал тогда, что никогда не забудет Декаду литературы и искусства Узбекистана в Москве. А уж о приеме в Кремле узбекской делегации, встрече со Сталиным и говорить не приходится.

Никогда не забудет... Только другой, горький смысл приобретут эти слова. Декада, встреча со Сталиным сыграют роковую роль в судьбе Усмана Насыра, исковеркают его жизнь, приведут к трагическому финалу. Точнее, не встреча со Сталиным, а те, что воспользовались простодушием и доверчивостью молодого поэта и оклеветали его.

Усман Насыр преклонялся перед Сталиным, связывал с его именем все успехи Советского государства. Он писал о Сталине:

Мой мудрый вождь, великая моя родина —
Тебе вся моя жизнь.
Сталин — он сияющее солнце,
Его светом наполнено счастлирое сердце...
(Перевод подстрочный)

Это убеждение еще больше укрепилось после встречи в Москве. Как известно, Сталин умел быть обходительным и гостеприимным хозяином, чутким собеседником. Многие политические деятели страны и мира восхищались железной логикой его мысли, умением четко и ясно излагать свои идеи, простотой и доступностью. Вспомним хотя бы слова Н. С. Хрущева: «Я был буквально очарован Сталиным, его предупредительностью, его заботой...»

Естественно, романтически настроенного молодого человека из Узбекистана поразило обаяние «отца народов». Эти же чувства испытывали все члены делегации Узбекистана. В кругу своих земляков Усман часто говорил, что боготворит Сталина, в восторге от него. А однажды добавил: «Знаете, друзья, товарищ Сталин очень похож на моего соседа — армянина». «А кто твой сосед?» — спросили Усмана. «Да мой хороший друг. Он на арбе развозит керосин. Пре-

красный человек, добрый, сердечный... Очень похож на товарища Сталина...»

Эта фраза и решила судьбу Насыра. Кто-то сообщил «куда следует» как это — великого вождя сравнивать с простым «керосинщиком»? Это кощунство, враждебный выпад. Последовал арест, начались допросы. Появились свидетели «преступных действий» поэта. Показания против него давали и те, кто уже находился под стражей, и те, кто был на свободе, но «помогал» следствию разобраться с «замыслами» Усмана Насыра.

А он ничего не понимал. Ведь все его товарищи знали, насколько точной и четкой и, если хотите, строгой была его идейная позиция. А разве его произведения не свидетельствуют об этом! Что же касается Сталина, то поэт и в мыслях не допускал хоть чем-то оскорбить его.

И вот предъявлено обвинение: якобы с 1935 года Усман Насыр связан с антисоветской буржуазно-националистической и диверсионно-вредительской организацией, действовавшей на территории Узбекской ССР. Кроме того, будучи одним из влиятельных литераторов Узбекистана, он якобы обрабатывал молодежь в контрреволюционном духе, при переводе на узбекский язык умышленно искажал произведения русских классиков.

Вот выдержки из протокола допроса от 14 июля 1937 года.

«Вопрос: Вы арестованы за систематические контрреволюционные выпады и антисоветскую агитацию. Признаете себя виновным?»

Ответ: Я признаю, что до последних дней я был националистически и антисоветски настроенным и неоднократно в кругу своих товарищей, а в некоторых случаях и публично, высказывал националистические и антисоветские взгляды, направленные против политики Коммунистической партии. Не помню точно, но возможно, что в своих публичных антисоветских выпадах допускал и антисоветчину по адресу вождя народа. Я оговариваюсь, что не помню, так как во всех случаях, когда я публично контрреволюционно высказывался, я был пьяным.

После того, как я побывал с узбекистанской делегацией на декаднике узбекского искусства в Москве, побывал на приеме узбекской делегации по искусству с членами правительства СССР, я понял и осознал неправоту своего поведения...»

Сейчас уже никто не сможет сказать, почему Усман Насыр на следствии признал себя виновным. Страшная машина репрессий безжалостно перемалывала судьбы и жизни, не гнушаясь средствами. У нас нет доказательств, что Усмана Насыра истязали на допросах. Но его признания не могли быть даны по доброй воле.

Злую роль в судьбе поэта сыграли и некоторые писатели из его окружения. Опять не берусь исследовать причины — свидетелей нет в живых. Их не миновали репрессии. Вот несколько фамилий:

Писатель Мумин Усманов: «Усман Насыр, я это знаю с чужих слов, посещал нелегальные собрания националистов у Чуллана. Отсюда я делаю вывод, что он член националистической организации, ее низового звена».

На очной ставке М. Усманов свои показания подтвердил.

Впоследствии Мумин Усманов расстрелян как враг народа.

Секретарь главной редакции ЦК Компартии Узбекистана Ваис Рахимов, также давший показания на Насырова, расстрелян.

Борис Чупрунов, писатель, уроженец Хорезма, давал показания, расстрелян.

Лаврентьев, писатель из Коканда, еще один свидетель по «делу» Насырова. Его обвиняют в троцкизме, в подготовке покушения на Кагановича, в вербовке новых членов контрреволюционной организации. Расстрелян.

Анкабай Худайбакиров, писатель из Самарканда, знавший Насырова и давший на него показания. Впоследствии ему предъявят обвинение в членстве в повстанческой, террористической и диверсионно-вредительской организации, ставившей своей целью отторжение Узбекистана от Советского Союза и присоединение его к Турции.

Фитрат — известный литератор, профессор. Он заявил следствию, что Усман Насыр умышленно искажал Пушкина, своими переводами превращая его в плохого поэта. Фитрата обвиняют в том, что он по заданию Файзуллы Ходжаева установил связь с германской разведкой и руководил шпионской организацией, воспитывал учащихся в антисоветском, националистическом духе. Расстрелян.

Этот список можно было бы продолжить. Все эти люди дали на следствии показания на Усмана Насыра. Повторяю, не будем их судить, ибо у нас нет возможности их выслушать.

Усман Насыр умер в местах заключения 23 марта 1944 года.

Как сообщило руководство Управления внутренних дел Кемеровского облисполкома, Насыров прибыл на место заключения в начале 1943 года. Тяжело болел, постоянно находился в стационаре. О том, какими были последние дни жизни поэта, мы пока ничего не знаем: медики, лечившие Усмана Насыра, в Кемеровской области не проживают.

Усман Насыр был похоронен на кладбище села Суслово Мариинского района Кемеровской области. Он болел туберкулезом, а перед смертью находился в психиатрической больнице. Племянница Усмана Насыра Нодра Рашидова с помощью местных жителей отыскала могилу поэта, на которой теперь установлен памятник. Кемеровские литераторы перевели многие стихи Усмана Насыра на русский язык. Вот одно из этих стихотворений — «Сердце»:

Стучи, стучи в моих словах,
Язык поет, тебе лишь вторя.
И две луны — два звездных моря
В моих распахнутых глазах.

Тебе, как клетка, грудь тесна,
Избытком чувств ее вздымает.
И не всегда тебя язык
Переводит мой попевает.

Воспой земную красоту
И образ Родины прекрасной,
И, разливаясь через край,
Пылай к другим любовью страстной.

Но если Родину предашь
Или забудешь на мгновенье,
Стань молнией ты, разорвишь
И освети свое паденье!..

Был на свете человек, заинтересованный в восстановлении доброго имени Усмана Насыра больше всех. Это Халимабиби Мамасадыкова, мать поэта. Какие только слухи не терзали сердце матери: Усман отморозил руки и ноги, и пришлось их ампутировать, от цинги у него выпали все зубы, он сошел с ума... Халимабиби не верила. В какие только организации она не обращалась, в какие двери не стучалась ради своего

сына и светлой памяти о нем. Однако долгие годы все шло по заколдованному кругу.

Но однажды, в начале сентября 1956 года, Халимабиби получила от заместителя военного прокурора ТуркВО письмо: «Сообщаю, что проверка дела Вашего сына — Насырова Усмана закончена. Установлено, что Ваш сын был осужден неосознанно. Ваша жалоба вместе с делом Насырова Усмана и материалами по проверке 3 сентября 1956 года представлена Главному Военному Прокурору — гор. Москва, для внесения протеста на предмет отмены приговора в отношении Вашего сына и его полной реабилитации. Об окончательном решении Вы будете уведомлены Главной Военной Прокуратурой».

Этому письму предшествовала большая работа. Сотрудники Государственного издательства узбекской литературы изучили произведения Насырова и дали ясное заключение: все они идейно выдержаны и никакими враждебных мыслей в отношении советского строя не содержат. В своем отзыве наставник поэта Сабир Абдулла, а также давшие показания в качестве свидетелей Каххаров, Абдуллаев, Фаттахов, Раджапов, Шаднев, знавшие У. Насырова по совместной работе, говорили о нем как о талантливом писателе и честном человеке.

В качестве свидетеля в Военную прокуратуру в мае 1944 года был вызван Хамид Алимджан. Вот его показания: «Я лично не знаю фактов контрреволюционного, националистического поведения Усмана Насырова. Надо признать, что перевод произведений классиков Пушкина, Лермонтова на узбекский язык является большой заслугой Насырова. Антисоветского, националистического содержания произведений Насырова я не знаю».

А вот что говорила на допросе Халида Сулейманова, старший редактор УзГИЗа: «Усман Насыров — талантливый, одаренный поэт, много пишет, работает над переводами Пушкина и Лермонтова. В беседах очень часто цитирует классиков русской литературы, особенно Лермонтова. Когда приехал из Москвы, то восхищался поездкой, постоянно повторял: «Как я счастлив, что был в Кремле и видел Сталина».

Согласно постановлению военного прокурора была создана комиссия на предмет выявления националистической идеологии в стихах Усмана Насырова. В эту комиссию вошли: писатель Максуд Шейх-заде, редактор газеты «Кызыл Узбекистан» Садык Раджабов, профессор САГУ Александр Боровков. Они изучили сборник стихов «Мехрим», переводы поэмы Пушкина «Бахчисарайский фонтан» и поэмы Лермонтова «Демон». В своем заключении 30 ноября 1944 года комиссия отметила добросовестность работы У. Насырова над словом, а в качестве недостатка переводов указала, что «автор излишне связал себя текстом оригиналов и буквально следовал за строками оригинального текста».

Комиссия пришла к следующим выводам: 1. В стихотворениях и переводах У. Насырова элементов националистической идеологии не усматривается; 2. Стихи лояльны к советской действительности; 3. В сборнике «Мехрим» имеются элементы пессимистического восприятия жизни; 4. Переводы Пушкина и Лермонтова злостных искажений и нарочитой дискредитации великих русских поэтов не заключают.

Военная прокуратура СССР направила дело Усмана Насырова в Верховный суд СССР для рассмотрения в порядке надзора. 30 марта 1957 года Военная коллегия Верховного суда СССР выдает справку: «Дело по обвинению На-

сырова Усмана, до ареста — писателя-поэта, пересмотрено Военной коллегией Верховного Суда СССР 21 марта 1957 года. Приговор Военной коллегии от 5 октября 1938 года в отношении Насырова Усмана по вновь открывшимся обстоятельствам отменен, и дело за отсутствием состава преступления прекращено. Насыров У. реабилитирован посмертно.

Халимабиби добилась своего — сыну возвращено честное, доброе имя. Свой долг перед его памятью она выполнила. А через пять месяцев ее не стало.

В начале июля 1957 года президиум правления Союза писателей Узбекистана под председательством Сарвара Азимова посмертно восстановил Усмана Насыра в правах члена Союза писателей. Была создана комиссия по творческому наследию поэта. С тех пор вышло в свет несколько книг Усмана Насыра, готовится издание сборника его стихов на русском языке.

Союз писателей республики в 1989 году принял решение о ежегодном проведении в сентябре месяце Чтений, посвященных Усману Насырову. Такое же мероприятие каждый сентябрь проводят писатели Кемерово. По инициативе кемеровчан на месте гибели Усмана Насыра будет установлен памятник, над проектом которого сейчас работает ташкентский монументалист Л. Г. Рябцев.

Как будто справедливость восстанавливается. Но есть одно обстоятельство, которое волнует всех поклонников узбекской литературы. Из письма Усмана Насыра Сталину мы узнаем, что, находясь под стражей, поэт создал роман в стихах, три пьесы, ряд стихотворений. К несчастью, найти их пока не удалось.

Верховный суд Узбекской ССР по просьбе правления Союза писателей республики просмотрел материалы уголовного дела и констатировал: «В материалах дела никаких рукописей или документов, касающихся творчества поэта, не имеется. При обыске и аресте поэта 14 июля 1937 года были обнаружены: паспорт, членский билет Союза писателей, блокнот-книжка, разные книги и брошюры — 38 штук, рукописи переводов в отпечатанном виде — 5 штук, перевод из произведений Лермонтова, карточка, разная переписка в свертке. Дальнейшая судьба этих ве-

щей неизвестна. В уголовном деле сохранились лишь паспорт и две фотокарточки поэта».

Я попросил навести справки о рукописях Усмана Насыра сотрудников компетентных органов, но и они не смогли сообщить ничего нового. Известно лишь, что из мест заключения поэт отослал свои произведения в Союз писателей Узбекистана. А вот что было с ними дальше — затерялись ли в пути, были ли уничтожены как работы «врага народа» — неизвестно. Нет этих рукописей ни в Ташкенте, ни в Кемерове.

В поэме «Нашхон» Усман Насыр говорит: «Я хотел бы писать за дастаном дастан». А за этой строкой следует неожиданное: «Буду жив — стану явью и эти мечты!» Что это? Предчувствие беды?

Сердце, которому поэт, говоря его словами, служил лишь «переводчиком», должно было повести его по жизни и подсказать законные песни. Песни о любви и доброте, которые непременно победят черные силы зла. Сколько неспетых строк, сколько несостоявшихся счастливых мгновений, которые он подарил бы людям...

Не хочется заканчивать рассказ об Усмани Насыре на грустной, печальной ноте. Ведь так молод и красив был поэт. И хрустальной чистотой блистал его стих.

Усман Насыр писал:

Моя жизнь вся — еще впереди.
Сколько мне еще жить суждено?
Разум душу мою берedit,
Память крутит немое кино.
Мысль — дитя дорогое мое.
Так тревожит, волнует меня,
Тайны мира со мной познает —
Тайны ночи кромешной и дня.

Усман Насыр оказался прав. Его жизнь — еще впереди. Ибо живы его стихи, которые так любит молодежь и с таким вдохновением читает. Настоящая поэзия нетленна. Потому будет вечно храним сердцем народа Усман Насыр, отдавший поэзии всю свою молодую жизнь. Вот как сказал сам поэт о том, что для него значила поэзия:

Ты — мой неисчерпаемый родник,
Ты — свет в глазах немеркнувших моих,
Кто если спросит о цене твоей,
Ответь: «Вся жизнь твоя — моей всей жизни миг!»

ЖИЗНЬ ТВОРЦА, ЖИЗНЬ ТВОРЧЕСТВА

О. Шарафуддинов. Абдулла Каххар. Записки о жизни и творчестве. Из серии «Жизнь замечательных людей». Ташкент, издательство «Ёш гвардия», 1988 г. (на узбекском языке)

Эта книга, несомненно, дважды событие: в серии «Жизнь замечательных людей» к 80-летию выдающегося узбекского писателя Абдуллы Каххара вышел новый труд вдумчивого литературоведа Озода Шарафуддинова.

Возможны ли здесь открытия? Начиная с 30-х годов, о творчестве и жизненном пути Абдуллы Каххара написаны сотни статей, вышли шесть книг. В то же время нового слова о писателе ждали, ибо только сейчас оказалось возможным говорить о Каххаре в полный голос. Другое дело, каждому ли это под силу... Первые же страницы книги О. Шарафуддинова убеждают в том, что перед нами именно такой исследователь. Книга покоряет живостью и свежестью повествования, тонкостью и объективностью эстетического анализа. Главное: она, при всей научности исследования, поэтична. Только большой мастер слова способен сочетать в жанре критики элемент строгого анализа с вдохновенностью повествования.

«Записки» начинаются картиной природы. Перед нашим взором воскресает та далекая прекрасная осень, когда родился будущий писатель. Уже в этой начальной картине, дающей определенный настрой всей книге, читатель открывает для себя что-то новое о Каххаре. Прежде всего мы узнаем, что родился он в кишлаке Ашт нынешней Ленинабадской области, хотя раньше указывалась махалля Гыштакприк города Коканда. И еще: из десяти родившихся в семье детей только Абдуллу судьба сохранила для мира.

Рассказывая о детских и отроческих годах большого художника, автор не опускается до перечисления незначительных подробностей, внимание заостряется на важнейших событиях, формирующих личность. Абдулла Каххар рос немногословным сдержанным мальчиком, это мы знаем хотя бы из его автобиографической повести «Сказки о былом». Однако если повествователь, верный себе, предоставляет читателю право самому сделать вывод, то автор книги о Каххаре приходит к такому поучительному обобщению: «Костяк характера любого человека складывается еще в детстве, и приобретенные в ту пору качества сохраняются на всю жизнь. К своему совершеннолетию Абдулла Каххар пришел, конечно, не «нелюдимым молчуном».

Просто он был немногословен. Никогда не разглагольствовал о пустяках. И любое дело делал без лишних слов».

Автор показывает, как много значил для Абдуллы пример отца, оттеняет мысль о преемственности поколений. «Абдулла Каххар унаследовал от своего отца человеческую гордость — он никогда ни перед кем не унижался, не склонял головы, не ведал страха. Он прожил жизнь, не зная, что такое угодничество. Случалось, что писатель мог добиться благоденствия и почестей одним только поклоном, одним лишь льстивым словом, но для него это было невозможно — он слишком дорожил своим достоинством, никогда не ронял своей чести». Звучит твердо, убедительно, ибо правдиво. Факты и обобщения активно взаимодействуют в тексте, усиливая не только его информативную «плотность», но и, главное, — нравственное воздействие.

В книге нет назойливых назиданий, однако, прочитав ее, молодежь наверняка задумается о том, как следует жить, как закалять свой характер. Ведь перед вами не вымышленный образец для подражания, а живая многотрудная судьба незаурядной личности в годы, когда поощрялась заурядность. «Записки» Шарафуддинова проливают свет на те стороны жизни и деятельности писателя, которые до сих пор оставались в тени. Один из узловых моментов, конечно, — вопрос о взаимоотношениях Каххара и Шарафа Рашидова. До сей поры из уст в уста переходят всевозможные слухи и домыслы по этому поводу. Озод Шарафуддинов, можно сказать, вносит тут полную ясность. В конце 40-х годов Абдулла Каххар подверг критике повесть Ш. Рашидова «Победители», да и впоследствии никогда не скрывал мнения о произведениях «хозяина республики», никогда не высказывал восхищения его «светлой личностью». Отсюда и нападки на Каххара, не прекратившиеся даже после смерти писателя.

Очень деликатно, но опять-таки последовательно и правдиво повествует О. Шарафуддинов о семейной, личной жизни писателя. Большой популярностью пользуется книга воспоминаний Кибрие Каххаровой «Четверть века рядом». Однако и она, да и все предшествовавшие исследователи биографии Абдуллы Каххара старательно обходили тот факт, что до женитьбы на своей верной подруге Кибрие-ханум писатель двенадцать лет прожил с Зайнаб Мирсаловной Наджабовой, у них было двое сыновей. О. Шарафуддинов пишет и об этом, преодолевая легенду о писателе как о неких «небожителях».

Словом, фактологический пласт книги богат, многосторонен, оригинально и глубоко истолкован. Однако основа жизни писателя — это его творческий труд. И автор «Записок» воссоздает

основные вехи творческой биографии Каххара. Хотя О. Шарафуддинов и определил жанр своего исследования как «записки» или «зарисовки», его книга охватывает практически всю историю творений мастера, от первого стихотворения «При лунном затмении» до повести «Любовь», которую считают лебединой песней Каххара.

Высокая оценка дана уже юношеским произведениям писателя. «Абдулла Каххар вошел в литературу как писатель-сатирик. И первые же его шаги имели большое значение для развития в новой узбекской литературе таких жанров, как фельетон, сатирический рассказ, юмористическая зарисовка, очерк». Вместе с тем критик не закрывает глаза на то, что и сам писатель, и эти жанры в нашей литературе были совсем молоды, и называет этот период творческого пути Каххара «первыми поисками». Автор наглядно показывает, как в произведениях даже очень большого писателя взлеты таланта могут соседствовать с неудачами. И такой трезвый подход еще раз свидетельствует, что подлинные мастера не нуждаются в искусственном «выравнивании», «подтягивании» оценок, а тем более в восхвалениях, что литературе подлинного реализма под стать лишь реалистичная критика.

И далее, когда О. Шарафуддинов ведет речь о произведениях зрелого мастера, имевших большой успех, он не проходит мимо отдельных просчетов автора. В нашей критике укрепляется наконец-то дух объективности и непредвзятости. К тому всегда призывал сам Каххар, и это тоже необходимая дань его памяти.

Новая книга Озода Шарафуддинова может служить и наглядным подтверждением того, что узбекская критика практически осваивает самые эффективные современные методы исследования. Историко-гносеологический подход к анализу романов «Мираж» и «Огни Кошчинара» оказывается весьма плодотворным. Не последнюю роль играет здесь, конечно, и присущий Шарафуддинову исследовательский темперамент, эмоциональность восприятия литературных нравов. Взаимно, и потому увлекательно, рассказывается о рождении обоих романов, их первоизданиях и неоднократной переработке. Приводятся малоизвестные историко-литературные факты, связанные с этими произведениями. К примеру, такой факт: «Мираж» вышел отдельной книгой в 1938 году, а «разгромная» рецензия Юсуфа Султана на роман появившаяся в газете «Кызыл Узбекистан» уже 17 ноября 1937 года. Такая вот «машина времени».

Сравнивать не значит уподоблять. О. Шарафуддинов помнит об этом. Критик пишет: «В правдивом отображении начального периода колхозного строительства Абдулла Каххар плодотворно использовал богатый творческий опыт Шолохова, в особенности традицию романа «Поднятая целина». Однако Бутабай не скопирован с Нагульнова, а Туляган с Майданникова, эти образы созданы на реальной жизненной основе. Подобная постановка вопроса как бы превращает Абдулла Каххара в подражателя Шолохова. А речь идет лишь о творческом освоении традиций...»

Вместе с тем сущность литературных сходжений и расхождений не может быть исчерпана чисто литературоведческим подходом. В статье «Романы-близнецы и разные подходы» молодой критик Рахман Кучкаров пишет об «Огнях Кошчинара»: «Писатель мог бы изобразить оригинальные эпизоды классовой борьбы. Однако у него пропало такое желание из-за нападок критики, он обжегся. Поразмывлив об этой кри-

тической инерции, о неизбежности новых ударов, он избежал этого, подражая роману, ставшему уже недоступным для критики». Догадка небесспорная, однако затрагивающая какие-то серьезные тайные струны. Позиция Р. Кучкарова прямо противоположна положениям, высказанным О. Шарафуддиновым при анализе «Огней Кошчинара». Если бы маститый критик в своей новой книге детально показал своеобразие реализма Абдуллы Каххара, возможно, непростая проблема значительно прояснилась бы. Жаль, что статья Кучкарова опубликована уже после подготовки книги к изданию. Тем не менее убежден, что начатая молодым критиком дискуссия должна быть продолжена. В нашу печать просачивается все более полная информация об истинном ходе коллективизации, идет переоценка многих художественных произведений, посвященных этому периоду. Проблема очень важная.

В своей новой книге О. Шарафуддинов исследует и сложную судьбу произведений Каххара после выхода их в свет. Нельзя без волнения читать о грубых нападках на творчество одного из лучших наших писателей в рецензиях Х. Мусаева, А. Алимухаммедова, Ш. Рашидова, И. Султана. Вскрывается сущность этой нечистоплотной околосредовой возни, воспроизводится гнетущая атмосфера тех недоброй памяти лет. Автор действительно использует и официальные документы, с немалым трудом добытые им архивные материалы, что придает книге большую убедительность и разоблачительную силу. Но, к сожалению, Шарафуддинов здесь грешит некоторой односторонностью. Абдулла Каххара не только травили, роман «Мираж» получил положительную оценку критики еще в довоенные годы, например, в серьезных статьях Т. Джалалова («Кызыл Узбекистан» от 12 ноября 1939 г.) и Рахмата Маджиди («Узбекистан адабиёти ва санъати», № 5, 1941 г.). Эти работы в анализ не вовлекаются. Точно так же, воссоздавая полемику вокруг «Кошчинара», автор упоминает незаслуженно забытую рецензию некоего Сиркина, но оставляет без внимания благожелательную статью, с которой выступил в «Литературной газете» известный советский прозаик Ю. Либединский в ту самую пору, когда в Узбекистане роман Каххара подвергался сокрушительному разгрому. Думается, автор книги упустил возможность показать неоднозначность, противоречивость ситуации.

Однако это — лишь частные упущения. А в целом О. Шарафуддинов показывает характерные пороки нашей критики 30-х—40-х годов: вульгарный социологизм, игнорирование эстетической природы художественного творчества, слепое поклонение ложным теориям и догмам, раболепное «чего изволите?» по отношению к власти имущим.

Рассказав о творческой истории романов Абдуллы Каххара, автор книги переходит к их обстоятельному разбору, опираясь на метод системно-целостного, всестороннего анализа художественного произведения. И здесь ему удастся сказать немало нового. В частности, пожалуй, впервые в нашем литературоведении конкретно, четко и в то же время масштабно раскрывается идейная сущность одного из самых сложных и значительных произведений Каххара: «Роман «Мираж» — это не просто разоблачение идеологии буржуазного национализма, показ отвратительного облика буржуазных националистов... это художественное исследование эгоизма или индивидуализма... Основная идея ро-

мана заключается в утверждении неизбежности краха индивидуализма там, где торжествует коллективистская психология».

Освещая послевоенное творчество Абдулы Каххара, критик уделяет много внимания предметному выявлению следов «теории» бесконфликтности, оставшихся в произведениях даже талантливых писателей. Следы эти, однако, разные... Особенно интересно парадоксальное и, пожалуй, точное толкование рассказа «Картина». «Не является ли этот вроде бы серьезный рассказ пародией? Не смеется ли здесь Абдулла Каххар и над нелепыми требованиями «теории» бесконфликтности и над слабыми, бесцветными, мертвыми произведениями, написанными под ее влиянием?»

Вместе с тем О. Шарафудинов верен своему принципу: не превращать образ большого и честного художника в некий монолитный монумент. И раньше в нашей критике вскользь отмечалась «бесконфликтность» комедии Каххара «Шелковое созане», но это положение не было глубоко обосновано. Озод Шарафудинов, рассказав об истории создания комедии, об ее успехе в нашей стране и за рубежом, не голословно, а с помощью того же системного анализа показывает деформирующее воздействие «лакированного социализма» на саму художественную структуру произведения.

«Птичке-невеличке» посвящена в книге целая глава. По существу, здесь повторены тезисы статьи «Повесть, зовущая в будущее», написанной почти тридцать лет назад и в духе того времени, с его пафосом «больших ожиданий». Но ожидания эти, как известно, не оправдались. И сегодня, на мой взгляд, нужна более трезвая оценка возможностей романтической юной героини, «преображающей» не только тертого раиса, но и окружающую ее неприглядную действительность. Справедливости ради вспомним, что социальные иллюзии того периода породили целый ряд подобных произведений «во главе» с «Повестью о директоре МТС и главном агрономе» Г. Николаевой. Оценку и несомненной искренности писательских намерений, и нежизнеспособности тогдашних светлых чаяний дало само время, избавив нас, наконец, от социальных утопий.

Ну а теперь пришла пора высказать общее впечатление от книги О. Шарафудинова «Абдулла Каххар». Этот труд подготовлен всей предшествующей творческой деятельностью ученого и критика, в которой немалое место занимают статьи о Каххаре. Не все они использованы в новой книге, большинство глав написано в самые последние годы, и это — к чести автора. Взору читателя предстает созданный уверенной и смелой рукой портрет Абдуллы Каххара — истинно народного мастера слова.

В истекшем году правление Союза писателей Узбекистана основало новую премию — «за лучшее произведение в жанре литературной критики». Думается, не случайно первым лауреатом этой премии стал Озод Шарафудинов за книгу «Абдулла Каххар».

Книга эта — еще один шаг к демократичной, смелой и свободной общественной мысли, о которой мечтал, во имя которой трудился ее герой.

САНДЖАР САДЫК.

СУДЕБНЫЙ ПРОТОКОЛ, ИЛИ КАРДИОГРАММА СУДЕБ

Х. Тажиев. Восемь дней суда. Ташкент, Издательство им. Гафура Гуляма, 1989 г.

Неоценимо — и, по меньшей мере недооцененно — место, которое следует отдать в теории искусства колокольне, — а говоря на стейном языке, позиции художника. Я не имею в виду его политическое вероисповедание — слава богу, этот аспект творчества всегда находился у нас под прицельным, прожекторным наблюдением. Нет, колокольня моей рецензии куда скромней масштабами: речь пойдет о художественной точке зрения, о наблюдательном пункте, откуда нашему глазу открывается происходящее. У этой визуальной реальности есть зачастую образный, осязаемый, жизненно-конкретный эквивалент-персонаж на эфемерной должности повествователя. Эфемерной — потому что ее необходимость (да и вообще наличие) для читателя сомнительны: сократи автор сию единичку, ход событий как объективный процесс останется неизменным; одна беда — неоткуда и некому будет смотреть на события. Объективное содержание литературного произведения реализуется через субъективный кристалл формы, которая предусматривает среди своих обязательных ипостасей еще и такую: точка зрения, облеченная в человеческую плоть.

Рискуя заблудиться в тумане абстракций, вернуться на живую землю литературы. И сразу же отмечу: наиболее яркие проявления феномена «своенравный повествователь» демонстрируют нам приключенческие жанры, особенно же детектив. Может быть, этой тенденции способствует и потворствует максимализм «приключений», их пристрастие к экстремальным ситуациям и приемам. Но независимо от причин — следствия налицо: повествователь здесь не делает из себя тайны, в отличие от многих героев, которые, напротив, именно на тайне зарабатывают свой художественный капитал. Повествователь здесь — не просто персонаж, он персона, в детективе же подчас — некоронованный король сюжета. И неудивительно: даже чисто априори он должен сыграть на этом игровом поприще решающую роль: он знает почти все то, что известно автору, — или, вернее, ровно столько, сколько автору угодно и удобно; он фиксирует уровни всеобщей информированности — и их динамику, он делит тайну между действующими лицами, как пират добычу, то забирая большую (даже львиную) долю себе, то раздавая сокровища поровну, каждой сестре по серьге, то обделяя — для видимости, для показухи — собственную мошну.

Наипотипичнейший пример — доктор Уотсон, чье имя в англоязычном литературоведении стало нарицательным: уотсоном (с маленькой буквы) там называют человека, закрепленного за сыщиком в качестве адъютанта, приятеля, попутчика, оруженосца, летописца — а если летописца, то, значит, повествователя. О Шерлоке Холмсе многомиллионной аудитории рассказывает Уотсон, и общая концепция происшествий во всех ее подробностях, со всеми ее сдвигами принадлежит именно ему. Из этого источника мы черпаем информацию о «жалобщике», об

уликах, о первых прикидочных версиях преступления, а соответственно, о предполагаемых преступниках. И он же дарует нам факты противоположного свойства, он же опровергает ошибочные гипотезы, он же пропагандирует истину, ибо первым с ней знакомится, первым ставит ее под сомнение — и рукоплещет ей первым. У Уотсона есть и предшественники, и последователи. И не ради приоритета он фигурирует в этом тексте, а ради примера.

Когда у меня в руках очутилась рецензируемая книга — «Восемь дней суда» Х. Таджиева — и я начал ее перелистывать, мне припомнился давно забытый сюжетный замысел: рассказ телефонистки, которая поневоле причастилась к калейдоскопической драме междугородных переговоров (мужа с женой, жены с любовником, преступника с соучастником — комбинации в данном случае возможны любые) и малопомалу стала Шерлоком Холмсом эфиром под вызывающей кличкой «Агент 07». Дело в том, что события романа подаются нам через восприятие такого же пассивного регистратора событий, как и междугородная телефонистка. Повествовательское Я угнездило на сей раз в хрупкой оболочке секретаря суда. Молодая женщина, ведущая стенограмму уголовного процесса, перемежает свои официальные записи неофициальными, сочетание того и другого, протокольного и индивидуально-психологического, субъективного и объективного, формирует в конечном счете структуру и ткань романа.

«Восемь дней суда» — этими словами охарактеризованы и тема, и композиция, и, если хотите, ритмика, мелодия, дыхание романа. Детективной тайны во всей зияющей, затягивающей, засасывающей глубине этого понятия произведение не сулит: преступники поименованы с самого начала, вот они сидят на скамье подсудимых. Шевчук, не раз «чистивший» склады текстильной фирмы, стал организатором убийства: шофер грузовика и экспедитор при грузе шелковых тканей были устранены, а захваченные товары доставлены коммерческому воротиле Вильшанскому. Общие контуры криминального деяния обретают определенность на самых первых этапах истории. Таким образом, искомым детективным результатом заявляют себя оттенки событий — и, соответственно, характеров; в центр наблюдательского интереса выдвигается протокольная запись судебных заседаний. День за днем ее ведут одни и те же люди. И один и тот же взгляд пылливо изучает одни и те же лица. Вполне достаточно предпосылок для бесысходной монотонности. И предпосылки эти срабатывают: читательское сознание поддается гипнотическому режиму роковой хронологии, тканью неумолимого времени, поршневого ходу допроса. Авторский просчет? Ничуть не бывало! Авторский замысел! Авторский умысел. Кажущееся однообразие принимает на себя функции фона, на котором медленно, секунда за секундой, час за часом, шаг за шагом накапливаются черты искомого разнообразия — оно и является детективным обречением повествователя.

Что за разнообразие? Разнообразие человеческих взаимоотношений. И оно, важное само по себе, как сюжетный стержень романа, распахивает перед нами дверь в галерею характеров, обстоятельств судеб. Тогда-то (поближе к концу) обнаруживается, что внезапностями и находками, потерями и обречениями этой истории призваны стать коллизии человеческого бытия в ущерб криминальным тайнам, «Восемь дней суда» бравируют своим откровенным отказом от

сенсаций, притязаний на мрачную готику, на ужасы, на драматизм непонятого, непознанного, непознаваемого. Читательскому любопытству приходится иметь дело с нюансами, оттенками, извилами событий — больше, чем с событиями: они-то обрисованы в принципиальных чертах на первых же страницах романа.

Надо сказать, что представители правосудия, ведущие диалог со скамьей подсудимых, безымянные, повествователь их обозначает по должностям: Судья, Прокурор, Левая заседательница, Правая заседательница. На свою долю секретаря суда оставляет местоимение первого лица, другие обращаются к ней соответственно должности, теряя по дороге еще и большую букву: ведь в специфику литературного замысла они не посвящены. Но, может быть, благодаря своей подчеркнутой анонимности, главным героем постепенно утверждается эта особа (особа — без всякой иронии; другим словом не выразить с той же точностью ее самобытность, отстраненность, отдаленность от происходящего объективности). Ее оценки и эмоции — чем дальше, тем больше — превалируют над иными; происходящее неумолимо оборачивается внешней проекцией ее внутренней жизни, и, наоборот, ее ссихика, ее внутренняя жизнь выступает как проявление и фиксатор происходящего.

Добро бы эти метаморфозы ограничивались судебным процессом. Так нет же, они переходят в плоскость быта, едва позволяя обстоятельству сюжетного развития (а вернее, топтания на месте — события-то уже состоялось к открытию сессии, и нам показывают их то в одном ракурсе, то в другом попеременно, от главы к главе), факт за фактом, эпизод за эпизодом участвуют в формировании центрального образа. Повествователь вырастает в действующее лицо — она подруга и соседка Прокурора, она покинутая жена (а вернее — жена, освободившаяся от мужа — прогнола его прочь, когда он, пьяный, избил ее, сдала милиции, «упекла» на пятнадцать суток), она, наконец, близкая родственница Судьи. Судья — ее свекровь.

У «Восьми дней суда» в литературе немало аналогов. Назову хотя бы «Один год» Ю. Германа — роман, возникающий из долгого и полемичного диалога между представителем правосудия и преступником. По меньшей мере две черты роднят «Восемь дней» с «Одним годом». Во-первых, разглашенный преступник и, соответственно, перенос тайны из сферы криминалистики в сферу социальной педагогики. Во-вторых, трактовка правовой деятельности. Понимаемая многими детективчиками как разновидность авантюрного действия, как модернизированный вариант охоты, юстиция предстает перед нами у обоих авторов серьезным, ответственным, кропотливым делом — не просто уголовным процессом, а процессом трудовым.

Среди корифеев детективного жанра есть великолепные знатоки судебной процедуры, например, Гарднер, автор бесчисленных романов об адвокате Перри Мейсоне. Скорее всего Х. Таджиев с творчеством Гарднера не знаком, романы мейсоновской серии (как и другой, прокурорской — есть у Гарднера и такая) не читал, иначе это чувствовалось бы: Гарднер оставляет следы. Так что прямое обращение к судебным протоколам, голый обмен репликами, как в пьесе — индивидуальный прием ташкентского автора, им самим для себя придуманный.

Заставляет вспомнить о Гарднере и другой элемент повествовательной техники: повторение пройденного по спирали — что знаем по версии

первого, проверяем на показаниях второго, третьего и так далее. Но опять-таки и в этом случае влияние Гарднера представляется сомнительным. Какой тут Гарднер! Изобретательный американец придает каждому новому витку такой крен и шарм, что от неожиданности ахнешь. Х. Таджиев, напротив, утомляет однообразием излагаемых преступниками историй: мы слышим от разу до разу одно и то же, одно и то же. Существует в уголовном праве понятие — легенда злоумышленника. Так вот, речи персонажей в «Восьми днях» легендой не назовешь — слишком яркое слово «легенда», слишком романтическое для нашего контекста. И впрямь — при очередном заходе на картину убийства начинаешь позевывать: скучно.

Впрочем, если обратиться к замыслу автора, отнюдь не собиравшегося, кажется, затевать детектив, надо будет признать правомерность его художественных решений. Он ведь хотел — оценивая по сделанному — предложить публике производственный роман о нашей судебной практике, производственный роман о судопроизводстве — и к этому результату успешно пришел.

Было бы непростительным промахом с моей стороны обойти молчанием еще одну особенность повествователя. Да, повествователь «Восьми дней», как и всякий детективный повествователь, — точка зрения, щелочка в заборе, замочная скважина, помогающая нам постичь тайну закрытой комнаты. Но в «Восьми днях» у повествователя по меньшей мере еще две дополнительные нагрузки, и он благополучно, более того, плодотворно с ними справляется, к чему у него есть наиважнейшая предпосылка: он (вернее, она) — живой человек, соответственно, ничто человеческое ему(ей) не чуждо.

Какие же это нагрузки? Прежде всего, памятью о познавательной, популяризаторской функции производственного жанра, повествователь усваивает амплуа «бывалого человека». Иначе говоря, роман выказывает немало признаков документально-репортажной прозы, принадлежащей перу специалиста — в таком ключе пишут металлурги и метеорологи, звероловы и путешественники, рассказывая с должной профессиональной искусностью о том, что и как, где и когда с ними происходило. Эта литература правдива и по фактуре своей, и по фактажу, и в целях, и в деталях. Ей недостает обычно одного — вымысла, выдумки, сказки. Ее авторы слишком прочно приросли к земле, и было бы странно, противоестественно, когда б они, оторвавшись от своих будничных пьедесталов, устремились в этакый шагаловский полет над миром.

Параллельно, как бы не сливаясь с этой ролью, по роману гуляет переодетшимся Гарун-аль-Рашидом другая маска того же повествователя (а, может быть, его истинное Я, его подлинная сущность). На сей раз перед нами тоже профессионал, но уже профессионал-литератор, со вкусом и вдохновением экспериментирующий в области орнаментальной прозы, чутко прислушивающийся к многозначному слову, падкий до контрастов и монтажей, когда на стыках лексических пластов формируются парадоксальные комбинации, аффекты и эффекты. Такое чувство, будто чопорный Уотсон вдруг расслабился, отпустил повод, дал своему Пегасу полную свободу, и взметнулись ввысь вольные монологи с разбросанными по ним блестками народных речений, каламбурами, пословицами, поговорками, прибаутками — ну прямо-таки конкуренция ба-

белевскому сказу. Конечно, Пегас Х. Таджиева не вполне ровня скакунам «Конармии», но сама смелость похвальна — выйти на пединок с шедеврами российской литературы, не имея за плечами почти никакого литературного багажа (как мне представляется, «Восемь дней» — писательский дебют Х. Таджиева — во всяком случае, ничего другого под этой фамилией в библиотечных каталогах не зафиксировано) — на такое не всякий пойдет и, добавлю, не всякий на такое способен. Х. Таджиев доказал и показал, на что он способен — речь, кстати, идет не только о риске, об отважном умении, закрыв глаза на опасности, кидаться в бой, но и о литературных дарованиях, без которых даже и думать о дерзком соперничестве с классикой заказано, запрещено наотрез.

Несомненная проницательность повествователя, избобляющая в нем (в ней) недюжинного психолога, изредка нарушается штампами и стереотипами. Когда, например, слушаешь Правую заседательницу, подчас кажется, будто читаешь нравоучительную статью из «Комсомольской правды» застойных времен (то, что называлось тогда «материал на моральные темы»). Напротив, Левая заседательница попахивает райкинским эстрадным фельетоном. Удручает и самый этот схематизм: симметрия «плюса» и «минуса».

Впрочем, придирки придирками, а факт налицо: детективная литература Узбекистана, заявившая о своей самобытности многими оригинальными сюжетными решениями и тем самым обогатившая палитру жанра (Х. Тухтабаев, Р. Мир-Хайдаров), снова подала голос и снова продемонстрировала свои незаурядные возможности, свой поисковый (воистину сыщицкий) темперамент.

А. ВУЛИС.

БЫЛО ЛЬ ТО, НЕ БЫЛО ЛЬ...

Крылатый конь. Сборник узбекских народных фантастических сказок. Кн. 1. Составители: М. Мурадов, Х. Шайхов; Перевод с узбекского Н. Владимировой. Ташкент. Еш гвардия, 1989 г.

«Народная фантастика не утешает и не развлекает. Народные сказки далеки от проповеди терпения, они внушали отвагу, были вызовом неведомым силам, увлекали к подвигу», — так справедливо утверждает литературовед Л. Шнитцер.

Драконы, дивы, пери, прекрасные принцессы, превращенные силой колдовства в рыб и змей, скалы и деревья, Коварная старуха и добрый Крылатый конь — заглавный персонаж рецензируемой фольклорной антологии, — все они пришли под одну книжную обложку, конечно же, из страны «Небыль». А нежные, милые девушки, сильные и храбрые юноши, мудрые и добрые старцы населяют сопредельную страну, которая зовется «быль». Прозрачная достоверность народной фантастики как раз и состоит в том, что диковинные существа и реальные люди из этих двух царств предстают либо в самом совершенном, либо в отталкивающем облике, созданном национальной фантазией. Узбекская сказка не пугает читателя, она беспощадно высмеивает падишахов и тиранов, предателей и глупцов.

Эстетика страшного превращается в эстетику веселого.

Исследователи народной фантастики сходятся в том, что она коренится в обычаях, обрядах и мифах.

В сказке «Коварная старуха и три брата» мы встречаемся со следами язычества. Чупон-ота навставляет своего сына, отправляющегося на поиски горных людей, которые нападают на табуны и отары. «Быть может, река заглывает их, — говорит он, — Когда достигнешь реки, не забудь принести в жертву Властелину вод коз и овец. Он поможет тебе в борьбе с горными людьми». Отметим, что разбойники эти зовутся гогами и магагами. В различных мифологиях они изображались как два диких, свирепых народа, сеявших повсюду хаос и разрушение.

Великий Аноним — народные сказители в своем мифологическом сознании легко очеловечивали живой и неживой материальный мир. В записке сказки «Солнце и луна» после неизменного «было ль то иль не было» читаем: «В давние-давние времена волк был поваром, лис — стражником, ворон — пустомелей, воробей — ябедником, черепаха — весовщиком... Луна была девушкой, Солнце — юношей. Жили они душа в душу, подолгу разговаривали друг с другом, смеялись и радовались...» Гармония человеческого бытия и бытия природы — вот в чем сущность узбекской народной фантастики. Сказка «Озеро Крылатого коня» повествует о трех братьях. Они хотя и «были один другого краше», но представляли собой очень разные натуры. «Старший — безмерно скуп, жаден, коварен. Средний никому в жизни не дал и щепотки соли. Младший был щедрым, добросердечным, не съедал и куска хлеба, не поделившись с людьми». Братья отправляются на поиски Крылатого коня, живущего в волшебном озере. Славный и добрый юноша просит совета у рыбы из волшебного озера. Задумалась рыба и сказала: «Ты приходил сюда без дурных намерений. Ты отдавал нам весь свой хлеб, который был у тебя с собою... За твою доброту я укажу тебе дорогу... Перейдешь на тот берег и увидишь пещеру... У входа в нее лежит лев. Перед ним пучок клевера, а рядом стоит конь, и около него кусок мяса. Ты положи мясо леву, а клевер коню. В благодарность лев зарычит, конь заржет. И откроется вход в пещеру. Не пугайся, смело входи в нее. Там ты увидишь летающего коня».

Дисгармония разрушена, справедливость восстановлена, и даже Черный див становится помощником юноши и его возлюбленной, прекрасной принцессы.

Мудрая народная фантазия, родившись много веков назад, своим неистощимым потоком провала запруды времен и влилась в современность, когда человек так тоскует по еле слышимым голосам озер, полей, гор. Мысль читателя невольно возвращается к первой сказке сборника — «Железный коготь». В ней речь идет как раз об осквернителе мировой гармонии, некоем падишахе, истреблявшем «без надобности, ради забавы, без толку птиц, кабанов, джейранов, архаров». Но, слившись, два течения, что берут свое начало в странах «Небыль» и «Быль», приводят и в этой сказке к добру. Злой падишах перестал стрелять в животных и птиц, и зажили они мирно и спокойно, не боясь человека.

Произведения народной фантастики настойчиво повторяют одну нехитрую мудрость, которую и по сей день еще не усвоили многие: если крылатые кони будут лишь в одном государстве, другое, чтобы завладеть ими, начнет войну.

Пусть будут и у других крылатые кони, от этого они не потеряют своей красоты.

Составители сборника «Крылатый конь» ненавязчиво дают понять читателю, что единство национальных и общечеловеческих сказочных мотивов объясняется тем, что все они приходят из одной и той же «Страны Небыль». Безусловно, М. Мурадов и Х. Шайхов учитывали весь мировой фольклорный репертуар, когда включали в книгу фантастические народные произведения с традиционными троекратными эпизодами. В сказке «Каменный мальчик» юноша, чтобы жениться на прекрасной принцессе, выполняет три ее желания — укрощает Льва-людоеда, приручает крылатого скакуна Карабаира и побеждает сорок чернокожих великанов. Такая троичность событий, в сущности, является сквозной особенностью поэтики фольклора многих народов. Думается, что идет она от так называемой магии чисел, существовавшей в культуре различных национальных ареалов. Русские сказки и особенно пословицы сохранили ее следы: «Семеро одного не ждут», «Семь раз отмерь». Отголоски словесной магии слышны и в узбекской народной фантастике. В ней уже не быт становится фантастическим, а магия — бытовой. Правда, здесь числа звучат как поэтический, сказочный рефрен. «У старика и старухи было с е м ь дочерей», — таков зачин сказки «Горсть земли»; «Было ль то, не было ли, а в древние времена жил человек по имени Абдукадыр. И было у него с о р о к друзей», — этими строками начинается сказка «Абдукадыр, собака и плешивый кот». Не отрываясь, таким образом, от течения европейского и восточного фольклорного процесса, узбекская народная фантастика использует и свои собственные поэтические приемы.

Есть в сказках и неповторимые национальные художественные сравнения, причем приводятся они опять-таки в неповторимой языковой форме. Вот одно из них: «Младшая дочь падишаха была самой красивой, самой стройной... Глаза у нее были как утренние звезды, лицо как молодая луна. Шагает, все цветы склоняются перед нею, глянет на луну, луна от стыда за тучку спрячется. От ее голоса пьянели соловьи, от ее взгляда расцветали цветы».

Узбекская национальная фантастика обладает еще одной особенностью — афористичностью. Афоризмы утверждают нравственные начала человеческого бытия, отличаются богатством и утонченностью речевой культуры. Вот примеры афоризмов, часто встречающихся в тексте сказок: «Владеющий ремеслом никогда не будет унижен»; «Кто делает зло, боится каждого человеческого слова». Есть в сборнике и афоризм, касающийся самого народно-фантастического жанра: «Песня вызывает желание петь, а сказка приводит в восторг».

Издательство сообщает, что рецензируемый сборник представляет «книгу 1». Это надо понимать так, что выйдут и вторая, и третья книги. Подождем. Тем более, что фантастика — один из популярнейших видов литературы. Много чудесных мыслей может высказать «коллективный» фантаст — народ, безымянные и бесчисленные художники, которые во все эпохи и во всех странах несли с собой веру в добро и справедливость. Они убеждают сегодня читателей в том, что только доблесть и милосердие помогают человеку вписать свою судьбу в вечный круговорот времен, в мир бессмертной природы, сделать былью то, чего не было.

Г. МЕНЬШИКОВ.

В СЮЖЕТНЫХ ЛАБИРИНТАХ

Джонрид Абдуллаханов. Родня. Роман.
Издательство литературы и искусства
им. Г. Гуляма, Ташкент, 1989 г.

Каждая эпоха, как известно, рождает свой стиль, свой «хороший тон» поведения. Роман «Родня» писался в последние годы «застойного периода», когда хорошим тоном считалось по сути инфантильное, а по форме глубокомысленно-охранительное умение наших граждан принимать желаемое за действительное. Автор романа, к сожалению, не нарушал такого подхода. Но, что греха таить, многим ведь так и казалось: придет герой, очень толковый и деятельный, и вот так, ничего не ломая, не изменяя, не реформируя, — выведет заблудший народ из темного леса производственных неразберих — к свету!

В реальной жизни герои были. Как, например, теперь уже легендарный, Иван Никифорович Худенко, которому командно-административная система уготовила трагическую судьбу. А в романах? В романах о трагическом умалчивалось, а общество представлялось как бы обреченным на успех, преодолевающим строго дозированные отдельные недостатки и упущения. От такой типовой рецептуры не отступает и автор «Родни».

Роман начинается с описания жизни молодого человека, Джавхара Сардарова. А многих страницах показываются его метания, страдания, самобичевания по поводу того, что вот-де придет дядя Расулджан Сардаров — новый зампред по строительству исполкома, своего рода «ревизор» — и развернутся перед ним недостатки и упущения, а попросту мошенничество, к которым он, Джавхар, имеет прямое отношение, и что тогда? Не прокуратура ли маячит на горизонте? А ведь жизнь и так не удалась.

Джавхар Сардаров — сын знаменитого на всю республику председателя колхоза «Авангард», Героя труда Кабула Сардарова. С детства ему все удавалось без усилий: «... чуть споткнулся, тут же несколько рук сразу под локти поддерживают: «Разве можно, что нехорошо подумали о сыне такого уважаемого человека... Счастье само, казалось бы, меня за полы хватало». Приятели ему завидовали: «... не захочешь в нашей дыре оставаться, опять один звонок... — и ты уже где-нибудь в аспирантуре в Москве, а захочешь — в ГДР или на Кубе. И пойдешь: ученый, министр, академик». Но жизнь распорядилась иначе: запутался Джавхар в любовных историях, затем неудачная женитьба, разочарованный приехал в родную провинцию. Начал работать, конечно же, не на малой должности — главным архитектором района. И снова разочарование, тайный стыд за чрезмерно раздутые амбиции отца, за непродуманные архитектурные проекты, низкое качество строительных работ, брак и... победные рапорты! Сознание никчемной, бесполезной жизни и, в конце концов, — нелепая смерть.

Заявка серьезная и актуальная, читатель было настроился на подробное исследование причин разочарованности молодого человека поколения «застойного периода», как вдруг доминанта повествования, не исчерпав этот сюжет, переместилась на судьбы двух братьев: Кабула и Расулджана Сардаровых.

Кабул Сардаров — личность заметная, колоритная и неоднозначная. В военное лихолетье не побоялся Кабул взвалить на свои неокрепшие юношеские плечи руководство колхозом. Работал как проклятый, на всех прорывах оказывался в первых рядах. По складу души и призванию — истинный хлопкороб, умелый организатор, лидер, одним словом. Завоевал неподдельное, искреннее уважение колхозников, которые говорили о нем с гордостью: «наш раис», «наш уртак Сардаров».

Но шло время, менялся стиль руководства Кабула Сардарова. А тут нежданно-негаданно привалила фортуна: в жизнь Кабула Сардарова вошло «значительное лицо», покровитель и благодетель. Молниеносно он стал «маяком», а уж дальше пошло и поехало. В соседних колхозах еле-еле наскребали по тридцать три центнера хлопка с гектара, а у Кабула Сардарова — сорок, и по машинному сбору — первый в районе. В округе клубы — так себе, замухрышки, а в «Авангарде» — истинный дворец с фронтоном, многооконными фонарями-эркерами и широченной мраморной лестницей о сорока восьми ступенях. В соседних колхозах... да что в колхозах, в городе нет такой больницы, какую отгрохали в руководимом Кабулом Сардаровым хозяйстве. Правда, ни туалета, ни горячей воды, ни вентиляции нет, зато фасад не хуже столичного, любой прохожий увидит, языком зацокает, кто от восхищения, а кто и от зависти.

Люди справедливые, да и те же завистники строчили в столичные инстанции, что не так все гладко и хорошо в «Авангарде»: «Если и собирают там по сорок центнеров, то не с гектара, а с трех, потому как сводки сдаются по сбору хлопчатника не с каждого засеянного, а лишь с каждого учтенного исполкомом гектара, — разница великая». Монокультуру в «Авангарде» сеяли везде, даже на бывших приусадебных участках колхозников. В результате пришлось истребить все колхозное стадо, а также колхозные огороды и сады, понятное дело, колхозники остались без своего молока, овощей и фруктов. А тут дворец трещину дал, вот-вот развалится, потому как строился наспех и до грунтов не дошло, а они по берегам своевольного Нарына сплошь насосные. И больница, как оказалось, непригодна быть больницей. Приезжали журналисты, разбирались, да что толку — по звонку «значительного лица» снимались с верстки статьи. «Маяк», передовик Кабул Сардаров был недосыгаем для критики. Колхозники перестали называть председателя «наш уртак Сардаров», а все больше: «хозяин», «сам».

Расулджан Сардаров — прямая противоположность старшему брату, он принципиален и добродетелен, даже свой служебный телефон в личных целях не использует, покупает талоны, а уж потом звонит в город, семье. Морально устойчив, и предел падения и развращенности старшего брата видит в том, что взамен законной, но давно ставшей бессловесной принадлежностью дома жены завел себе «пери», собственную красавицу-гордячку Зилолу.

Расулджан Сардаров долгое время работал в городе, в Министерстве сельского строительства. Но родные края не давали покоя, снились по ночам, пока, наконец, не решил он вернуться в родной Заркурган. Был определен в качестве зампреда по строительству исполкома. То, что дела по строительству в районе обстоят не блестяще, знал заранее. Начал свою деятельность с разносов. Побывали у него «на ковре» многие, не дал спуска даже родному племянни-

ку Джавхару Сардарову. Проявил принципиальность: отозвал бригаду рабочих со строительства частного дома прокурора района, указал в справке на незаконность строительства дач для местных должностных лиц из фондовых материалов. Из-за давшего трещину дворца и непригодной больницы разругался со старшим братом Кабулом, которому, если говорить по-ложа руку на сердце, был обязан многим. Едва не подвел под суд начальника стройотдела Марата Маматова. Своей деятельностью настолько озадачил местное начальство, что со всех сторон посыпались деликатные намеки, что, мол, у здешних — полет и взгляды особые, и отношения между ними сложные: все связано друг с другом сотней разных ниточек. Одного дернешь — все затрясется. Потому и решения принимать тут непросто. А Марат Маматов пообещал прямо, без обиняков: «Мы — кишлачные — и не с такими мудрецами справлялись... Он у нас сам лапки поднимет. Надорвется. Но только надо одного оставить. Одного!.. Побегаёт, побегаёт и свалится». Заявление, отражающее истинное положение вещей. Вот почему и не верится в жизнённость образа Расулджана Сардарова. Работник министерства, знавший, обязанный знать, что делается по всей республике, Расулджан Сардаров должен был бы понимать, что начал он борьбу не с отдельными недостатками и упущениями, а... с системой сложившихся отношений, которая и порождает все зло, и не только в его родном районе, а по всей стране. Как работник исполкома и как действительно умный человек Расулджан должен был бы учитывать, что поражение его брата Кабула может привести только к одному: к приходу на его место руководителя, еще более удобного всему районному начальству. Но до этой в общем-то очевидной истины герой не в состоянии додуматься, оставаясь «принципиальным» в дозволенных пределах. Так стоило ли ломать столько дров?

Мелькнул и... исчез, растворился в романе «женский сюжет». Как же там ни было, образ красавицы Зилолы, в своем роде бунтовщицы, не побоявшейся порвать с родственниками и полюбить Кабула Сардарова, обаятелен. Судьба драматична. Любовь — вызов окружающему обществу, затем — расплата, разрыв с Кабулом. Зилола уезжает в город, поступает на курсы стюардесс. Неординарный жизненный путь Зилолы — девушки из кишлака, привлекает внимание, но оставляет в памяти чувство неудовлетворенности и сожаления. Судьба Зилолы, несомненно, достойна неторопливого, вдумчивого рассмотрения и, может быть, отдельного повествования.

Блуждающим светом проходит по всему роману и жизнь «сильных мира сего» — руководящих работников — их застоля, интересы, нравы. Особенно выразительна сцена приема Расулджана Сардарова в доме 1-го зампреда исполкома Хайдара Гулямовича, где собирались многие значительные лица района и их жены, чтобы ублажить не в меру строптивого неофита, объяснить и показать ему — против кого идет, на кого замахивается. А ведь как может жить — не тужить! И завертелась перед Расулджаном круговерть из хрусталей, немецких столовых сервизов, югославских мебельных гарнитуров, телевизоров последних марок, холодильников «Розенлев», гаражей с машинами, сауна...

И заканчивается роман, как и положено было заканчиваться романам «застойного периода»: пошумели, покричали, пометали громы и молнии на районной конференции, да и... успокоились. Ну разве что герой-неудачник Расулджан Сардаров после болезни был переведен снова в Ташкент. Что правда, то правда: плетью обуха не перешибешь, как бы на то ни была нацелена авторская воля.

Д. АБДУЛОВА.

СКАЖИ ПАДИШАХУ

РАССКАЗ

— Что так долго тянули? — профессор возмущен... как-то привычно возмущен, видно, часто ему приходится выговаривать. — Журнал «Здоровье» читаете, по телевидению твердят: раньше идите к врачу, как только заметите. Лечить же легче... эх, люди, люди...

— Все надеялся — обойдется, — пробормотал я, — всю жизнь был здоров, ни разу не лежал в больнице...

— Теперь наберитесь терпения надолго, очень надолго.

Определили в палату. «Палата» — слово-то какое, древнеславянское, а пришли — обыкновенная комната на четвертом этаже. Водянисто-зеленые панели, пять кроватей. Из окон видеф почти весь наш район — сахарно светятся кубики одноэтажных домишек, серо-розовые пушинки голых зимних деревьев. Длинные многоэтажные дома, крапинки-окна испещряют их бока, крыши мохнатятся антеннами, оттого дома выглядят гусеницами — вот возьмут и поползут, вылезут на шоссе, а оно, истончаясь, черно-синей иглой вонзается в серый туман на горизонте, так — неясный отблеск воды. Пока «гусеницы» не запрудили шоссе, по нему с бесцельной суетливостью скользят капельки «Волг» и «Жигулей», солидно ползут, грузно кренясь на правый бок, автобусы. Тихо, изредка — взрев самолета в недалеком аэропорту. Близко, внятно гомонят воробьи, на деревьях под окном черными мешками качаются вороны, скучно каркают на жизнь.

За дверью, в коридоре, — неумолчная суета: торопливые шаги, приглушенный всплеск девичьего смеха, сердитый голос: «А я вам говорю — геронтоциклин мне ни к чему», тихий голос невнятно убеждает в чем-то, и опять упрямое: «А я вам говорю...»

Нарастающий скрип протеза, и легкомысленный, праздничный крик невесть откуда взявшегося здесь петуха.

В палате — четверо. На мое «здравствуйте» худощавый средних лет мужик, сидевший на кровати с книгой в руках, улыбнулся, чуть печально промолвил: «Постараемся, постараемся». Другой — румянолицый, жизнерадостный старичок, сочно грызший яблоко, пробормотал: «И ты будь здоров, милоч». Парень лет тридцати, вялый и угрюмый, равнодушно кивнул. Четвертый «постоялец» как будто спал — я видел его небрежно заросший затылок, одеяло вздымалось медленным дыханием.

Усталая пожилая медсестра, приведшая меня, показала свободную кровать и ушла.

— Ну, садись не торопись. У нас торопиться не положено. Не хочешь сидеть — лежи, ну а не хочешь лежать — седи, выбора больше нету, — скороговоркой сыпнул старичок. — Как вас — Игорь Петрович? Инженер? Я — Иван Андреевич Ефи-

мов, тоже бывший инженер, потом — пасечник, а сейчас, как нетрудно видеть, — пациент этого приятного учреждения.

— Приятного, скажете тоже, — проворчал синеглазый, — век бы его не видеть.

— Почему же, Николай Васильевич? Не попади мы сюда — не познакомились бы. Деньжищи ты своим геологам отсчитываешь, я к твоей кассе, верно, век не подошел бы — заслуг перед геологией нету, а здесь, видишь...

— Веселого здесь — нуль. Сорок три года всего, а уже угодил на этот склад металлолома. Того и гляди, переведут в подземное отделение. С оркестром... с венками.

— Эх и нытик ты, Васильич! Чуть кольнет — подземное отделение поминаешь. Жить везде нужно... и здесь — тоже.

— Старичье, вы хоть пожили, а я за что сюда попал? — вздохнул парень. — Судьба зла.

— Природа не зла и не добра к человеку, она равнодушна — и молния, и лавина, и болезнь. Природа не только вокруг, она и в тебе, Валера, пойми...

— Понял уже — дыра на дыре, никакими лекарствами не замажешь. — Он лег поверх одеяла, устался в потолок.

— С вами не заскучаешь, — усмехнулся я, пододвинул стул к столу, сел. — Ну что ж, раз судьба, беспощадная, злая, над нами подыграла — будем страдать вместе.

Назавтра пришли мои — Тоня, Виталий, Лара. Принесли огромную сумку деликатесов. «Не надо так много, Тоня, я же не бегемот». Ребята чувствуют себя неудобно — им и жаль меня, хотелось увидеть, и тягостно сидеть здесь... никак не найдут достойного тона в разговоре... поскорее бы уйти, забыть о моем несчастье, окунуться в свои молодые дела. Жалеючи их, постарался выпроводить поскорее.

— Виталий, — сказал я, провожая их по бесконечному коридору, — принеси мне проигрыватель и стереонаушники. С заведованием я договорился.

Сын серьезно кивнул. В следующее посещение принес тяжелый коричневый ящик. Четвертый «постоялец», Игнатий Павлович, увидев проигрыватель, неожиданно стал протестовать — многословно, нервно. Раскричался, развоевался, светлые глаза сверкают, на лбу пульсирует синяя жила. Едва удалось успокоить его, да и то с помощью врача Натальи Борисовны — он совершенно не хотел воспринять, что «чертова шарманка» будет работать на наушники, никому не мешая.

Послушал для начала «Романтическую симфонию» Брукнера, и показалось, что стало легче. И то хлеб, как говорится...

Состояние мое не улучшалось, скорее наоборот. Профессор, посмотрев меня, задумался, сказал: «Ничего, держитесь». Тонины приношения лежат почти нетронутыми.

Однажды Игнатий Павлович долго смотрел на меня, слушающего. Едва я снял наушники, он, осторожно присев на мою кровать, конфузно промолвил:

— Что вы слушаете? Разрешите, а, Игорь Петрович?

Я молча передал ему наушники, переложил звукосниматель в начало пластинки. Какая разница, что он услышит... Пробовал себя развеселить, слушая гитарный концерт Карулли, — что-то не очень развеселился... видно, непригодна эта музыка — блестящая и молодая, проникнутая безусловной уверенностью в собственном бессмертии, для увеселения нас, вянущих лопухов.

Игнат слушает невнимательно — скопил глаза на выходящего в коридор Ивана Андреевича, сдвинул наушник, услышав лязг разбившейся тарелки и зычный возглас няни (наверное, кто-нибудь нечаянно толкнул ее). Но скоро на лице появилась мимолетная заинтересованность (и то слава богу...), потом — внимание, напряженное внимание.

Вам знаком этот опус? Первая часть его спокойна, традиционна, красива... нет, не скучна, слушать ее приятно, гитара виртуозна, изысканна. Пауза. Вторая часть начинается глухим ударом струнных. Легкий, торопливый звон гитары, четкие шаги виолончелей — радостное, свободное движение. Мелодия грустнеет, но печаль неглубока — милая опоздала на свидание... придет еще! Гитара звучит задумчиво-стремительно, как таинственная ночная река под гулким пролетом моста. Радостная фраза виолончели — счастье пришло! Фраза повторяется — вот как оно звучит, счастье, навеки запомни этот миг!

— Как здорово! — переведя дух, произнес Игнат. — Эти поющие... скрипки, что ли, всю душу перевернут!

— Виолончели. Такие большие, их ставят на пол, музыкант гриф трясет, когда играет.

— Да-да. А говорят, классика — чепуха. И я так думал. Были дела поважнее.

Чем заниматься в больнице? И день и ночь некуда деться, спать неохота. Читать — сколько можно, да и нет настроения. В положенное время вечером выключают свет, все ложатся в постели. Утихает шум за дверьми. В оконную раму, чуть позванивая стеклом, бьётся ветер. Редкие зайчики автомобильных фар. Пульсирует полутьма — это раскачивается лампа на столбе у подъезда. Тоненько, тихонько журчит где-то вода — сверху, снизу? Это река Кок-су... в горах.

Так и заснешь. Долго ли проспишь, а очнешься — так же за окном пульсирует полутьма, звенят снежинки о стекло. Разбуженно рявкнула самолетная турбина... сконфуженно умолкла. Пусто и вяло, как внутри иссохшего цветка, забытого хозяйкой, много дней безнадежно простоявшего в сухой вазе. «Постояльцы» спят, посапывают потихоньку. Грубо всхрапнул Валерий. Игнат, кажется, не спит, но мы не показываем друг другу своей бессонницы.

Никому не лучше — такая у нас болезнь.

Что, и нет выхода? Уймись! Какие светлые головы, лучшие в мировой медицине, ищут... но пока все остается по-прежнему. Как будто шутник в ранге бога совсем недавно приделал человеку голову, и они никак не привыкнут друг к другу — мозг и тело.

Я — человек, страдающий и надеющийся, надеющийся, даже когда злые тени «подземного хранилища» тянут безжалостные когти к судорожно пульсирующей глотке. Буду думать, пока жив, тем более, что ничего другого мне не остается.

Снежинки звонко впадают в стекло. Прозвенел где-то близко наивный, заспанно-бодрый крик петуха.

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» — говаривал незабвенный Остап Ибрагимович. Да, лед тронулся, жаль — так поздно! Едва я, послушав что-нибудь, сниму наушники, слышу шепот Игнатия Павловича: «А теперь мне разрешите — то же самое, а, Игорь Петрович?»

Вчера он сказал:

— Эх, если бы раньше! Столько лет занимался важными делами. Да, важными... если бы ты знал, Петрович, какие это дела! Нет, не воровал, по ночам спокойно спал и не ждал «черного ворона», все — в рамках закона, как у Остапа Ибрагимовича. Вкалывал, да... но не на заводе, где двести пятьдесят в зубы — и будь здоров. Разбогатеть можно, если найдешь способ и место. «Разнюхал» — и нажил «палаты каменные», и дачу, и две «Волги». Считал себя на рубль дороже других, и наплевать мне было на книги, симфонии, всякую труху. Думал — это клапаны для спуска лишнего пара, утешение для неудачников. И вот теперь сам стал неудачником... больница, и нет отсюда выхода.

А сегодня... сегодня прихожу с этих треклятых процедур, а на соседней кровати — знакомый сероволосый затылок, Игнатий Павлович отдыхает. Рядом со мной ведь Валера лежал!

— Ваш друг, Игорь Павлович... почему же вы удивляетесь? — усмехнулся Валера из бывшего Игнатова угла, лениво перелистывая какой-то цветастый журнал. — Очень меня просил... и с вами договорился. А что я... не все ли равно, в каком углу помирать...

Вот жулик пронырливый! Ну, нет худа без добра — теперь он законно слушает всю «мою» музыку. Разве не приятно воображать, что перевоспитал человека в лучшую сторону... ну, хоть одного человека? И вопреки опасениям, он вовсе не назойлив, нет у него этого бабского обычая — понукать человека к откровенности. Скорее, наоборот, он сам «раскалывается».

— Ах, Наталья Борисовна, Наташенька, — неожиданно сентиментально вздохнул он, едва та вышла из палаты. — И хороша, и добра. Игорь Петрович, — повернулся он ко мне, — как вы думаете, можно доверять женщинам?

— Вопрос какой-то... слишком теоретический, — не очень любезно проворчал я (оторвал, пентюх, от книги). — Смотря кому, смотря когда...

— Вот-вот, смотря кому. Была у меня — такая же нежненькая, такая же добренькая, а голосок — ну, чисто ангельский... и этим ангельским голоском, с такой безоблачной улыбочкой, отбрила она меня почти любой бритвы: «Ах, будешь носить на руках, Игнаша, очень приятно, но я предпочитаю ездить на «Волге». И выскочила ангелица за милицейского полковника не первой... и даже не третьей молодости, а Игнаша бросил свой третий курс и принялся доказывать, что и он не лыком шит. И доказал. Тут бы жить-поживать, да привязалась болезнь.

Я гляжу на Игнатия Павловича — удручен, уныл, многословно-жалоблив, но не так, как Валера, — тот не видит никакого выхода, настолько не видит, что почти уже не жалуется — так уверен в быстром и страшном конце, а Игнатий — хнычет,

стонет... но недаром же я третью неделю лежу в метре от него! Чувствую — не растерял он того, что циркачи называют «кураж», то и дело мелькнет то в голосе, то в блеске глаз, а иногда и «открытым текстом»: «Болезнь! Да кто она такая, чтобы скрутить меня! Мы поборемся, крепко поборемся... вот увидите, как я ее...»

Почему я так заинтересовался этим типом! Какое-то странное ощущение — словно незаметно натянули на меня тонкий, прозрачный, почти невесомый полиэтиленовый мешок. Я в любой миг вправе и в силах порвать призрачную пленку, но — зачем рвать? Игнатий вежлив, улыбчив, почти льстив... почти полюбил музыку. И — страдает, страдает ничуть не меньше любого из нас, пожалуй, даже больше:

— Неужели так живут все влюбленные... безнадежно влюбленные? Едва проснусь — ее имя, днем и ночью, дома и в толпе — ее имя. Какой-то поэт сказал: утомительная тоска.

Конечно, я не полюбобпытствовал, что это за имя. Хватает мне и своих мучений.

Почти дружба, не правда ли? А что, если поэкспериментировать на нем? Дает дружба моральное право на это? Да и... ну, скажите, какой вред может принести музыка, он и без того ее слушает. Тут, правда, мой умысел, но разве в нем есть что-нибудь злое?

Он все о своей любви, а я лишь спросил банально:

— Любовь, говоришь? А как же жена?

— За нее не беспокойтесь, она свое получает...

Его следует... напугать! Не первый слой души, даже не третий — глубину, подкладку, так называемое подсознание! Он совсем недавно втянулся в понимание музыки, эмоции свежи, если что и выйдет, то скорее всего — с ним. Ты затеял эксперимент? Сам скоро подохнешь!

Когда пришел Виталий, я попросил принести пластинку с «Болеро» Равеля.

Проверил впечатление, когда Игнатий ушел на процедуры. Да, эта продерет! Простая мелодическая формула, очень простая, но дико-необычная, неотступная. От нежного неземного танца виток за витком вкрадчивое нарастание угрозы, а в финале — гул бездны, людоедская пасть дракона! Говорят, автор пытался изобразить этой музыкой металлургический завод. Не он первый, не он последний понятый неправильно... или не понявший сам себя.

Сияет чистый оранжевый закат. Внятно скрипит подмороженный снег. Легкие шаги, тихий говор в коридоре — пришла Наташа, сегодня она дежурит. Ох, как сердце катится! А может, лучше «фашистский марш» из Седьмой симфонии? Ладно, поехали!

— Игнатий Павлович, вчера сын принес новую пластинку. Хотите послушать?

Он изнурен, раздражен длительными, болезненными процедурами. Не дай бог, заметит заинтересованность, волнение в моем голосе... Ведь есть волнение? Кажется, не заметил.

— Хорошая?

— Мне нравится.

Мягкое начало успокоило его, он прикрыл глаза... кажется, задремал. Но вот руки его беспокойно задвигались по одеялу. Раскрылись глаза — пристальные точки невидящих зрачков. Приподнялся, опираясь на локти, напряглись мускулы, одеревенели всегда дряблые складки на шее.

Тяжело переводя дух, он откинулся на подушку, сбросил наушники. Воздух дрогнул от рева самолета. Игнатий невнятно застонал... кажется, выругался... повернулся лицом к стене.

Снег привычно стучит в стекла. За окном нет привычной желтоватой колеблющейся сетки, взамен — белый холодный полумрак, это днем сменили лампу, поставили глянцево-ледяную длинную коробку люминесцентного светильника. Двое парней, весело матерясь, тянули ее на столб; один из них, стоя на лестнице, дул на замерзшие пальцы.

Под этот неподвижный свет лежать без сна еще скучнее, прежняя простежка, тусклая, мотаемая ветром лампочка была как будто поживее. Ничего не поделаешь, прогресс... болезнь вот тоже прогрессирует. Кто скрежещет зубами? Игнат — во сне, наверное. Наташа жалеет нас, всех и каждого. Разве врач должен жалеть? Не так: жалеющий врач — хороший ли врач? А надолго ли хватит жалости? А если хватит — выдержит ли сердце? Опять скрежет. Приподнимаюсь. Глаза Игната расширены, напряженно вытянутые руки белеют поверх одеяла. Медленно сжимаются пальцы, еще медленней разжимаются.

— Вам плохо, Игнатий Павлович? Позвать Наташу?

— Плохо? Н-нет. Не знаю, что это. Ветер... внутри. Холодно и весело. Ух-х, как холодно! Не надо, Игорь, не зови. Спи.

Может быть, подействовало? Что «подействовало»? Да ты что, рехнулся?! Супермен изволит мило шутить над товарищем по несчастью! Игрушки с «Болеро» — всерьез? Вот до какого очумения можно дойти в больнице, черт бы ее драл! Чепуха, чепуха, чепуха! Бредни бессонницы! Выискался гигант мировой медицины!

Он больше не скрипел зубами. Не шевелился. В коридоре уже пробудилась утренняя суета, когда, обеспокоенный его долгой неподвижностью, я наклонился к нему. Странная улыбка на непривычно бледном лице ужаснула меня.

— Ничего, ничего, Игорь... мы еще повоюем, — пробормотал он, чуть шевельнувшись.

Бесшабашно-веселый крик петуха... где-то совсем близко, рядом.

Сегодня, во время профессорского обхода, едва Эрнест Богданович, отойдя от Ефимова, повернулся к Игнату, Наталья Борисовна что-то шепнула ему. Я не знаток латыни, но почудился смысл: «Необычное развитие». Профессор хмыкнул, с интересом глянул на Игната, долго расспрашивал и разглядывал его.

...Гешефтмахер стал бешено популярным. Рентген, анализы крови. Эрнест Богданович пришел сегодня уже в сумерках, сел возле Игнатовой кровати:

— Братец, что же происходит, а, дорогой мой? Такого бурного выздоровления я за свой немалый век не видел.

— Наша порода такая — крепкая. Чтоб я помер — да не бывать этому! — Осторожно глянул на меня, подмигнул. Он... что же — понял? Догадался?

Через месяц Игната выписали. Он радостно, многословно благодарил врачей, совал Наташе какой-то сверток... та отскочила, как ошпаренная. Ах, делега чертов... Проходя мимо меня, шепнул:

— Все понятно. Не будь лапшой, Игорь. Жди меня.

Все ему понятно, видите ли! Мне-то самому понятно ли?..

Я — обнаглел! Следующий — Николай Васильевич!

Думаю над его характером. Паникер, это ясно. Умом еще надеется выкарабкаться, придумывает шаткие утешения: «Вот Игнат поправился, чем я хуже?» — а в глубине души сник, болезненно, мучительно прислушивается к своему телу, ждет только плохого. Не настроен на борьбу. Эх, какой из меня психолог, дилетант я жалкий... С ним — проще, в том отношении, что он — интеллигент, начитанный, деликатный, музыкальный... А может быть, это хуже — привычные эмоции не проникнут в подсознание? Ни черта я не понимаю. Осторожно выпытав, что он слышал, а что не слышал, я «угостил» его Третьей симфонией Брамса.

Поднялся переполох. В нашу палату явился сам «падишах», как его называли, академик, лауреат, Салих Ибрагимович Латыпов. Величественно нахмутив роскошные брови, терзал он Эрнеста, Наташу, второго «именинника». Больные из других палат устраивали бурные сцены, требуя перевести их к нам. Извечная вера в чудеса... И никто не знает, что повелитель чудес — вот он, я, Игорь Петрович Злобин. Открыться? Нет, рано, рано...

— Первый выздоровевший, согласен, случаен, случайность — сильный организм. А второй? Мы, врачи, — материалисты. Самопроизвольное выздоровление при этой болезни невысказано, должны быть причины. Чем отличается эта палата от других?

— Ничем, разве что проигрывателем, — жалобно проговорила Наташа. «Падишах» сердито отмахнулся.

По палате слоняются парни, увешанные аппаратурой — радиометристы, акустики, химики. Свали нос в мой проигрыватель — конечно, ничего не обнаружили... музыка-то обыкновенная...

Благодушный, сдержанно сияющий Николай Васильевич выписался. Освободившуюся кровать кассира самочинно занял старик — неряшливо располневший, одышливый, скандально-визгливый. В первую же ночь выяснилось, храпит он сокрушительно. На упрёки и увещания Эрнеста Богдановича он вопит:

— Я тоже хочу выздороветь! Я тоже имею право! Да, больше, чем другие, я лауреат Сталинской премии! Кто меня не пустит — вы не пустите?! Изверг!

Если бы ты знал, мой милый жизнелюбец, от кого зависит чудо! Нет, я вовсе не собираюсь устраивать его для тебя... Да и, кроме всего прочего, ты ненавидишь музыку — для очистки совести пытался я нацепить на тебя свои несчастные наушники — и услышал в ответ шипенье: «Отстаньте от меня со своими глупостями!» Моя совесть чиста? Конечно! Чем хорошо чудо? Оно происходит без участия, как бы само собой — бесплатное благодетельствование. Но... не происходит оно тоже без участия жаждущего. Гм, снобом и зазнайкой ты заделался, Игорь Петрович

Злобин, очередной спаситель человечества. Благодетель, а кто спасет тебя? Игнат что-то бормотнул, уходя... трепачишко...

Ну, хватит, хватит, уймись... развоевался. На очереди, конечно, Валерий — молод, сил больше. Скорее, скорее, пока я еще на ногах, пока хоть что-то соображаю.

Он умер.

Двадцать семь лет. Пожилые выкарабкались, а он... Страшно, страшно... И убийца — я!

Подожди, подожди, без лишних эмоций! Двоих вылечил — факт! Хотел спасти и этого. Но не смог! Не врач, не психолог, не музыкант... самонадеянная самодеятельность. Нужен психолог высшей пробы, а кто я?... Вдобавок сам больной... Я больше ничего, ничего не могу... пропадет моя догадка, может быть, могущая кое-кому помочь. Признаться? Сочтут сумасшедшим, и только.

Весна. Открывают окна. Перед рассветом радостно, звонко поют дрозды.

На опустевшую кровать Валерия поселился «новенький» — длинный, мосластый, небритый. Пасечник что-то зажужжал в его ухо, завешенное седыми жирными патлами.

— Ничего, папаша, я не суеверен, — невежливо-громко сообщил новый постоялец.

Я все лежу. Встаю редко. Наверное, недолго уже. Плохо мне. Иван Андреевич, когда думает, что я не вижу, подолгу смотрит на меня, жалостливо улыбается. Не себя жалеет — меня.

Весна. Цветы, листья, Наташа в голубом платье. В голубом или... в каком? Все тускло, блекло, словно на изношенном телеэкране. Или это просто я изношен, измочален?! Недостаток контрастности... Тошнотворный запах... Это принесли рисовую кашу, молочную. Ужин. Они ходят, разговаривают зачем-то. Скоро все мы... Уборщица со шваброй ворчит — заставили убирать лестницу до третьего этажа. Ей еще долго жить, а она недовольна. Делает из пустяка трагедию.

Завтра первое мая. Надрывая душу, изощряются соловьи в больничном парке — каждый вечер, каждое утро. Прячутся среди бесстыдно-зеленых листьев. В прошлом году слышал их в горах, на Кок-су. Дождь, мы промокли, зябко, весело, развели огромный костер, от нас валит пар. Еще не болело... почти не болело...

Утро. Неохота открывать глаза. Иван Андреевич шелестит книгой. Охота ему... Куда-то делся длинный, мосластый... нет, не умер он... когда же исчез? Я не заметил.

Жаркий шепот в коридоре, протестующий возглас Наталии Борисовны:

— Нет-нет, не могу, что вы!

— Голубушка, это же безвредно, снотворное... ну, больше доза...

Чей голос, неужели?...

— Зачем это вам, Игнатий Павлович?

Зачем явился сюда этот веселый дурачок? Удачливый...

— Неужели вы не догадались, миленькая? Ну, вы же умница... Да-да, проигрыватель...

— Что в нем?

— На-а-та-ша! Только музыка! Ну, не могу я его бросить просто так... не из того теста, что ли... Недостаточно современно воспитан.

Улыбающаяся физиономия возникла в дверях. Растолстел, краснощек, весел, приветлив.

— Здравствуйте, болящие!

Однопалатники заворчали полунеприязненно, один Иван Андреевич промолвил невозмутимо:

— Здравствуй, здравствуй, счастливцев.

— Что я сказал на радостях, когда уходил отсюда? — Игнат наклонился надо мной, глаза бессовестно сияют. — Не будь лапшой — я сказал! Моего везения должно хватить на двоих! Все ясно, все — на высшем уровне, и психолог, конечно... а как же! Не воображай, Игорь, что ты один такой умный! Помнишь длинного угрюмого мужика — две недели лежал на моей бывшей койке, тебя изучал... большим притворялся. Я и профессору консерватории мозги закрутил. Дельцы, они, конечно, отрицательные людишки, но таких услуг не забывают... Я о тебе подумал — сапожник без сапог?! Ну нет, не бывает этому!

— Ну, Игнат... ну, негодай...

— Приготовиться к старту, инженер! Горючего-то хватит? Подсчитай запасы, должно хватить! Длинный подсчитал! Топтать землю — так на пару!

А что, попробуем?! А вдруг... Опять этот хулиганский пегушиный вопль! Предсказание... чего? Его еще не съели.

— Игнат, если со мной не выйдет — скажи падишаху. Обо всем.

— Сам расскажешь, Игорь!

Михаил Попов

АК-ПАША—«БЕЛЫЙ ГЕНЕРАЛ»

СКОБЕЛЕВ В СРЕДНЕЙ АЗИИ

Проходят столетия, но мысли и дела замечательных людей не знают смерти, они передаются из рода в род. Среди военных вождей русского народа стоит имя Михаила Дмитриевича Скобелева (1843—1882), который был не только полководцем, но и обладал редким даром незаурядного психолога. Солдаты звали его «белым генералом» как постоянно выезжавшего безбоязненно на белом коне, в белом кителе и в белой фуражке, и представлявшего для неприятеля прекрасную цель. Вопрос: зачем так бравировал умный, расчетливый М. Д. Скобелев? Ответ: чтобы действовать на войска, импонировать им своим бесстрашием.

Среди множества храбрецов наполеоновских войн только два человека, помимо, естественно, Наполеона, выделялись своим исключительным бесстрашием. Это были Мюрат и Милорадович. И тот и другой гарцевали впереди чепей.

М. Д. Скобелев — натура сильная, могучая и решительная, всегда и во всем отличавшаяся своею необычною энергией, силой ума и проницательностью. По единодушному свидетельству современников и сослуживцев, стоило с ним провести полчаса, как человек поддавался его влиянию, его умению подчинять себе других.

Окончив в 1868 году Академию Генерального Штаба, М. Д. Скобелев по его настойчивой просьбе был направлен в Туркестан, где сделал блестящую карьеру: приехал туда капитаном, а через восемь лет уехал в чине генерал-майора, награжденным золотым оружием и орденами Святого Георгия 4-й и 3-й степеней.

Михаил Дмитриевич Скобелев покинул Среднюю Азию в связи с началом русско-турецкой войны 1877—1878 годов.

* * *

Предки Скобелевых считались однодворцами, оставаясь неизвестными до тех пор, пока один из них, а именно — Никита Скобелев, будучи призван на военную службу, дослужился до чина

сержанта. Выйдя в отставку, он поселился на своей родине, в Симбирской губернии Ставропольского уезда, в селе Озерках. В семидесяти годах XVIII века он женился на Татьяне Михайловне Уваровой, дворянская фамилия которой была широко известна в Симбирской губернии. Никиту Скобелева по праву можно считать родоначальником своей фамилии, представители которой, в числе трех последующих поколений, прославили ее. Дед М. Д. Скобелева, Иван Никитович Скобелев (1778—1849), за отличие в Отечественной войне 1812 года награжден был Георгием 3-й степени и записан шефом Рязанского полка. Он дослужился до генерала от инфантерии, был комендантом Петербургской крепости и писателем, рассказы и драматические сочинения которого в свое время пользовались успехом.

Отец М. Д. Скобелева — Дмитрий Иванович Скобелев (1821—1879) — за участие в русско-турецкой войне 1877—1878 годов тоже получил Георгия 3-й степени. Таким образом, этот род в трех коленах давал России почти на протяжении столетия храбрых воинов.

Далеко незаурядной была и мать Михаила Дмитриевича — Ольга Николаевна, урожденная Полтавцева. Она горячо любила своего единственного сына Михаила, навещала его даже в походах. После смерти мужа (1879 г.) Ольга Николаевна посвятила себя делу помощи больным и раненым и отправилась на Балканский полуостров, где и стала во главе болгарского отдела Красного Креста. Ею был открыт в Филипполе (ныне Пловдив) приют для 250 детей, а также приюты и школы в других городах Болгарии и Восточной Румелии. В 1880 году она была ограблена и убита под Филипполем разбойниками.

* * *

Михаил Дмитриевич Скобелев родился в Петербурге 17 сентября 1843 года. С детских лет воспитывался в Париже, в частном пансионе Де-

зидерия Жирарде. Родители желали, чтобы он закончил свое образование в России.

Получив прекрасное домашнее воспитание и образование, М. Скобелев в 1861 году поступил в Петербургский университет, но во время возникших там беспорядков должен был его оставить. Будучи слушателем университета, он больше просиживал над военными науками, чем над лекциями профессоров.

Оставив университет, Михаил Скобелев поступает юнкером в кавалергардский полк и в 1863 году производится в корнеты. Польское восстание 1863 года только разгоралось, и двадцатилетний корнет, выхлопотав перевод в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк, оказался в действующей армии. Уже здесь юный офицер показал личную храбрость и незаурядные военные способности. После подавления польского восстания Скобелев возвращается в Петербург и поступает в Николаевскую Академию Генерального Штаба и по ее окончании в 1876 году в чине капитана направляется на работу в Генеральный Штаб. Однако его тянуло на окраину, манила возможность приключений. И он отправляется в Среднюю Азию и на Кавказ, туда, где гремят пушки и пахнет порохом. Он верит в себя и сознательно ищет боевой школы. «Или меня убьют, или вернусь генералом», — говорил он своим товарищам.

Как известно, Средняя Азия давно привлекала к себе взгляды капиталистических хищников на Западе, в частности Англию, видевшую сферу своих интересов в Афганистане, Туркестане и Индии. И, понимая возможность английской экспансии, народы Средней Азии выражали свое беспокойство по этому поводу и видели в России единственного заступника от посягательства «владычицы морей» на их суверенитет. Однако единодушия и по этому вопросу среди местных ханов не было.

Понимали специфическую сложность положения своих азиатских соседей и царские власти, которые также, естественно, стремились не допустить Англию приблизиться к своим границам на Востоке.

В 1869 году, приехав в Туркестан, М. Скобелев принимает участие в боевых действиях генерала Абрамова на бухарской границе. Позже (в 1870 году) получает назначение на Кавказ и числится (с 1871 года) при полковнике Н. Г. Столетове в Закаспийском крае, подчинявшемся тогда наместнику Кавказа. Здесь молодой инициативный офицер Михаил Скобелев произвел скрытую и опасную рекогносцировку Саракамыша. России предстояло завоевать Среднюю Азию, на территории которой находились три феодальных ханства: Коканд, Бухара и Хива.

После занятия войсками генерала Черняева Ташкента в 1865 году на завоеванной территории была создана Туркестанская область, подчиненная вначале оренбургскому генерал-губернатору, а в конце 1867 года из нее было образовано Туркестанское генерал-губернаторство во главе с генералом К. П. фон-Кауфманом, имевшим права объявления войны и заключения мира с окружающими ханствами.

В начале 70-х годов был образован Закаспийский военный отдел с центром в Красноводске (основанном русскими войсками генерала Н. Г. Столетова в 1869 году), и это укрепило положение России на восточном побережье Каспийского моря и создало благоприятные условия для продвижения в глубь Туркмении и Хивы — страны, раскинувшейся на востоке как Каспийским

морем. Походы на Хиву совершались и ранее. Первый военный поход русских против нее был предпринят в 1717 году, в царствование Петра I, под начальством капитана князя Александра Бекovichа-Черкесского. Затем был совершен поход в Хиву в 1839—1840 годах графом В. А. Перовским в царствование Николая I. Правительство Александра II решило окончательно покорить беспокойную Хиву.

В 1870-х годах генерал-губернатор Туркестана К. П. фон-Кауфман потребовал, чтобы Хива признала свою зависимость от России. Однако хивинский хан, следуя внушениям своих советников, не только не исполнил предложенных ему условий, но даже не удостоил ответом генерал-губернатора. Тогда в 1873 году русское правительство организует поход на Хиву. Одновременно туда двинулись два отряда: из Ташкента под начальством генерал-губернатора Туркестана К. П. фон-Кауфмана и из Оренбурга и Мангышлака под руководством генерал-лейтенанта Н. А. Веревкина.

Хива — сердце пустынь Средней Азии. Отсюда расходятся бесчисленные караваны в кочевья туркмен, киргизов, каракалпаков, узбеков и других бесчисленных племен, кочующих в песках. Поразить Хиву — значило поразить все пески, подчинить себе все обитающие в них племена. Хивинцы были уверены, что Хива недоступна ни для кого. Окружные пески лучше всяких крепостей ограждали Хиву — и город, и самый оазис — от вторжений извне.

Хива с виду представляла собою красивый, оригинальный город. Его стены с башнями были высоки. Ворота крыты также тяжелыми башнями по бокам. Из-за городских стен высятся купола мечетей и минаретов. Всюду зелень, сквозь которую мелькают белыми стенами городские здания. Но такова Хива издали. Если побывать в ней, она представляется совсем иному. Во всем городе найдется не более трех-четырёх строений, возведенных по какому-то плану. Все остальное — хаотичное нагромождение глиняных мазанок.

В Хиве две стены: одна снаружи, другая внутри города. Внутренняя стена с частью города образует цитадель. За этой стеной находятся ханский дворец, большая башня, несколько медресе, и почти все общественные здания. Стена защищена четырьмя башнями, и сооружение ее относится к глубокой древности. Цитадель и есть древнейшая Хива. Наружная же стена построена в 1842 году, когда Хива воевала с Бухарой.

Улицы Хивы узки и часто не превышают в ширину трех-четырёх метров. Дома выходят на них своими задними фасадами, грязными, голыми. Но невзрачны дома хивинцев только извне. Внутри же они устроены так, что удовлетворяют всем требованиям неприхотливых хозяев. Зимой они теплы, в летний зной держат прохладу.

Самым великолепным и в то же время священным зданием Хивы была мечеть Палвана-Ата — святого мусульманина, почитаемого патроном города и хивинского ханства.

Долго раздумывал генерал Н. А. Вевекин, прежде чем решиться на штурм Хивы. Нападение хивинцев в мае 1873 года уверили его в том, что туркестанский отряд генерала К. П. фон-Кауфмана находится все еще далеко. В полдень 28 мая штурмовые колонны приблизились к стенам города, но штурма не произошло. Хивинцы стреляли по русским из своих крепостных пушек, русские отвечали им ружейным огнем. Генерала Вевекина сдерживало известие о приближении к Хиве сильного отряда туркестанских войск.

Действительно, известие оказалось верным: отряд генерала К. П. фон-Кауфмана показался в виду города с южной стороны и сделал привал. Хивинский монарх Сеид-Мухамед-Рахим-хан отправил к генерал-губернатору посла и через него заявил о своем согласии отдать Хиву и все свое ханство на милосердие русского «белого государя». Однако ночью большая часть хивинцев, прибывшая сюда из пустынь для защиты крепости, объявила хану Сеид-Мухамед-Рахиму, что они не сдадутся и будут биться до последней возможности. Дело в том, что у хана оказалась соперник, желавший занять ханский престол — Атаджан-тюря. Спасая свою жизнь, Сеид-Мухамед-Рахим бежал. Обстановка осложнилась.

День уже разгорался, становилось жарко. Как было условлено, русские войска подошли к открытым для них Хазараспским воротам. В это время Скобелев и его помощник молодой граф Шувалов, стоявшие со своим отрядом у Хазаватских крепостных ворот, узнают, что часть хивинцев не желает сдачи города и не собирается открывать ворота. Тогда Скобелев приказывает сбить Хазаватские ворота пушечными выстрелами и во главе тысячного отряда бросается на приступ. Граф Шувалов был серьезно ранен и выбит из строя. Но Скобелев под жестокими выстрелами продолжал вести солдат вперед и вперед. Он остановился в своем порыве только тогда, когда дошел до ханского дворца. Здесь он получил приказание фон-Кауфмана прекратить бой. Постепенно все утихомирилось.

В два часа дня 29 мая 1873 года русские войска под звуки военной музыки с развернутыми знаменами торжественно вошли в окончательно покорившуюся крепость. Так после пяти неудачных попыток завладеть Хивой, она, наконец, пала.

2 июня 1873 года бежавший хан вернулся в Хиву и явился к генералу К. П. фон-Кауфману с открытой повинной. Туркестанский генерал-губернатор «милостиво» объявил ему, что «Великий белый царь» не желает свергать хана и оставляет его по-прежнему правителем Хивы, но при условии, естественно, мирного договора, который будет с ним подписан.

Так Хива оказалась в руках царской администрации. Под зеленым ее садов сошлись, наконец, три отряда, одолевшие непроходимые безводные пустыни, защищавшие Хиву более надежно, чем все первоклассные крепости.

И все же главнокомандующий генерал К. П. фон-Кауфман выразил М. Д. Скобелеву свое возмущение устроенным им штурмом Хазаватских ворот без его ведома и без особой необходимости. Однако заступничество генерала Н. А. Вревкина избавило молодого и не в меру энергичного офицера от дальнейших неприятностей.

Хивинцы примирились со своею участью. Они ожидали, что победители разгромят завоеванный город и истребят всех его жителей. Но этого не произошло. Хан Сеид-Мухамед-Рахим восстановил порядок и согласился навсегда в своем ханстве уничтожить рабство.

За отличия в Хивинском походе 1873 года М. Д. Скобелев был награжден золотой саблей «за храбрость», крестом святого Георгия 4-й и 3-й степеней, золотой шпагой, усыпанной бриллиантами. Ему было присвоено звание полковника. В следующем, 1874 году М. Д. Скобелев был откомандирован в Южную Францию для изучения партизанской «карлитской войны». (Там шла борьба за испанскую корону.) По воз-

вращении из Франции он продолжил свою военную службу в Туркестане.

Теперь М. Скобелев принял деятельное участие в Кокандской экспедиции 1875—1876 годов. Когда царские войска приступом овладели сильной крепостью Махрамош, ошеломленные кокандцы стали отступать, надеясь дать отпор на новых позициях. Однако М. Скобелев, помня основное правило полководца — не давать отступающему неприятелю укрепиться, — во главе своего конного отряда атаковал кокандцев и нанес им поражение. А вскоре русские войска без боя заняли столицу ханства Коканд.

Смелые и решительные действия М. Скобелева были оценены по заслугам. Он был произведен в генерал-майоры и зачислен в свиту Его Императорского Величества. В это время ему шел только 32-й год. Молод был Михаил Дмитриевич для генеральского чина, но эта молодость его была лучшею свидетельницею того, что отличия достались ему не даром, а были заслужены трудами и подвигами.¹

Два месяца хан Абдурахман скитался по степям и, наконец, явился с повинной и был сослан на житье в Россию. Кокандское ханство было присоединено к России и стало называться Ферганской областью. Первым губернатором Ферганы был назначен Михаил Дмитриевич Скобелев.

Дорожа народной репутацией, Скобелев вывесил около своего дома, а затем на площадях и базарах, объявление о приеме просителей каждый день. Он высоко поднял здесь престиж русского государства. Во время своего кратковременного (годового) управления областью М. Д. Скобелев объехал ее несколько раз, проявляя огромный интерес к жизни и быту местного населения, стремясь установить с ним контакт и взаимопонимание.

Лучшим способом привлечь к себе местное население «белый генерал» считал обеспечение его безопасности под русским государственным флагом.

Фергану, похожую на яйцевидную впадину, со всех сторон окружают двойными и даже тройными рядами высокие горы. Но между грядками есть долины, на которых дехкане выпасают свои стада. Такова усеянная цветами долина Алая (Рай).

Обитали в этих местах кара-киргизцы, главным богатством которых были курдючные овцы и лошади. Страною этой правила мудрая царица Курбан-джан-датха. Кокандский хан в свое время пытался было обложить кара-киргизцев данью, но датха отстояла вольность своего народа.

Когда Кокандское ханство было разгромлено, подвижники Абдурахмана бежали на Алай. Там они объединились в отряды и нередко беспокоили своими нападениями население долины. Тогда М. Скобелев выступил против них и разбил наголову. Это была его последняя битва в Туркестане. Когда была объявлена война Турции, М. Скобелев отбыл на Балканы.

Проводы его в Фергане были очень сердечными. Население ценило его беспристрастие, отзывчивость и отсутствие рутинности в управлении областью.

Восьмилетняя деятельность М. Скобелева в Средней Азии стала примером вдумчивого,

¹ К этому времени относится его женитьба на княжне М. Н. Гагариной, однако он с нею развелся; детей у них не было.

демократического, гуманного правления в этом многонациональном, сложном крае. В войне за освобождение Болгарии он прославился в боях под Плевной, во время форсирования Дуная и в особенности при переходе через Балканы и в сражении Шипка-Шейново. В феврале 1878 года М. Скобелев занял Сан-Стефано под Стамбулом и вынудил турецкое правительство капитулировать. Этим он приобрел чрезвычайную популярность в России и особенно в Болгарии, где во многих городах его именем были названы улицы, площади и парки. За вклад в дело победы над Турцией, пятьсот лет угнетавшей болгарский народ, М. Скобелев был записан в 1878 году в императорскую свиту с чином генерал-адъютанта. Тогда ему еще не исполнилось и 35 лет.

Два года спустя «белый генерал» снова оказался в Средней Азии.

Занятие побережья Красноводского залива, установление протектората над Хивой и Бухарой, а также ликвидация Кокандского ханства привели к распространению влияния России на значительную часть Туркмении. Часть последней, а именно — область между Каспийским и Аральским морями, песками Сам на севере и рекою Атрек на юге, составляла тогда Закаспийский отдел русских войск. Вопрос о подчинении остальной части Туркмении возник в связи с англо-афганской войной 1878—1880 годов. Под страной Туркмения разумелось обширное пространство, ограниченное с запада Каспийским морем, с юга персидскими и афганскими, с северо-востока бухарскими и хивинскими владениями и с севера Мангышлакским полуостровом. Племя теке было уже полуоседлым. Во всех поселках текинцев насчитывалось до сорока тысяч *кйбиток*. Кроме подножия Кюрек-дара, текинцы еще жили независимо в Мерве, на реке Мургабе. Царское правительство решило воспользоваться сложившейся ситуацией и покорить текинцев. Из Красноводска была отправлена военная экспедиция в Ахал-Текинский оазис с целью овладения его укрепленным центром Геок-Тепе. Однако без достаточной подготовки и продуманного плана. Двадцатитысячный корпус генерала Лазарева выступил из Красноводска в июле 1879 года, но штурм провалился с большими жертвами.

Правительство понимало, что неудача в Геок-Тепе неизбежно отзовется на положении всего Туркестана, и этим воспользуется Англия, заключившая 10 июня 1880 года договор, по которому афганский эмир Абдурахман признал свою зависимость от нее. Правительство Александра II решило во что бы то ни стало покорить Туркмению и выполнить эту задачу поручило «белому генералу», славившемуся умом и решительностью. Его предшественники на этом поприще, генералы Лазарев и Тургукасов, как бы подняли дух текинцев после неудачного похода 1879 года. На всех базарах Средней Азии были уверены, что русские войска, когда пойдут в поход, будут разбиты.

Опорным пунктом движения русских в Ахал-Текинский оазис стал Чингишляр. Это старая полуразрушенная не столько людьми, сколько временем текинская крепость на восточном берегу Каспийского моря. Уже давно, когда еще русские только стали утверждаться в песчаных пустынях, остатки крепости были превращены в наблюдательный пункт. Появились кое-какие строения, замелькали «белые рубахи» «кавказ-

цев», почти непрерывно слышался рев верблюдов.

Вместе с М. Скобелевым прибыл в Чингишляр и начальник его штаба полковник Николай Иванович Гродеков; один по одному собирались офицеры, и скоро заброшенный пост закипел веселым оживлением. Замечательная белая лошадь М. Скобелева была привезена на пароходе и спущена в море, чтобы сама доплыла до берега. Впоследствии Михаил Дмитриевич признавался, что он сделал это из-за предрассудка: если лошадь доплывает до берега благополучно, то ахал-текинская экспедиция закончится удачно.

«Белый генерал» вставал в четыре часа утра, являлся со своим адъютантом Баранком на кухню, когда ротные котлы только начинали ставить на огонь, проверял сам мясо, крупу, пробовал хлеб; ночью неожиданно являлся в госпиталь, осматривал сторожевую службу и лично опрашивал фельдшеров о числе тяжело больных солдат. На базах «шла нагрузка» ночью, с фонарями, куда очень часто являлся и Михаил Дмитриевич, приговаривая: «буду я, будет на работе и офицер, и смотритель вернее весь выйдет, да и солдату веселее пойдет работа». Ко времени прибытия М. Скобелева в Закаспийский край у текинцев особенно выдающимся лицом был Тыкма-сердар, который раньше принимал участие в переговорах текинцев с русскими. Имя Тыкма-сердара гремело среди русских войск как непобедимого. Михаил Дмитриевич опасался этого имени, но по возможности старался его игнорировать.

В связи с походом в Ахал-Текинский оазис началась постройка первой линии железной дороги от побережья Каспийского моря в глубь туркменских степей. Строилась она по стратегическим мотивам.

Поход в самое сердце Туркмении, где скопилось все текинское племя, еще только налаживался, когда М. Скобелев взял с собой восьмьсот человек и выступил с ними из попутного укрепления Бами в 120 верстах от Геок-Тепе. Это было среди лета (5 июля 1880 года), солнце накаливало землю. На другой день вечером отряд остановился за двадцать верст от крепости на отдых. Проиграли зорю. Еще до рассвета, под музыку, отряд подошел к селу Янги-Кала, откуда уже была видна и сама крепость. Толпа текинцев на своих конях вынеслась из засады — их осыпали ракетами и картечными гранатами. Колонна двинулась дальше. Новый наскок — колонна остановилась, дала залп, и опять шибко пошла под веселый марш. Пешие текинцы засели в селении. Пока их выбивали, чертежник снял план, и колонна повернула назад. Около девяти тысяч конных текинцев кружили, как пчелы, но ничего не могли сделать: скобелевцы стреляли вперед, вправо и влево. Во время ночлега полторы тысячи самых отчаянных наездников подползли к биваку; два отряда пеших текинцев подползли на 80 шагов с разных сторон, но там, на биваке, была такая тишина, что текинцы смутились. Они надеялись вырезать всех до единого. Утром, после зоревого выстрела гранатой, музыканты проиграли «Коль славен», потом «Боже царя храни», а текинцы стояли в то время уже на горах и дивились тишине и порядку в рядах «уруса». Когда Тыкма-сердар узнал, что в отряде находился сам «белый генерал», он страшно досадовал, что не удалось его пленить. Текинцы побавались «Ак-пашу» (Скобелева) и говорили, что будь другой на его месте, они бы непременно справились с «урусом». Так зна-

комился Скобелев с неприятелем, изучал его сильные и слабые стороны.

Чтобы овладеть опорным пунктом для атаки Геок-Тепе, М. Скобелев решил занять кишлак Янги-калу (кала — укрепление), лежащий перед крепостью на правом берегу многоводного ручья Секиз-Яб. Кишлак этот состоял из группы кал (укреплений), разбросанных в беспорядке на полях. Еще летом этого же (1880 года) Янги-кала представляла собой сплошной сад, но текинцы вырубали почти все фруктовые деревья на топливо и на устройство подземных помещений. От Янги-кала до Геок-Тепе было менее версты.

М. Скобелев решил занять группу кал, именуемых великокняжескими. Кал этих было три, из них главная находилась в сотне саженой от крепости. Позиция эта представляла много выгодных прикрытий и была необходима для минных работ.

Был один из самых знойных дней августа, когда жара в Баи доходила до 45 градусов. М. Скобелев и начальник его штаба полковник Н. И. Гродеков восемь часов подряд спорили и доказывали один другому — можно ли перейти в наступление и двинуться ближе к стенам Геок-Тепе. Скобелев хотел в сентябре форсировать движение вперед, но начальник штаба Гродеков приводил данные, что не все еще к тому готово. Полковник Гродеков в этой экспедиции был разумным «регулятором» подчас слишком смелых военных порывов Михаила Дмитриевича. В конце концов Скобелев согласился с доводами Гродекова и приступил к скорейшему окончанию подготовительных работ для штурма. Сентябрь и первую половину октября он провел в Красноводске, занимаясь там хозяйственными делами. Было заготовлено на зиму теплое обмундирование для всего отряда, наняты девять тысяч верблюдов, сделаны новые запасы продовольствия. Затем отряд двинулся в глубь оазиса, к Геок-Тепе.

На рассвете 30 ноября был занят пункт Еган-батыр-кала, в девяти верстах от Геок-Тепе.

Первого декабря, в обед, М. Скобелев получил с нарочным экстренное донесение, что 25 ноября партия текинцев напала на транспорт подрядчика Громова, перебила прикрытые и отбила 3000 верблюдов.

Это грустное известие встревожило «белого генерала», и он разом сделался суров, строго-молчалив, к тому же в это время у него была сильная лихорадка.

18 декабря прибыла в Еган-батыр-кала последняя колонна, 19-го пришла вся кавалерия, и 20-го числа все войска двинулись к Геок-Тепе.

...Осада крепости длилась уже более месяца. Русский лагерь все ближе и ближе продвигался к неприятельской стене.

Серенькое, пасмурное утро 12-го января 1881 года началось горячей схваткой колонны полковника Гайдарова у мельницы.

Десять батарей залпами стали осыпать из семидесяти орудий гордо стоявшую крепость. Воздух сделался белым от порохового дыма. Тысячи кибиток были разнесены гранатами в щепы и клочья. Артиллерийская брешь была готова. Геройски бросились текинцы заделывать ее, но их оттеснили шрапнелью. Солдаты ворвались в брешь, несмотря на град пуль и массу громадных камней, брошенных со стен. Повсюду шла ожесточенная борьба. Героизм был взаимный, но войска все же сломали хотя и храброго, но менее подготовленного и менее вооруженного неприятеля.

Фон-Кауфман поспешил уведомить Петербург о том, что экспедиция закончилась благополучно и что русские войска направляются в места постоянной дислокации.

М. Д. Скобелев обратился с воззванием: «Народу Ахала»

Брат великого русского государя, наместник Кавказский, которому отныне подчиняется народ Ахал-Теке, в безграничной заботливости своей о вверенных его попечению народах, прислал сюда свое доверенное лицо, которому поручил узнать все нужды текинцев.

Наместник приказал выдать наиболее нуждающимся жителям хлеб, что и исполняется.

Уверен, что население оценит эту милость. Благоразумные люди вернулись на свои места. Но есть еще слабые люди, которые слушают разных проходимцев и не селятся в Атеке. Предваряю их, что я назначу срок, к которому они должны поселиться в оазисе. Все неявишиеся к сроку будут сочтены изменниками и бунтовщиками. А я, вы знаете, двух слов не имею.

Генерал-адъютант Скобелев»².

Действия и личность М. Скобелева произвели на местных жителей такое впечатление, что они даже подослали убийцу, совершившего неудачное покушение на «Гез-каллы» — кровавые глаза, как прозвали «белого генерала» текинцы.

Ахал-текинская экспедиция в жизни генерала М. Скобелева имеет очень большое значение. Здесь впервые он был главнокомандующим, хотя и небольшого отряда, ничем не связанным в своих планах. Он лично подготовил эту экспедицию, тщательно продумав все до мелочей. В этом походе проявились все сильные стороны М. Скобелева как полководца-организатора.

Вновь занятые земли Ахал-Текинского оазиса вместе с Закаспийским военным отделом составили Закаспийскую область с центром в городе Асхабад, заново основанном рядом с аулом Ашхабад, но с подчинением Кавказскому наместнику, а не Туркестанскому генерал-губернатору. Царским властям с помощью подарков удалось привлечь на свою сторону туркменскую знать. Руководитель обороны Геок-Тепе Тымасердар, сын и преемник хана Ахала и Мерва Нурберди-хан-Махтум Кули-хан также прекратил сопротивление царским властям. Военный министр Д. А. Милютин приостановил дальнейшее движение войск М. Скобелева в глубь Туркмении, и Мерв пока остался независимым.

«Белый генерал», несмотря на свою щедрую широкую натуру русского человека, был в высшей степени расчетливым хозяином и экономистом. По собственной инициативе он за девять месяцев построил телеграфную линию в Ахал-Теке, от Чата до Асхабада, и хотя строительство это велось в военно-стратегических целях, объективно это способствовало расширению экономических, культурных связей этого края с государством, выводило его из многовековой изоляции. Строительство он провел исключительно экономичным способом. А отдай он строительство телеграфа в руки подрядчика, вся эта линия связи обошлась бы казне не менее ста тысяч рублей.

За взятие Ахал-Теке М. Скобелеву был пожалован орден Святого Георгия 2-й степени и чин генерала от инфантерии. Его именем был назван один из кораблей Каспийской военной

² Чанцев И. А. «Скобелев как полководец 1880—1881. Исторический очерк. С портретом, письмами и речами Скобелева». СПб, 1883, с. 40.

флотилии. По отзывам военных авторитетов, Ахал-Текинская экспедиция представляет образец военного искусства.

«Белый генерал» обладал редкой справедливостью по отношению к своим подчиненным. Он никогда не приписывал себе успеха того или другого дела, никогда не упускал случая выдвинуть на первый план своих ближайших сотрудников. Всякий раз, когда его благодарили, он и в частном разговоре, и при официальных торжествах заявлял прямо:

— Я тут ни при чем. Все дело сделано таким-то...

Несколько раз он при подобных случаях прямо указывал «виновника» данного успеха.

— Я вам, братцы, обязан! Это вы все сделали... Мне за вас дали мои кресты! — говорил он солдатам, и не только для того, чтобы воодушевить их.

Он действительно верил в громадное значение солдат, делал все для того, чтобы овладеть их сердцами.

Веря в себя, М. Скобелев верил и в другого. Вот как поступил он — «доверчиво» — с хитрыми текинцами. Несколько дней спустя после взятия Асхабада М. Д. Скобелев во время одной из разведок встретил значительную толпу конных текинцев.

— Кто вы такие? — спросил он.

— Мирные теке! — отвечали они.

— Как я поверю этому, когда вы вооружены, — сказал Скобелев.

— Текинец никогда не лжет, — возразил гордо один из них.

— Хорошо, если так, вы проводите меня до Асхабада, — сказал Михаил Дмитриевич, и с этими словами отпустил свой военный конвой и отправился к городу, окруженный кучкой текинцев, которые несколько дней перед этим отчаянно дрались под Геок-Тепе.

М. Скобелев был не только выдающимся генералом, ведшим к победам русские войска, но и обладал редким даром психолога и воспитателя. За войной он признавал, главным образом, экономическое значение. Но в то же время он сознавал и весь ее вред, понимая ужасы, следующие за нею. Он смотрел на войну, как на печальную необходимость.

Находясь в Туркестане и Туркмении, М. Скобелев немало занимался вопросом возможного похода в Индию для ее освобождения от английского господства. Особенно подробно изложены им взгляды на этот вопрос в письме к одному из близких и влиятельных родственников в связи с назревшей тогда англо-афганской войной: «По моему мнению, — писал «белый генерал», — возможно и должно предпринять прыжок из Туркестана, в случае решительного разрыва с Англией, для торжества и величия России. Можно нанести Англии не только решительный удар в Индии, но и сокрушить ее в Европе. Все это, повторяю, при полном владении нами Туркестанским краем и совершенном обеспечении его в смысле операционной базы»³.

Итак, блестящая военная деятельность М. Скобелева в Средней Азии закончилась штурмом крепости Геок-Тепе и присоединением Туркмении к России, после чего «белый генерал» вернулся в Москву. Встреча победителя носила триумфальный характер. Свидетель этой манифестации московский генерал-губернатор князь

В. А. Долгорукий сказал по поводу этих торжеств: «Я видел Бонапарта, возвращавшегося из Египта».

Иной была встреча «белого генерала» в Петербурге. Александр III, только что вступивший на престол, после убийства его отца Александра II, отнесся к герою довольно сухо. М. Скобелев был назначен командиром 4-го корпуса, дислоцированного в Белоруссии со штабом в Минске.

12 января 1882 года на банкете в ресторане Бореля в Петербурге, устроенном в честь первой годовщины со дня штурма Геок-Тепе, М. Скобелев произнес горячую речь, носившую открытый панславистский характер, недвусмысленно направленную против политики Германии и Австро-Венгрии. В ней он, между прочим, сказал о прогрессивной роли России на Востоке.

У боевого «белого генерала» М. Скобелева, судя по всему, к этому времени была собственная детально разработанная программа перестройки всех сторон жизни России, в том числе ее внешней политики. Вскоре после этого выступления в Петербурге М. Скобелев по распоряжению Александра III должен был взять заграничный отпуск и отправиться в Париж, куда он и прибыл во второй половине января 1882 года.

Находясь в столице Франции, М. Скобелев дважды публично выступал в защиту балканских народов. «Белый генерал» открыто указывал на Германию как на врага номер один. Особенно резко эта мысль прозвучала в его выступлении во время встречи с сербскими студентами 5/12 февраля 1882 года.

В Париже М. Скобелев встретился с Леоном Мишелем Гамбетой, только что вышедшим в отставку с поста премьер-министра и министра иностранных дел Франции. Как известно, Гамбета руководил борьбой против клерикализма и попыток реставрации монархии.

Речи М. Скобелева, шумно комментировавшиеся во всей Европе, докатились до берегов Невы. Раздраженный Александр III приказал «белому генералу» вернуться в Россию. Военный министр П. С. Ванновский встретил его выговором, сделанным, впрочем, в мягкой форме. Благополучно обошлась и его встреча с самим императором, во время которой М. Скобелеву каким-то образом удалось отвести от себя его гнев.

Получив месячный отпуск, 22 июня 1882 года М. Скобелев выехал из Минска, где находился штаб 4-го корпуса, в Москву. По обыкновению, он остановился в гостинице «Дюссо», предполагая побывать в своем имении Спасское Рязанской губернии.

Утром 25 июня М. Скобелев дал знать И. С. Аксакову, что будет у него завтра и что сегодня обедает у барона Розена со своим адъютантом Баранком. За обедом Михаила Дмитриевича не покидало мрачное настроение.

— А помнишь, Алексей Никитич, — обратился Скобелев к Баранку, — что «слава человеческая, аки дым преходящий... подгулял поп, а хорошо сказал».

Вечером 25-го «белому генералу» захотелось найти забвение в кутеже. На углу Петровки и Столешникова переулка была тогда гостиница «Англия», где жило много девиц легкого поведения, в том числе немка Ванда; она занимала роскошный номер и была известна всей кутящей Москве. В ее обществе и провел М. Скобелев последние часы своей жизни. Поздно ночью Ванда прибежала к дворнику и сказала, что у нее в номере скоропостижно умер офицер. Покойник был сразу узнан, и прибывшая полиция не-

³ Кашкаров Д. Д. «Взгляд на политику, войну, военное дело и военных». СПб, 1893, с. 9.

медленно переправила тело М. Скобелева в гостиницу «Дюссо», в которой он остановился.

Вскрытие производил прозектор медицинского факультета Московского университета профессор Нейдинг. В протоколе вскрытия было сказано: «Скончался от паралича сердца и легких, воспалением которых он страдал еще так недавно».

Однако никогда раньше на свое сердце М. Скобелев не жаловался, и потому мало кто верил в официальную версию. Как видно из воспоминаний современников, одни говорили об убийстве, другие о самоубийстве. Большинство склонялось к тому, что «белый генерал» был убит: пал жертвой германской ненависти. Пристутствие при его смерти немки Ванды придавало этим слухам достоверность⁴.

По другой версии М. Д. Скобелев был отравлен бокалом вина, присланным ему из соседнего номера какой-то подгулявшей компанией, пившей за здоровье «белого генерала». В этом случае дело объяснялось уже не немцами, а происками самого императора Александра III.

В. И. Немирович-Данченко утверждает, что генерал М. Д. Скобелев был убит агентами «священной дружины» по приговору, подписанному одним из великих князей и графом Б. Шуваловым, личным другом императора и влиятельным руководителем «дружины»⁵.

«Священная дружина», по мнению некоторых историков, совмещала в себе черты Третьего отделения, масонских лож и подпольных организаций. Состав ее центрального комитета неизвестен; вероятно, в него входили и сам император, и великий князь Владимир Александрович, бывший начальником Петербургского военного округа. Однако все это пока только гипотеза, не более.

В сущности, в самой смерти М. Скобелева было ничего загадочного и ненатурального.

М. Д. Скобелев, по словам художника В. В. Верещагина, «забыл, что ему не двадцать лет». В обстоятельствах искусственной гибели сердца «белого генерала» не выдержало, и это совсем неудивительно. Его здоровье было не из крепких.

26 июня 1882 года Москва была взбудоражена молниеносно распространившимся известием: ночью в гостинице «Англия» скоропостижно умер Михаил Дмитриевич Скобелев. Народ день и ночь толпился у отеля «Дюссо». Когда гроб был поставлен в церковь Трех Святителей у Красных ворот, заложенную еще дедом покойника, мимо него в течение двух дней прошло более шестидесяти тысяч человек. В день выноса от церкви до Казанского вокзала все улицы, по которым следовала похоронная процессия, были заполнены народом. Такая же картина отмечалась и по всему пути следования траурного поезда от Москвы до Рязани. «Это было что-то до тех пор неслыханное, — вспоминает В. И. Немирович-Данченко. — Крестьяне кидали свои полевые работы, фабричные — оставляли свои заводы, и все это валило к станциям, а то и так, к полотну дороги... За Москвой на несколько

верст стояла густая масса народа. У самого полотна многие стояли на коленях. Все это под жаркими лучами солнца, истомившись от долгого ожидания. Уже с первой версты поезду пришлось поминутно останавливаться. Каждое село являлось со своим причтом, со своими иконами. Крестьяне служили по пути сотни панихид... Большая часть сел вышла навстречу — совершенно исключительное и небывалое явление⁶. Один из очевидцев этого горестного события заметил: «Это шествие триумфатора, а не похороны генерала».

К месту последнего успокоения тело М. Д. Скобелева сопровождали войска под командой генерала Дохтурова. Траурный поезд из пятнадцати вагонов с провожавшими прибыл 29 июня на станцию Ранненбург. Здесь он был встречен крестьянами из села Спасского. Крестьяне разобрали венки, и печальное шествие пошло степной дорогой среди зеленых полей. У Спасского, у спуска на мост через реку, крестьяне пожелали нести гроб на руках: «С этого места мы и отца его, и мать носили на руках». Шествие с гробом прошло через усадьбу покойного, мимо небольшого дома, где он жил и перед которым была разбита клумба из золотистых цветков, изображавшая слова: «Честь и слава». В старой церкви села рядом с могилами отца и матери лег последний из Скобелевых, владелец Спасского. На этом прекратился род Скобелевых по мужской линии.

Вся русская пресса, газеты всех фракций и оттенков сочли своим долгом выразить народному герою и любимцу М. Д. Скобелеву свое последнее слово. Смерть постигла его, отмечали газеты, в самом цветущем возрасте уже на вершину славы, но еще не проявившего всех своих сил, и сделанное далеко не исчерпывало того, что еще он мог сделать, чего Россия могла ожидать от него. В порыве горя газета «Русь» имела полное основание воскликнуть: «Не жидется на нашей Русской земле талантам, — только посредственности раздолье»⁷.

В дореволюционной России не было человека, который бы не знал имени Михаила Дмитриевича Скобелева. На базарах Турции и Туркестанского края долго еще говорили про «белого генерала» (Ак-пашу).

И прославился он не тем только, что был храбрый из храбрых. Этого еще мало, чтобы стать подлинно народным героем. Он был искусный военачальник и добрый человек.

Память народного русского героя была увековечена многими памятниками, разрушенными в советское время. В день 25-летия его кончины Новый Маргелан был переименован в «Скобелев». Воздвигнутый в 1912 году в честь увековечивания подвигов «белого генерала» красивый и выразительный памятник в Москве (по модели Е. А. Лансере в исполнении скульптора Шопена) был снесен, и на его месте ныне высится памятник Юрию Долгорукому — основателю Москвы.

В 1993 году исполнится 150 лет со дня рождения народного героя.

Эта дата, хочется верить, послужит поводом для того, чтобы вспомнить об исторической роли М. Д. Скобелева в судьбах России, в судьбах Запада и Востока.

⁴ Марков В. Л. Из воспоминаний о «белом генерале». — «Русская старина», 1913, февраль, с. 436.

⁵ «На кладбищах. Воспоминания». Ревель, 1921, с. 69.

⁶ Немирович-Данченко В. И. «Скобелев», ч. II, СПб, 1903, с. 126—127.

⁷ «Русь», 1882, № 26.

Василий Верещагин

ОТ ОРЕНБУРГА ДО ТАШКЕНТА

ОТРЫВКИ

Немногие знают, что знаменитый русский художник Василий Васильевич Верещагин владел не только кистью, но и пером, писал прозу и даже стихи. Между тем литературное наследие Верещагина довольно обширно. И видное место в этом наследии, как и в живописи мастера, занимает среднеазиатская тематика.

Туркестан был для Верещагина краем, где зарождалась его слава, определялась его судьба. Здесь художник создал цикл полотен, выставка которых в Петербурге имела ошеломляющий успех, картины эти приобретены П. М. Третьяковым. Только после этого Верещагин смог отказаться от службы при штабе генерал-губернатора фон-Кауфмана, стать «свободным художником», целиком посвятить себя творчеству.

Верещагин-художник и Верещагин-писатель шли рука об руку. Наблюдательность живописца, вдумчивость этнографа, высокая культура русского интеллигента запечатлелись не только на холсте, но и в путевых записках «От Оренбурга до Ташкента», написанных в лучших традициях русской классической прозы — прозрачно, легко, доходчиво. Записки эти были опубликованы в майском номере петербургского иллюстрированного журнала «Всемирный путешественник», давно ставшего библиографической редкостью.

Надеемся, что публикуемые ниже отрывки из путевых заметок В. В. Верещагина заинтересуют читателя, обогатят его представление о прошлом Средней Азии.

КАК СТРОЯТ ДОМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Если бы я спросил вас, читатель, где скорее всего строят дома, то вы конечно тотчас же ответили бы «в Париже» — и жестоко ошиблись бы, так как без сомнения это делается быстрее всего в центральной Азии.

Все города центральной Азии, и Ташкент в том числе, построены из грязи, сделанной из глинистой земли, которая слепляется так крепко, что дома выходят прочные и держатся долго в этом сухом климате. Правда, что после продолжительных дождей каждому дому грозит, по видимому, разрушение: у одного обваливается крыша, у другого отстает угол, вода показывается в нижних комнатах; но лишь только дождь прекратился, как все исправляется в несколько часов. Землетрясения, довольно частые в этой стране, производят более значительные бедствия; случается, что они дотла разрушают целые улицы.

Дрова так дороги в этой местности, что даже самые богатые разорились бы, строивши свои дома из кирпичей, обожженных в печах. Правда, здесь найдены копи каменного угля, но он далеко не дешев. Что же касается до сушки кирпича на солнце, то эта работа не стоит труда, так как из глины делаются почти столь же прочные постройки. По этой-то причине и несмотря на пример русских, которые охотнее употребляют сухой кирпич, здесь долго еще будут строить так, как строили отцы.

Общественные здания, каковы: мечети, базары, каравансарай, построены из обожженного кирпича.

Я говорил, что жилища строятся с изумительной быстротою. Из земли и саманы, или изрубленной соломы делают грязь и кладут ее глыбами на солнце. В это время в землю утверждают деревянный остов здания, а затем наполняют рамки сруба сухими глыбами и смазывают их грязью, смешанною с соломою. Наконец крыша состоит из слоя земли, положенного на деревянный потолок. Дома богатых людей бывают обыкновенно двухэтажные и отличаются этим снаружи от домиков бедных. Эти последние имеют вид настоящих темных и грязных конур с нишами в стенах, войлоком и циновками на полу и глиняным очагом в углу или посреди комнаты. Тут нет ни стола, ни кровати. Летом еще можно жить в этих лачугах, но зимою семейству приходится переносить тяжелые испытания: сквозь крышу протекает дождь, через гнилые доски идет ветер, холод проникает со всех сторон.

Дома достаточных людей устроены гораздо лучше. Снаружи на двор выходит широкая крытая галерея, поддерживаемая хорошенькими деревянными колоннами. На этой галерее едят, работают и курят в продолжение трех четвертей года. На галерею выходит несколько дверей, которые открываются в очень чистые комнаты, убранные иногда весьма артистично и оригинально; однако, хотя прелестные рисунки, украшающие стены и потолок, не всегда бывают лишены вкуса, но зато в них постоянно преобладают яркие краски. Тут бывают большею частью представлены древесные ветви и букеты цветов, написанные в арабском вкусе. Вдоль стен устроены ниши, разделенные часто на маленькие отделения весьма изящной формы. Пол покрыт войлоком и коврами, в некоторых местах в нем сделаны довольно глубокие дыры, где совершают ежедневное омовение. Другое, более обширное, центральное четырехугольное отверстие занято в холодное время года жаровнею с угольями. Зимую над этою жаровней устраивают что-то вроде стола и окружают его одеялами, спускающимися до пола; этим способом преграждается слишком сильный приток воздуха к угольям, вследствие чего они горят медленнее и сберегается топливо. В холодное время все усаживаются вокруг стола и, закутавшись в ваточный халат, употребляют в Ташкенте, каждый протягивает руку под одеяло, согревая ее над жаровнею.

Со времени поселения русских некоторые богатые домовладельцы решились заменить свои решетчатые окна с намасленной бумагою настоящими рамами со стеклами.

Нужно ли говорить, что окна эти выходят на двор? — и пройдет еще вероятно много лет до тех пор, когда местные жители решатся пробить окна на улицу.

Я не буду долго описывать ташкентские мечети, которые все построены из кирпича, за исключением нескольких глиняных. Ни одна из них не сооружена из камня или из чистого дерева. Они состоят вообще из большой залы, окруженной с трех сторон широкою открытою галерею, поддерживаемою деревянными колоннами резной работы или с мраморными украшениями. Стены и потолок галереи бывают обыкновенно украшены яркими рисунками или резною работою. Правоверные оставляют свою обувь в этой галерее.

Во время молитвы правоверные обращаются лицом к нише со стрельчатыми сводами, сделанной в стене. Только в главных мечетях бывает кафедра, к которой ведет небольшая лестница. Хотя стены тщательно выбелены, но окна в мусульманских церквях Ташкента так редки и малы, что в мечетях никогда не бывает светло. Пол устилается циновками, войлочными коврами и белыми бумажными тканями.

Возле базара замечательна большая мечеть с двумя минаретами, построенная одним из последних правителей Ташкента, который очень притеснял народ; однако он оставил по себе прекрасную память, благодаря школам и мечетям, построенным по его мысли.

Я произнес слово школа. В Ташкенте, как и в прочих городах центральной Азии, элементарные школы строятся возле небольших мечетей, а высшие заведения находятся близ главных мечетей, или стоят совершенно отдельно. Эти последние бывают часто весьма обширны и занимают большие здания, разделенные на множество комнаток для учеников; посреди подобного заведения находится всегда большой двор. В Ташкенте, сколько мне помнится, есть семь высших учебных заведений, и каждая из этих школ, или медресе, содержится несколькими муллами, или учителями. В этих заведениях чувствуется всегда большой недостаток в учениках: мне редко случалось найти более десяти молодых людей в каждой медресе, но зато я видел много комнат, запертых на замок.

Низшие школы состоят из большой комнаты, набитой мальчуганами. О присутствии их можно догадаться уже издали, по необыкновенному шуму. Сидя на корточках или на коленях и покачиваясь взад и вперед, мальчики повторяют один за другим фразу, которую они должны заучить. Педант, вооруженный длинным и гибким прутом, призывает шалунов к порядку и подстрекает ленивых. Взгляд у него верный, рука быстрая, и хлыст награждает ударами со справедливостью, великодушием и быстротою...

КАЛЕНТЕРХАНЫ

Калентерханами называются убежища нищенствующих дервишей, убежища, построенные в самых живописных местоположениях, в тени деревьев, на берегу речек. Они состоят главным образом из обширного двора, осененного деревьями и освежаемого ручейком, из небольшого холмика, служащего местом для молитвы, и наконец из грязного и некрасивого здания. Вдоль стены, на террасе этого здания большею частью сидят или лежат нищие: одни разговаривают, курят, пьют чай, другие спят под влиянием одуряющего кукурара.

Подумаешь, к чему столько убежищ для нищих? Но ведь нищенство весьма распространено и тщательно организовано в центральной Азии. Огромная община нищих образует там братство, управляемое особым начальником, который, говорят, происходит от святого, положившего основание ордену дуванов или дуванисов (нищих).

Я был несколько раз у туры нищих (тура значит хозяин, господин), который живет в гораздо более уютном доме, нежели его подчиненные, но ни разу не имел счастья застать его дома: он был то в Чемкенде, то в Ходженде, то где-нибудь в другом месте. В качестве начальника всех туркестанских дуванов, ташкентский тура имел мало свободного времени: ему приходится разъезжать по всей своей епархии, чтобы производить суд и расправу между подчиненными и принимать отчет в их доходах и тратах.

Я произнес слово «доходы». Действительно оказывается, что приход братства составляет довольно значительную цифру, так как каждый дуван обязан отдавать обществу все собранное им в день, взяв для себя только самое необходимое.

Дувану может сделаться всякий: для этого достаточно предпочитать бродяжничество работе, подать официальное прошение, подчиниться некоторым формальностям, согласиться носить красную шапку своеобразной формы, украшенную шерстяными вышивками и обшитую внизу бараньим мехом, затем принять широкий пояс с символическим камнем впереди и чашку, сделанную из половины кокосового ореха, куда дувана складывает без церемонии все, что ему дают, — и хлеб, и мясо, и жирный рис, и медные деньги.

Халат составляет главную часть в одежде дуваны. Он должен непременно быть шит из кусочков и образков, и некоторые нищие умеют составить необыкновенно живописную одежду, подобрав известные материи и цвета. Каждый дувана имеет два халата: один, ежедневный, представляет отвратительные лохмотья, составленные из тысячи тряпочек, другой, церемониальный и праздничный халат, шит также из лоскутьев, но лоскутьев чистых и красивого цвета, собранных по базарам. Дувана, прохаживающийся с гордым видом по улицам Ташкента, в своем праздничном одеянии, имеет вид ходячего образчика всех русских и местных материй.

Не стану описывать день дуваны. Скажу в двух словах, что нищие покидают каленгерханы рано утром. Это относится к холостякам, так как женатые живут в отдельных домах. Каждая шайка обирает свой квартал, а вечером все возвращаются домой, отдают отчет в своем сборе, разговаривают, курят очень крепкий наша, пьют чай или кукнар. От этого последнего напитка нетрудно лишиться разума, таким образом все пьянеют и засыпают глубокоим сном, а на другое утро снова отправляются докучливо выпрашивать милостыню у всех прохожих. Впрочем, надобно сознаться, что дуваны иногда преуморительно исполняют свою обязанность. Невозможно удержаться от смеха, когда слышишь, как десять или пятнадцать, а иногда и более бедняков, в своих высоких меховых шапках, с желтым и морщинистым лицом, повторяют жалобным и гнусавым тоном какую-нибудь фразу, затянутую одним из них вроде регента. Как они при этом потешно затыкают себе уши пальцами, наклоняются всем телом и надуваются каким-то способом до того, что готовы лопнуть!

— К чему служит тебе эта палочка? — спросил я одного дувану, который держал в руке зеленую палочку с различными узорами, вырезанными на коже.

— А я ею прошу милостыню, — простодушно отвечал мне нищий. — Когда прохожие делают вид, будто не слышат меня, то я дотрагиваюсь до них концом моей палочки.

Почти все дуваны отъявленные пьяницы и едоки опиума. Они принимают три или четыре раза в день, а иногда и чаще по целым чашкам кукнара или приемам опиума.

Однажды мне случилось быть с дувану, употреблявшим опиум; он скорее походил на скелет, нежели на живого человека. Высокого роста, со страшно бледным и желтым лицом, он едва слышал и видел, что происходило вокруг него. Мои слова доходили до него, как какой-то неопределенный шум; он не разжимал рта.

Вдруг он увидел в моей руке шарик опиума; его невозмутимое лицо оживилось, глаза раскрылись широко, ноздри натянулись, он бросился ко мне: «Дай, дай», — закричал он. Но я отодвинулся, спрятав опиум; тогда скелет начал ломать себе руки, лицо его искривилось. «Дай мне бенг (опиум), о! дай мне его», — повторял он, как ребенок; и когда я дал ему кусочек, то он схватил его обеими руками, прислонился к стене, и, подобно голодной собаке, гложущей кость, ел молча и с наслаждением. Вскоре лицо его исказилось странною улыбкою, он забормотал бессвязные слова и впал в иступление, соединенное со спазмами.

В эту минуту другой любитель опиума прервал его наслаждение, и, бросившись на него, неожиданно вырвал оставшийся кусочек шарика и с жадностью проглотил. Мой скелет вскочил; зверское лицо его дышало ненавистью и мстью. «Отдай его, отдай!» — закричал он, нападая с бешенством на своего товарища по страсти. Я думал, что они разорвут друг друга.

Каленгерханы служат не только убежищем для нищих, они составляют что-то среднее между нашими ресторанами, кофейными и клубами; в каленгерхану отправляется курильщик опиума, несмеющий удовлетворить своей страсти дома; туда же идет пьяница наслаждаться своим кукнаром; болтун рассказывает там свои новости, и любопытный узнает события дня. Я сам встречал в этих домах некоторых довольно важных лиц; они были сильно сконфужены, встретившись с русским тура в таком дурном обществе.

Возвратимся однако к дуванам. Летом жизнь их довольно приятна. Подобно птицам небесным, они не сеют, не жнут, но не отказываются от сбора, и мы видим, что благодаря вечной глупости людей они хорошо едят, пьют еще лучше и отдыхают под тенью деревьев, на берегу текущих вод. Зато зимою совсем другое дело. Как они ни стараются закутаться в свои дырявые халаты, а холод все-таки проникает члены. Зимы в Ташкенте бывают очень холодные, и мороз чувствуется еще сильнее потому, что он наступает внезапно после удушливой жары. Я помню, как зашел однажды в каленгерхану при довольно низкой температуре. Зрелище, представившееся моим глазам, навсегда запечатлелось в моей памяти: вся компания дуванов, угощавшихся опиумом, столпилась у стены; все сидели, подобно обезьянам, прижимаясь друг к другу, чтобы хотя несколько спастись от холода. Многие из них только что проглотили свою порцию яда: лица их выражали тупость, рот был полуоткрыт, у них толвелись губы, как бы желая произнести какие-то слова. У других голова была сжата между коленями; они дышали с трудом, мускулы их иногда сокращались, и члены сводило.

Человека, употребляющего опиум, легко узнать между тысячами людей, по особым чертам,

в которых нет возможности ошибиться: он отличается беспечностью, боязливими движениями, взор его мутен и неподвижен, лицо изнуренное и желтое, он болезненно хладнокровен. На лице его можно прочесть: «Едок опиума».

Кукнарчисов и едоков или курильщиков опиума можно встретить не в одних калентерханах, — они напиваются и дома, и в лачугах, соседних с большим базаром и наполненных рублищами и червями. Лачуги кукнарчисов походят до некоторой степени на наши кабаки; они постоянно набиты посетителями, из коих одни трезвы, если можно назвать кого-нибудь трезвым в подобном месте, а другие суетятся в беспокойстве или дремлют тяжело под влиянием кукнара, напиток, приготовленного из семенной плевы обыкновенного мака. Кукнар до того горек, что я никогда не мог проглотить ни одного глотка, несмотря на любезные предложения кукнарчисов.

В лачугах, где курят опиум, все стены, пол и потолок обиты и завешены циновками. Курильщик лежит; он вдыхает через трубку пар от шарика опиума, который другой курильщик держит щипчиками над отверстием трубки. Говорят, что курильщик скорее и вернее доходит до безумия, нежели едок опиума. А как печален путь к этому безумию, несмотря на его сны, считаемые столь обольстительными! Нужно ли сказать, оканчивая этот грустный рассказ, что мне кажется недалеким тот день, когда употребление опиума распространится в Европе, как будто Европа и без того не курит уже достаточно западного опиума, т. е. табаку?..

ТАШКЕНТСКИЙ БАЗАР. О ПОЛОЖЕНИИ ЖЕНЩИНЫ В ТУРКЕСТАНЕ

Ни в одном из посещенных мною городов Востока не пришлось мне видеть базар, который по обширности можно было бы сравнить с ташкентским. Хотя лавки в нем маленькие, но зато их там бесчисленное множество. И трудно сказать, есть ли в Ташкенте хоть один житель, не занимающийся выгодным ремеслом лавочника.

Ташкентский базар представляет собрание улиц, образованных целыми рядами дощатых лавок: это все узенькие, извилистые, но чрезвычайно прохладные улицы, благодаря циновкам, протянутым с одного конца на другой, от лавки к лавке, чтобы отражать жгучие лучи степного солнца.

Все лавки походят одна на другую. Это род клеток, заваленных недорогими предметами: за двести франков можно обыкновенно купить целый магазин. Почти всегда весьма дородный лавочник вечно обмахивает свой товар или самого себя, отгоняет мух и болтает целый день, сидя, поджавши ноги. Он отпускает шуточки, пьет чашка за чашкою теплый чай, одним словом, занимается, по-видимому, всем, кроме своей торговли. К тому же покупатели бывают редки, кроме тех трех дней в неделю, когда базар по воскресеньям, средам и пятницам открыт для кочевников. Благодаря этим-то кочевникам, и, можно сказать, единственно им, поддерживается тоговля и сбываются некоторые вещи. В базарные дни с раннего утра собираются толпы окрестные крестьяне и киргизы из соседних лагерей. Горожане также отправляются с рассветом на базар: им ничего не надобно ни купить, ни продать, но они хотят поглазеть, потолкаться в народе, присутствовать при ссорах, принять хотя маленькое участие в шуме и сплетнях. По дороге заходят в мечети, присутствуют при утренней молитве, послушают муллу или какого-нибудь пришлого оратора, который собирает вокруг себя прохожих, читает им жизнь святых, рассказывает сказки или читает проповедь.

Вскоре после полудня оживление, суета, давка и шум достигают таких размеров, что лишь немногие европейские города представляют подобное зрелище. Вам каждую минуту угрожает опасность быть опрокинуту ослом или раздавлену верблюдом.

Продавцы разных материй занимают более всего места и наполняют самые длинные улицы: они торгуют преимущественно русскими ситцами и шелковыми или бумажными тканями, сделанными в Кокане или Бухаре. В других улицах находятся лавки башмачников, седельников и разных купцов, торгующих кожаными изданиями; в третьем квартале собрались продавцы ковров и войлока. — Надобно сказать мимоходом, что в Ташкенте продаются превосходные войлоки, выделяемые исключительно женами туркменом. Они делаются цветные и узорчатые и окаймлены отделкою из конского волоса. — Одна улица занята вещами, шитыми шелком. Вышивание шелками достигло большого совершенства в центральной Азии, и вещи эти стоят недорого, потому что главный материал и задельная плата ценятся дешево. Европейец, который видит в первый раз, как вышивают шелками, не знает чему более удивляться: прекрасным ли цветам и богатством рисунков, или вкусу рабочих и проворству их рук. Эта артистическая отрасль промышленности значительно развилась с появлением русских, так как европейские должностные лица делают многочисленные заказы.

Беспременные удары молота о металл возвещают уже издалека присутствие продавцов столовой посуды. Металлические изделия Ташкента, чайники, например, не отличаются ни формою, ни рисунками: они стоят гораздо ниже всех предметов, выходящих из мастерских Кокана. Глиняная посуда не совсем обыкновенна, несмотря на простоту; она бывает большею частию покрыта небольшими синими рисунками. Что же касается до фарфоровой посуды, то я не стану хвалить ее, достаточно сказать, что она привозится из Китая.

В торговом отношении Ташкент не имеет соперницы в стране. В нем сходятся главные торговые дороги центральной Азии, и тут же приходят караваны, идущие из Бухары и Кокана в Россию и обратно. Благоприятное состояние увеличится еще более, когда будут наконец установлены правильные сношения России с Верхним Туркестаном, который свергнул иго Китая и перестал с тех пор запасасться в складочных местах Небесной империи. Как бы то ни было, Кашгария рано или поздно втянется в русскую торговлю.

Здесь следовало бы подробно описать каравансарай невольников, если бы торги людьми не

уничтожались со дня на день одним появлением русских в Ташкенте. Они существуют еще в независимом Туркестане, Хиве, Бухаре и Кокане и поддерживаются набегами туркмен на персидские границы: эти кочевые разбойники ведут всех пленников шиитской секты на продажу на рынки; но щадят приверженцев суннитской секты, принадлежат к ней сами. Когда грабеж был удачен, то цены понижаются и можно купить невольника за сто франков. Надобно также сказать, что число мужчин бывает значительно больше числа женщин, так как туркмены так же охотно оставляют себе последних, как продают первых. Красивая женщина стоит иногда более двух тысяч франков.

Старые невольники персидского происхождения часто рассказывали мне, как они еще в молодости были захвачены туркменами в то время, когда некоторые из них работали на полях вместе со своими отцами, братьями и родственниками; другие были просто взяты с улицы среди бела дня, несмотря на угрожающие крики и вопли толпы. Затем они рассказывали мне свое тяжелое путешествие, прибытие на рынок, свою судьбу у различных хозяев. Все это очень печально, но, к счастью, приближается конец этой торговли. Она не только прекратилась совершенно в русских владениях, но быстро утрачивает прежнее значение и в центральной Азии, в силу весьма простого и верного соображения. В Бухаре и Хиве говорят: «К чему нам покупать невольников? Русские стоят у наших дверей, и быть может скоро завладеют нашим городом. Тогда они освободят наших рабов, а деньги наши так и пропадут».

Покорение центральной Азии русскими улучшило положение не одних только несчастных, исторгаемых из своих домов разбойниками-туркменами. Другой, еще более жалкий невольник, хотя ему и не дают этого оскорбительного названия, женщина Туркестана, чувствует начало более приятной жизни. Чтобы убедиться в этом, прислушайтесь к осторожным, но весьма горьким жалобам старого акакала, хозяина моего дома.

— Последние дни приближаются, — говорит он мне, с отчаянием размахивая руками.

— А! Почему же?

— И вы еще спрашиваете? Да разве вы не видите, что мы уже не господу своим женам? Как только женщину бьют, она сейчас же угрожает уйти к русским.

Между тем, если женщина нуждается где-нибудь в помощи, то конечно более всего в Туркестане, где ее общественное положение еще более жалкое, нежели в Турции и Персии; где она подвергается еще более строгому заточению и уединению, и где деятельность ее еще более ограничена. Проданная мужчине еще в колыбели, увезенная этим человеком еще дитятей, не развитою ни физически, ни морально, она никогда не живет настоящей жизнью, так как, дожив до того возраста, когда развивается ум, она уже состарилась и измучена, и расслаблена работою вьючного животного. Как же удивляться после этого, если она занимается одними сплетнями и интригами?..

МОИ ЗАНЯТИЯ МЕДИЦИНОЙ

...Мы остановились в Ходжадженте, большой деревне. Когда мы въехали туда, почти все мужчины были на полях; женщины показывались на пороге дверей и смотрели то с удовольствием, то пугливо, так как урусов не каждый день удается видеть. Некоторые посматривали на нас украдкой; другие, более бесцеремонные, улыбались нам и кликали: «амань, амань» (доброе здоровья).

В саду, где мы остановились до избрания какого-нибудь дома, меня посетил деревенский староста, отнесшийся ко мне сначала с видимым недоверием. Он считал меня посланным от русского правительства для разбирания каких-нибудь нечистых дел. Когда его подозрительность наконец рассеялась, то он уже смотрел на меня только с удивлением, смешанным с некоторым презрением. В самом деле, что подумать о человеке, который путешествует без очевидной цели, только с желанием научиться, видеть, узнать, а не для каких-нибудь торговых предприятий и выгод? Я напрасно старался всячески доказать ему мои намерения, — он уже не мог смотреть на меня, как на серьезного человека.

Едва успели мы устроиться в доме, нанятом мною у брата начальника, где мы также получили в свое распоряжение конюшню и двор, обсаженный деревьями, как, по древнему и торжественному обычаю, меня осадил целая толпа посетителей. После двух-трех вопросов об окрестностях и о дорогах в Ходжент и Джизак, я вынул из кармана карту Струве и Полторацкого, чтобы проследить на ней деревни и дороги, о которых мне говорили. Не трудно представить себе, каково было общее удивление и любопытство. А восторг их, когда я назвал соседние деревни и уверил их, что с помощью этого клочка бумаги я могу перечислить им все города, все деревни, реки, горы и степи не только туркестанских провинций, но и земель Кокана и Бухары, не имел пределов.

Толкуя о разных предметах, я спросил, между прочим, какая болезнь преобладает в стране. Мне отвечали, что более всего свирепствует очень сильная лихорадка, от которой очень редко можно вылечиться совершенно. Лихорадка эта возвращается каждые два или три года, а иногда и чаще; бывает она тогда конечно слабее, чем в первый раз, но все же производит дрожь и надолго расслабляет больного.

— Сын мой очень страдает в настоящее время, — сказал хозяин дома, — и мы не знаем, чем помочь ему. Говоря это, он указал мне на краснощекого мальчика лет пятнадцати или шестнадцати, с вполне здоровыми глазами.

Я расспросил юношу, и с первых же слов понял, что болезнь его не принадлежала к разряду опасных.

— Хорошо, — сказал я, — я знаю твою болезнь. Увидим, что ты скажешь через три дня.

У меня случайно было лекарство, указанное подобными симптомами, в маленькой походной аптеке.

Меня благодарили, но эти добрые слова дышали недоверием: болезнь была упорная, она продолжалась уже четыре месяца и не уступала никакому лечению. Но вдруг больной на следую-

щий день почувствовал себя лучше, а еще через день он был совсем здоров! Эта новость мигом разнеслась по деревне и окрестностям, как взрыв пороха: со всех сторон ко мне стали приходить за советом и лекарствами. К моему несчастью, второе пользование было просто чудом. Мне насильно вручили мальчика лет восемнадцати, весьма приятной наружности; он перестал расти с пятнадцати лет, туловище его искривилось и он страдал с тех пор удушьем и сильною болью в желудке, с периодическими пароксизмами.

Человек более сведущий, нежели я, мог бы потеряться в подобном случае; я сообщил о моем невежестве отцу несчастного страдальца, но прибавил, что на всякий случай бедный мальчик может принять несколько капель укрепляющего желудок состава, который находился в одной из склянок моей аптечки: «Если эти капли не принесут ему пользы, — сказал я, — то по крайней мере они не сделают вреда». Таким образом больной выпил несколько самых безвредных капель, и, о чудо!! объявил, что ему стало легче. Чего не может сделать воображение? Ни я, ни мое лекарство были вероятно ни при чем в его действительном или мнимом выздоровлении.

Слава моя была упрочена: к другому утру я стал «врачом поневоле», и пользовался уже завидной репутацией непогрешимого врача. Каждый день ко мне приводили новых больных. Я был этим озлоблен и оскорблен, но не смел отказываться, и, несмотря на все мое невежество, не решился бы отослать их к моему товарищу Утте, который, по словам самого народа, был жадным шарлатаном. Я часто кричал: «Убирайтесь к черту, я ничего не понимаю в вашей болезни!» Мне не верили и возражали: «Мы слышали, что твои лекарства вылечили многих». Волей-неволей приходилось прописать что-нибудь.

Еще не успело рассвети, как А+++Н+++ уже звал меня: «Ей! доктор, вставайте! У ваших дверей целая толпа! Там с шумом и гамом требуют русского усту!» Действительно, многочисленная практика моя собиралась с раннего утра: это были страждущие лихорадкою, ревматизмами. Как плох я ни был в звании доктора, однако помог многим из последних лечением водою; некоторых больных приносили ко мне на носилках, к другим призывали на дом, нередко в отдаленные деревни.

Ртуть играет большую роль в терапевтике центральной Азии. Мне пришлось однажды видеть в одной из соседних деревень несчастного мальчика лет двенадцати или тринадцати, которого я никогда не забуду. Мне принесли его на руках, завернутого в вату и окутанного тряпками; лицо его было бело, как самый чистый снег, но распухло до такой степени, что едва можно было различить глаза, нос и рот; от глаз осталась одна гнойливая щелка, от носа торчал только кончик, а рот представлялся маленькой дырочкою; зубы его стали мягкие и шатались; голова была покрыта струпами, а все тело нарывами.

— Мы принесли его к тебе, его лечили все доктора.

— И ни один не вылечил. Я это вижу. Что ему давали?

— Ртуть.

— Много?

— О! Да, много.

— Как вы позволяете таким набитым ослам мучить подобным образом ребенка?

— Да что же мне делать? Мы, бедные неучи, догадываемся, что нас обманывают, но все-таки верим; мы обожаем нашего ребенка и пробуем все, что нам советуют испытать.

Увы! непогрешимый доктор, подвиги которого я теперь рассказываю, не мог вылечить этого маленького страдальца.

В течение тех нескольких дней, когда я против воли занимался врачеванием в этой стране, я заметил, что у многих жителей были следы оспы; многие страдают также лишаями и другими кожными болезнями. Пользуя подобные недуги, усты намазывают больное место сажей, и на улице преуморительно видеть людей, у которых половина лица черная, а половина белая.

Я чистосердечно сознался, как велики мои сведения в медицине, но хочу доказать также, хотя на одном примере, что усты знают еще того меньше. Однажды из соседнего аула ко мне пришла довольно уморительная старуха; она жаловалась на сильные страдания. Причина болезни была воспаление в печени. По мнению местных врачей, эти мучения производили в ней черви: они будто бы съели у нее язычок в горле, и начали уже питаться печенью. В доказательство ученый доктор приводил тот факт, что ей было трудно говорить и кричать, и что она чувствовала сжиманье в горле и груди.

ХОДЖАДЖЕНД

...Ходжадженд лежит приблизительно в ста шагах от реки. Дом, в котором я живу, окружен широкоим, но неглубоким каналом с крутыми берегами, перед своим впадением в Сыр-Дарью канал орошает поля и приводит в движение мельницы; канал этот окружен деревьями и рядом домов с каждой стороны, и образует лучшую улицу всего селения.

Главное преимущество этой улицы состоит в присутствии одной из двух единственных лавок во всей деревне: перед этою лавкою каждый вечер после работы собираются жители потолковать о том, о другом, сообщить или узнать новости, провести время в обществе, подышать свежим воздухом и поиграть в игру, похожую на наши шахматы; на земле чертят небольшую палочкою род шахматной доски, и передвигают по некоторым правилам маленькие серые или красные камешки. Я играл в нее иногда, и разумеется постоянно проигрывал, к величайшему удовольствию публики.

В те дни, когда в Чиназе бывает базар, знаменитая лавка Канальной улицы посещается более чем когда-либо. Все, возвращающиеся с базара, приносят целую кучу новостей, так как на Чиназской площади более дурных сплетен, нежели хороших товаров, ими тешатся вдоволь, и разговор не умолкает ни на минуту. Здесь толкуют обо всем, и о местном политическом вопросе, и о самых незначительных дневных приключениях.

В этой стране, не только в городах, но и в деревнях бывает каждую неделю ярмарочный день; в одном городе или деревне ярмарка в понедельник, как например в Ходжадженте, в другом во вторник, и так далее. Таким образом происходит как бы ежедневное круговращение, и жители могут покупать, продавать и сплетничать каждый день, как им захочется.

В Ходжадженте нет других садов, кроме как на улице, идущей по обоим берегам канала. Прочие улицы представляют лишь темные, узкие, грязные и непроходимые в дождливое время переулки, окруженные жалкими глиняными домишками без двора и сада.

Недалеко от моего жилища возвышается мечеть, в которой нет ничего замечательного. Я вижу, что утром и вечером она наполняется крестьянами, исполняющими свой намаз; но многие горожане нерадивы в отношении к своим религиозным обрядам: между ними более набожны пожилые люди и старики.

Сельские жители патриархально управляют аксакалом, исполняющим должность мэра, и духовным лицом кази, служащим чем-то вроде судьи. Ни тот, ни другой не пользуется своими правами по выбору, но власть их бывает обыкновенно наследственная.

Мой друг, ходжаджентский аксакал Таше наследовал своему отцу, получившему эту должность от своего родителя, и так далее.

Подобное управление чисто патриархально в полном смысле этого слова. Судья и мэр братски делят между собою управление, т. е. разорение тех обществ, которые считают за честь быть управляемыми ими, и я всегда слышал, что весьма немногие бывают настолько честны, чтобы отказать от подарка и судить беспристрастно.

Новый порядок, установленный русскими, состоящий в назначении должностных лиц по выбору, не нравится, может быть, аксакалам и кази, но чернь не будет жаловаться на его применение.

Я встретил в Ходжадженте затруднения относительно типов для моего альбома. Просто невозможно делать эскизы, или по крайней мере во сто раз затруднительнее, нежели я предполагал. Лишь только я пытался набросать на бумагу несколько фигур карандашом, лишь только, например, я хотел нарисовать голову мальчика, как родители пугались; поневоле страница оставалась нетронутой. Этот страх дошел до того, что отцы семейства перестали ходить на мой двор, и были до такой степени осторожны, что избегали даже встречи со мною. Я узнал впоследствии, какой слух распространили обо мне. Говорили, что всех детей, которых я писал, заберут в военную службу.

Если я останавливался на улице хотя на минуту, чтобы срисовать какой-нибудь тип, предмет или самую безделицу, меня тотчас же окружала многочисленная толпа, громко выражавшая свое удивление умению уруса. Но когда, срисовав одну хижину, я переходил ко второй и третьей, то это наивное удивление сменялось почти негодованием и страхом, и обо мне говорили не иначе, как о господине, который делает перепись хижинам без жалости к бедному народу.

Мне случилось видеть людей, до того боявшихся быть написанными в моем альбоме, что они поспешно и даже бегом проходили мимо того места, где я рисовал; передо мною со всех ног убежали мальчишки, путаясь в своих халатах и крича, что они не хотят быть на тетради.

В других отношениях ходжаджентцы были прелюбезны со мною: всякий, с которым я случайно сказал два слова, становился уже моим другом; он издала приветствовал меня своим «аман» или «салам аликум»; он пожимал мне руку и дружески хлопал по плечу. Даже женщины переставали дичиться, и если молодые девушки все еще продолжали закрываться вуалью и убегать при моем появлении, то по крайней мере женщины уже не закрывали лица при мне и многие позволяли себе даже поклониться мне.

Нужно ли говорить, что промышленность очень мало развита в этой стране, и что здесь употребляют еще орудия и приемы, которые можно назвать допотопными?

Недалеко от моего дома находится небольшая мельница, приводимая в движение водою канала. Мельница эта употребляется для молотья риса: два толстых деревянных бруска, скованных железом и снабженных острыми пластинками, поднимаются и опускаются попеременно; эти два бруска приводятся в движение осью, на которой вертится колесо с накатками; они ударяют зерна, лежащие в яме, вырытой в земле и прикрытой тростником. Мельник так хорошо мелет свой рис и очищает его до такой степени, что четыре батмана, т. е. около ста шестидесяти трех килограммов немолотого риса, дают под конец лишь около восьмидесяти килограммов, если зерна получены не с обильно орошенной земли, так как в подобном случае рис получается крепче и его остается больше после молотбы и очищения. Нужно употребить целый день, чтобы смолоть четыре батмана. Как видно по первобытному устройству мельницы и по быстроте работы, мельник не может считаться первоклассным производителем, но занятие его не убыточно, так как мельницы составляют редкость в стране, и ему издалека приносят рис для очистки. Он удерживает в свою пользу шестнадцатую долю.

Другие соседи мои, колесники, также не могут похвастать своим искусством. Чтобы пригнуть косяк в колесо, их принимает за работу десять человек и они трудятся целый день, как черти.

Вокруг Ходжента расположено множество деревень, населенных гаджи, ведущими свое происхождение от святых мусульман. Я несколько раз посещал одну из этих деревень, лежащую на реке, возле самого Ходжента, и окруженную стенами, где проделаны высокие ворота. Население этого местечка приветливо и ласково: если мне там никогда не предложили ни куска хлеба, то единственно потому, что они не возделывают землю, как и не платят никогда податей и, по-видимому, никогда не намерены платить их, к величайшему отчаянию аксакала, под ведением которого состоит несколько деревень гаджи. Последние считают себя очень важными людьми, в силу своего духовного происхождения. Они переводят по-русски свое название гаджи (во множественном числе гаджис) словом поп, священник, и я не мог не рассмеяться, когда какой-нибудь гаджи на вопрос: «кто ты?» гордо отвечал торжественным: «я поп». Я сказал, что они никогда не предложили мне ни куска хлеба, и это правда, но зато они часто давали или доставали мне уток: слишком гордые для работы, они очень искусно охотятся на уток с коршунами, вместо соколов...

Мы направились к дому бия, к которому у меня было рекомендательное письмо. Бий, что буквально значит почетное знатное лицо, находитя буквально во всех деревнях; они поддерживают общественный порядок и судят народ.

Здесьний бий был человек пожилых лет, с умным и скромным лицом, с почтенной наружностью. Он долгое время был аксакалом в Буке, а затем управляемый им народ произвел его, в знак благодарности, в сан бия. Я начал разговор расспросами насчет Ганки, и он вкратце ответил на мои многочисленные вопросы, что Ганка был действительно городом и служил в древние времена резиденцией местного падишаха или короля; он прибавил, что этот падишах, живший в городе Ка-Ха-Га (вероятно, уменьшительное Ганка) и существовавший лет тысячу тому назад, не был мусульманин, но кафир, бусурман, хуже того — русский. Я хотел объяснить ему, что русские никогда не вступали в эту страну до предшествовавших событий, но слова мои пропали даром. Бий настаивал на своих словах настолько же, как я на своих замечаниях. Он мне досыта повторял, что таково предание, и, в доказательство своих слов, уверял меня, что, вступая в эту страну, сами русские объявили, что хотят занять свои древние владения. Подобные же ответы я получил и от аксакала, когда, по возвращении его из путешествия, я предложил ему те же вопросы, как и бию.

«Неверующий царь управлял эту страну под именем Урус-Падишах, — сказал он мне, — Лет пятьдесят тому назад, когда я был еще двадцатилетним юношею и пас стада в этих местностях, мне не раз приходилось слышать об этом русском султанине. Город у него был большой и окруженный ни более, ни менее, как семью рядами стен; тридцать лет тому назад я еще видел там развалины глиняных оград». Таким образом, легенда старается доказать, что Ганка была столицей какого-то русского монарха. По словам того же аксакала, в горах за Ара-Тюбе есть место, называемое Ка-Ха-Га, бывшее по преданию также резиденцией одного русского падишаха.

Бука довольно значительная деревня, глиняные дома которой нагромождены по склону довольно крутой горы. Вокруг города на довольно большое пространство тянутся рисовые поля, орошаемые каналами и совершенно покрытые в это время водою, как это бывает обыкновенно весною. Земледельцы по пояс в воде работают однако с большим прилежанием на этих полях, орошенных водою Ангрены. Поля разделены, подобно шахматной доске, на квадраты величиною от десяти до двенадцати метров, отделенные друг от друга земляными насыпями вышиною от сорока до пятидесяти сантиметров. В каждом из этих квадратиков входит для орошения каналец через такое маленькое отверстие, что его можно заткнуть комком ила, когда земля вобрала в себя достаточное количество воды. Каналы, выходящие из Ангрены, наполнены рыбою, преимущественно плотвою и окунями. Однажды я забавлялся тут ужением рыбы в веселой компании: со мною был, во-первых, Байбатша, старший сын аксакала. — Это название дается старшему сыну знатных лиц, и значит буквально богатый мальчик. — Затем с нами был старший брат его, Бала, молодой человек лет осмнадцати, зять аксакала, и целый полк уличных мальчишек. Байбатша казался царем всей шайки по своему прекрасному европейскому лицу, длинной бороде и высокому росту. Мы удили с вершей и с редким успехом, и доставили себе развлечение разрушить злодейскую плотину, воздвигнутую владельцами соседнего рисового поля ко вреду одной части деревни.

Бука имеет свою калентерхану в виде грязной хижины в прелестном местоположении, на берегу широкого леса фруктовых деревьев. Я отправился туда, но встретил только людей, не принадлежавших к этой деревне. Одни курили сильное наркотическое средство, называемое наша, расстанувшись во всю длину, другие смаковали кукнар; дуванов, настоящих обитателей калентерханов, не было тут в эту минуту: они прогуливались по рынку в своих рубищах и своей остроконечной шапке. Один из них, самый оригинальный во всей шайке, бродит между различными группами, покачивая на маленьких ниточках что-то вроде старой каски, в которой горят ароматические травы; он с серьезным и важным видом подносит ее к носу всякого прохожего. Все, которых он обкуривает таким образом, отмахиваются от дыма руками, протирают лицо и подбородок, и дают или не дают обычный чека. — Чека небольшая медная монета. — Если ему подадут, то дувана немедленно удалается, если ему отказывают, то курильщик не поддается, и мне случилось быть свидетелем преуморительной сцены, когда дувана раскачивал свою каску под носом одного купца с настойчивостью, походящею на равнодушие умалишенного. Я наблюдал в продолжение десяти минут, желая узнать, кто из двух победит, но наконец, потеряв терпение, я ушел, не дождавшись конца этой комичной дуэли.

ИЗ БУКИ В ДЖИЗАК

Меня сопровождали две знатные личности: один из них райс, другой бий Той-Тюбе, главного города Кураминского округа, лежащего к югу от Ташкента, на прямом пути из этого города в Ходжент. Я уже говорил, что такое бий в центральной Азии, райс есть должностное лицо духовного ордена. И тот, и другой были отрекомендованы мне начальником Кураминского округа; они охотно сопровождают меня, в надежде получить подарок и по врожденной страсти к перемене места, столь общей во всем Туркестане. Райс человек большого роста, худощавый, с седою бородою и несколько набожным видом, в котором заметно что-то напускное; бий — человек небольшого роста с широким приплюснутым лицом и выдающимися скулами. Он так тучен, что его великолепная рыжая лошадь, которую он видимо гордится, так же мало довольна своим всадником, насколько всадник много доволен своим конем. Мусса-Бен — это имя бия — сам едет со свитою из двух человек. Я спросил его по дороге, сколько он платит этим людям, и он объяснил мне, что между господином и слугою существуют в этой стране чисто патриархальные отношения:

— Ты видишь, — сказал он, — этого старика, который едет на той кляче с моим багажом: он служит мне уже пять лет; я способствовал его свадьбе, и время от времени помогаю ему, как могу и как хочу.

Здесь редко нанимают работника на день; но если такой случай представится, то эти рабочие получают двадцать фунтов проса или каких-нибудь других зерен.

Вскоре мы сбились с пути, и нам стоило немало труда попасть на настоящую дорогу. В первой деревне, куда мы обратились с расспросами, нам сначала не хотели ничего сказать; но когда Мусса-Бен и райс протрезвонили, что я был путешествующий знатный господин, то лица просветлели, появилось радушие, и благосклонность дошла наконец до того, что мне предложили чашку гатиша (кислое молоко) с лепешкою. Двадцатикопеечная монета, которую я предложил взамен ее, перешла из рук в руки всего общества, или, лучше сказать, всей деревни, собравшейся посмотреть на нас.

Подобно другим селениям этой страны, деревня Яны-Курган походит на крепость. Она окружена высокими стенами, и я въехал туда через весьма оригинальные ворота, заслуживающие по моему мнению, места в моем альбоме. Нас приняли с большим шумом самые злые и беспокойные собаки, каких я только видел, но не показалось ни одной живой души. Мусса-Бен, привыкший к управлению так, как его понимают в центральной Азии, не удивляется таким пустякам; он приказывает своему слуге перелезть через забор первого попавшегося дома и отворить ворота. Оказалось, что хижина, взятая таким образом приступом, принадлежала одному из наиболее зажиточных лиц в деревне: ему оставалось только крыть свое неудовольствие, и он сыграл эту роль превосходно, явившись вскоре, с вынужденным, конечно, но довольно любезным, по-видимому, приглашением.

Мы были далеко от степей, но между тем нас часто поражали некоторые степные сцены: тут высокие русла рек, несмотря на то, что не было еще поздней весны (21 апреля); в другом месте верблюды и бараны бродили по дорогам и были буквально покрыты воронами: эти черные птицы выклеивают с необыкновенною быстротою насекомых, поселившихся в грязной и перепутанной шерсти горбатого и рунного животного, которое по-видимому не только не сердится на эту операцию, но даже остается очень довольным ею. Страна наполнена лисицами, которых ловят, выкуривая их из нор.

Мы вскоре доехали до того места, где начинается спуск крутого берега древнего русла Сыр-Дарьи, недалеко от нынешнего ложа этой реки. Добравшись до подошвы ската, мы продолжали ехать по почве, смешанной с известью, покрытой едва заметными кристаллами соли и селитры; на этой земле, бывшей некогда дном большой реки, возвышаются там и сям колючие кустарники, столь частые на берегу Сыра. Утром мы завтракаем кислым молоком у бедных людей, вечером, на закате солнца, приезжаем к палаткам богатых кочевников.

Мусса-Бен поехал вперед, чтобы велеть приготовить для нас чистую и хорошо проветренную палатку. Как приятно было бы мне уснуть на великолепных туркменских коврах в эту чудную весеннюю ночь, при нежном свете серебристого светила! Но человек предполагает, а Бог располагает. Едва успел я протянуться, как вскочил, ужаленный тысячею укусами, и, осмотрев наскоро мое ложе, я выбежал из дому! Мой ковер кишел теми жестокими белыми и черными неприятелями, одно прикосновение которых производит дрожь. О патриархальное гостеприимство, никогда я тебя не забуду!

Мы продолжали наш путь вверх по старому руслу Сыр-Дарьи. Чем далее мы подвигались, тем тростник становился гуще, из него поминутно вылетали утки; но это еще не самые опасные обитатели этих болот; мои спутники уверяли, что все эти чащи населены тиграми и пантерами. Лошади подвигаются с трудом по мягкому слою селитры, растрескивающемуся под их копытами. От времени до времени мы пугаем маленьких диких кошек со светлогою шерстью, и они убегают со свойственной их породе проворностью и грацией, подойдя к отверстию норки, они подымают свою хорошенькую мордочку, посматривают на нас лукаво и умно, и с быстротою молнии исчезают в логовище.

Я спросил, что делают с солью, лежащею целыми слоями в долине или по берегам озер, мимо которых мы проезжали, и узнал, что жители добывают ее; но перед тем, как пустить в продажу или употребить для себя, они зарывают эту соль на несколько месяцев в землю, чтобы уменьшить этим ее необыкновенную горечь.

Между тем как мой прелестный райс читает и перечитывает свои длинные молитвы один или вместе с храбрыми мусульманами, которые падают на колени, бьют себя в грудь и подымают руки к небу, я делаю наблюдения направо и налево. Взоры мои блуждают по полям клевера или проса, но я не вижу ничего особенно интересного и горю нетерпением приехать в Ходжент, от которого мы находимся еще более чем в четырех таша, или тридцати четырех верстах. Терпение! Мы приближаемся!

Нам попадают весьма живописные развалины старинной крепости Каш-Тегермен (Две Мельницы); стены ее сохранились довольно хорошо, но внутренность представляет один мусор. Солнце освещало ярким светом этот глиняный акрополь, отражаясь в то же время вдали на горах, за рекою и ее широкой равниною. Это была очаровательная картина, которой я посвятил страницу моего альбома. На некотором расстоянии от Каш-Тегермена мы встретили опять деревню, обнесенную стенами.

Я зашел туда один, чтобы осмотреть все на свободе, и сначала мне пришлось раскатыться в этом намерении, но потом я поздравлял себя за него. Не успел я сделать еще и десяти шагов по улице, как за мною бросились все собаки с ожесточенным лаем, а женщины и дети вне себя пустились бежать, как перед хищным зверем; это было общее бегство, испугавшее и оглушившее меня самого. Но вскоре я был вознагражден за мой подвиг: одна молодая девушка слышала весь этот гвалт и видела бегство обезумевшей толпы; не заметив еще меня, она спрашивала себя, что навело такой ужас на деревню. Вдруг я появился. Прелестное дитя было объято ужасом; она сделала порывистое движение, упала, покатила, вскочила и убежала, как стрела, пробыв однако несколько мгновений на наших глазах. Между тем я достаточно видел эту девушку, исчезнувшую

подобно молнии, чтобы быть очарованным ее лицом: это был законченный, скажу даже, классический тип восточной красоты. На ней была белая рубашка и белые панталоны, собранные внизу; она ходила с босыми ногами и с открытой головой, а черные, как смоль, волосы ее были заплетены во множество мелких косичек.

Ходжент защищен рвом и двойным рядом прекрасно сохранившихся стен, второй ряд очень высок. Город этот, с населением почти в тридцать тысяч душ, известен своим шелком, виноградом и садами.

Дворец бека обратился в дом одного из моих лучших друзей, начальника округа полковника Кушакевича. К сожалению, этого отличного человека не было тогда в городе; он предпринял отчасти служебное, отчасти и научное путешествие; так как этот страстный естествоиспытатель соглашается, насколько возможно, свои служебные обязанности со страстию птицелова, препаратора и собирателя мух, насекомых и бабочек. Легко представить себе удивление господ чиновников, когда они, собравшись по делам, заседали в кабинете своего гакиша (начальника, префекта) среди банок, склянок и бокалов всевозможных размеров, наполненных змеями и другими любезными пленниками; г. Кушакевич друг ученого Северцова. Его прелестный сад, омываемый самою Сыр-Дарьею, до такой степени наполнен колючими, кусающимися, царапающимися и зловредными животными, что он служит как бы преддверием его кабинета. «Остерегайтесь», — говорит он каждую минуту. «Тут есть лисицы, которые не всегда бывают снисходительны». Или: берегитесь: вон там сидит весьма недоверчивый и сварливый волчонок». Иногда кричал: «Обратите внимание на ящерицу!» — А эти ящерицы были преотвратительные животные, длиною в один метр и кидались со свистом на всякого прохожего. Несмотря на это, они были любимцами полковника: он обращался с ними с важностью отца, не замечающего недостатка в характере своих детей.

Покидая поспешно Ходжент, заслуживающий более долгого пребывания, я отпустил райса и поневоле должен был взять конвой из трех казаков, предложенный мне полковником. Эти казаки проводили меня не далее укрепленной деревеньки Нау, раскинувшейся живописно на холме и занятой небольшим отрядом. Я заставил их вернуться в Ходжент, и сам доехал в тот же день до большой деревни Кацим, где мы провели ночь в самой мечети, благодаря распоряжению старшины аксакалов. Мы были настолько благодетельны, что поместились сначала на дворе, а не в священном доме; но дождь заставил нас переступить за порог. Это было бедное и плохонькое здание, так что, конечно, не великолепие его архитектуры могло бы помешать нам заснуть от избытка восторга. Освещенная окнами с пропитанной маслом бумагою, мечеть поддерживалась грубо обтесанными столбами, заменявшими колонны; пол ее, сделанный просто из утрамбованной земли, был прикрыт кошмами, или войлоком; алтарь был простым углублением в стене, по направлению к западу, т. е. к Мекке; а главное украшение храма состояло из вбитых в рост человека палок, заменявших собою вешалку, куда правоверные складывают сапоги, прежде чем принять вид молитвы и созерцания. Говоря «правоверные», я употребляю слишком общий термин; на эти палки имеют право вешать свои сапоги только сановники деревни, священники, правители, судьи, богачи; для обуви же бедных существует другая стена и другая вешалка — в задней части здания.

Я был удивлен, поместившись так бесцеремонно в Божьем храме. «Как это ты поместил так неверного в твоей мечети?» — спросил я аксакала.

— Дома Кацима слишком грязны для тебя, — не морщась, отвечал тот. — Мечеть не страдает от твоего присутствия, как и от кочующих купцов, которых здесь часто принимают. Уезжая, посетители святого места жертвуют что-нибудь в его пользу, и мечеть Кацима от этого нисколько не теряет.

Трудно передать мое удивление при этих словах мусульманина центральной Азии, обращенных ко мне, бусурману, урису. Я понял смысл, скрытый в речи старика, и, уезжая, подарил ему маленькую серебряную вещицу, от которой он как будто хотел отказаться, но взял наконец, когда я сказал ему, что это был салиау за салиау (дар за дар). Да впрочем, как мог я забыть так скоро прием, оказанный мне аксакалом? Он захотел почтить меня, как принца, и провел перед десятью человеками, стоявшими неподвижно, как свечки, держа в руках что-нибудь для моего превосходительства: один стоял с блюдом хлеба, другой с кислым молоком, третий с чашкою каймака (сливки) и т. д., и мое превосходительство, по-видимому, не было недовольно-этим изобилием почестей.

Ура-Тюбе лежит в двадцати или двадцати одной версте от Кацима. Мы направились к этой деревне в прекрасную лунную ночь по местности, которая, как говорили, была не совсем безопасна, особенно близ речки Ак-Су, или Белая Вода. Спустившись к берегу этой речки по очень крутому спуску, мы очутились в глубоком ущелье; по крайней мере оно казалось нам таковым при таинственном свете луны. По обыкновению, я удалился от моих спутников, чтобы одному насладиться моими впечатлениями.

— Берегись, тура (барин), — закричал один из них, нагоняя меня, — в ущельях Ак-Су есть всегда карака (разбойники).

— Успокойся, друг мой, — отвечал я, — вот с этой вещью, — и я показал ему револьвер, — я убью пять карака, прежде чем попасть в руки шестому. — Я не слишком-то боялся, да по-видимому, и бояться было нечего, так как мы не увидели и тени карака.

Иван Лобода

ТАЙНЫ КИТАЙСКОГО ЛАКА

Это было почти сорок лет назад. Я работал в Главном политическом управлении Народно-освободительной армии Китая, и именно тогда очень увлекся изделиями из китайского лака. Все происходило еще до того, как разбушевавшийся дракон «культурной революции» стал крушить поделки китайской старины, среди которых было много неповторимых предметов искусства. В те годы подобных изделий было множество в антикварных лавках, где я любовался шкатулками, настольными ширмочками, подставками под горшки с цветами, вазами, блюдами, сделанными из лака или с лаковым покрытием. Но в те времена мне почему-то казалось, что страсть к коллекционированию делает человека завистливым, мелочным, и потому я воздерживался от покупок. Приобретал разве только то, против чего никак не мог устоять.

Среди изделий из лака были вещи, талантливо сохранявшие драгоценные крупницы народной культуры в пору основательной ломки, переосмысления сложившихся взглядов и традиций в искусстве.

Конечно же, я понимаю, что десять-пятнадцать лет, прожитых в такой большой стране, как Китай, — короткий срок, и у меня немного прав на обобщение.

Итак, что такое китайский лак? Это вещество сугубо органического происхождения, которое вырабатывают из смолы (сока) лакового дерева. Может, лучше сказать — деревца, потому что оно не очень высокое, по окружности ствола не превышающее тридцати сантиметров, по коре и листьям напоминающее наш молодой ясень. Зрелым это многолетнее растение становится через восемь-десять лет, и тогда — в июле-августе — начинают делать надрезы на его стволах почти у земли и собирать сок темно-коричневого или красно-бурого цвета.

Лаковые деревья — капризные чада Южного и Центрального Китая. Их большие посадки созданы и в Японии, которая заимствовала из Китая само растение, технологию производства лака, достигнув к настоящему времени в этом деле совершенства.

Теперь на минуточку бросим взгляд назад, в прошлое. Оказывается, китайцы производили и использовали лак более двух тысяч лет назад. В захоронениях, вскрытых в районе города Чанша, относящихся к эпохе Воюющих царств (403—221 годы до нашей эры), найдены лаковые изделия: подносы, шкатулки, копья с лакированными древками. Они довольно хорошо сохранились в сыром грунте. В одном захоронении была найдена ваза из лака, инкрустированная серебром (в вырезанные в ней желобки втиснута серебряная проволока, образовавшая красивый орнамент) и шкатулки, украшенные малахитом, нефритом, светло-синим лазуритом.

Производство лака само по себе дело нелегкое, да оно еще усложняется тем, что собираемая смола ядовита. Ее испарения разрушающе действуют на слизистую оболочку дыхательных путей. Правда, после того, как смола высохнет, она теряет свои ядовитые свойства. Поэтому сборщики, работающие ежедневно в течение месяца, а то и дольше, закрывают несколькими слоями ткани рот, нос, оставляя лишь маленькие щелочки для глаз.

Сбор смолы невелик. За ночь с сотни деревьев ее собирают немногим более килограмма. Надрезы делают с наступлением темноты, а сок собирают на рассвете. Дело в том, что эта жидкость весьма чувствительна к свету, при нем из коричневой превращается в черную. От света ее защищают бумагой, пропитанной каким-то черным жиром.

Затем начинается само производство лака. В собранный сок добавляют различные деревянные масла (камелии, например), рисовый уксус, серно-кислое железо и другие ингредиенты. Для придания нужного цвета добавляют свиную желчь, чайное масло, муку, получаемую в результате размалывания до мельчайшей пыли пережженных костей.

Лаком покрывают деревянные, бамбуковые, а также металлические изделия. В общественных зданиях им лакируют колонны, балки перекрытий, двери, оконные рамы. Подготовка к лакированию занимает много времени, каждое действие проводится в строгой последовательности. Прежде всего дерево хорошо обрабатывают, делают зеркально гладким. Тщательно шпаклюют

места соединения отдельных частей. Затем всю поверхность оклеивают узкими полосками рисовой бумаги или шелка. Подготовленную таким образом поверхность покрывают смесью пылеобразного наждачного порошка, киновари, желтого и довольно ядовитого гуммигута, коровьей желчи. Когда покрытие высыхает, его полируют пемзой и порошком древесного угля. Так подготавливается основа для лака, который наносится в помещении, со всех сторон защищенном от ветра и пыли.

Исключительную ценность имеют изделия, производимые целиком из лака. Как их создают, покажу на примере лаковой вазы. Эта работа требует особого терпения. Сначала из очищенной и хорошо промытой глины изготавливают абсолютно точную модель вазы и оклеивают ее тонким шелком. Затем несколькими слоями накладывают смолу, смешанную с тонко помолотой рисовой мукой. Как только эта масса подсохнет, начинается шлифовка мелкозернистым кирпичом. Далее уже покрывают непосредственно лаком, смешанным с тщательно растертыми кусками не бывшей в употреблении черепицы. Снова наносят слой лака и ставят изделие в подвал или другое влажное и прохладное место, оно просыхает в темноте, а позднее снова подвергается шлифовке.

Подобный цикл повторяется не менее трех раз, занимая примерно полгода. Слой лака становится крепким, и тогда глину размывают струями воды. В завершение ставшее легчайшим изделие полируют специальным порошком и покрывают лаком нужного цвета, инкрустируют, украшают рисунками или письменами. Покрытие лаком на самом последнем этапе считается делом архисложным. Оно требует большого мастерства и поручается опытным специалистам. Ведь окраска ведется всего одним движением (взмахом) кисти. Повторное накладывание лака не допускается, иначе изделие не приобретет совершенной гладкости.

При соблюдении всех строгих правил работы выходит вещь, отличающаяся ясностью и чистотой, необыкновенно прочная; в нее без малейшего ущерба можно наливать как ледяную воду, так и кипяток. Она не подвержена действию слабых кислот. Наиболее красивы изделия синего с переходом в зеленый цвета или бледно-розового, переходящего в коралловый. Прекрасен также смолисто-черный цвет, очень ценимый японцами. Иногда японские мастера инкрустируют лаковые изделия, создавая с помощью тончайшей или серебряной проволоки цветы сакуры, лотоса, простейшие пейзажи.

Рассказ о китайском лаке будет неполным, если ограничиться только лаковыми деревьями. Не они одни дают исходное сырье. В провинции Юньнань на деревьях живут мелкие насекомые из семейства червецов. Из их выделений образуются фиолетовые кристаллы. Население издавна использует их как сырье для красок и клея, нужных в быту, а в последнее время и при производстве фанеры. Но главное, для чего идут фиолетовые кристаллы, — это производство сотен тонн лака. В меньших количествах лак делают из белых, желтых, красных выделений подобных же насекомых.

Тексты и рисунки на лаковых изделиях — это отдельная, достойная внимания тема. Но хотя бы коротко считаю необходимым о них рассказать. Тексты специфичны, отражают нравственные начала, эту руководящую основу поведения китайцев, твердую, воздвигнутую ими за долгие столетия. Они господствуют в жизни народа, во взаимоотношениях людей, в их отношении к происходящим событиям. В таких текстах заметно стремление выразить глубокую мысль минимумом иероглифов и предельно просто.

Исторически сложилось так, что китайские художники почти не выходили за рубежи своей страны, мало знали о духовном богатстве других народов. Они не внимали чужим голосам, а припадали ухом к своей земле, к родным стенам, слушали их голоса, приглядывались к китайской старине. И что очень своеобразно, они редко возвеличивали властителей.

На лаковых изделиях часто встречаются тексты, исполненные выдающимися каллиграфами. Надо иметь в виду, что нигде, кроме мусульманского мира, каллиграфия не имеет такого распространения и значения, как в Китае. Десятки поколений художников сменяли друг друга в поисках более изящного, эlegantного написания иероглифов. В результате лучшие образцы каллиграфии отличаются чарующей красотой.

О чем шла речь в таких текстах, запоминающихся утонченным и благородным построением фразы? Это строфы из стихотворений великих китайских поэтов, отдававшихся во власть вдохновенной мечты, страдавших от неосуществленных надежд и монаршего произвола. Но сентенций больше, чем стихов. Их сформулировали давнишние китайские моралисты. «Причинить боль в десять тысяч раз легче, чем даровать радость»; «Славословие — непреодолимая стена на пути совершенствования»; «Все, что видим, — верно, все, что слышим, — не всегда верно. Больше доверяйте глазам, а не ушам»; «Справишься с минутным гневом — спасешь себя от ста дней печали»; «Нет настоящего величия без добродетели».

В рисунках и изделиях из лака есть два смысла. Один — это то, что схватывается с первого взгляда, очевидное; другой — это условное обозначение какой-то идеи. Если изображен крестьянин с мотыгой или двумя корзинами на коромысле, то китаец увидит в этом подтекст о самом честном, самом благородном из всего, чем только могут заниматься люди, — земледелии. Ему ведь хорошо известна одна из широко распространенных поговорок: нет дела более важного, чем земледелие. Если же это петух, то это призыв к пробуждению, освобождению от сковывающего сна, оцепенения, к рыцарскому великодушию и так ценному китаецкиму постоянству: петух всегда поет одну и ту же песню.

Однажды на Люйчане (квартал в Пекине, где были сосредоточены лавки антикваров) я толкнулся на старинную лаковую вазу, на которой хорошо подобранными перламутровыми плитками были изображены лошадь и собака. Владелец лавки был польщен моей просьбой объяснить, что это означает. Оказывается, лошадь и собака должны напоминать об усердной службе и преданности своему хозяину. Кто, как не эти два старейших друга человека, так верно служат своему хозяину?!

Еще Д. Дидро подметил в китайской живописи такую особенность: художники не копируют природу, а отходят от нее дальше. Они ссылаются на то, что природа и так перед глазами, и самый могучий талант не приблизит ее к нам. Поэтому китайские художники отдают воображе-

нию, используя природу как средство для выражения своих чувств и глубоких мыслей, стремясь создать произведения, полные многозначительных символов и волнующих недосказанностей.

Чтобы полнее показать особенности текстов и рисунков на изделиях из лака, придется сказать несколько слов о буддизме. Это была могучая духовная сила в Китае. Буддизм не проповедовал превосходства человека над природой, не знал термина «царь природы», а утверждал неразрывность связей человека с остальной природой, ставил предел правам человека в отношении природы. В целительной, миролюбивой буддийской философии глубоко раскрывался долг хомо сапиенс перед животным и растительным миром, тем самым подчеркивалось человеческое в человеке. В этом смысле были близки к буддизму даосизм и конфуцианство.

В явлениях окружающего материального мира, не созданного руками человека, китайцы видели знамение своей личной и общей судьбы. Под кистью художников оживали сюжеты китайской мифологии, которые, кстати, с некоторыми переработками распространялись по всему огромному Дальневосточному региону. Однако очень немногое из мифов других народов пришло в Китае, стало рядом с высокими идеалами его древних моралистов. Греческие боги, например, были ужасно непривлекательны своей нравственной распущенностью, и поэтому сцены из их жизни не могли стать предметом вдохновения для китайских художников.

...Я держу в руках и в который раз рассматриваю блюдо из лака кораллового цвета. Оно сделано давно. Рисунок из врезанных в лаковую поверхность пластинок перламутра и агата исполнен в святой простоте художественных приемов. По реке скользит длинная лодка без уключин и весел. Ею управляет рыбак в зонтообразной шляпе. Он спокойно отталкивается от дна бамбуковым шестом. На корме прожорливые бакланы, ждущие команды рыбака. Эти черные, вислоногие, с виду неловкие птицы обучены ловле рыбы. По приказу лодочников они бросаются за добычей. Вернувшись, получают свою долю от пойманного.

Я смотрю на изделие и думаю о бесконечном совершенствовании искусства китайских художников по лаку, начавшегося еще до нашей эры.

ПЛАМЯ ЦЗИНДЭЧЖЭНЯ

По небольшому музею в городе Цзиндэчжэне, главном центре китайского фарфора, я долго бродил, рассматривая редкие изделия, восхищаясь ими. Организаторы музея сосредоточили здесь образцы лучшего, характерного, что было создано в последние столетия существования национального фарфора. И им удалось собрать вещи дивные, говорящие о том, что китайцы сумели в изделиях из фарфора проявить свой талант, благородный вкус и врожденную тщательность исполнения всего, за что бы они ни брались.

У некоторых изделий такие тонкие стенки, что боязно дотронуться до них рукой. Особенно поразила ваза высотой в два чи (около семидесяти сантиметров), весившая всего пять лян (немногим более ста пятидесяти граммов). Стенки ее были тонки, как бумага, тем не менее на них есть тончайший лепной орнамент. При легком ударе ногтем ваза издает чистейший звук.

В коротком эссе немислимо описать даже самые выдающиеся экспонаты. Но не могу не остановиться на серии из восьми одинаковых высоких цилиндрических ваз (сделаны в семнадцатом столетии), посвященных популярным персонажам народных легенд — восьми святым. Как будто это жившие некогда обычные люди, приобретшие ореол святости за свои необыкновенные дела. Впечатляли не столько отличный фарфор, чистота и строгость форм ваз, сколько подгазурные рисунки художника.

Неизвестный художник рисовал талантливо, все восемь образов создал четким штрихом, без ненужных фотографических подробностей. К примеру, первый из восьми персонажей — Шоусин, по поверьям, ведал возможностями продления жизни. Сама его большая, персикообразная голова — олицетворение долголетия. Лицо, поза источают доброту, благожелательность. И совсем другое лицо — Лю Хай, бывший в десятом веке до нашей эры государственным министром («скабливал жир с народа») и прославившийся как маг. Строгий, даже жестокий взгляд чиновника со связкой золотых монет. Далее — Те Гуайли, хромоногий старец, покровитель астрологов и имевший отношение к медицине. Он якобы продавал лекарства большой целительной силы, скрывая свое настоящее имя.

Музей собрал много старины, рождающей странное, волнующее, почти колдовское очарование. Каким большим трудом и настойчивостью удалось сосредоточить в Цзиндэчжэне столько бесценных экспонатов! Некоторые редкости взяты из домов, прежде принадлежавших помещикам. Даже в самые бурные дни народной революции крестьяне уважительно относились ко всему, что создано руками таких же, как и они, тружеников.

Многое в музее заставляло задуматься. Во-первых, следовало отказаться от расхожего мнения, будто кропотливая обработка деталей в искусстве — враг творческих дерзаний. В музее я видел произведения, значительные по своим мыслям и чувствам, без следов какого-либо оригинальничанья, исполненные с необыкновенной тщательностью и усердием. Во-вторых, выставленные изделия подтверждали, что работы настоящих мастеров бессмертны. Изменчивая мода может бросить тень на них, на время отодвинуть в сторону. Однако эти творения никогда не будут преданы забвению. Огорчает, что никто не мог назвать хотя бы одного автора выставленных творений. Имена мастеров затерялись в хаосе бурных лет китайской истории.

Когда и где впервые появился фарфор? Мало кто знает, что лет за восемьсот, а то и более, до того, как богатые арабы Средиземноморья, короли и аристократы Европы узнали о нем, в Цзиндэчжэне уже пылал огонь в трех тысячах печей, обжигающих столовую, чайную, декоративную посуду и статуэтки, а также любимые китайцами вазы. Пламя, вырывавшееся из таких печей, было видно за сто ли от Цзиндэчжэня и создавало впечатление большого зарева от всеохватного пожара.

Вокруг Цзиндэчжэня — горы и холмы, аллювиальные долины, озера и вечнозеленые со-

сновые леса, тянущиеся на много километров. У самого города цепь гор Гаолин (от ее названия происходит слово каолин, пришедшее в русский язык с английского). Она сложена из глин, которые оказались на редкость подходящими для фарфорового производства, то есть из каолина. В недрах намывных долин было много полевого шпата, а также сырья, нужного для изготовления некоторых глазурей: окислов кремния, железа, меди. Нельзя не упомянуть благоприятные климатические условия в этом укромном месте за горами и холмами субтропического края.

И еще такая немаловажная деталь. Издавна тут, в лесной и горной глуши, находили убежище религиозные и нерелигиозные отшельники — самые свободные по тем временам люди. Они считали, что каждый вправе иметь собственные мысли и жить так, как сам пожелает, и поэтому искали покоя в отдалении от людей, среди дикой природы. Хотя отшельники и утверждали, что не желают земных благ, потому что богаты умом и сильны духом, что счастье не в отсутствии лишений, но им жить-то, существовать надо было. Их спасали от голодной смерти выжиг древесного угля и особенно горшечное производство. В своих гончарных они изготавливали вещи, имевшие не только хозяйственно-бытовое значение, но и ставшие произведениями искусства, отличавшиеся безудержной фантазией. Их роль в развитии цзиндэжэньского фарфора несомненна. Создание же тонких, как яичная скорлупа, изящных, сверкающих белизной изделий приходится на десятое — тринадцатое столетия. Тогда в Китае начали вторгаться воинственные племена из монгольских степей. Сунская династия вынуждена была перенести свою столицу в Линьань. Вместе со двором ушли на юг и обосновались в Цзиндэжэне лучшие мастера, работавшие в знаменитых северных гончарных. Они принесли с собой богатый опыт придворных умельцев, накопленный в предыдущие эпохи.

Сама история Среднего государства способствовала взлету цзиндэжэньского фарфора, затмившего изделия из других мест страны. Фарфор получает высокую оценку, завоевывает громкую славу не только в Китае, но и за его пределами. Он становится по сути дела главным товаром, вывозившимся из империи на внешние рынки.

Невозможно обойти вниманием глазури, среди которых самыми распространенными стали одноцветные. Китайские специалисты отмечают, что глазуровка на фарфоре начала применяться в конце второго столетия. Но настоящего расцвета она достигла в эпоху Северной и Южной Сунской династии. Глазурь цвета морской волны или зеленой яшмы, созданная в те времена, славится и в наши дни. В результате длительных исканий и проб уже при Минской династии (четырнадцатый — семнадцатый века) появляется пленяющая глаз красная глазурь — баоши хун — красный самоцвет. Это было большое открытие в истории китайского фарфора.

Из Цзиндэжэньского фарфорового производства распространяется по другим регионам. Для получения синей глазури начинают использовать кобальтово-марганцевую руду; прекаранный цвет давал медный купорос с примесью извести. Распространяется двукратный обжиг в специальных контейнерах, подглазурные и надглазурные росписи. Появляются такие цвета, как красно-коричневый, салатный, черного золота, фиолетовый, бычьей крови, персиковой кожицы разных оттенков и желтый.

До 1912 года, то есть до свержения монархии, очень интересной была судьба желтого фарфора в Китае. Этот цвет был цветом китайских императоров. Никому, кроме людей, приближенных ко двору, не позволялось пользоваться им в одежде, бытовых предметах.

Столовые и чайные приборы для императорской семьи были покрыты желтой глазурью. На посуде тех, кто стоял ниже императора, желтый цвет дозировался соответственно рангу. Для производства такого фарфора в Цзиндэжэне существовали так называемые императорские печи.

После свержения монархии чиновники и купцы, помещики и ростовщики — все пожелали иметь желтый фарфор и непременно с драконами, у которых по пять пальцев на лапах. Началась настоящая фарфоровая лихорадка в Цзиндэжэне. Желтофарфоровый бум. Появилось множество подделок под императорский фарфор. Но увлечение было недолгим.

Десяток лет милитаристских войн, следовавших после антимонархического переворота, годы гоминдавского правления, а также десятилетия гражданских и антияпонской войн привели к постепенному упадку фарфорового производства. Многие из накопленных веками рецептов глазури, способов обжига были утрачены. Цзиндэжэнь со своим стотысячным населением, прямо или косвенно занятым в фарфоровом производстве, оказался в критическом положении.

С победой народной революции Китай потряхнул с себя оцепенение. Вырвалось наружу все то, что долго копилось в исстрадавшейся народной душе. Освобождение страны воспламенило кровь у мастеров Цзиндэжэня. Они смогли не только возродить, но и умножить славу китайского фарфора. Впрочем, не все годы после провозглашения КНР были для них спокойными и плодотворными. Бедствия приносили сменявшие одна другую политические кампании маоистского руководства.

Впервые я побывал в Цзиндэжэне в 1959 году. Это был завершающий период авантюрного «большого скачка». Тогда несколько тысяч цзиндэжэньских художников находились в паническом состоянии, болезненно переживали свое жалкое положение. Здесь было принято работать на расписывании фарфора группами до сотни человек в каждой. Перед самым моим приездом из Пекина пришла иезуитская директива раскрывать в каждой группе хотя бы один контрреволюционный заговор, и чтобы в заговоре было замешано не менее пяти участников.

Я спрашивал секретаря городского партийного комитета, в чем проявляется вражеская деятельность художников? Он произнес что-то невнятное о непонимании художниками «стратегии классовой борьбы». Будто они говорят, что власть хорошая, да вот жизнь плохая. Потом извлек из железного ящика две вазы и сказал: «Посмотрите на их подрывную работу!» На одной были слова древнего китайского философа: «Разве был в Поднебесной случай, чтобы правитель любил народ больше, чем самого себя?» На второй — такой же «злой и подрывной» текст: «Поднявшийся на цыпочки не может долго стоять, делающий большие шаги не может долго идти».

Все было ясно и без комментариев. Художникам надоело монотонное повторение фразы — мармелад будет завтра. Они протестовали по-своему, своими методами. Со слов секретаря

парткома я также понял, что во время «большого скачка» люди были слишком заняты на собраниях, чтобы терять время на работу. Но, слава богу, у всего есть конец. Через несколько месяцев закончилась и эта авантюра Мао Цзэдуна.

Помню надписи на фарфоровых вазах, достигавших человеческого роста, и на чайничках, в которые едва ли вместится стакан воды. Прочитывать, а иногда и расшифровывать такие надписи было моим увлечением. Как всегда, поражали чеканные строфы поэтов, мудрость изречений, а также красота, динамизм самих иероглифов. Фразы короткие, простые, поучительные. Например: «Не изгоняй огнем мышей из дому — лекарство может оказаться хуже болезни».

Притчи принято считать популярными формами евангелических проповедей. Но в Китае они существовали задолго до появления христианства, были современниками притч царя Соломона. Закономерно, что их писали на фарфоре. Вот пример. Некто, всю жизнь делавший насыпь, к старости узнал, что он копал ров. Другой влюбился в одноглазую девушку и, ослепленный страстью, стал считать, что у всех других девиц по лишнему глазу.

Что бы ни случилось, жизнь в Цзиндэчжэне шла своим чередом. Туберкулезных художников посылали на лечение. В городе строились современные обжиговые печи. Обжиг производился уже не на сосновых дровах и не на древесном, а на каменном угле. С помощью Чехословакии сооружался завод по производству фарфора высшего качества. Были организованы первый в Китае Институт керамики, НИИ фарфора.

Мне говорили, что новые глазури и лучшие способы глазурирования позволили цзиндэчжэньскому фарфору превзойти прославленные сорта мейсенского и севрского. Рассказывали о восстановленных рецептах таких старых глазурей, как бледно-розовая, гранатовая, сине-зеленая, а также более чистых и ярких желтой, фиолетовой и белой. Налагоживался выпуск изделий самых разных профилей для электротехнической промышленности.

В цзиндэчжэньском музее появлялось все больше изделий молодых мастеров. Они отличались художественностью, оригинальностью замысла. Не могу забыть вазу, на которой молодые беги бамбука как-то внутренне, органически подчеркивали контуры этого красивого изделия. Слитность самой вазы и рисунка на ней были необыкновенными. На другой распластанные цветы лотоса располагались в месте наибольшего утолщения вазы, а его тонкие стебли, тянущиеся вверх, — в сужающейся части. Этим создавался эффект устойчивости вазы, несмотря на ее хрупкость и изящество силуэта.

Лучший в мире китайский фарфор — законная гордость великого народа. Это результат длительных трудов и нескончаемых исканий многих поколений китайцев. Ныне его производство в расцвете. На помощь мастерам пришли ученые и техники. Красота, выдержанность в народном стиле, относительная дешевизна сделали фарфор не только предметом экспорта, но и доступным для широких масс жителей Китайской Народной Республики.

НЕПОВТОРИМЫЕ ПАГОДЫ

В культовых, ритуальных и мемориальных сооружениях из всего архитектурного наследия Китая выделяются пагоды, которым более присущи национальные особенности. В них, может быть, самым грациозным из всех творений Срединного государства, ярко проявились и строительный гений народа, и время. А подлинно великие творения всегда современны.

Эти оригинальные строения и сегодня стоят гордо как символ старейшей мировой цивилизации, хотя столетиями их палило солнце, хлестали тайфуны, били волны паводков, оскверняли иноземцы.

В мире возникали и гибли империи, не оставляя следов в истории. Но Китай выстоял, несмотря на грандиозные катастрофы. И сохранил освященные временем традиции в культуре вообще, архитектуре — в особенности.

Из китайской истории известны замечательные времена в развитии строительства, архитектуры. К ним, например, относится период царствования первого императора династии Цинь (246 — 210 годы до н. э.) — Цинь Шихуанди. Он покорил шесть царств и объединил Китай. Лучшие дворцовые постройки завоеванных столиц были разобраны и перевезены в главный город империи Цинь — Саньян. На площади, протянувшейся на многие километры, их воссоздали в первоначальном виде. Туда были доставлены семьи знатных родов покоренных царств. В этом городе дворцов по указам первого императора были построены новые чертоги, среди которых истинным чудом стал дворец Афангун, вдохновивший поэта Ду Му на создание прекрасной поэмы.

Цинь Шихуанди, этот китайский Перикл, окрылял зодчих на смелые дерзания. Удивительно, что тиран из тиранов отвергал догмы (непременные атрибуты тираний!), которые всегда плодят нетерпимость и ненависть.

Более тридцати лет император соорудил себе гробницу, скрытую глубоко в земле. На рытье котлована было занято свыше семисот тысяч землекопов и носильщиков. Саму гробницу создавали пятьдесят тысяч мастеров. Швы в каменной кладке заделывали медью, а небольшой пруд в самой гробнице заполнили ртутью...

Однако венцом строительной деятельности Цинь Шихуанди было завершение постройки Великой китайской стены.

Время, время! Перед ним все бессильно. Пришел конец и династии Цинов. Их главный город был уничтожен дотла. Только над гробницей первого императора возвышается холм высотой более шестидесяти метров.

За Цинами последовали другие правители. Они из кожи вон лезли, чтобы сделать внушительными, красивыми свои столицы, увековечить себя великими архитектурными сооружениями.

До наших дней дошел ансамбль императорского города — Гугуна — в Пекине, воздвигавшегося в период трех династий. Я видел, как склонялись и молодые и старые перед этим созданием, поражались гению и смелости его творцов, бросивших вызов людской кости.

В окрестностях Пекина исправно служит людям мост Лугоуцяо, описанный еще Марко Поло, посетившим Китай в конце тринадцатого столетия. Сделанный целиком из крупных каменных блоков, мост стоит на бурной реке Юндинхе почти девятьсот лет. Длина его четырехста, а ширина — семнадцать метров. Он замечателен и тем, что на гранитных парапетах находится 437 каменных львов, и ни один из них не похож на другого.

А Великий канал, самый длинный в мире водный путь, созданный руками человека! Соединяя Пекин с Хачжоу, он проходит мимо десятков городов и сотен более мелких населенных пунктов, протянувшись на 1722 километра. Канал начали строить еще в эпоху Чуньцю (722—481 годы до нашей эры), а современный вид он принял в пятнадцатом столетии нашей эры.

Невозможно назвать все выдающиеся сооружения на огромной территории Китая. Честолюбивые императоры, двор, аристократия, феодалы, высшее чиновничество, церковь финансировали возведение незаурядных строений. Такие условия и движущие силы сделали возможным появление и многочисленных пагод. Они имеются в стране повсюду — от плодородных приморских долин до самых высоких в мире горных хребтов, царства камня и льда в Тибете. Кажется, их больше всего в провинции Цинхай, где родился великий реформатор буддизма Цзонкаба, и в колыбели китайской цивилизации — среднем течении Хуанхэ.

В своих поездках по Китаю я не раз попадал в некогда весьма известные в китайской истории центры. Над ними маячили пагоды, а то еще и колокольные башни, с которых в старину разносились сигналы времени. Точно неизвестно, сколько в действительности пагод в Китае. Три или три с половиной тысячи их находятся под охраной органов власти.

Пагоды — это не только одно из свидетельств богатства китайской цивилизации (как и церкви — одно из выражений архитектурного гения нашего народа), но это и своеобразная национальная эмблема. Так, более десяти лет символом свободы была пагода в Яньини, в городке в провинции Шэньси, где находился ЦК Компартии Китая. В наши дни сотни промышленных предприятий сделали своим фирменным знаком какую-нибудь из всем известных в Китае пагод.

Пусть не покажется странным, что пагоды, не подавляющие массивностью или дерзостной высотой, в большинстве своем производят глубокое впечатление. Их живописность, очарование — в чувстве меры, соизмеримости всех частей и деталей. Они всегда празднично красивы. Смотришь, и не чувствуешь массы строения, оно кажется ажурным и изящным со своими изогнутыми линиями и всевозможными завитками. Впечатляют наружные ярусы, опоясывающие пагоду, выдвигаясь далеко вперед в виде крыш с золотисто-желтой черепицей, а иногда синей, какая употреблялась только при строительстве императорских ритуальных сооружений. Часто изогнутые крыши пагод напоминают легкое и спокойное пламя, устремляющееся вверх. Сами китайцы сравнивают их с крыльями птицы и называют «летающими». Поразительна воздушность и выразительность этих в общем-то тяжелых черепичных покрытий. Прелесть всего этого легче почувствовать, если смотришь на пагоды не с близкого расстояния, чтобы не пропала гармония целого, ничто не заслонилось случайным, малое не показалось значительным.

Мне нередко приходила мысль, что искусство зодчих Среднего государства сосредоточивалось на создании преимущественно крыши. И действительно, крыша долго была главным элементом строения. Сами китайцы считают, что все началось с изобретения поливной керамики, придавшей цветной черепице большое эстетическое значение. Именно тогда внимание архитекторов сосредоточилось на показе кровли с коньком, украшенным глазурованными керамическими фигурками людей и зверей. Позже края крыши стали загибать, придавая строениям порхающую легкость.

Интерьерам уделялось мало внимания. Во внутренней части пагод бывает много позолоты, мишуры, бумажных цветов. Редко случается хорошая орнаментация, отработанные детали. Вместе с тем, как в первом, так и во втором случае интерьер создает впечатление солидности, царственности.

Если иметь в виду, что в китайской архитектуре долго не был популярен купол, не делали потолки даже в дворцовых залах, то можно представить, каким нагромождением балок ригелей и подкосов выглядит верхняя внутренняя часть пагоды, как массивны должны быть стесанные с четырех сторон бревна твердого дерева, с помощью которых вес тяжелых крыш передается на стены. Но это не угнетает молящихся. Люди смотрят на статуи будд, их неподвижные глаза, полные мудрости и меланхолии. Для них повисшее над головой сплетение брусков, защищенных до блеска и покрытых лаком, выглядит вполне пристойно.

Вокруг пагод и по соседству разбиты парки с искусственными водоемами, гrotтами, причудливыми скалами. Обычно сосны и кипарисы — символы вечности. Парк при Храме Неба в Пекине насчитывает пять тысяч старейших кипарисов.

Впрочем, неправильно было бы утверждать, что пагоды несут в себе лишь то, что осязано традицией, будто не бывает отступлений от основного типа. В окрестностях города Синина я видел оригинальное сооружение, созданное под тибетско-непальским влиянием. Пагода, как объяснял служивший при ней монах, воплощает в себе три стихии: ее фундамент — землю, шаровидная часть основного здания — воду, а веретенообразный шпиль наверху — огонь.

Тут было еще нечто, не согласующееся с традицией. Известно, что китайцы больше всего ценят нравственное совершенство, а не физическую красоту человека, кстати, понимаемую по-своему. Например, многие считают идеалом мужской красоты прямоугольное лицо и спускающиеся вниз уши с удлиненными мочками. Даже на уродство не обращается внимания, если человек чист и добродетелен.

Китайские мастера не изваяли эталонов мужской, а тем более женской телесной красоты, не искали лучших пропорций, свойственных тому или иному полу. В храмах — только статуи святых да демонов. Поэтому необычным было видеть внутри сининской пагоды объемную передачу такой фразы древнего мудреца: «На то, что против порядка, — не смотри, того, кто против порядка, — не слушай, сам против порядка — не говори» — в виде статуй трех обезьянок, одна из которых зажимает лапками глаза, другая — уши, третья — рот.

Может возникнуть вопрос: когда появились пагоды? Почему они именно такой, а не другой формы? Почему строить их, равно как дороги и колодцы, в народе считалось большой заслугой?

Китайские ученые считают, что пагоды появились не менее двух тысяч лет назад. Их предшественниками были отнюдь не сооружения, создаваемые для богослужений. Их тип сложился на основе древних сторожевых башен, размещавшихся по границам, для того, чтобы давать сигналы в случае нашествия. По морскому побережью такие башни одновременно были и маяками. Впоследствии они становятся для местного населения и своеобразными центрами борьбы со злыми духами. Так происходило до распространения буддизма, когда сооружение пагод стало вестись с большим размахом.

На первых порах пагоды были трех-пятиярусными и строились из дерева, кирпича-сырца, камня. Покрывались черепицей полукруглой формы длиной до метра и шириной до тридцати сантиметров. Так как над центральной и южной частями Среднего государства выпадает много осадков, китайцы стали загигать концы крыш вверх, чтобы подальше отбрасывалась вода от строений, и таким образом они предохранялись от разрушений. Значит, то, что сегодня так радуется наш взгляд, продиктовано и нуждами практики.

Лично мне никогда не удавалось подготовить себя к тому впечатлению, которое должна произвести та или иная пагода, сколько бы ни читал о ней, сколько бы ни слушал рассказов. Вот, к примеру, храм Фогунсы и пагода при нем того же названия. Видимо, строгие законы «ветра и воды» — финшуй, согласно которым подбирались места для населенных пунктов и особенно для постройки храмов и пагод, продиктовали для Фогунсы удаленное место среди холмов Утайшаня. Там китайские зодчие увидели и связь строения с окружающей природой.

Завершение строительства храма относят к 850 году. Это — величественное сооружение прямоугольной формы с восемью колоннами по фасаду. Но главное не храм, а пагода. Ее построили на двести лет позже. Она — самая крупная и самая старая из дошедших до нас, сделанная из такого совсем не вечного материала, как дерево. Высота ее пяти ярусов не более шестидесяти метров. По каждому ярусу — галереи, покрытые глазурованной черепицей. К приподнятым углам крыш прикреплены колокольчики.

Мне очень понравилась пагода Фогунсы. В последующие годы, бывая в разных местах Китая, я видел, как много заимствовано у нее при строительстве других пагод.

Другие пагоды тоже чем-то знамениты. Например, Даянта в Сиани — городе, ставшем столицей Китая еще две тысячи шестьсот лет назад и бывшем ею в разные времена при шести династиях.

Даянта, может быть, единственная пагода, автор которой известен. Это знаменитый путешественник монах-буддист Сюань Цзан. Он создал проект и руководил строительством.

Наконец, несколько слов о пагоде Бэйта (Белая пагода), построенной в западной части Пекина. Она необычна во многих отношениях. Прежде всего, это огромное сооружение, входящее в первую десятку самых больших буддийских сооружений на земле. Бэйта — не обычная многоярусная башня, шести- или восьмиугольная по основанию, а тип ламаистской пагоды с квадратным пьедесталом, на котором покоится главная часть строения в виде цилиндра с конусообразной высокой «шеей», увенчанной большим кругом из бронзы в виде зонта. На нем пятиметровая модель пагоды, сделанная из толстой ковanej меди. По пьедесталу Белой пагоды на консолях подвешены сто восемь металлических фонарей. Высота всего сооружения более семидесяти метров.

Интересна история постройки Бэйта. Император Дао Цзун получил в дар из Индии щепотку пепла, оставшегося после сожжения какого-то особенно почитаемого буддийского святого. Он решил построить специальную пагоду для хранения драгоценного дара. Выполнить работу было поручено непальскому архитектору, который с ней успешно справился в 1096 году.

Многих пагод уже давно нет. О них мы узнаем только из записей прошлого. Резонно возникает вопрос, почему не сохранилось большое число таких памятников? Не одна здесь причина. Остановлюсь на главных. Предки китайцев пользовались такими строительными материалами, как кирпич-сырец, дерево. Считалось, что камень — грубый, тяжелый материал, не способный соревноваться с деревом. Но те сооружения, которые строили из камня, сохранились надолго. Однако таких долговечных построек немного.

Еще причина — войны. Не только междоусобные, когда новая династия задавалась целью стереть с лица земли следы деятельности поверженной, когда в вооруженной борьбе развязывались самые низкие инстинкты людей: кровожадность, грабеж, стремление к власти. Не менее губительными для выдающихся строений были нашествия кочевников, разрушавших все на своем пути, как бы мстя китайцам за их культурное превосходство. И сегодня поруганные руины заставляют содрогаться сердца миллионов людей.

Стихийные бедствия, а точнее — реки, которые, разбушевавшись, сносят все, тоже внесли свою лепту. Разливы рек трагически сопровождают всю историю Китая. Начну с Янцзы, уступающей по длине только Амазонке и Конго. Больше половины населения Китая живет в ее бассейне. В пору ливней, которые выпадают из черных многокилометровых шлейфов, тянущихся за тайфунами, массы воды, покинув русла и образовав потоки глубиной до двух метров и шириной десятки километров, несутся бешеным галопом, становятся неудержимой силой. Гибнут поля, сады, разрушаются населенные пункты, исчезают бесследно люди.

Но страшнее, чем Янцзы, ее младшая сестра Хуанхэ. С Желтой рекой связано большее число человеческих жертв и разрушений, чем со всеми реками мира вместе взятыми.

Долго Среднее государство было изолировано от других цивилизаций, жило своей жизнью, высоко ценя все виды созидательной деятельности. Его обособленность имела свои негативные стороны, но в то же время она исключала соблазн действовать по готовым, чужим образцам. А все значительное, как известно, создается не копиистами, а теми, кто остается самим собой.

Это в полной мере относится к китайской архитектуре, труднейшему из всех искусств. И как бы ни наступали сегодня новые модные течения, архитекторы Китая не теряют свою самобытность.

Алишер Навои

* * *

Кто не извлек урок из всех ударов рока —
тому б не помогла и проповедь пророка.
В том прошлого урок: ни люди, ни народ
из прошлого вовек
не извлекли урока...

* * *

Родители ушли — кто ж ныне твой советчик?
Что для тебя верней, чем ум, заботы, речь их?
Мудрец — он мудр для всех,
то бить ни для кого.
Любовь родителей — дороже истин вечных.

* * *

Спроси: какой правитель лучший —
простой ответ едва ль получишь.
Кто меньший вред нам принесет?
Кто большей пользе нас научит?

* * *

Своим друзьям, чтоб дух твой был здоров,
несешь дары — плоды твоих дорог.
Хоть в мире дара больше нет, чем дружба —
и ей не жить
без маленьких даров...

* * *

Хотя б и занемог, хотя б и обнищал —
старайся выполнить все то, что обещал.
Ведь слово — тот же долг,
оно дороже денег,
важной былых страстей, завещанных вещам.

* * *

Что слышал во дворе, открывшем дверь доверья,
не повторяй в других, не выноси за двери.
Страшней лазутчика бессовестный болтун,
что разум, честь и речь
в себе не соразмерил.

* * *

Кто истину посмел от друга скрыть в беседе —
не лучше ловкача, что расстилает сети.
Опасней лжи прямой
тот умолчанья грех,
что даже и грехом не числится на свете...

* * *

Чем опытней душа, тем дальновидней разум.
И этого достичь никто не может разом.
Но юный, что постиг степенный жизни ход,
разумней старика,
что вверился пролазам.

* * *

Терпенье — путь души, но это путь нелегкий —
к победе, о мужи, но часто столь далекой...
И мнимых есть на ней немало тупиков,
И манят миражи

* * *

Да, сдержанный везде молчанье предпочтет.
Держи язык в узде —
и обретешь почет.
Болтун же, речь свою, как печь, раскочегарив,
на той сковороде
чего ни напечет!

* * *

Хоть бедности горьки ее гроши,
безвестность — это благо для души;
ее в глуши
не пучит самомнение
и лживые не мучат миражи.

* * *

Довольный малым — обретает много:
ширь за порогом, небо и дорогу

мирскую даль, людскую пестроту...
Он — как султан,
и ниже только бога!

* * *

Жизнь, как колдунья, людям неверна,
обманнее распутницы она.
В том, говоришь, сама не виновата?..
Увы, не вечна — вот ее вина!

* * *

Над всеми меч небес, набор небесных кар.
Но разным возрастам дарован разный дар.
Жизнь — вечность молодых!
Бессмертье старых — вера.
Бессмертны юные; а вечен — тот, кто стар...

* * *

Твой тяжкий нрав, увы, тебе и навредит,
терпенья и добра исчерпавши кредит.
Кто с легкою душой живет на этом свете —
тот легкость, радость, свет
вокруг себя плодит.

* * *

Кто зол — уводит к злу, кто добр — к доброте;
и все ж
не так просты, увы, дороги те.
Излишек доброты во зло употребляют.
Надежней доброта, рожденная в беде.

* * *

Тирану, что живет, неся для всех беду,
почуять смерть свою — стократ невольно.
Все казни прежних жертв грозят ему отныне —
и еще безвестный день,
в неведомом году.

* * *

Тиран, что смерть готов наслать на мир на весь,
два средства признает: насилие и навет.
Но жертву бедную нетрудно уничтожить.
а муки все ее —
останутся навек!

Перевод с узбекского Александра Наумова

Коран

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

1(1). О люди! Бойтесь вашего Господа, который сотворил вас из одной души и сотворил из нее пару ей, а от них распространил много мужчин и женщин. И бойтесь Аллаха, которым вы друг друга спрашиваете, и родственных связей². Поистине, Аллах — над вами надсмотрщик!

2(2). И давайте сиротам их имущество и не заменяйте дурным хорошего. И не ешьте их имущества в дополнение к вашему,— ведь это — великий грех!³

3(3). А если вы боитесь, что не будете справедливы с сиротами, то женитесь на тех, что приятны вам, женщинах — и двух, и трех, и четырех⁴. А если боитесь, что не будете справедливы, то — на одной или на тех, которыми овладели ваши десницы⁵. Это — ближе, чтобы не уклониться.(4). И давайте женам их вено в дар. Если же они соблаговолят чем-нибудь из этого для вас, то питайтесь этим на здоровье и благополучие.

4(5). И не давайте неразумным вашего имущества,⁶ которое Аллах устроил вам для поддержки, и наделяйте их из него, и одевайте их, и говорите им слово благое.

5(6). И испытывайте сирот, а когда они дойдут до брачного возраста, то если заметите в них зрелость разума, отдавайте им их имущество; и не пожирайте его расточительно и торопливо,

6. пока они не вырастут. А кто богат, пусть будет воздержан; а кто беден, пусть ест с достоинством.

7. А когда вы отдаете им их имущество, то берите к ним свидетелей. И довольно Аллаха как счетчика!

8(7). Мужчинам — удел из того, что оставили родители и близкие, и женщинам — удел из того, что оставили родители и близкие, из того, что мало или много, удел определенный.⁷

9(8). А когда присутствуют при разделе родственники, сироты и бедняки, то наделяйте их из этого и говорите им слово благое.⁸

10(9). И пусть боятся те, которые, если бы оставляли позади себя слабое потомство, боялись бы за них.⁹ Пусть же они боятся Аллаха и говорят слово твердое!

11(10). Поистине, те, которые пожирают имущество сирот по несправедливости, пожирают в своем чреве огонь, и будут они гореть в пламени!

12(11). Завещает вам Аллах относительно ваших детей: сыну — долю, подобную доле двух дочерей. А если они (дети)— женщины, числом больше двух, то им — две трети того, что он оставил, а если одна, то ей — половина. А родителям его, каждому из двух — одна шестая того, что он оставил, если у него есть ребенок. А если у него нет ребенка и ему наследуют его родители, то матери — одна треть. А если есть у него братья, то матери — одна шестая после завещанного, которое он завещает, или долга.¹⁰ Родители ваши или ваши сыновья — вы не знаете, кто из них ближе вам по пользе, как установлено Аллахом. Поистине, Аллах знающ, мудр!

13(12). И вам — половина того, что оставили ваши супруги¹¹, если у них нет ребенка. А если у них есть¹ ребенок, то вам — четверть того, что они оставили после завещанного, которое они завещают, или долга.

14. А им — четверть того, что оставили вы, если у вас нет ребенка. А если у вас есть ребенок, то им — одна восьмая того, что оставили вы после завещанного, которое вы завещаете, или долга.

15. А если мужчина бывает наследником по боковой линии, или женщина, и у него есть брат или сестра, то каждому из них обоих — одна шестая. А если их больше этого, то они — соучастники в трети после завещанного, которое он завещает, или долга,

16. не причиняя вреда, по завету от Аллаха. Поистине, Аллах — знающий, кроткий!

17(13). Таковы границы Аллаха.¹² А кто повинуется Аллаху и Его посланнику, того Он ведет в сады, где внизу текут реки,— вечно пребывать они будут там. И это — великий успех!

18(14). А кто не повинуется Аллаху и Его посланнику и преступает Его границы, того Он введет в огонь вечно пребывающим там, и для него — унижающее наказание.

19(15). А те из ваших женщин, которые совершают мерзость¹³, — возьмите в свидетели против них четырех из вас. И если они засвидетельствуют, то держите их в домах, пока не упокоит их смерть или Аллах устроит для них путь.

20(16). А те двое из вас, которые совершат это,— причините им боль. Если они обратятся и совершат благое, то отвернитесь от них. Поистине, Аллах — приемлющий обращение, милостивый!

21(17). Ведь у Аллаха — обращение к тем, которые совершают зло по неведению, а потом обращаются вскоре. К этим обращается Аллах. Поистине, Аллах — знающий, мудрый!

22(18). Но нет обращения к тем, которые совершают дурное, а когда предстанет пред кем-нибудь из них смерть, он говорит: «Я обращаюсь теперь»... И к тем, которые умирают, будучи неверными. Этим мы приготовили наказание мучительное.

23(19). О вы, которые уверовали! Не разрешается вам наследовать женам по принуждению.¹⁴ И не препятствуйте им уносить часть того, что вы им даровали, разве что они совершат мерзость очевидную. Обходитесь с ними достойно. Если же вы их ненавидите, то, может быть, что-либо вам и ненавистно, а Аллах устроил в этом великое благо.

24(20). А если вы захотели замены одной супруги другой и одной из них дали кин-тар¹⁵, то не отбирайте из него ничего. Разве вы станете брать лживо, как явный грех?

25(21). И как вы можете отбирать это, когда вы сошлись друг с другом и они взяли с вас суровый завет?

26(22). Не женитесь на тех женщинах, на которых были женаты ваши отцы,¹⁶ разве только это произошло раньше. Поистине, это — мерзость и отвращение и скверно как путь!

27(23). И запрещены вам¹⁷ ваши матери, и ваши дочери, и ваши сестры, и ваши тетки по отцу и матери, и дочери брата, и дочери сестры, и ваши матери, которые вас вскормили, и ваши сестры по кормлению, и матери ваших жен, и ваши воспитанницы, которые под вашим покровительством от ваших жен, к которым вы уже вошли; а если вы еще не вошли к ним, то нет греха на вас; и жены ваших сыновей, которые от ваших чресел,¹⁸ и — объединять двух сестер, если это не было раньше. Поистине, Аллах прощающ, милосерд!

28(24). И — замужние из женщин,¹⁹ если ими не овладели ваши десницы по писанию Аллаха над вами. И разрешено вам в том, что за этим, искать своим имуществом, соблюдая целомудрие, не распутничая.²⁰ А за то, чем вы пользуетесь от них, давайте им их награду по установлению. И нет греха над вами, в чем вы согласитесь между собой после установления. Поистине, Аллах — знающий, мудрый!

29(25). А кто из вас не обладает достатком, чтобы жениться на охраняемых верующих, то — из тех, которыми овладели десницы ваши, из ваших верующих рабынь. Поистине, Аллах лучше знает вашу веру. Вы — одни от других. Женитесь же на них с дозволения их семей и давайте им их плату с достоинством,— целомудренным, не распутничающим и не берущим приятелей.

30. И если они были целомудренны... А если совершат мерзость, то им — половина того, что целомудренным, из наказания.²¹ Это — тем из вас, кто боится тягости. А если вы будете терпеливы, то это — лучше для вас. Поистине, Аллах — прощающий, милосердный!

31(26). Аллах хочет разъяснить вам и вести вас по обычаям тех, которые были до вас, и обратиться к вам. Поистине, Аллах — знающий, мудрый!

32(27). Аллах хочет обратиться к вам, а те, которые следуют за страстями, хотят отклонить вас великим отклонением.(28). Аллах хочет облегчить вам; ведь создан человек слабым.

33(29). О вы, которые уверовали! Не пожирайте имуществ ваших между собой

попусту, если это только не торговля по взаимному согласию между вами.²² И не убивайте самих себя.²³ Поистине, Аллах к вам милосерд!

34 (30). А кто делает это по вражде и несправедливости, того Мы сождем в огне. Это для Аллаха легко!

35(31). Если вы будете отклоняться от великих грехов,²⁴ что запрещаются вам, Мы избавим вас от ваших злых деяний и введем вас благородным входом.

36(32). Не желайте того, чем Аллах дал вам одним преимущество перед другими.²⁵ Мужчинам — доля из того, что они приобрели, а женщинам — доля из того, что они приобрели. Просите от Аллаха Его блага,— поистине, Аллах знает все вещи!

37(33). Каждому Мы сделали наследников в том, что оставили родители и близкие, а те, с которыми ваши клятвы укрепили договор,— давайте им их долю. Поистине, Аллах — всякой вещи свидетель!

38(34). Мужья стоят над женами за то, что Аллах дал одним преимущество перед другими, и за то, что они расходуют из своего имущества.²⁶ И порядочные женщины — благоговейны, сохраняют тайное в том, что хранит Аллах. А тех, непокорности которых вы боитесь, увещайте и покидайте их на ложах и ударяйте их. И если они повинятся вам, то не ищите пути против них,— поистине, Аллах возвышен, велик!

39(35). А если вы боитесь разрыва между обоими, то пошлите судью из его семьи и судью из ее семьи; если они пожелают примирения, то Аллах поможет им. Поистине, Аллах — знающий, ведающий!

40(36). И поклоняйтесь Аллаху и не придавайте Ему ничего в сотоварищи,— а родителям — делание добра, и близким, и сиротам, и беднякам, и соседу близкому по родству, и соседу чуждому, и другу по соседству, и путнику, и тому, чем овладели десницы ваши. Поистине, Аллах не любит тех, кто горделиво хвастлив,—

41(37). которые скупятся, и приказывают людям скупость, и скрывают то, что даровал им Аллах от Своей щедрости! И приготовили Мы для неверных наказание мучительное,

42(38). и тех, которые тратят свое имущество из лицемерия пред людьми и не веруют ни в Аллаха, ни в последний день, и тех, у кого сатана товарищем. И плох он как товарищ!

43(39). Почему бы им не уверовать в Аллаха и в последний день и не тратить из того, чем наделил их Аллах? Аллах ведь знает о них.

44(40). Поистине, Аллах не обидит и на вес пылинки, и если будет хорошее, Он удвоит это и дарует от Себя великую награду!

45(41). И как будет, когда Мы придем от каждой общины со свидетелем и придем с тобой как свидетелем против этих? (42). В тот день пожелают те, которые не верили и ослушались посланника, чтобы сравнялась с ними земля. И не скроют они от Аллаха никакого события!

46(43). О вы, которые уверовали! Не приближайтесь к молитве, когда вы пьяны, пока не будете понимать, что вы говорите,²⁷ или оскверненными — кроме как будущи путешественниками в дороге — пока не омоеетесь. А если вы больны или в путешествии, или кто-нибудь из вас пришел из нужника, или вы прикоснулись к женщинам и не нашли воды, то оmyвайтесь чистым песком и обтирайте ваши лица и руки. Поистине, Аллах извиняющий и прощающий!

47(44). Разве ты не видел, что те, которым дарована часть писания,²⁸ покупают заблуждение и хотят, чтобы вы сбились с дороги? (45). А Аллах лучше знает ваших врагов: довольно в Аллахе друга и довольно в Аллахе помощника!²⁹

48(46). Из иудеев некоторые искажают слова на их местах и говорят: «Мы слышали и не повинемся, выслушай неслыханное и упаси нас»,— искривляя своими языками и нанося удары религии.

49. А если бы они сказали: «Мы слышали и повинемся, выслушай и посмотри на нас»,— то это было бы лучше для них и прямее. Но проклял их Аллах за их неверие, и они не веруют, разве только немногие.

50(47). О вы, которым даровано писание! Уверуйте в то, что Мы ниспослали для подтверждения истинности того, что с вами, раньше, чем Мы сотрем лица и обратим их назад или проклянем их, как прокляли сторонников субботы.³⁰ Поистине, повеление Аллаха исполняется!

51(48). Поистине, Аллах не прощает, чтобы Ему придавали сотоварищей, но прощает то, что меньше этого, кому пожелает. А кто придает Аллаху сотоварищей, тот измыслил великий грех.

52(49). Разве ты не видел тех, которые очищают самих себя?³¹ Нет, Аллах очищает, кого пожелает, и они не будут обижены и на финиковую плевую!

53(50). Посмотри, как они измышляют на Аллаха ложь! Довольно в этом явного греха!

54(51). Разве ты не видел тех, которым дарована часть писания,— они веруют в джибта и тагута³² и говорят о тех, которые не веровали: «Эти — вернее путем, чем те, которые уверовали».

55(52). Это — те, которых проклял Аллах. А кого прокликает Аллах, тому не найдешь ты помощников!

56(53). Или у них есть доля власти, и тогда они не дадут людям и бороздки на финиковой косточке?

57(54). Или они завидуют людям за то, что даровал им Аллах от Своей щедрости?³³ Ведь Мы даровали роду Ибрахима писание и мудрость и даровали им великую власть.

58(55). Из них были те, которые уверовали в Него, и из них были те, которые отклонились от Него. Довольно геенны для огня!

59(56). Поистине, тех, которые не веровали в Наши знамения, Мы сожжем в огне! Всякий раз, как сготовится их кожа, Мы заменим им другой кожей, чтобы они вкусили наказания. Поистине, Аллах — великий, мудрый!

60(57). А тех, которые уверовали и творили благое, Мы введем в сады, где внизу текут реки, вечно пребывающими там. Для них там — чистые супруги. И введем Мы их в тень тенистую.

61(58). Аллах, поистине, повелевает вам возвращать доверенное имущество владельцам его и, когда вы судите среди людей, то судить по справедливости. Ведь Аллах — как прекрасно то, чем Он нас увещает! — ведь Аллах — слышащий, видящий!

62(59). О вы, которые уверовали! Повинуйтесь Аллаху и повинуйтесь посланнику и обладателю власти среди вас.³⁴ Если же вы препираетесь о чем-нибудь, то верните это Аллаху и посланнику, если вы веруете в Аллаха и в последний день. Это лучше и прекраснее по исходу.

63(60). Разве ты не видел тех, которые утверждают, что они уверовали в то, что ниспослано тебе и что ниспослано до тебя, и они желают обращаться за судом к тагуту, в то время как им приказано не верить в него, и сатана хочет сбить их с пути в далекое заблуждение?

64(61). И когда им скажут: «Идите к тому, что ниспослал Аллах, и к посланнику», — ты видишь, как лицемеры³⁵ отвращаются от тебя стремительно.

65(62). А как же бывает, когда постигает их несчастье за то, что раньше уготовали их руки, а потом они приходят, клянясь Аллахом: «Мы хотим только благодеяния и содействия»?

66(63). Это — те, о которых знает Аллах, что у них в сердцах. Отвернись же от них и увещай их, и скажи им о них самих слово убедительное!

67(64). Каждого посланника Мы посылали для того, чтобы ему повиновались с дозволения Аллаха. А если бы они, когда причинили несправедливость самим себе, пришли к тебе и попросили бы прощения у Аллаха и попросил бы прощения для них посланник, они бы нашли, что Аллах приемлет обращение, милостив.

68(65). Но нет — клянусь твоим Господом! — не уверуют они, пока не сделают тебя судьей в том, что запутано между ними. Потом не найдут они в самих себе затруднения о том, что ты решил, и подчинятся полностью.³⁶

69(66). А если бы Мы предписали им: «Убейте самих себя!» — или выйдите из ваших обиталищ!» — то сделали бы это только немногие из них. А если бы они сделали то, о чем их увещают, то это было бы лучше для них и прочнее для утверждения.

70(67). И тогда Мы даровали бы им от Нас великую награду (68). и повели бы их по прямой дороге.

71(69). А кто повинуется Аллаху и посланнику, то они — вместе с теми из пророков, праведников, исповедников, благочестивых, кому Аллах оказал милость. И сколь прекрасны они как товарищи!

72(70). Это — щедрость от Аллаха. И довольно в Аллахе знающего!

73(71). О вы, которые уверовали! Соблюдайте осторожность и выступайте отрядами или выступайте все.³⁷

74(72). Среди вас есть такой, который обязательно отстает. И когда постигнет вас несчастье, он говорит: «Оказал мне Аллах милость, что я не был среди вас свидетелем».³⁸

75(73). А если вас постигнет щедрость от Аллаха, то он обязательно скажет, как будто бы между вами и им не было любви: «О, если бы я был вместе с вами, чтобы мне получить великий успех!»

76(74). Пусть же сражаются на пути Аллаха те, которые покупают за ближайшую жизнь будущую! И если кто сражается на пути Аллаха и будет убит или победит, Мы дадим ему великую награду.

77(75). И почему вы не сражаетесь на пути Аллаха и за слабых из мужчин и женщин и детей, которые говорят: «Господи наш! Выведи нас из этого селения, жители которого тираны, и дай нам от Тебя покровителя и дай нам от Тебя помощника?»³⁹

78(76). Те, которые уверовали, сражаются на пути Аллаха, а те, которые не веруют, сражаются на пути тагута. Сражайтесь же с друзьями сатаны; ведь козни сатаны слабы!

79(77). Разве ты не видел тех, которым сказали: «Удержите ваши руки и проставьте молитву и давайте очищение»,⁴⁰ — а когда предписано было им сражение, то вот — часть их страшится людей так же, как страшится Аллаха, или еще большим

страхом? И сказали они: «Господи наш! Почему предписал Ты нам сражение? Если бы Ты отложил нам до близкого срока?» Скажи: «Пользование здешней жизнью — недолго, а последняя жизнь — лучше для того, кто боялся, и не будете вы обижены ни на финиговую плевую».

80(78). Где бы вы ни были, захватит вас смерть, если бы вы были даже в воздвигнутых башнях. И если постигнет их хорошее, они говорят: «Это — от Аллаха», а когда постигнет их дурное, они говорят: «Это — от тебя.»⁴¹ Скажи: «Все — от Аллаха». Почему же эти люди никак не могут понять рассказа?⁴²

81(79). Что постигло тебя из хорошего, то — от Аллаха, а что постигло из дурного, то — от самого себя. Мы послали тебя к людям посланником. И довольно Аллаха как свидетеля!

82(80). Кто повинуется посланнику, тот повинуется Аллаху. А кто отворачивается... то Мы не посылали тебя хранителем над ними.

83(81). Они говорят: «Повиновение!» А когда выйдут от тебя, то группа из них замышляет ночью не то, что ты говоришь, и Аллах записывает то, что они замышляют ночью.⁴³ Отвернись же от них и положишься на Аллаха! И довольно поручителем Аллаха!

84(82). Разве ж они не размысляют о Коране? Ведь если бы он был не от Аллаха, то они нашли бы там много противоречий.

85(83). А когда к ним придет какое-нибудь дело, безопасное или опасное, они разглашают об этом. А если бы они вернули его к посланнику и к обладающим властью у них, тогда узнали бы его те, которые стараются проникнуть внутрь его. И если бы не щедрость Аллаха к вам и не Его милость, то вы бы последовали за сатаной, кроме немногих.

86(84). Сражайся же на пути Аллаха! Вменяется это только самому тебе, и побуждай верующих. Может быть, Аллах удержит ярость неверующих: ведь Аллах сильнее в ярости и сильнее в наказании!

87(85). Если кто заступится хорошим заступничеством, тому будет доля от него, а кто заступится дурным заступничеством, тому будет тоже доля от Него. Поистине, Аллах над всякой вещьюмоцнен!

88(86). И когда вас приветствуют каким-нибудь приветствием, то приветствуйте лучшим или верните его же. Поистине, Аллах всякую вещь подсчитывает!

89(87). Аллах — нет божества, кроме Него! — конечно, соберет вас ко дню воскресения, — нет сомнения в том! а кто правдивее Аллаха в рассказе?

90(88). Почему же вы в отношении лицемеров — две партии?⁴⁴ Аллах низверг их за то, что они приобрели. Не хотите ли вы вывести на прямой путь тех, кого сбил Аллах? Ведь, если кого Аллах сбил, для того не найдешь дороги!

91(89). Они хотели бы, чтобы вы оказались неверными, как были неверными они, и вы бы оказались одинаковыми. Не берите же из них друзей, пока они не выселятся по пути Аллаха; если же они отвратятся, то схватывайте их и убивайте, где бы ни нашли их. И не берите из них ни друзей, ни помощников,⁴⁵

92(90). кроме тех, которые связаны с народом, между которым и вами есть союз; или они пришли к вам, а груди их стеснены, чтобы сражаться с вами или сражаться с их народом. А если бы Аллах хотел, Он дал бы им власть над вами, и они бы сражались с вами. А если они отойдут от вас, не сражаясь с вами, и предложат вам мир, то Аллах не дает вам никакого пути против них.

93(91). Вы найдете других, которые захотят быть верными вам и верными своему народу. Всякий раз как их повернут к мятежу, они будут свергнуты туда. И если они не отойдут от вас, и не предложат вам мира, и не удержат своих рук, то берите их и избивайте, где бы ни встретили вы их. Над этими Мы дали вам явную власть!

94(92). Не следует верующему убивать верующего, разве только по ошибке.⁴⁶ А кто убьет верующего по ошибке, то — освобождение верующего раба и пеня, вручаемая его семье, если они не раздадут ее милостынею. А если он из народа враждебного вам и верующий, то — освобождение верующего раба. А если он из народа, между которым и вами договор, то — пеня, вручаемая его семье, и освобождение верующего раба. Кто же не найдет, то — пост двух месяцев последовательных как покаяние пред Аллахом. Поистине, Аллах — знающий, мудрый!

95(93). А если кто убьет верующего умышленно, то воздаянием ему — геенна, для вечного пребывания там. И разгневался Аллах на него, и проклял его, и уготовал ему великое наказание!

96(94). О вы, которые уверовали! Когда отправляетесь по пути Аллаха, то различайте и не говорите тому, кто предложит вам мир: «Ты не верующий», — домогаясь случайностей жизни ближней.⁴⁷ Ведь у Аллаха — обильная добыча. Таковы были вы раньше, но Аллах оказал вам милость. Различайте же: поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

97(95). Не равняются сидящие из верующих, не испытывающие вреда, и усердствующие на пути Аллаха своим имуществом и своими душами. Дал Аллах преимущество усердствующим своим имуществом и своими душами перед сидящими на степен.⁴⁸

Всем обещал Аллах благо, а усердствующим Аллах дал преимущество перед сидящими в великой награде,

98(96). в степенях у Него, и прощении, и милости. Поистине, Аллах прощающий, милосерд!

99(97). Тем, кого упокоят ангелы причинившими несправедливость самим себе, они скажут: «В каком положении вы были?» И скажут они: «Мы были слабыми на земле». Они скажут: «Разве не была земля Аллаха обширной, чтобы вам переселиться в ней?» У этих убежище — геенна, и скверно это пристанище!—

100(98). кроме слабых мужчин, женщин и детей,⁴⁹ которые не могут ухитриться и не находят прямого пути. (99). Этим, может быть, простит Аллах: ведь Аллах — извиняющий и прощающий!

101(100). Кто выселяется по пути Аллаха, тот найдет на земле обильное убежище и простор.⁵⁰ А кто выходит из своего дома, выселяясь к Аллаху и Его посланнику, потом его постигнет смерть,— награда его падает на Аллаха; ведь Аллах — прощающий, милосердный!

102(101). А когда вы передвигаетесь по земле, то нет на вас греха, чтобы вы сокращали молитву, если боитесь, что вас подвергнут испытанию те, которые не веровали.⁵¹ Поистине, неверующие — для вас явный враг!

103(102). И когда ты находишься среди них и совершаешь для них молитву, то пусть стоит вместе с тобой один отряд из них, и пусть они возьмут свое оружие. А когда совершат поклонение, то пусть будут позади вас, и пусть придет другой отряд, который не молился, и пусть они молятся вместе с тобой, но пусть возьмут предосторожность и оружие. Те, которые не веруют, хотели бы, чтобы вы небрегли своим оружием и достоянием, и они напали бы на вас единым устремлением. И нет греха на вас, если у вас есть неприятность от дождя или вы больны, что вы сложите свое оружие,— но держитесь осторожно! Поистине, Аллах уготовал неверным унизительное наказание!

104(103). А когда вы закончите молитву, то вспоминайте Аллаха — стоя, сидя и на своих боках. А когда вы успокоитесь, то выстаивайте молитву.⁵² Поистине, молитва для верующих — предписанное в определенное время.

105(104). И не слабеете в поисках этих людей.⁵³ Если вы страдаете, то и они страдают так, как вы страдаете, притом что вы надеетесь от Аллаха на то, на что они не надеются: ведь Аллах — знающий, мудрый!

106(105). Мы ниспослали тебе писание в истине, чтобы ты мог судить среди людей так, как показал тебе Аллах. Не будь же ради изменников препирающимся⁵⁴ (106), и проси у Аллаха прощения: ведь Аллах — прощающий, милостивый!

107(107). И не препирайся за тех, которые обманывают друг друга. Поистине, Аллах не любит тех, кто изменник, грешник!

108(108). Они скрываются от людей, но не скрываются от Аллаха. Он — с ними, когда ночью они замышляют неугодные Ему речи: ведь Аллах объемлет то, что они делают!

109(109). Вот, вы препираетесь за них в ближайшей жизни, а кто будет препираться с Аллахом за них в день воскресения? Или кто будет за них поручителем?

110(110). А если кто сделает зло или обидит свою душу, а потом попросит у Аллаха прощения, он найдет Аллаха прощающим, милостивым.

111(111). А кто приобретет грех, тот приобретет его против самого себя: поистине, Аллах — знающий, мудрый!

112(112). А кто приобретет проступок или грех, потом обвинит в нем невинного, тот берет на себя ложь и явный грех.⁵⁵

113(113). И если бы не щедрость Аллаха к тебе и не милость Его, то партия из них думала бы сбить тебя с пути. Но сбивают они с пути только самих себя и ни в чем не вредят тебе: ведь Аллах ниспослал тебе писание и мудрость и научил тебя тому, чего ты не знал. Щедрость Аллаха к тебе была велика!

114(114). Нет добра во многих из их тайных бесед,— разве кто приказывает милостыню, или доброе дело, или примирение между людьми. И если кто делает это, домогаясь благоволения Аллаха, тому Мы даруем великую награду.

115(115). А если кто отказывается от посланника после того, как стал ему ясен прямой путь, и он следует не по пути верующих, Мы обратим его к тому, к чему он сам обратился, и спалим его в геенне. Скверно это пристанище!

116(116). Поистине, Аллах не прощает, чтобы Ему придавали сотоварищей,⁵⁶ но прощает то, что меньше этого, кому Он пожелает. А кто придает Аллаху сотоварищей, тот заблудился далеким заблуждением.

117(117). Они призывают помимо Него только женский пол,⁵⁷ они призывают только сатану, отступника.

118(118). Проклял его Аллах. И сказал он: «Я непременно захвачу от Твоих рабов долю назначенную, (119). и собью их с пути, и возбужу в них мечты, и прикажу им, и пусть они будут обрезать уши у скота,⁵⁸ и прикажу им, и пусть они будут изменять

творение Аллаха!» Кто берет сатану заступником помимо Аллаха, тот потерпел явный убыток!

119(120). Он обещает им и возбуждает в них мечты. Но обещает им сатана только обольщение!

120(121). У них убежище — геенна, и не найдут они от нее спасения!

121(122). А те, которые уверовали и творили благое,— Мы введем их в сады, где внизу текут реки,— вечно пребывающим там навсегда,— по обещанию Аллаха истинному. А кто же правдивее Аллаха в речах?

122(123). Это — не ваши мечтания и не мечтания обладателей писания. Кто делает зло, будет тому воздано тем же, и он не найдет себе заступника помимо Аллаха или помощника.

123(124). А если кто сделает что-нибудь благое — будь то мужчина или женщина, и он при этом верующий,— то эти войдут в рай и не будут обижены и на бороздку финиковой косточки.

124(125). Кто лучше по религии, чем тот, кто предал свой лик Аллаху, будучи добродеем, и последовал за общиной Ибрахима, ханифа? Поистине, Аллах взял Ибрахима другом!

125(126). Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле; и Аллах всякую вещь объемлет.

126(127). Они спрашивают твоего разрешения о женщинах.⁵⁹ Скажи: «Аллах дает вам решение о них и то, что читается вам в писании,— о сиротах из женщин, которым вы не даете того, что предписано им, желая жениться на них, и о слабых детях, и чтобы вы устраивали детям справедливость. Что бы вы ни сделали хорошего,— ведь Аллах знает об этом».

127(128). И если женщина боится от своего мужа суровости или уклонения, то нет греха на них, чтобы они устроили между собой согласие. Ведь согласие — лучше. При душах постоянно пребывает скупость. А если вы будете благодетельны и богобоязненны, то, поистине, Аллах сведущ в том, что вы делаете!

128(129). И никогда вы не в состоянии быть справедливыми между женами, хотя бы и хотели этого. Не уклоняйтесь же всем уклонением, чтобы не оставить ее точно висящей. А если вы уладите и будете богобоязненными, то, поистине, Аллах прощающ, милосерд!⁶⁰

129(130). А если они оба расстанутся, то Аллах всякого обогатит от Своей полноты. Поистине, Аллах объемлющ, мудр!

130(131). Аллаху принадлежит то, что в небесах, и то, что на земле. Мы завещали тем, кому дарована книга до вас, и вам, чтобы вы боялись Аллаха. А если вы будете неверными, то ведь у Аллаха — то, что в небесах и что на земле. Аллах — богат, всехвален!

131(132). Аллаху принадлежит то, что в небесах и что на земле. И довольно Аллаха как покровителя!

132(133). Если Он пожелает, то уведет вас, о люди, и приведет других. Поистине, Аллах — мощен на это!⁶¹

133(134). Кто желал награды ближайшего мира, то ведь у Аллаха — награда и ближайшего и будущего мира. Аллах — слышащий, видящий!

134(135). О вы, которые уверовали! Будьте стойки в справедливости, свидетелями пред Аллахом, хотя бы и против самих себя, или родителей, или близких; будь то богатый или бедный — Аллах ближе всех к обоим. Не следуйте же страсти, чтобы не нарушить справедливости.⁶² А если вы скривите или уклонитесь, то Аллах сведущ в том, что вы делаете!

135(136). О вы, которые уверовали! Веруйте в Аллаха и Его посланника, и писание, которое Он низвел Своему посланнику, и писание, которое Он низвел раньше. Кто не верит в Аллаха и Его ангелов, и Его писания, и Его посланников, и в последний день, тот заблудился далеким заблуждением.⁶³

136(137). Поистине, те, которые уверовали, а потом отреклись, потом опять уверовали, потом отреклись, потом усилили неверие,— не таков Аллах, чтобы простить им или повести их по пути.⁶⁴

137(138). Обрадой лицемеров вестью о том, что им — мучительное наказание,—

138(139). тех, которые неверных берут друзьями вместо верующих! Не ищут ли они у них величия? Поистине, величие принадлежит целиком Аллаху!

139(140). Аллах уже низвел вам в писании, что когда вы слушаете знамения Аллаха, в которые не веруют и над которыми издеваются, то не сидите вместе с ними, пока они не погрузятся в другой рассказ: ведь тогда вы подобны им. Поистине, Аллах соберет лицемеров и неверных всех в геенне!

140(141). Тех, которые выжидают, что будет с вами,— если вам будет победа от Аллаха, они скажут: «Разве мы не были с вами?» А если будет удел неверным, они скажут: «Разве мы не старались помочь вам и не защищали вас от верующих?» Но

Аллах рассудит вас в день воскресения. И никогда Аллах не устроит неверным дороги против верующих!

141(142). Поистине, лицемеры пытаются обмануть Аллаха, тогда как Он обманывает их! А когда они встают на молитву, то встают ленивыми, делая вид пред людьми, и вспоминают Аллаха только мало,

142(143). колеблясь между этим, ни к тем, ни к другим, Ведь, если кого Аллах собьет с пути, то для того не найдешь ты дороги!

143(144). О вы, которые уверовали! Не берите неверных друзьями вместо верующих. Разве вы хотите дать Аллаху ясный довод против вас?

144(145). Поистине, лицемеры — в нижнем слое огня, и никогда не найдешь ты для них помощника,—

145(146). кроме тех, которые обратились, и примирились, и ухватились за Аллаха, и очистили свою религию перед Аллахом! Вот эти — с верующими, а потом Аллах дарует верующим великую награду!

146(147). Что сделает Аллах с вашим наказанием, если вы будете благодарны и уверуете? Поистине, Аллах — благодарен, знающий!

147(148). Не любит Аллах разглашения о зле в слове, если не от того, кто обижен. Поистине, Аллах — слышащий, знающий!

148(149). Если вы обнаружите добро или скроете его, или простите зло, то, поистине, Аллах — прощающий, мощный!

149(150). Поистине, те, которые не веруют в Аллаха и Его посланников и желают отделить Аллаха от Его посланников, говорят: «Мы веруем в одних и не веруем в других». И хотят найти между этим путь,—

150(151). они — неверующие по истине. И уготовали Мы неверным унизительное наказание!

151(152). А те, которые уверовали в Аллаха и Его посланников и не различали между кем-либо из них, этим Мы даруем их награды: ведь Аллах — прощающий, милосердный!

152(153). Просят тебя обладатели писания, чтобы ты низвел им писание с неба.⁶⁵ Просили они уже Мусу о большем, чем это, и сказали: «Покажи нам Аллаха открыто!» И их поразила молния за их несправедливость.⁶⁶ Потом они взяли себе тельца после того, как пришли к ним ясные знамения, и Мы простили это и дали Мусе явную власть.

153(154). И воздвигли Мы над ними гору⁶⁷ при завете с ними и сказали им: «Входите в дверь, преклоняясь ниц!» И сказали им: «Не нарушайте субботы!» И взяли Мы с них суровый завет.

154(155). И за то, что они нарушили их завет, и не веровали в знамения Аллаха, и избивали пророков без права, и говорили: «Сердца наши не обрезаны». (Нет! Аллах наложил печать на них за их неверие, и веруют они только мало),

155(156). и за их неверие, и за то, что они изрекли на Мар'ям великую ложь,

156(157). и за их слова: «Мы ведь убили Мессию, 'Ису, сына Мар'ям, посланника Аллаха» (а они не убили его и не распяли, но это только представилось им; и, поистине, те, которые разногласят об этом,— в сомнении о нем; нет у них об этом никакого знания, кроме следования за предположением. Они не убивали его,— наверное, (158). нет, Аллах вознес его к Себе: ведь Аллах велик, мудр!

157(159). И поистине, из людей писания нет никого, кто бы не уверовал в него до его смерти, а в день воскресения он будет свидетелем против них!—

158(160). и вот, за несправедливость тех, которые исповедуют иудейство, Мы запретили им блага, которые были им разрешены, и за отвращение ими многих от пути аллаха,

159(161). и за то, что они брали рост,⁶⁹ хотя это было им запрещено, и пожирали имущества людей попусту, Мы и приготовили неверным из них мучительное наказание.

160(162). Но твердые в знании из них, и верующие, которые верят в то, что низведено тебе и что низведено до тебя, и выстаивающие молитву, и дающие очищение, верующие в Аллаха и последний день,— этим Мы дадим великую награду!⁷⁰

161(163). Мы ведь открыли тебе так же, как открыли Нуху и пророкам после него, и Мы открыли Ибрахиму, и Исмаилу, и Исааку, и Йа'кубу и коленам, и Исе, и Аййубу, и Йунусу, и Харуну, и Сулайману, и дали Мы Дауду псалтырь.⁷¹

162(164). И(Мы отправили) посланников, о которых рассказывали тебе раньше, и посланников, о которых Мы не рассказывали тебе,— а Аллах говорил с Мусой разговором,⁷²—

163(165). посланников благовествующих и увещающих, чтобы не было для людей против Аллаха довода после посланников. Поистине, Аллах велик, мудр!

164(166). Но Аллах свидетельствует о том, что низведенное тебе Он низвел по Своему знанию, и ангелы свидетельствуют, и довольно Аллаха как свидетеля!

165(167). Поистине, те, которые не веровали и отклонились от пути Аллаха, заблудились далеким заблуждением!

166(168). Поистине, те, которые не веровали и были несправедливы,— Аллах не таков, чтобы простить им или повести их прямым путем,

167(169). разве только путем геенны,— вечно пребывающими там навсегда! Ведь это для Аллаха — легко.

168(170). О люди! К вам пришел посланник с истиной от вашего Господа, уверуйте же! Это — лучше для вас. А если не уверуете, то ведь Аллаху принадлежит то, что в небесах и на земле. Поистине, Аллах — знающий, мудрый!

169(171). О обладатели писания!⁷³ Не излишествуйте в вашей религии и не говорите против Аллаха ничего, кроме истины. Ведь Мессия, Иса, сын Марьям,— только посланник Аллаха и Его слово, которое Он бросил Марьям, и дух Его.⁷⁴ Веруйте же в Аллаха и Его посланников и не говорите — три!⁷⁵ Удержитесь, это лучшее для вас. Поистине, Аллах — только единый бог. Достохвальнее Он того, чтобы у Него был ребенок. Ему — то, что в небесах, и то, что на земле. Довольно Аллаха как поручителя!

170(172). Никогда не возгордится Мессия над тем, чтобы быть рабом Аллаху, ни ангелы приближенные!

171. А кто возгордится над служением Ему и вознесется,— тех соберет Он к Себе всех.

172(173). Те же, которые уверовали и творили благое,— им полностью воздаст Он их награды и увеличит им от Своей щедрости. А тех, которые возносились и возгордились, Он накажет мучительным наказанием.

173. И не найдут они себе, помимо Аллаха, покровителя и помощника.

174(174). О люди! К вам пришло доказательство⁶ от вашего Господа, и низвели Мы вам ясный свет. (175). И те, которые уверовали в Аллаха и держались за Него,— их Он введет в Свою милость и щедрость и поведет их по пути к Себе прямой дорогой.

175(176). У тебя спрашивают решения. Скажи: «Аллах дает вам решение о боковой линии.⁷⁷ Если человек погибнет и нет у него ребенка, а есть у него сестра, то ей — половина того, что он оставил, и он наследует после нее, если у нее нет ребенка. А если их — две, то им обем — две трети того, что он оставил. А если они — братья, мужчины и женщины, то мужскому полу столько же, сколько доля двух женщин». Разъясняет вам Аллах, чтобы вы не заблудились. А Аллах о всякой вещи знает!

КОММЕНТАРИИ

1. Сура состоит из четырех частей. В первой части (аяты 1—39) — обстоятельные законоустановления по вопросам брака, семьи, имущества и права наследования. Эта часть прочитана в течение двух месяцев после битвы на горе Ухуд по жалобам женщин, в основном вдов погибших в битве мусульман. Вторая часть (аяты 47—72) — полемика с иудеями. Между этими двумя частями есть вставка (аяты 40—46), где речь идет о пожертвовании в пользу общины и предписание не совершать молитвы в пьяном состоянии. Третья часть (аяты 73—105) — подробное назидание о священной войне — джихаде. Четвертая часть (аяты 106—174) суть продолжение полемики с язычниками, лицемерами, иудеями и христианами, с вставкой (аяты 126—129), посвященной теме женщин.

Законоустановления и предписания по вопросам семьи, брака, наследования, джихада в дальнейшем легли в основу шариатских законов по этим вопросам.

2. В понимании этого предложения существует расхождение среди исследователей и толкователей Корана. Для того чтобы правильно понять его суть, выражение «родственных связей» нужно перевести как «родственников» (в соответствии с арабским словом «ал-архам») и связать его с глаголом «вопросать» (а не «упрашивать»). Тогда смысл становится ясным — «они вопрошают об Аллахе друг друга и родственников».

3. Были случаи, когда вдовы мусульман обращались к Мухаммаду с жалобами на близких родственников мужа, отбравших оставшееся после его гибели имущество. Строгие предписания заботиться о детях-сиротах и сохранности имущества, доставшегося им после смерти отца, — характерная особенность установлений этой суры.

4. Третий аят четвертой суры — знаменитый «аят многоженства» (араб. аят ат-тааддуд), в котором мусульманину разрешается одновременно иметь до четырех жен. Это установление подвергалось бесконечному анализу и критике, поскольку на его основе у мусульманских народов вошел в практику институт полигамии (многоженства). А между тем, введение этого закона имело конкретно-историческую причину. После двух крупных сражений (Бадр и Ухуд) и нескольких мелких стычек за три года жизни мусульман в Медине погибло более ста воинов. Их вдовы с детьми-сиротами испытывали определенные затруднения, что сказывалось на настроении членов общины. В связи с этим дается разрешение жениться на вдовах, а также их взрослых дочерях, увеличивая число жен до двух, трех и даже четырех. Аят предваряется условием — «если бои-

тес, что не будете справедливы с сиротами». Это установление явилось не только социально-экономической, но и серьезной политической мерой для того, чтобы сохранить боевой дух верующих и одновременно обеспечить заботу о вдовах и сиротах погибших. Чтобы поощрить мусульман на такой шаг, сам Мухаммад женился на вдове своего близкого друга Абу Салама, умершего от ран, и взял на свое попечение двух малолетних его сыновей.

Однако историческая обстановка, послужившая поводом для возникновения установления многоженства, естественно, была забыта в последующие эпохи, были забыты и первоначальные цели подобного разрешения — забота о вдовах и сиротах. Основным условием многоженства постепенно становится богатство, достаток мусульманина в соответствии с нравственными нормами феодального общества.

5. Выражение — «те, которыми овладели ваши десницы» — означает невольников, в данном случае — рабынь, наложниц, служанок.

6. В аятах 4—5 речь идет о сохранности имущества сирот, рекомендуется не отдавать его, пока дети не достигнут разумного возраста, и не смогут распоряжаться им самостоятельно. А до того следует их одевать, кормить, проявлять о них всяческую заботу.

7. В аятах 8—16 впервые в практике арабов устанавливается подробное законодательство о разделе имущества умершего между его наследниками. Законы наследования, разработанные на основе этих аятов, составили самостоятельный раздел в шариате.

8. Родственникам, не имеющим права наследования, сиротам, беднякам давали кое-что из распределяемого имущества — как бы вычитая из общего количества. Отсюда вошло в обиход слово «искат» — вычитание. Искат в практике мусульманских народов вылился в обычай наделять каждого участника похорон какой-нибудь вещью — это может быть платок, чай, деньги.

9. Существуют различные толкования этого аята с неясной конструкцией. По контексту речь идет о тех, кто боится за своих детей, оставляя их (т. е. уходя на битву). Но если связать это с предписаниями заботиться о сиротах (в предыдущих аятах), смысл становится отчетливым: надо беспокоиться о детях-сиротах так, как беспокоились бы вы, оставляя свое собственное потомство, уходя на битву.

10. То, что было завещано человеком кому-то перед смертью, и долг его оплачиваются в первую очередь, затем уже оставшееся имущество распределяется согласно установлениям по наследованию.

11. Здесь следовало бы переводить «ваши жены», а не «супруги», в соответствии с текстом — «азваджукум». Тогда становится яснее смысл — мужчина также наследует имущество после смерти жены. Это свидетельствует о наличии у женщин права самостоятельно владеть имуществом, доставшимся от родителей, братьев или от прежнего мужа.

12. Араб. «худуд Аллах» (дословно — границы Аллаха) часто употребляется в Коране в смысле предначертания или установления Аллаха.

13. Аяты 19—22 — о прелюбодеянии. Арабское слово «фахиша» переведено здесь как «мерзость», более точное значение — измена, проституция. Женщине, изменившей мужу, назначено наказание: держать ее дома взаперти. Однако вина ее должна быть подтверждена четырьмя свидетелями, что практически очень трудно, ибо интимная связь совершается без свидетелей. Кроме того, предписывается обоим любовников избить. Если прелюбодеи покаются, следует оставить их в покое. Наказание смертью обоих прелюбодеев, факт греха которых доказан четырьмя свидетелями, было введено в законы шариата позднее, на основе хадисов Мухаммада. Но вынесение такого приговора было редчайшим случаем — мало когда находилось четыре свидетеля, тем более что в суре 24-й (аят 4) было установлено — тот, кто выдвинул обвинения в прелюбодеянии, но не смог привести четырех свидетелей, получает в наказание восемьдесят ударов плетью.

14. При разводе не полагается оставлять у себя насильно часть имущества, которое было даровано жене. Она должна оставить имущество полностью только в том случае, если доказано обвинение в ее распутстве.

15. Кинтар — вено, оплата; по современным понятиям, компенсация.

16. Причина введения такого запрета неясна. Видимо, до ислама бывали случаи, когда араб женился на женщине, бывшей раньше женой его отца.

17. В этом аяте определяется круг женщин, на которых мужчине запрещено жениться. Столь подробное перечисление наводит на мысль, что у доисламских арабов, находившихся на стадии разложения родоплеменных и формирования классовых отношений, еще сохранялись нормы кровно-родственных браков. В этом смысле новые установления Корана представляли собой заметный шаг вперед в сравнении с родоплеменным укладом и кровно-родственными брачно-семейными нормами.

18. Исключение, введенное фразой «жены ваших сыновей, которые от ваших чресел», т. е. запрет жениться на женах своих собственных сыновей, а не приемных (усыновленных, пасынков), связано с конкретным случаем — женитьбой Мухаммада на Зайнаб, жене своего приемного сына Зайда ибн ал-Харисы, что имело место некоторое время до прочтения этого аята.

19. Запрет жениться на замужних женщинах означал запрет многоженства. По толкованиям, этот запрет последовал после победы в Хунейне (январь 630 г.), когда в плен попали женщины, мужа которых оказались тоже в плену, а кое-кто из победителей хотел взять их в жены.

20. В суннитском исламе это трактуется как разрешение иметь наложниц, отдавая им установленную награду. Наложницы (джарийа) не являются законными женами, у них свое довольно специфическое правовое положение в шариате. Но дети от них являются полноправными, наравне с детьми от законных жен.

В шиитском исламе на основе этого аята вошел в практику временный брак (араб. мута, или сига), т. е. брак по договору на определенный срок, с условием ежемесячного содержания и вознаграждения женщины. Такие договоры обычно скреплялись шариатскими судьями. По наступлении обусловленного срока брак считался автоматически расторгнутым. Дети от этого брака также считались полноправными.

По исследованиям ученых, брак мута́ имел место в практике и доисламских арабов, и в начальный период ислама. Был запрещен в 628 году. Однако шииты считают этот запрет недоказанным.

21. Речь идет о женитьбе человека, не имеющего достатка, на наложнице или рабыне. Разрешается это с согласия ее семьи и при условии оплаты положенного дара. Если наложница распутничает, то ей назначается половина того наказания, которое положено свободной женщине. Здесь имеется в виду сто ударов плетью свободной женщине за распутство, как установлено в Коране (сура 24-я, аят — 2). Соответственно, наложнице пятьдесят ударов плетью.

22. Слово «батил» переведено как «попусту», поэтому содержание становится трудноуловимым. Точнее перевести — «в нарушение норм», тогда становится ясно, что речь идет о том, чтобы люди не допускали незаконного присвоения чужого добра. Законной, по установлению, является торговля по взаимному согласию.

23. Призыв к мусульманам не убивать друг друга.

24. Араб. «кабаир» (самые тяжкие грехи) — термин, приобретший особый смысл в шариа́те. К самым тяжким грехам причислялись вероотступничество (отвержение ислама и переход в другую религию), богохульство, поношение пророка, ересь и др. За такие грехи на том свете мусульманина ждет ад, а на этом он приговаривается к смертной казни и лишается права быть похороненным по мусульманскому обычаю.

25. Здесь фактически узаконивается преимущество одних над другими в имуществе и богатстве.

26. Это положение Корана узаконило зависимость женщины от мужа, связано это было с ее экономическим положением.

27. Запрет совершать молитву в пьяном состоянии. Этот запрет связан со случаем, когда один из приближенных Мухаммада, совершая молитву в пьяном состоянии, искаженно читал суру Корана. Здесь же устанавливается требование очищения (тахарат) перед молитвой, а в случае, когда нет воды, очищение при помощи чистого песка (таяммум). Эти нормы очищения прочно вошли в практику мусульман.

28. Обвинение иудеев, ведущих проповедь против мусульман в Медине.

29. Аяты 47—50 — полемика с иудеями. Дело в том, что иудейские проповедники обвиняли Мухаммада в незнании писания, а он, в свою очередь, обличал их в искажении писания. Евреи подстрекали курайшитов к выступлению против Мухаммада и общины верующих. Эта полемика и вражда в конце концов привели к столкновению и выселению племени бану Надир из мединского оазиса в сентябре 625 года.

30. Здесь речь не идет о какой-то иудейской секте, особо приверженной субботе. Все евреи признавали субботу как день священный, как день усердного моления. В данном случае имеются в виду мединские евреи вообще.

31. «Очищают самих себя» — в смысле оправдываются, объявляя себя чистыми.

32. «Джибт» — специалисты предполагают, что слово это пришло из эфиопского языка. В традиционных толкованиях — идол. «Тагут» — в талмудистском значении — идолопоклонничество, заблуждение. В исламской традиции — синоним «шайтана». «Тагути» — самое суровое обвинение в адрес мусульманина, отошедшего от ислама, а значит, ставшего спутником шайтана. Кстати, официальные руководители Исламской Республики Иран и сейчас называют бывшего шаха и его сторонников «тагути».

33. По смыслу они завидуют арабам, из среды которых вышел пророк.

34. Очень популярный среди богословов аят, в котором содержится установка подчиняться как Аллаху и пророку, так и обладателям власти. На основе предписания (об обладателях власти), в шариат была введена специальная норма, предписывающая мусульманам подчиняться властям страны, эта норма вошла в категорию «ваджиб» (обязательное). Этот же аят толкуется в богословии для обоснования четырех источников шариата (Корана, Сунны, Иджма, Кийаса).

35. Лицемерами (араб. мунафикун) в Коране названы те, кто внешне принимал ислам в силу обстоятельств, затем продолжал скрытно исповедовать прежнюю свою веру или проявлял враждебность в отношении мусульман. Такие факты имели место только в Медине. Поскольку лицемерие таких людей связывается с их обращением к тагуту, можно предполагать также, что тагут мог быть одним из идолов арабских племен.

36. Смысл аята: они не уверуют до тех пор, пока ты не вынесешь решение по поводу того, о чем они спорят. Если им нечего будет возразить на твое решение, тогда-то они и подчинятся полностью.

37. В группе аятов 73—105 речь идет о священной войне.

38. В толкованиях указывается конкретное имя этого араба. Суть проповеди — изобличать мусульман, пытающихся избежать опасности и находящихся каждый раз оправдание, чтобы не принимать участия в сражении.

39. Имеются в виду мусульмане, оставшиеся в Мекке при переселении в Медину и находившиеся там под постоянной угрозой расправы.

40. В смысле — «воздержитесь от сражения». В этих аятах звучит укор тем, кто боялся вступать в сражение. Видимо, аят прочитан после битвы при Ухуде, по фактам трусости отдельных воинов.

41. Здесь и в аяте 81 «тебя» в значении Мухаммада.

42. После поражения при Ухуде некоторые мусульмане обвиняли во всем Мухаммада.

43. Речь идет о лицемерах.

44. Среди приближенных Мухаммада был человек, соперничавший с ним. Это Абдаллах ибн Убайя со своими сторонниками, который скрытно действовал против пророка. Верные Мухаммаду последователи требовали наказания ибн Убайя, но Мухаммад не давал на то своего согласия. Здесь, видимо, речь идет о группе Ибн Убайя.

45. В конце 625 года были случаи, когда отдельные роды или племена, приняв ислам, просили Мухаммада направить к ним наставников, а затем убивали их. Это и отражено в аятах 91—93.

Представители этих племен именовались лицемерами и подвергались нападению и жестокой мести.

46. Аят 94 — установление наказания за непреднамеренное убийство мусульманина. Здесь арабское слово «дийа» переведено как пеня, но означает «оплату за кровь» (старорусское — вира).

47. Смысл: отправляясь в поход, не нападайте на тех, кто предлагает вам мир, обвиняя их в неверии ради присвоения добычи. Прочитано в связи с конкретным случаем такого характера.

48. В этот период в Медине перед мусульманами выдвигались два главных требования: выделять что-то в пользу общины из своего имущества и участвовать в битвах. Аят говорит о предпочтительном отношении Аллаха к тем, кто усердно выполняет оба эти требования.

49. В аятах 99—100 звучит укор мужчинам, не выполняющим требование участвовать в сражениях. Исключение делается лишь старикам, женщинам и детям.

50. Укор тем, кто остался в Мекке, не выслевшись в Медину.

51. В аятах 102—105 устанавливаются правила молитвы в условиях похода. В богословии это получило название «салат ал-хауф» — молитва при опасности.

52. По содержанию близок к 188-му аяту 3-ей суры. Но здесь говорится об отличии молитвы, совершаемой стоя (у арабов «салат», у других народов «намаз»), признанной официальной молитвой, от молитвословия, совершаемого между прочим, т. е. от чтения молитв, восхваления Аллаха и т. д.

53. «Этих людей» — то есть врагов.

54. Продолжение прежней полемики с неверующими.

55. Аят прочитан по случаю необоснованного обвинения одного мусульманина в краже.

56. «Придание Аллаху сотоварищей», то есть многобожие или идолопоклонничество у арабов, причисляется к категории великих грехов.

57. У многих арабских племен в почете были богини.

58. У арабов-многобожников существовала традиция — обрезать уши десятого верблюжонка, посвящая жертву богу. В этом аяте говорится о наущениях шайтана, стремящегося вернуть людей к язычеству.

59. Аяты 126—129 — продолжение установлений относительно женщин. Здесь снова речь идет о вдовах и сиротах, оставшихся от погибших мусульман. Повторение и уточнение, видимо, делается для того, чтобы предотвратить различные нарушения в вдовах и сиротах.

60. Категорическое утверждение в этом аяте о невозможности быть одинаково справедливым ко всем женам некоторые богословы трактуют как запрещение полигамии, многоженства. Но полигамия практически существовала во всю историю ислама. Лишь за последние полвека в двух мусульманских странах она законодательно отменена.

Перевод второго предложения этого аята не совсем ясен. Речь о том, что муж не должен оказывать предпочтение ни одной из жен, чтобы не рождал между ними недовольства.

61. Здесь более точный смысл: если Аллах захочет, то уничтожит вас и вместо вас сотворит других людей.

62. В тексте глагол «касата» означает справедливость (скорее, честность) в имущественных отношениях. Поэтому этот аят суть продолжение установлений о соблюдении честности в имущественных отношениях.

63. В аяте 135 кратко излагаются пять основных догматов ислама. Через несколько столетий в суннитском богословии была принята система из семи догматов: веровать в Аллаха, ангелов, писания, пророков, судный день, предопределение и воскресение из мертвых. А в шиитском богословии из пяти догматов: вера в единобожие, пророка, предопределение, судный день и имамат (законность власти шиитских имамов).

64. Аяты 136—151 — полемика с лицемерами.

65. Аяты 152—168 прочитаны после разрыва с мединскими иудеями (бану Надир).

66. «...их поразила молния» — переключка с легендой из Талмуда.

67. «Воздвижение горы над иудеями». Предполагается, что это представление связано с легендой о получении Мусой откровения на горе Синай.

68. Отражение легенды о наказании Исы. Как известно из истории, по требованию евреев приговор о распятии Иисуса вынес римский правитель Иудеи Понтий Пилат.

69. Рост — практика получения процента на деньги. Речь идет о ростовщичестве среди иудеев.

70. Видимо, существовала группа иудеев, последовавшая проповедям Мухаммада.

71. Здесь подробное перечисление пророков. Нух (в пятикнижье Ной), Аййуб (Иов), Йунус (Иона), Харун (Аарон — брат Моисей), Сулайман (древнееврейский царь Соломон), Дауд (царь Давид, отец Соломона). Давид и Соломон — исторические лица, царствовавшие в древнееврейском государстве в X веке до нашей эры.

72. Фраза «Аллах говорил с Мусой разговором» — отражение библейской легенды о получении пророком Моисеем от бога Яхве десяти заповедей на горе Синай.

73. Аяты 169—174 — полемика с христианами, где отчетливо проявляется расхождение учений христианства и ислама.

74. Отражение христианского представления о святом духе, через которого Мария зачала от бога-отца.

75. Здесь осуждается представление христиан о божественной троице и утверждается единство бога. Кроме того категорически отвергается утверждение, что Иисус есть сын бога.

76. «Доказательство» (в тексте «бурхан») толкуется как пророк, или Коран.

77. Продолжение законоустановления о наследстве: здесь оговариваются права родственников по боковой линии (братьев и сестер). По источникам, это установление также было вызвано жалобами членов семей погибших в сражениях мусульман.

Продолжение следует

Ф. БОКОВ

ДЕФИЦИТ НА МУЖЧИН

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

Недавно останавливает меня Зухра и встревоженно так говорит:

— Слышала, Луиза, дефицит на мужчин надвигается?!

Я ко всем дефицитам приучена, но такого не ожидала:

— Они не имеют права этого делать! — кричу. — Откуда ты такое взяла?

— С Алайского, только что оттуда иду.

Вообще-то и у меня, и у Зухры имеются законные мужья, и беспокоиться как будто не к чему, да только слово это, «дефицит», как гипноз на меня повлияло.

— Действовать! — кричу. — Немедленно. Откуда начнем?

— С Москвы.

— С Москвы? — удивляюсь я.

— Да, с Москвы. Их там тысяч сто скопилось — ждут визы на выезд за границу.

Во дела, думаю, за границей дефицит полным ходом идет, до наших добрались, а я ни сном ни духом... Вовремя спохватилась.

— Хранить-то где их будем? — спрашиваю. — У меня негде. На балконе мука, рис, на антресолях сахар, в подвале — мыло.

— Твое мыло я к себе на дачу возьму, — планирует Зухра.

— Лучше мужчин на дачу, — советую я.

— За мыло боишься? — с подозрением интересуется Зухра.

— Нет, — отвечаю. — Мужчин жалко. В подвале заплесневеть могут.

Зухра соглашается. Но тут меня сомнение взяло насчет этих эмигрантчиков.

— Какое еще сомнение. Один к одному. Сто тысяч богатеньких Буратино. Поселим на даче. Кормить будем... — настойчиво так уговаривает меня Зухра, ну, прямо, как Госстрах.

— Нет, — твердо стою я на своем. — Пустой номер, сколько их ни корми, все равно за границу будут смотреть. У меня другой план. Будем брать у винного магазина. Эти в доску свои и за границу не побегут. Почистим, помоем, спиртом протрем и ко мне на антресоли до поры до времени.

У Зухры глаза колесами:

— «Чашмонавтов» мне даром не надо. На добро такое никогда дефицита не будет. Я вот другое придумала: брать будем в бане. Там и фигуру можно рассмотреть, и качество определить.

— Где же ты сейчас бани найдешь? Сейчас одни сауны, — сомневаюсь я.

— Тогда в саунах. Какая разница?

— В саунах нельзя.

— Почему нельзя? — рассердилась Зухра.

— Контингент туда ходит особенный, к деликатесам приученный.

— Переучим.

— Нельзя.

— Почему?

— Породу переводить нельзя. Генотип такой, понимаешь, — ответработники. В номенклатурной книге записаны.

— В какой книге?

— В номенклатурной, ну, вроде, красной. Сидят они там и думают: как бы нашу жизнь лучше устроить.

— Устроили уже, лучше некуда, — невесело говорит Зухра.

— А что, если сатириков-юмористов заманить? — осеняет меня. — В магазинах пусто, а мы хохотать, в животе пусто, а мы со смеху по полу катаемся. Все трын-трава.

— Не пойдет, — отвергает и это предложение Зухра. — Я смешливая. От смеха сразу лопну. А еще пожить хочется. Светлое будущее увидеть.

— Долго же ты жить собралась.

— Или в сон погрузиться бы летаргический, а проснуться, когда светлое будущее наступит.

— Интересное дело, она будет спать, а мы за нее вкалывай.

— Я еще не сплю, а многие спят. Как заснули в застойный период, так и спят по сей день. Ходят во сне, как лунатики, — привыкли.

— Тебе-то что, пусть спят — проснутся, еще неизвестно, что натворят. Ты б лучше о нашем деле подумала.

— А я думаю. В аэропорту командированных брать будем. Они квартиры ищут. В гостиницах мест нет.

Ай да Зухра... Хотя, нет... Снова придется огорчить.

— Не совсем годится, — говорю. — Могут такие попасть — не обрадуешься. Квартировал у меня однажды один. По профессии.. как ее?.. Кажется, корреспондент, но на слово больше.. а-а, вспомнила: член-корреспондент. И тянет от него несвежестью. Культурный такой на вид, а тянет... «Дайте, — говорю, — я вам рубашечку постираю». А он не дает. «В наше время, — говорит, — время острого дефицита, мыло надо экономить. Я сейчас трактат пишу: «О вреде мыла».

— Таких не надо.

— Давай оставим как вариант. Заманчиво очень: стирать на них не надо, постельное белье совсем можно выкинуть. Свободное время появится. В театр начнем ходить, к мировой культуре приобщаться.

— Хорошо, оставим как вариант, — согласилась Зухра. — Давай еще.

Я стала думать, как вдруг на меня осенение с небес сошло. Сошло так незаметно и ка-ак стукнет.

— Слушай, Зухра, — говорю, — а что это мы так беспокоимся, у нас ведь мужья есть.

Магия слова что делает?! Собственных мужей забыли.

— Как это «есть»? — удивилась Зухра.

— А ты подумай, — советую.

Зухра стала думать, а как подумала, то сразу в крик:

— Вай-вай, муж, дети дома, обеда нет. — Чувствую, дошло. — Вай, что будет! — и бегом от меня. Даже «прощай» не сказала. Но я на нее за это не в обиде, у меня те же заботы оказались.

Владимир Васильев

РОМАН-УТОПИЯ¹

«Успел ли кто-нибудь загадать желание, когда они, отделившись от звезд, прочертили в изумительно глубокой черноте неба две мгновенные линии? Это стало чьей-то тайной. Пусть тайна эта принесет своему обладателю счастье. А они мягко вошли в землю на глубину нескольких метров и обрели покой...

ГЛАВА 1. РАБОЧИЕ БУДНИ ВОЛШЕБНИКОВ

На титульном листе внушительного тома стоял гриф «Для служебного пользования». «Отчет об исследовании социального явления: «Отшельники». Слово «отшельники» было напечатано жирно и подчеркнуто, отчего бросалось в глаза и казалось названием романа.

— Интересно, — подняла брови Анастасия Владимировна Платонова — младший научный сотрудник лаборатории моделирования социальной среды института Моделирования Счастья.

— Да-да, — закивал Альфред Варганович Симонян, заведующий отделом социологических исследований Совмина Республики. — Чрезвычайно интересное явление в нашей жизни. Хотя, конечно, оглядываясь на мировую историю, сразу

¹ Журнальный вариант.

отмечаешь, что нечто подобное в ней уже наблюдалось. Но ведь то — история... К тому же развитие по спирали всегда привносит в повторяющееся нечто неповторимое... И я подумал, что вам небезынтересно будет обратить свое фелцитологическое внимание на описанное здесь явление, — он постучал пальцем по отчету, — ибо движущая сила всех человеческих поступков — стремление к счастью... Даже самоубийства... Не желаете ли кваску, Анастасия Владимировна? И как вам удается в эту жару выглядеть столь свежо?!

Настя улыбнулась неожиданному перескоку симоняновской мысли, а Симонян, несмотря на свою чрезмерную полноту, резко ринулся к стоящему в углублении холодильнику и достал запотевший графин. Из встроенного в стену шкафа взял два стакана на стеклянном подносе и наполнил их квасом. Потом потешной семенящей походкой двинулся к Насте и, коротко кивнув, произнес торжественно, с чуть заметной иронией:

— Извольте-с откусать, милостивая сударыня...

Настенька рассмеялась и взяла стакан. Квас был отменный.

«Умеет быть симпатичным, — подумала она с приятной. — Эх, ему бы внешность попримечательней... Интересно, каким он был лет в двадцать — двадцать пять?»

— А что это за отшельники, Альфред Вартанович? Секта, что ли, какая?

— Так я и говорю, — подвинул к ней том Симонян и продолжил так, словно и не прерывал монолога, — что если бы секта, то никакого нового витка спирали мы бы не имели. Но странные дела творятся на свете... Не перестаю удивляться человеческому своеобразию, хотя уже пора бы. — Симонян неожиданно задумался, словно вслушивался во что-то.

— А что происходит? — спросила Настя.

— Социальное явление, Анастасия Владимировна, оно самое и происходит. А симптомы явления следующие: высокообразованный, культурный человек, занимающий определенное место в обществе и, следовательно, уже не первой молодости... Ну, вроде, как я... Вы представьте, что это я... вдруг рву все связи с обществом. Абсолютно все. Бросаю жену, дом, работу, друзей, родственников и растворяюсь, исчезаю...

— Как это, совсем? — удивилась Платонова.

— Для общества совсем. Для себя как будто бы и нет... Но что такое человек сам по себе? Без тысяч невидимых ниточек, связующих его с обществом?

— Так куда они деваются?

— А кто куда. Кто в тайгу, кто в пустыню, правда, реже — жилищные условия не подходящие, кто в горы. Куда угодно... Туда, где мала вероятность встретить себе подобного.

— Вообще-то, отшельничество для русской религиозной истории явление почти заурядное. В чем же виток? Люди, одержимые идеей, и раньше ломали устоявшийся образ жизни.

— Уход из общества религиозного фанатика, часто психически ненормального, его аскетизм, освященный идеей единения с божеством, и уход современного культурного атеиста, обладающего широким научным кругозором, выполняющего полезную общественную функцию, — это принципиально разные вещи. Принципиально... Ну что общего между мной и Иоанном-Крестителем?

Настенька рассмеялась. Общее, действительно, найти было трудно. Иоанн представлялся ей чем-то вроде кожаного мешка со святыми мощами, а Симонян...

— Но вы же нигде не исчезаете, — ответила она с улыбкой.

Альфред Вартанович посмотрел на нее долгим, непонятным взглядом. Насте даже стало немного не по себе.

— Конечно, — улыбнулся он наконец. — Но ведь их тысячи.

— Но зачем, ради чего они уходят? Должна же быть какая-то идея?

— Наши исследования этого вопроса содержатся в отчете... Скажите, Анастасия Владимировна, разве вам никогда не становилось тошно от вашей жизни, от того, что вас в ней окружает? И сама она разве никогда не казалась вам бессмысленной, работа — никому не нужной? И даже ваше появление на свет не представлялось ли досадной случайностью? — Он помолчал, с интересом изучая лицо Платоновой, на котором мелькнуло выражение растерянности. — Диалектическое существо человек. Постоянно проклинает свою жизнь, но цепляется за нее мертвой хваткой... Ну-с... не случилось ли с вами такого?

— Стучалось, конечно, — ответила она вполне серьезно, ведь это было почти естественное ее состояние. — Ну и что?

— И вам никогда не хотелось бросить все и бежать, бежать сломя голову?

— Куда?

— Да хоть к черту на кулички! На необитаемый остров!

— Прибавит ли это смысла нашему существованию?

— Вы очень разумная женщина, — не то одобрительно, не то осуждающе

сказал Симонян. — Смысла прибавит вряд ли, а вот бессмысленности... может поубавиться...

— Вы так говорите, словно призываете меня податься в отшельники.

— Упаси боже! — засмеялся, подняв руки вверх, Альфред Вартанович. — Просто я пытаюсь дать вам почувствовать идею, которая ими движет... Кстати, среди них и женщин немало.

— Женщин?! — искренне удивилась Настенька. — Женщина и одиночество?.. Не понимаю! — И она, действительно, не понимала, ибо доминантой ее существа была боязнь одиночества. — Не вижу я в этом никакой идеи. Сплошная бессмыслица.

— Рад за вас, искренне рад, — закивал Альфред Вартанович, а Насте показалось, что он несколько разочарован. — Если бы вы увидели идею, я не стал бы ручаться за ваше будущее... Так вот, их трагедия в том, что они разглядели эту чуждую нам идею. А сила этой идеи, видимо, в том, что она как бы и не существует вовсе, не сформулирована. Когда идея сформулирована, то с ней можно бороться. А как бороться с несуществующим?..

— Ну, хоть кто-нибудь из них книгу пишет, как Торо? Или философию свою излагает? Ведь нельзя же совсем молча?!

— А кто их знает? Вы думаете, что все они у нас на учете, как тигры или белые медведи? Увы... Страшное это явление, Анастасия Владимировна. И общество... Принимаются государственные меры...

— Вылавливают, что ли?

Симонян неопределенно пожал плечами.

— Я думаю, наш с вами долг — понять их. Сформулировать за них эту таинственную идею, которая, возможно, и заключается-то в одном слове: «Обрыдло!» Емкое слово, с ним трудно бороться... Если не поймем, то все меры будут бесполезны.

— А вы не боитесь выпустить джинна из бутылки?

— Ну... — засмеялся Альфред Вартанович, — вместо бутылки мы подыщем ему более комфортабельное вместилище...

Но Настя почему-то не поверила в могущество Симоняна. Джинн может успеть покалечить не одну жизнь. Ей стало страшно. Она не хотела понимать и формулировать никаких сумасшедших идей.

— Да, я с вами совершенно согласна, Альфред Вартанович, — сказала она деловым тоном. — Мы внимательно изучим ваши материалы и тогда поговорим еще. Вы, наверное, чувствуете, что пока я не готова к серьезному разговору на эту тему.

— Ах, Анастасия Владимировна, простите меня, простите, — опять превратился он в галантнейшего Симоняна, — я вовсе и не стремился к такому разговору. Если честно, то я и сам к нему не готов. Я просто провел с вами маленькую экскурсию в стоящую перед вами проблему. Но, кажется, зашел слишком далеко для первого раза. Увлекся, увлекся... Обретают ли они то, к чему стремятся? Можете вы это промоделировать?

— Попробуем. Я ознакомлюсь. Мы ознакомимся... — Настя взяла отчет в руки, встала и начала потихоньку пятиться к выходу. Она вдруг почувствовала, что неизменно устала.

— Куда же вы? Надо оформить разрешение на вынос документа. Одну минуточку. — Альфред Вартанович достал из сейфа бланк, заполнил его и приложил штамп отдела. — Пожалуйста, Анастасия Владимировна, еще раз извините за беспокойство.

Платонова вышла из отдела. Ей нестерпимо захотелось тут же поехать домой, переделать кучу дел, потом вкусно накормить своего Платонова, чтобы он никуда не сбежал, а то еще додумается до этой самой идеи. Только он молчать не будет — все горы своими сочинениями испишет. Нет, домой, домой, скорей домой! Платонов, ау!..

Действительный член Академии наук, директор НИИ Моделирования Счастья, депутат Верховного Совета СССР Герард Кадырович Намазов бодрым уверенным шагом вошел в свой кабинет. До начала рабочего дня оставалось еще тридцать минут. Такой порядок Герард Кадырович завел сразу же, чем немало удивил своих сотрудников, привыкших к весьма вольной дисциплине его предшественника и создателя института. Александр Аркадьевич Вольнов вообще весьма странно относился к своим обязанностям на директорском посту. Как говорил в Президиуме, Вольнов развел вольницу. И для себя, и для своих сотрудников. Трудовой дисциплины никакой: каждый приходит и уходит, когда ему вздумается (уходили нередко после полуночи), обеденный перерыв как таковой не существовал, а институтский буфет работал в две смены. Морально-политическое воспита-

ние коллектива находилось на уровне пещерного века, а именно: своей властью он категорически запретил проведение в рабочее время занятий в системе политпроса и экономической учебы. «Учиться надо в учебных заведениях, а на работе надо работать», — утверждал Вольнов, что однако же вызывало несогласие и даже возмущение партийных органов института и района. Выше никто не решался сообщить о столь скандальном факте.

Герард Кадырович встал со своего директорского кресла и подошел к окну. Появились первые сотрудники. До начала рабочего дня — еще пятнадцать минут, директор удовлетворенно улыбнулся — трудовая дисциплина на должной высоте.

«И что же он устроил в созданном им, но совершенно зря вверенном ему институте? — продолжал вспоминать Герард Кадырович. — Детский сад! Взять хотя бы эти общеинститутские «мозговые штурмы» по каждой научной проблеме, где не принималось в расчет, кто занимается разработкой проблемы — седовласый доктор наук или безусый юнец, еще не научившийся пользоваться бритвой Оккама. Возможно, что истина иногда и достигалась, но в таких условиях основы авторитета руководящего состава совершенно обесценивались, что не могло не вызвать естественной отрицательной реакции ряда уважаемых ответственных товарищей. На это Вольнов отвечал весьма грубо: «Если вы не способны оплатить свои научные векселя, мы великодушно можем простить ваш долг, но финансировать далее, извините, не имеем лишних средств». Неужели Александр Аркадьевич действительно думал, что, ориентируясь только на интеллектуальный потенциал, можно успешно развивать науку? И хотя его идеи до сих пор питают интеллектуальной энергией коллектив института, где сейчас сам Вольнов?... Неизвестно... В своей прощальной речи на институтском вече он, вдруг сразу постаревший после смерти жены, извинившись за свое неожиданное решение (которое, впрочем, возникло в результате целенаправленной деятельности определенной группы людей), сказал, что не может оставаться на посту директора, не принося этим вред каждому сотруднику института и всему научному направлению в целом. Далее он высказал довольно крамольную мысль в том смысле, что она противоречила его собственной гомеостатической теории счастья, разработкой которой плодотворно занимался и занимается институт. «Я, — сказал он, — слишком долго находился в состоянии устойчивого равновесия и пришел в выводу, что в этом состоянии функционал счастья уменьшается. Счастье — процесс, развивающийся во времени, хотя для него характерны периоды стационарности, которые и были объектом наших исследований. Считайте, что я провожу научный эксперимент — выхожу из периода стационарности, и вам желаю того же». Тем не менее, уход Вольнова из института был неизбежен объективно, ибо созданная им подсистема противоречила организационным принципам Системы, потому что была анархична».

Уж в чем в чем, а во всяких системах и подсистемах Герард Кадырович Намазов разбирался прекрасно. Не один год своей общественно-полезной жизни отдал он созданию и укреплению собственной системы, которую про себя с гордостью называл Системой Намазова. Герарджан рано понял, что зверь на ловца не бежит, если у него есть другой выход, и что значительно лучше быть ловцом, чем зверем. «Ситуацию надо организовывать», — поучал он своих наивных одноклассников. И сам он умел это делать, всегда занимая руководящие посты в пионерской, а затем и в комсомольской организациях. «Не иметь Системы — значит быть рабом», — вещал он своим приближенным однокурсникам. Однокурсники согласно кивали и продолжали валять дурака. А Герард уже закладывал фундамент собственной Системы, призванной обеспечить его положение «ловца». В частности, дочка ректора не представляла своего будущего отдельно от Герарда-великолепного, так как ректор был для Герарда краеугольным камнем в фундаменте Системы. И будущее показало, что он не просчитался: теперь его тесть — Президент Академии наук республики, а в настоящее время собирается оставить этот пост, но считает нецелесообразным терять столь необходимое в семейном гарнитуре кресло...

... Пулеметная дробь пишущей машинки за дверями директорского кабинета возвестила о том, что рабочий день начался. Как всегда, минута в минуту, Герард Кадырович вышел из кабинета: он любил в первый рабочий час пройтись по коридорам вверенного ему учреждения. Пустота и тишина в коридорах приводили руководителя в прекраснейшее расположение духа: работают люди, выполняется план, модели счастья в форме отчетов поступают в архив Госплана, миллионы несчастных могут отыскать путь к своему счастью, если обратятся в библиотеку института... Сотрудники Института Моделирования Счастья давно уже рассчитали и разложили по полочкам своего директора и не выходили в коридор в первый рабочий час. Для этого было достаточно остальных семи...

Герард Кадырович в задумчивости шествовал по пустынным коридорам. Высокий стройный атлет, густые черные волосы тронуты элегантною сединой, лицо смуглое, гладкое, без малейшей дряблости, с редким сочетанием страстности

и утонченности в чертах, — Намазов умел и считал делом чести содержать себя в отличной форме.

Сегодняшня задумчивость его имела веские причины. Дело в том, что неделю назад был весьма бурно и критически заслушан отчет института на заседании отделения Президиума Академии. Учитывая, что Намазов был одним из наиболее серьезных претендентов на пост Президента, факт критики понимался им вполне определенно: оппозиция поднимает голову. Дурацкий вопрос: «Помогли ли разработки института хотя бы одному человеку найти свое счастье?» Что он мог на него ответить? Да, помогли — ему... Юмор — прекрасный буфер, и он выполнил свою роль. Но все же в месячный срок Намазова обязали представить дополнительный отчет об эффективности деятельности института. Эффективность в чем, о боги? В килограммах счастья на один затраченный рубль?!

Скульптурные ноги директора, обтянутые элегантнейшими брюками, сшитыми у лучшего парижского портного, вышагивали по коридору, а в кабинетах, мимо которых они проходили, как рюмки в серванте, тихо позванивали хрустальные души завлабов... Эффективность! Это страшное и волнующее слово висело в воздухе и отравляло атмосферу. И дело вовсе не в том, что в институте работали шарлатаны и бездельники, а в том, что наука о счастье, как и любая другая наука, должна была пройти стадию слепого блуждания, когда позитивные результаты — чудо и волшебство, а негативные — повседневная текучка. И в этом смысле совершенно правильно сказал о себе одной любознательной девушке некий сотрудник НИИМСа: «Просто, я работаю волшебником...»

Выдвигая свои требования перед завлабами, Намазов прекрасно понимал, что чудес на свете не бывает, но бывает энтузиазм масс, который следует организовать. А пока коллектив созрел до вспышки трудового энтузиазма, Герард Кадырович отдал ряд практических распоряжений. Было создано две комиссии: одна по разработке методики оценки экономической эффективности работ института, вторая — по проведению «библиотечного осчастливления». Намазов дал указание всем лабораториям заняться поиском добровольцев.

Однако никто не желал участвовать в подозрительных экспериментах. Никто не хотел выглядеть посмешищем. Научное осчастливление — чушь какая! Да и потом, кто же разрешит искать счастье в рабочее время? А после работы, извините, — семья, дом...

Обойдя свои владения, Намазов вернулся в кабинет, сел с любимое кресло и, овеваемый прохладой из кондиционера, продолжил свой напряженный мыслительный процесс: стал методично анализировать прошлое.

С чего все началось?

А началось все с международного научного спора. Герард Кадырович тогда был молодым кандидатом медицинских наук и с интересом читал публиковавшиеся материалы. Первая публикация повествовала о том, что некий американский психиатр — доктор Бенджамин Вуд, исследуя реакции пациента с явно выраженной маниакальной депрессией, якобы случайно послал сильный энергетический импульс во все центры наслаждения, а также в избранные области правого полушария мозга. (Это вместо того, чтобы осторожно считать импульсы, посылаемые мозгом! Но пусть эта случайность останется на совести Вуда) «... И в этот же момент, увидев лучезарную улыбку на губах человека, изломанного страхом, я испытал величайшее счастье!» — писал Вуд. Однако осознание открытия пришло к нему несколько позже, когда он многократно повторил свой опыт на других пациентах и получил в результате вместо больных коллектив жизнерадостнейших людей, искренне и постоянно радовавшихся малейшему своему жизненному проявлению... Так, по словам Вуда, медицина пополнилась еще одной наукой, и имя ей — фелицитология. От латинского слова *felicitas* — счастье.

Кроме того, в скором времени Вуд взялся за философию. Он провозгласил, что счастье, как комплексное человеческое ощущение, является чувственной оценкой внутреннего отражения мира (что не вызывало возражений), а посему для его достижения необходимо и достаточно воздействия на отражающий аппарат. Каков бы ни был мир, мы счастливы, если он доставляет нам удовольствие. Человечество поголовно заражено самой страшной на свете болезнью — несчастьем. И он — Бенджамин Вуд, берется ее вылечить. Человек должен быть счастлив!

Между строк нетрудно было прочитать: «И да приидите ко мне, заблудшие души, и не забудьте прихватить с собой доллары». Души рванулись, но долларов хватало не всем. Начались массовые демонстрации с требованиями национализации фелицитализации и уменьшения платы за операцию. Правительство неожиданно легко пошло навстречу пожеланиям народных масс. Дело было поставлено на промышленную основу. А социальное явление медицинского осчастливления (фелицитализации) получило название — «вудизм».

Резко снизилось количество забастовок и демонстраций. Вудизм вылился

в серьезную социальную опасность. И первым об этом достаточно обоснованно заявил доктор философских наук Вольнов.

«Верно, — писал он, — человеческое счастье есть оценка человеком окружающего мира, наивысшая положительная оценка, но отнюдь не только чувственная, а и духовная, разумная оценка. В отличие от животного счастья, тоже существующего, для достижения которого достаточно удовлетворения всех функционирующих в данный момент инстинктов. Вудизм есть лишь вульгаризация фелицитологии, которая не может быть только медицинской наукой, а должна совместить в себе все науки о мире и человеке... По существу, воздействуя на центры наслаждений, Вуд добивается их постоянной активизации, человек постоянно испытывает животное счастье, он теряет способность не испытывать его. Для вудизированного человека все равно и все прекрасно: и мир, и война, и жестокость, и угнетение, и богатство, и бедность. Ему достаточно для счастья самого факта жизни. Он — вечный раб существующего порядка, потому что любой порядок его устраивает. Вудизм — социальное зло, ибо лишает человека стимулов к прогрессу. И вудизм — научное зло для фелицитологии, ибо обедняет понятие счастья, сводя его сумме наслаждений. Но ведь счастье можно испытывать и от ненависти, и от сострадания, и от грусти... Счастье многоцветно и многогранно, как мир...»

В частном письме Вуд поблагодарил Вольнова за ценные идеи, пообещав выслать гонорар. И начал активизировать наряду с центрами наслаждений отдельные центры отрицательных эмоций, в результате чего ощущение счастья становилось более острым. «Счастье по рецепту русского профессора» пользовалось большим спросом. Гонорар составил весьма крупную сумму, которую Вольнов передал международному обществу Красного Креста, а квитанцию отослал Вуду.

После этих событий и началось активное развитие советской науки о счастье. Александр Аркадьевич вошел в высокие сферы и добился организации Института Моделирования Счастья. У Намазова тогда же возникла идея измерения «фелицитологического индекса», или «функционала счастья», как назвал Вольнов величину, количественно характеризующую уровень человеческого счастья. Со своей идеей Герард Кадырович пришел к Вольнову, и тот оказал ему всемерную поддержку, результатом которой явились соответствующие аппараты, выполнившие медицинскую кибернетику, философские работы в их соавторстве и докторские диссертации Намазова по медицине и философии. Методология исчисления функционала счастья стала широко применяться в научных работах института, а вот аппаратура, успешно пройдя испытания, оказалась преждевременной. Намазов занял пост замдиректора по науке, который ему предложил Вольнов, по достоинству оценив в нем административную жилку. Жилка превратилась в жилу, а умение работать — в умение руководить работой... Да было у Намазова еще одно Дело Жизни, которое забирало все оставшееся от руководящей работы время...

В одной из многочисленных комнат-близнецов, предназначенных для научной работы, которую занимала группа Секиной, пребывали: сама Ирина Петровна Секина, руководитель группы, научный сотрудник института Моделирования Счастья, Андрей Петров, младший научный сотрудник, он же — Гражданин Вселенной (по глубокому внутреннему убеждению), Вася Максимов, руководитель группы электронщиков, и Танечка Лебедева, лаборантка, заканчивающая вечернее отделение факультета фелицитологии. Всех этих людей сейчас объединяла одна мысль, один вопрос — быть или не быть? А относился он вот к чему: дело в том, что в своей диссертации, защищенной три года назад, Ирина Петровна теоретически обосновала возможность воспроизведения с помощью кибернетических устройств идеального отображения мира человеком. Конечно, это был всего лишь маленький шаг к реализации великой Идеи Вольнова, под руководством которого она начинала работу над диссертацией, о создании системы Коллективного Разума Человечества. К тому же шаг чисто теоретический, практически же технических средств для его реализации не было. И ситуация казалась совершенно беспросветной. Но Андрей, продолжавший эту работу вместе с ней, глядел на мир более оптимистично, видимо, потому, что не достиг еще ничего и рвался к победе. Он разработал способы преобразования внутреннего отражения мира, надеясь осуществить таким образом поиск максимума функционала счастья на живом человеке. «Лучше один раз пережить, что сто раз прочитать», — говорил Андрей чуть ли не каждому встречному, излагая свои идеи. Он надеялся на чудо, и чудо произошло: в своем же родном институте Андрей наткнулся на Васю Максимова, который четко среагировал на его идеи. Оказалось, что Вася — заочный аспирант в Институте Кибернетики, занимается романтической, но «дохлой» проблемой сты-

ковки мозга и кибернетической системы. Андрей познакомил Максимова с Ириной Петровной и Танечкой, и после нескольких научных дискуссий они стали работать вместе. Группа Секиной — над научным обеспечением симбиоза мозга и кибернетической системы, а Максимов с группой — над техническим обеспечением. Особенность же ситуации заключалась в том, что они занимались разработкой проблемы в порядке, как говорится, личной инициативы. Известно, что в план включаются надежные темы, без риска получения отрицательных результатов, или те, для которых конкретные результаты вообще не обязательны. Научный же поиск — дело личной заинтересованности ученого, показатель его фанатизма.

Сейчас Ирина Петровна просто-таки физически ощущала выгодность сложившейся в институте ситуации для попытки добиться официального признания их исследований. Они были уже почти готовы к первым пробным экспериментам, которые, впрочем, могли продемонстрировать и тщетность их стараний. Риск выхода на официальную арену был очень большой — в создавшейся ситуации поражения не простят. Но кустарный этап работы себя уже исчерпал. Нужны оборудование, условия для работы, финансы и время — машинное и рабочее. Вася дальше подпольно работать не сможет. Это совершенно ясно. В общем-то, выбора у них не было...

— Ну что, товарищи, — нарушила, наконец, Ирина Петровна долгую паузу после бурных дебатов, — риск очевиден, но нам сейчас либо рисковать, либо бросать работу.

— Вот теперь и голоснем! — обрадовался Андрей. Ему уже сто лет назад все было ясно. Чего рассусоливать?

— Если тебе так хочется... — улыбнулась Ирина Петровна. — Итак, кто за то, чтобы поставить в известность вышестоящее начальство о проводимой нами работе и потребовать ее официального признания и всемерной поддержки, прошу поднять руки. — Все дружно подняли руки. — Ну что ж, труженики науки, есть у нас еще один конкретный вопрос... На ком будем проводить эксперимент? Кого будем, так сказать, осчастливливать?

— Случайный выбор — основа равенства, — робко сказала Танечка. — Предлагаю кидать на пальцах.

— Каково, а, Ира Петровна? Она постулирует, что мы все несчастны! — намеренно возмутился Андрей, почувствовав, что излишняя демократия может сыграть с ним дурную шутку. Нет, он уже давно все решил.

— А ты что, счастлив? — заинтересованно спросила Ира. Ей очень хотелось посмотреть на счастливого человека, чтобы знать хотя бы, для чего работаешь.

Андрей на мгновение замялся, но тут же нашелся:

— Ну что вы! Разве может умный интеллигентный человек быть счастлив? Смешно даже.

— Да, от скромности ты не умрешь, — засмеялась Ира.

— Но, — поднял Андрей вверх указательный палец, — случайный выбор может быть основой равенства только при равных исходных условиях. А разве у нас равные условия? Если экспериментировать на ком-нибудь из вас, то мне придется бросать работу и уходить из института.

— Почему? — искренне удивилась Ирина Петровна.

— А потому, что засмеют меня. Скажут, что спрятался за широкие женские юбки. Как пить дать, скажут!

— Фу, балаболка! — махнула на него рукой Ира.

— Демагог он! — сказала Танечка, поняв уже, что Петров своего добьется.

— А я? — вдруг напомнил о себе Вася Максимов, с надеждой заглядывая в глаза товарищам. Маленький, толстенький и бородатый, он выглядел, как обиженный добрый гном, и всем почему-то от этого стало весело.

— Тебе нельзя! — решительно заявил Петров. — А вдруг твоя кибернетика сбойнет?.. Ты незаменим, Вася. Так что лучше колдуй на своем месте. Благодарное человечество тебя не забудет.

Вася Максимов горестно вздохнул. Он тоже хотел стать счастливым...

— Привет, ма! — Ира чмокнула мать в щеку.

— Устала?

— Есть немного.

— Ну ладно, раздевайся, купайся пока. Все уже готово, сейчас на стол соберу.

— Ах ты, пчелка моя любимая, — приласкалась к матери Ира. — Так я у тебя совсем обленюсь!

— Не обленись! — успокоила ее Анна Ивановна. — Вот в субботу генеральную уборку проведем, твоя совесть и успокоится.

— Ой, мама, не успокойся! — испугалась Ира. — В субботу я не могу. Надо поработать. Мы с ребятами договорились — горит работа.

— Ну вот, — развела руками Анна Ивановна. — А я уже все распланировала... Ладно, занимайся своей работой. Домашний субботник будет в другой раз.

Ира забралась под душ, а Анна Ивановна расставила на кухне тарелки и стала резать помидоры. «Вроде бы она мне рада, — думала Анна Ивановна, ловко орудуя ножом. — Или я просто слепа и ничего не вижу? Или она научилась хорошо скрывать свои чувства? Тьфу, господи, лезет в голову всякая чушь!»

— А вот и я! — появилась на кухне Ира, встряхивая руками мокрые волосы. — Теперь я голодна, как целый отдел научных сотрудников, и вполне могу съесть небольшого тельенка! — Что-что, а покушать Ирочка любила и получала от этого значительную долю наслаждения жизнью. Но надо признать, что полученные калории она щедро излучала в окружающее пространство в виде эмоциональной и кинетической энергии.

Они сели за стол и принялись за трапезу. Первые несколько минут прошли в молчании, во время которого Анна Ивановна продолжала метаться в поисках идеи, которая должна была бы решить мучившую ее проблему.

— Ирочка, — ласковым голосом вдруг начала Анна Ивановна, — а не родить ли тебе ребенка?

Ирочка от неожиданности совершенно банально поперхнулась и закашлялась. Восстановив дыхание, она хриплым еще голосом ответила:

— Да ты чё, мать, в своем ли светлом разуме?!

— В своем, в своем, не совсем еще из ума выжила. — Анна Ивановна устремилась на защиту своей идеи. — Чего я такого особенного сказала? Ведь это так естественно...

— Непорочное зачатие, что ли? Давай, мать, лучше есть будем.

— Ты ешь, ешь, — разрешила Анна Ивановна и секунд десять помолчала. — А почему, собственно, непорочное зачатие? Вечно ты все переворачиваешь! Есть же у тебя знакомые мужчины.

— Есть, конечно. У меня много знакомых мужчин. От кого ты предпочитаешь иметь внука? — слабо пыталась иронизировать Ира.

— Ну, это уж тебе выбирать. — Якобы не заметила иронии Анна Ивановна. — Мне, например, Андрюша нравится...

— Молодой слишком, — деловым тоном возразила Ира.

— Тоже мне, нашла недостаток! И совсем не слишком. Ничего ты в мужчинах не понимаешь!

— А ты, конечно, большая специалистка в этом вопросе! — усмехнулась Ира.

— Не смейся над матерью! — хлопнула ладонью по столу Анна Ивановна, хотя понимала, что делать этого не следовало. Ира пожалала плечами. — Ну ладно, ладно... А этот твой... Дим... Негодяй, конечно, но породистый.

— Ты словно на племенной ферме, мать, — продолжала иронизировать Ира, но внутренне при упоминании этого имени вся напряглась и ошетинилась.

— А что? Нам нужны здоровые дети...

— Кому это нам? Какие дети! О чем ты говоришь?! — Нервы Ирины, измотанные восьмичасовым рабочим днем, не выдержали, и последние слова она выплеснула на крике. Но тут же устыдилась своего срыва и устала добавила: — Не нужен этот разговор, мама, не нужен... И вообще, все это мне не нужно.

— Как это не нужно?

— А очень просто. Не нужно. Зачем мне это ущербное причесывание под всеобщее НАДО. Надо выйти замуж, надо родить ребенка... Конечно, надо, но не любой же ценой! Я понимаю, что ты заботишься обо мне, пытаешься что-то придумать, что-то устроить. А со мной устроить нельзя. Со мной должно что-то случиться. Уж такая моя планида — вечно влипать в какие-то истории. Подожди, вот влипну очередной раз, может и появится что-нибудь этакое...

— Влипну, влипну... Что за глупости, — проворчала Анна Ивановна. — Я просто хотела, чтобы ты не боялась меня, если решишься на что-нибудь.

— Спасибо, мама, я все поняла. Иди отдохни.

Ира отправив упирающуюся мать в ее комнату, а сама принялась за мытье посуды. Руки делали свое дело, а мысли шли, и душа ныла, и очень Ире захотелось выдать мать замуж, а самой поселиться в отдельной квартире, где она будет недоступна ни любви, ни угрызениям совести, и где, наконец, появится возможность устраивать свою жизнь, не оглядываясь на близких, которым можешь причинить боль... Одиночества!

Андрей, подгоняемый совестью и состраданием к любимому с утра не кормленому псу Модулю, запыхавшись, ввалился в дом. А верный пес открыл на хозяина

один сытый глаз, не поднимая морды с коленей Насти Платоновой, и разочек лениво стукнул об пол хвостом.

... Настя, дожидаясь Андрея, думала про своего безумного Платонова, про себя и про то, какая у них получается прекрасная неразбериха вместо стандартных семейных отношений, опошляющих саму идею любви, как чувства, свободного от принуждения.

Настенька вступила в тот самый прекрасный возраст, когда в женщине достигает расцвета все, что отпущено ей природой: и красота тела, и мятежность души, и жажда любви, и сила интеллекта. Когда в женщине обнаруживаются такие духовные и физические потенции, что энергия, в ней бушующая, излучается в мир, и ослепляет, и притягивает, и воспламеняет, открывая неведомые и немислимые глубины гармонии души и тела. Но женщине в этот период мало излучать энергию. Ей нужно знать, что ее видят, чувствуют, любят, восхищаются и неистово желают. Женщине нужно чувствовать себя женщиной, нужно знать, что лучи ее души не падают в пустоту...

— Ух ты! — радостно возопил Гражданин Вселенной. — Какой сюрприз! — Он выгнал наглого овчара во двор и, вернувшись бегом обратно, заключил Настеньку в объятие. — Каким чудесным ветром тебя сюда занесло? Что-то случилось?

— Да нет. Просто я сказала Виктору, что соскучилась и хочу тебя видеть. А он сказал, что не прочь провести эту ночь с Музой.

— Нет, все-таки он святой человек! Я бы тебя не отпустил.

— Дурак значит, не дорос еще до Платонова. — Настя освободилась из объятий и поднялась с дивана.

— Эх, и почему я не женился на тебе вовремя?

— Ну, ты не очень-то расстраивайся, характер у меня вздорный, меня только Платонов может выдерживать в больших количествах.

— А то я не знаю твоего характера! — удивился Андрей, снова обнимая ее.

— Тоже мне, знаток, — критически хмыкнула Настенька, но отбиваться не стала. Ей было интересно наблюдать за ним и за собой, отпуская себя на волю, возволяя снять с себя бесчисленные цепи, вериги, власяницы, и постепенно превращаться в женщину...

... Они сидели за кухонным столом и с удовольствием поглощали сосиски.

— Знаешь, — признался Андрей сидящей напротив Настеньке, — а я в кролики записался.

— То есть? — улыбнулась она.

— Решили мы сегодня выйти на свет божий со своей работой, а эксперимент провести на мне. Наконец-то работа сдвинется с мертвой точки. Надоела уже эта тягомотина! Убиваем все время на откровенную муру, а когда же настоящее дело делать?

— Ты уверен, что ваша работа — настоящее дело?

— Конечно. Настоящее — это то, что меняет жизнь людей к лучшему.

— Господи, — невесело рассмеялась Настенька. — Один уверен, что стоит подключить мозг к машине, и, пожалуйста, человечество очастливлено. Другой считает, что как только человечество ознакомится с его гениальными идеями, так оно тут же начнет самосовершенствоваться и превращать свои мерзости в прекрасные человеческие качества. А человечеству плевать на вас! У него свои реальные заботы: что есть, с кем спать, что купить, кому продать — производственные отношения социального организма, для которого вы — порхающие бабочки.

— Зато мы цветочки опыляем, — вставил Андрей.

— Жалко мне вас обоих, — вздохнула Настенька.

— Бедненькая, — искренне пожалел ее Андрей и погладил по голове. — Не жалею ты нас, дураков. Мы по-своему счастливые люди — у нас есть цель. Может быть и недостижимая, но уж лучше стремиться к недостижимым целям, чем глушить свой интеллект водкой.

— Так вы, оказывается, счастливые люди?! — удивилась Настенька. Это было неожиданное открытие. Получается, что люди, которых она любит, счастливы.

— Но-но-но! — погрозил пальцем Гражданин Вселенной. — Ты мне эксперимент не порть! Кто меня пустит в кролики, если станет известно, что я — счастливый?

— Слушай, Андрюша, тебе никогда не хотелось плюнуть на все и уехать на необитаемый остров? Чтоб ни души вокруг, жить отшельником, — неожиданно высказала Настя мучивший ее вопрос.

— А я и так почти отшельник, — улыбнулся Андрей. — Хотя, если бы с тобой...

— Нет, одному, чтобы никого и ничего человеческого...

— В снежные человеки? В обезьяны? Не-е-е... Мне и с людьми неплохо. А что? Тебя, что ли, тянет?

— Симонян мне сегодня отчет подсунул... тысячи людей бегут из общества... Просит помочь разобраться, промоделировать, понять... А я не знаю, как подступиться, я ничего не понимаю, и вообще мне страшно — вдруг Платонов сбежит?

— Да ну, глупости! Писатель без человечества, как рыба без воды. Ерунда какая...

— Ерунда-то ерунда, а все равно страшно... Вот послушай:

«...Ненавижу вашу самоуверенность, затыкающую мне рот! Ненавижу вашу власть, диктующую мне каждый шаг! Ненавижу себя, потому что я такой же, как вы! Ненавижу свое стремление быть таким же, как вы! Ненавижу свою зависимость от других и зависимость других от меня! Ненавижу бессмысленность всего — и того, что жил с вами, и того, что ушел от вас! Я хочу испытывать те чувства, которые есть во мне, а не те, которые вы мне предписываете своей моралью. Пусть она для вас прекрасна, но мне она осточертела! Моя жизнь и моя смерть принадлежат мне!» — произнесла Настя ужасный монолог, приведенный в отчете Симоняна. — Там, правда, не утверждалось, что это монолог отшельника. Это была записка исчезнувшего бесследно человека. Может, он покончил с собой?

— Псих он, этот тип, и все! — уверенно поставил диагноз Андрей.

— Наверное, — согласилась Настя. — Но — налицо эпидемия. А как лечить? Кто возбудитель болезни?..

— Что за мир?! — воскликнул Андрей. — У них эти интеллектуальные кастраты — вудисты, у нас — психи-отшельники... Куда катимся?.. Слушай, у меня идея! Ты переходишь работать к нам, и мы на ком-нибудь из нас... на мне хотя бы... смоделируем твоих отшельников. Лучше один раз пережить, чем сто раз прочитать.

— Если переживешь, — слабо улыбнулась Настя.

— Ну, как тебе идея?

— Шеф не отпустит.

— Ерунда, было бы желание. А нам специалист по социальному моделированию все равно понадобится. Ну?

— Я подумаю.

— А чего тут думать?!

— Я, Андрюшенька, не умею не думать... Я всегда успеваю подумать — и так все скучно становится...

— Что за дурацкая манера превращать радости жизни в мучения?! — возмутился Андрей. — Фелицитолог называется.

— Сапожник без сапог, — развела руками Настенька. — Уж такая я бракованная.

— Да ладно тебе, — обнял ее Андрей, — я вот сегодня тоже думал. Мне кажется — это имеет отношение к твоим отшельникам... Я думал — так ли уж плохо быть «из всех исключением»? Так ли уж аморально стремление возвыситься над толпой, над среднеарифметическим человеческой сущности? Если интеллект выше среднего, если культура чувств выше среднего — не есть ли это способ повышения всеобщего среднего? Не является ли стремление личности к самоценности формой духовного прогресса человечества?..

— И при чем здесь отшельники?

— Тебе не кажется, что они — массовое «из всех исключение»?

— Ты хочешь сказать, что они осуществляют прогресс человечества? — возмутилась Настя.

— Что я такое? — вместо ответа спросил Андрей. — Кто я такой? Как личность, как частичка мироздания? Нейтрино? Реликтовое излучение? Я — человек, а все остальное находится в моем интеллектуальном поле! Только так можно осознать свою роль в мироздании. А ты, я, мы разве осознаем эту роль?! Нам некогда. У нас другие заботы... Но ведь должен же кто-то взвалить на себя этот груз? А для этого надо порвать со всеми прежними «надо».

— Ты думаешь, что они именно это и делают?

— Во всяком случае, мне было бы гораздо интереснее жить, зная, что они — первые Граждане Вселенной. Не мне — самозванцу, чета.

— Страшно, — зябко поежилась Настенька.

Закрыв за женой дверь, Виктор Михайлович Платонов вытащил из письменного стола стопку чистой бумаги и скрепил ее так, что получилось некое подобие тетради. Потом, как бы случайно, копнул свой архив — литературные опыты юности, и... уплыл. Каждая строка рождала лавину воспоминаний.

«... Маленькое неуклюжее существо в черной шубке, обмотанной сверху жен-

ским шерстяным платком, медленно, вперевалку, одиноко передвигалось по смерзшемуся насту бескрайней тундры...»

Платонов с детства привык к одиночеству. Когда жил с родителями на Камчатке, часто ходил один в лес, наполненный таинственными и пугающими звуками, или сидел на берегу впадающей в океан реки. Зимой один бегал по тундре на лыжах, заселяя окружающий почти призрачный в мерцающей белизне мир посланцами своей фантазии. И в этом придуманном мире ему было легче жить, чем в настоящем. В нем было все понятно и послушно ему. Однако он не был по сути своей замкнутым, необщительным мальчишкой. Напротив, очень даже привязчивым и стремящимся к общению, с готовностью самопожертвования. Но пацаны каким-то инстинктом чуяли в нем чужака и столь же инстинктивно травили его. Это было непонятно, потому что Витьке казалось, что люди должны относиться к нему так же, как он относится к ним. Инстинкт общения в нем был сильнее инстинкта хищника или инстинкта власти, снедавшего его сверстников. Продемонстрировать силу, возвыситься, покорить, унижить — подобные устремления даже в голову Витьке не приходили, и он не понимал, что находится под их перекрестным огнем. Он не видел в мальчишках чужаков. Они ему нравились, ему хотелось с ними играть, но «друзья» старательно воспитывали в нем начисто отсутствовавший инстинкт самосохранения. Помогали им в этом и родители Витьки, у которых тоже не хватало времени для общения с сыном. Они успешно деградировали из интеллигентов в люмпен-пролетарии, что, видимо, имело отношение и к мальчишеским издевкам. Пацаны не прощают неполноценности. Слабый должен умереть... Самосохранение же его выразилось в стремлении к одиночеству и в умении прятать в нем истинное свое состояние...

Платонов взглянул на часы — уже девять. Пора укладывать сына. Он позвал его с улицы, искупал, накормил и уложил. Все это заняло сорок пять минут, положив которые на алтарь семейного долга, Виктор вернулся к письменному столу. Сел. Сунул голову в ладони.

«У-у-ух, как гудит... Полжизни за освобожденный от физических недугов интеллект!»

Он вспомнил, как сегодня утром стоял у окна в родном Институте Кибернетики и чесал обгоревшую на солнце лысину. Была тоска.

«Влюбиться бы, что ли, — подумал он тогда, посмотрев в окно. С высоты третьего этажа идущие по тротуару женщины казались разноцветными бабочками. — Бабочки, бабы, бабенки, бабули... А зачем? Что это изменит во мне и в мире?»

Он подошел к стоящему в углу монтажному роботу собственной системы, похожему на громадного краба. За этот аппарат он получил (в соавторстве, разумеется) республиканскую премию Ленинского комсомола и на его основе защитил кандидатскую диссертацию: «Монтаж энергоустановок с помощью монтажных роботов». Хорошее было время. Нервное, но хорошее.

«Что это изменит? — повторил Виктор, дав шелобан роботу. — Прибавится ответственность еще за одно живое существо, которому я ничего не смогу дать, кроме смятения и разочарования... Эгоистическое желание выйти из состояния душевного застоя за счет чьей-то трагедии или, по крайней мере, драмы... Мы всей душой стремимся к драме, когда трагедии в нас нет...»

Светозвучочувствонепроницаемая туча усталости плотно окутала его мозг. У группы была хроническая запарка, и чтобы вкалывать на полную катушку на переднем фронте науки, Виктору приходилось связывать из своих творческих устремлений, не входящих в финплан, морские узлы и бросать их в дальний угол своей души. Незаполненность души... Для большинства окружающих Платонов сейчас представлялся средоточием благополучия и удачливости. Да, он умел быть таким. Хотя последнее время все чаще ощущал себя маленьким и слабым птенцом, который вывалился из гнезда и мокнет под дождем...

«Ну, хватит уже дурака валять, пора и за работу приниматься!» — призвал себя к порядку Виктор Михайлович, почувствовав за спиной дыхание Музы. Положил рядом с чистыми листами стопку исписанных, на первом из которых значилось:

ВИКТОР ПЛАТОНОВ

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

Сказка

Успел ли кто-нибудь загадать желание, когда они, отделившись от звезд, прочертили в изумительно глубокой черноте неба две мгновенные линии? Это стало чьей-то тайной. Пусть она принесет своему обладателю счастье.

А они мягко вошли в землю на глубину нескольких метров и обрели мгновенный, почти несуществующий покой... Как только первые лучи утреннего солнца, многократно отразившись от оплавленных стенок узких отверстий, проделанных ими в почве, коснулись их прозрачных тел, они проснулись. Прозрачные скорлупки затуманились, внутри них замелькали частые вспышки света, раздавался высокий звук, и скорлупки раскрылись. И вверх устремился тоненький стебелек света. Два стебелька одновременно, хоть они и были далеко друг от друга. Оказавшись над поверхностью земли, стебельки стали быстро-быстро крутиться, переплетаясь в непонятном узоре, пока не превратились в странные светящиеся цветы. Солнечный свет переливался из лепестка в лепесток, и в такт игре света раздавалось нежное позванивание...

Один цветок оказался в саду у Аннушки — одинокой, искалеченной полиомиелитом девушки. Она жила в маленьком домике на окраине города. Полгода назад Аннушка похоронила отца и осталась одна, зарабатывая на жизнь перепечаткой на машинке научных и прочих трудов. В это утро она рано проснулась от неясного беспокойства в душе. Встала, походила по комнате, опираясь на костыли, потом надела халат и вышла в сад. Заметив свечение в зарослях травы, Аннушка пошла туда. И вскрикнула от изумления, увидев цветок, сотканый из света и звука. С трудом опустившись на землю, приблизилась к цветку ладони. Он был теплый. Наклонилась пониже, чтобы понюхать это чудо. Нежный и всезаглушающий аромат. У Аннушки закружилась голова, и она потеряла сознание, упав рядом с цветком. А цветок, вспыхнув, стал прозрачным.

А в это время в собственной двухкомнатной кооперативной квартире сладко потягивался Игорь Анатольевич. Хотя в эту ночь выспаться не удалось, чувствовал он себя прекрасно. Что такое одна полубессонная ночь для тренированного организма культуриста?! Он зевнул и закрыл глаза, перед которыми расплылись приятные розовые круги, похожие на цвет свежего женского тела.

«У каждого своя ночная смена. Такова жизнь...» Игорь Анатольевич твердо стоял на этой точке зрения, в результате чего процветал чрезвычайно.

«Да, жизнь прекрасна и удивительна! — думал он по привычке цитатами, не открывая глаз. — Когда тебе чуть больше тридцати, ты здоров, красив, тебя любят женщины, ты на хорошем счету в главке, о тебе знают в министерстве, шеф уходит на пенсию, потому что ты вовремя замолвил словечко кому надо, через три дня кресло начальника отдела за тобой — в общем, жить можно. А там... Смелость, говорят, города берет...»

Игорь Анатольевич стяхнул с себя дремоту, принял душ и вышел на балкон подышать свежим утренним воздухом. Гордо, по-хозяйски посмотрел в сторону своего гаража и вдруг заметил какие-то подозрительные огоньки. «Неужели костер кто-то развел?» — испугался он. Наскоро обувшись, выскочил из квартиры, слетел по лестнице, подбежал к гаражу и остановился в недоумении. В нескольких сантиметрах от ворот гаража расцвел прямо-таки фантастический цветок, полыхавший многоцветным огнем. Протянул руку — теплый. Наклонился ниже, чтобы сорвать от греха подальше, но, ощутив нежный приятный аромат, вдохнул, наслаждаясь, и потерял сознание...

... Очнувшись, Аннушка почувствовала, как приятно земное притяжение. Изумительная тяжесть кончиков пальцев, упругое прикосновение земли к спине, на мгновение замершая сила ног, живой прохладный ветер. Она лежала, не открывая глаз, и наслаждалась этим новым, совершенно незнакомым ощущением, которое постепенно заглушало память о бесконечном пространстве и радости победы над ним. Победы, которая есть — понимание.

«Господи, откуда это во мне? — удивилась Аннушка. — Бред какой-то, честное слово...» Да еще это пьянящее чувство свободы, свежести, силы, красоты... «Опять приснилось», — горько усмехнулась она про себя. Вдохнула и открыла глаза. «Прозрачный! — огорчилась она, увидев цветок. — Такая красота исчезла! Почему?» И тут же боковым зрением увидела себя, но не узнала. Эта гладкая, светящаяся изнутри кожа просто-напросто не могла принадлежать ей. Аннушка закрыла глаза и внутренне сжалась: как это мучительно — видеть подобные сны, будучи калекой. Словно пытаясь стяхнуть с себя наваждение, она рванулась и неожиданно для себя встала, оставив костыли на земле. Она забыла о них! Такого не могло быть — везде и всегда она искала руками костыли, чтобы уверенней почувствовать себя в этом мире. Что же с ней случилось сейчас? Аннушка взглянула на свое тело и увидела себя обнаженной, а халатик лежал возле ног кучкой серого пепла. Аннушке стало страшно, потому что это было не ее тело. Оно вообще не могло быть

человеческим телом, потому что совершенно отчетливо светилось. «Снится! Снится! Снится!» — панически прошептала Аннушка и бросилась в дом. Подбежала к большому трюмо, так ненавидимому ею прежде, и остолбенела: в зеркале отражалось само Совершенство. «Что же это?! — в страхе и восторге вопрошала Аннушка. — Я это или не я?! Я! Ведь это же я!»

Надо сказать, что Аннушка довольно быстро свыклась со своим новым телом, и страх исчез. Пришла безудержная радость. Она включила музыку и с упоением танцевала перед зеркалом, каждой клеточкой послушного тела вливаясь в поток мелодии, каждым волоском своих изумительных длинных волос вплетаясь в ритм. И смотрела, смотрела на себя, не в силах наглядеться. Но пластинка кончилась, и Живой Идеал огорченно остановился. В порыве Аннушка побежала перевернуть пластинку, но не добежала. У нее, как у всякого разумного человека, появилась потребность получить разумное объяснение происходящему. И Аннушка попыталась прислушаться к себе. А так как она была неглупой девушкой, то поняла, что находится под влиянием не чуждого ей, но чужого мировосприятия. Оно не в полной мере завладело ею. Казалось, что внутри ее нового ошеломительно прекрасного тела живет прежнее — страшное и неказистое, нелюбимое и ненужное. И было страшно: значит, прежнее не исчезло бесследно, значит, оно могло возвратиться и опять швырнуть ее в пропасть безнадежности и отчаяния. «Удивительный факт, — думала Аннушка, разглядывая себя в зеркале, — ничего общего, и все общее... Как одно и то же лицо может быть уродливым и прекрасным? Чья же теперь фотография в паспорте?» Но проблема паспорта не самая главная. Проблема ноготы — вот что пугало ее больше всего. Она уже пыталась надеть другой халат, но он, как и первый, серым пелом осыпался ей под ноги. Обнаженная, беззащитная, вожденная красота в мире, где скрываются под различными оболочками и души, и тела, — не вызов ли это миру?

И все же, несмотря на все эти страхи, на Аннушку время от времени накатывали волны счастья и сознания общности с чем-то громадным и добрым. Она чувствовала себя существом не только и не столько земным, сколько космическим. Но все это — ощущения, которые могут и не иметь под собой реальных оснований. А вот память, что подсказывала Аннушке память?.. То, что произошло с ней в это удивительное утро, она помнила хорошо. Достаточно ясно помнила она себя с самого детства до сегодняшнего утра. Однако ей казалось, будто совсем недавно она помнила что-то еще. Очень важное. А теперь никак не могла припомнить...

Аннушка подошла к телефону и сняла трубку...

... Он перевернулся на спину и увидел Небо. Может быть, впервые за всю жизнь. «Надо же, какое оно синее, оказывается!» — подумал Игорь. Он взглянул на цветок и увидел, что тот стал прозрачным. Почему-то от этого стало грустно. И вдруг Игорь почувствовал адскую боль в ноге, словно она попала под многотонный пресс. Потом такая же боль охватила таз и живот. И, наконец, он почувствовал себя муравьем, у которого раздавлено полтуловища. Игорь, преодолевая боль, переворачивается на живот и видит прямо перед собой маленького полураздавленного муравьишку, безнадежно толкающего головой толстый сухой стебель. С трудом подняв руку, Игорь убрал с его пути препятствие, и муравей пополз дальше навстречу своему концу, неизбежность которого Игорь чувствовал так отчетливо, что сердце, казалось, вот-вот разорвется от страха. Собрав силы, Игорь встал. А муравьишка скрылся в муравейнике. Игорь опять ощутил себя человеком, хотя страх ушедшей боли волнами еще пробегал по его телу. «Что ж это такое?» — спросил он пространство перед собой, устало вздохнул и пошел к дому. «Этак и свихнуться можно», — подумал он, входя в подъезд. И тут его обуяла брызжущая, безоглядная радость жизни. Оттого, что солнце, оттого, что воздух, оттого, что так приятно прижаться к маминой груди, оттого, что у нее такое вкусное молоко... Игорь сделал еще несколько шагов, и его прижало к стене острым приступом боли. С трудом добравшись до следующего этажа, отер холодный пот со лба и уже не пошел, а побежал дальше все быстрее и быстрее, проваливаясь в глубокие ямы чужого горя, взлетая на мощных крыльях чужой радости, задыхаясь в ядовитой атмосфере чьей-то тоски. Добежав до своего пятого этажа, быстро заскочил в квартиру и тут же у порога обессиленно сел на пол, точнее, растекся по полу, тяжело дыша, привалившись спиной к двери. «Что же это такое со мной?» — повторил Игорь свой вопрос и тут же сжался от страха, услышав резкий хлопок закрывшейся наверху двери и приближающиеся шаги. «Неужели опять?» И почувствовал впервые в жизни, что любит, что, наверное, умрет, если не увидит Ее. Было ужасно обидно, что все это чужое и скоро исчезнет. Игорь глянул на свою шикарно обставленную квартиру, и на душе стало почему-то мерзко, как с перепоя. «Что это со мной? — спросил он в третий раз и ответил: — Я болен. Я очень болен!»

Он поднялся и пошел к телефону. Сняв трубку, вдруг засомневался — стоит ли звонить. Но, услышав в подъезде чьи-то шаги, лихорадочно набрал номер...

... Виктор бросил авторучку и помассировал онемевшие пальцы. Встал, сделал несколько упражнений для разминки поясницы и вышел на балкон. Долго всматривался в начинающее светлеть небо в надежде увидеть два параллельных ярких следа. Но редко-редко сгорали в земной атмосфере одинокие метеориты. Стало зябко. Виктор вернулся в комнату, прилег на диван и заснул.

Когда рассвело, вернулась Настенька. Тихонько прикрыла за собой дверь, разулась, заглянула в комнату сына — поправила на нем одеяло. Заглянула в свою комнату — Виктор тоже спит, по столу разбросаны исписанные листы. «Похоже, неплохо потрудились они с Музой». Настенька закрыла дверь в комнату, пошла в ванную. Под упругими струями истомленное тело стало наполняться чистотой и свежестью. «Неужели не ревнует? — мелькнуло вдруг. — Или просто очень устал?» Насухо вытерлась и, не одеваясь, пошла в комнату.

Виктор все так же спал на спине, раскинув руки над головой. Настя присела рядом, поцеловала его в глаза, в щеку — не проснулся, только улыбнулся. «Бедный, усталый, любимый муж, — подумала с нежностью Настенька. — Совсем я его не жалею». Расстроили ее усталые и какие-то горькие морщинки у его губ и темные круги под глазами. «Самых любимых жалеть некогда — они всегда рядом». Посмотрела на часы — часа два еще поспать можно, а там сына в детсад отправлять надо. Завела будильник и прилегла рядом с Виктором, положив голову ему на грудь. Он, не просыпаясь, обнял ее за плечи и что-то нечленораздельно, но довольно пробурчал...

Камалетдин Усманович — шеф Ирины, Андрея, Танечки и еще пятнадцати сотрудников, — заходя в кабинет директора, сразу понял, что пришел вовремя. Директор был в хорошем настроении.

— Итак, Камалетдин, чем порадуешь? — поинтересовался Герард Кадырович. Они были старыми друзьями по учебе и работе, дружили семьями и потому, оставаясь наедине, позволяли себе называть друг друга неофициально.

— Да появилась в моей лаборатории одна, на мой взгляд полезная для института, инициатива.

— Ну-ка, ну-ка! Слушаю! — воодушевился Герард Кадырович. Полезные инициативы сейчас ему были крайне необходимы.

— Нашелся у нас в лаборатории человек, предложивший свою кандидатуру для проведения на нем эксперимента по стыковке мозга с кибернетической системой согласно методике, разработанной в нашей лаборатории.

— Что ж, прекрасно. Какова конечная цель эксперимента?

— Определение условий существования максимума функционала счастья конкретного индивидуума. То есть практическая реализация разработок нашей лаборатории, подтверждение их практической ценности и экономической эффективности.

— Ну, с последним будет тяжело. Но для начала неплохо. Первая ласточка. Рад, что она появилась именно в твоей лаборатории. Это покажет недругам, что я люблю тебя не зря. А теперь признавайся, где ты раскопал это направление? Насколько мне известно, оно не пересекается со сферой твоих научных интересов, — хитро улыбнулся директор. — Ты не собирався судя по всему посвящать меня в свои секреты, но придется, придется... В данной ситуации я не могу брать kota в мешке — как бы он не оказался свиньей. А, Камалетдин?!

— Да что ты, Герард, как можно?! — испугался Камалетдин Усманович. — Просто не успел... Вот даже бумаги принес, теоретическое обоснование и прочее...

— Ну давай посмотрим... Интересно, очень интересно. — Намазов взял протянутую ему папку с бумагами и углубился в чтение. — Хороший, энергичный стиль... Надеюсь, не ты писал? — хмыкнул он, на мгновение подняв глаза.

— Нет, Секина, — с легким недовольством ответил Камалетдин Усманович.

— А ты докладывай, докладывай, не смущайся. Я все, что надо, услышу.

— А что докладывать? Работа велась как поисковая и нигде не была оформлена. Зачем спешить, когда нет положительных результатов?

— Меня-то ты мог держать в курсе?..

— Виноват, — вздохнул Камалетдин Усманович.

— Ладно-ладно, — усмехнулся Намазов, — ни в чем ты не виноват, если не считать, что у тебя за спиной ведутся гениальные работы.

— Так уж и гениальные?! — Камалетдина Усмановича удивила и почему-то даже обидела столь высокая оценка проводимых у него за спиной работ.

— Да, друг мой Камалетдин, и ничего с этим не поделаешь... Растет молодежь. И нам уже не угнаться...

— А ты заметил, что они используют твои разработки? — услужливо подсказал Камалетдин Усманович.

— Разумеется, — довольно улыбнулся Намазов. — Они далеко пойдут, потому что идут моей дорогой... Но, я смотрю, в этой работе очень сильная техническая основа. Это не характерно для нашего института. С кем они связаны, твои энтузиасты?

— Насколько мне известно, вне института ни с кем. Технической стороной работы занимается Максимов — начальник группы обслуживания нашего кибернетического парка.

— Молодец, Максимов, отлично использовал мои идеи. Что ж, симбиоз человеческого мозга с кибернетической системой — это, друг мой Камалетдин, гораздо больше, чем изучение функционала счастья. Это как раз то, что нам нужно... Что требуется от меня?

— Для начала подписать нашу заявку на ежедневное использование парка ЭВМ в течение двух часов только для проведения нашего эксперимента. А ИМЭМП¹ не менее четырех часов.

— Ого! Ну и аппетит у вас! — поразился Намазов, подписывая заявку. — Приготовься к тому, что тебя будет клевать весь ученый совет.

— Думаю, что после твоей резолюции желающих клевать найдется немного.

— Правильно мыслишь. Однако, какие ты мне можешь дать гарантии, что это машинное время будет затрачено не впустую, что мы добьемся успеха?

— Ты не требуешь гарантий от аллаха, почему же ты требуешь их от меня?

— Потому что ты находишься в моем подчинении, а он пока нет!

— Ты что-то придумал, Герард? — догадался Камалетдин Усманович по настроению своего высокого друга.

— Скоро узнаешь, — Намазов загадочно улыбнулся. — Хотя, по секрету, подчеркиваю, по секрету, могу тебе сообщить, что мы выступили инициаторами движения за повышение эффективности и практической ценности фундаментальных научно-теоретических разработок по нашей академии.

— Ай да молодец, Герард! Значит, мы опять на коне?!

— На коне... — скромно согласился Герард Кадырович. — И наша задача теперь удержаться на нем...

— Уж кого-кого, а тебя-то из седла не вышибешь!

— Посему держись крепче, друг мой Камалетдин! Предлагаю дать политическую самостоятельность группе Секиной и усилить ее кадрами.

Камалетдин Усманович на минуту задумался, погрузившись.

— Что ж, — сказал он, вздохнув, — жертвую офицером во имя победы короля.

— Я всегда считал, что ты умный человек и хороший друг, Камалетдин... Выделим их приказом в самостоятельную группу... при директоре, расширим штатное расписание и объявим конкурс... Предупреди, чтобы кандидатов в свою группу подобрали сами.

— Предупрежу. Хотя, жалко их терять.

— Ничего, все будут помнить, что они — твои воспитанники.

К зданию городской психопатологической клиники, которая свила себе гнездышко в зеленом оазисе в нескольких километрах от города, их привезли одновременно. Две белых машины с большими красными цифрами «03» на боку неторопливо ехали от ворот к приемному покою.

— Разве я сумасшедшая? — удивленно спросила Аннушка сопровождавшего ее врача с красивыми глазами и «шкиперской» бородкой.

Он, решившись, посмотрел ей прямо в глаза, чего ни разу не смог сделать за всю дорогу.

— Нет, конечно. Но я считаю, что происходящее с вами в обязательном порядке связано с необычной деятельностью мозга. А нужные специалисты могут быть только здесь.

— Ну конечно! — воскликнул Игорь, увидев вывеску клиники. — Я так и думал, что свихнулся!

— Не надо такой патетики, молодой человек, — попыталась охладить его нервную вспышку врач, уставшая от всего на свете женщина в возрасте около пятидесяти. Игоря больше часа мучили ее ноги, покрытые синими узлами вен, и боли в ее печени. Он постоянно морщился от боли, а она, похоже, ее и не замеча-

¹ ИМЭМП — имитатор эмоционального поля (фант.)

ла. Привыкла, что ли? — Вашу повышенную чувствительность необходимо лечить. А как лечить — должны определить специалисты. Хотя в наш аллергический век лечить надо не человека, а то, что его окружает.

— Вы считаете, что у меня аллергия? — удивился Игорь.

— Я не тороплюсь с диагнозом в таких сложных случаях, хотя звучало бы красиво — аллергия души! — Она засмеялась и убрала под белую шапочку прядь седых волос.

Игорь мрачно усмехнулся, выходя за ней из машины. И тут обратил внимание на вторую машину. И почувствовал, что из глубины ее исходит какое-то теплое и светлое излучение, смешанное со спазмами страха. Увидев, что врачи скрылись в приемном покое, а шоферы уселись на скамеечку около крыльца, Игорь открыл дверцу машины, в которой, сжавшись в комочек, сидела Аннушка. Она вздрогнула и посмотрела на Игоря.

— Здравствуйте, — растерявшись, сказал ослепленный Игорь. Ему показалось, что прекрасная женщина светится, как костер или солнце.

Аннушка улыбнулась в ответ. На нее повеяло чем-то родным, словно она знала этого человека всю жизнь и всю жизнь с ним было связано только хорошее, хотя понимала, что так не бывает и что видит его впервые. А может быть, — это то самое, чего она никак не могла вспомнить?

— Здравствуйте, Аннушка, — повторил он, — откуда я знаю ваше имя?

— Здравствуйте, Игорь, — ответила удивленная Аннушка. — Мне ваше имя тоже почему-то знакомо. Мы ведь не виделись раньше?

— Нет, но мне кажется, что я вас знал всегда, хотя совершенно точно знаю, что вижу вас впервые.

И вдруг, как тогда на лестнице, он почувствовал, что любит. Но теперь это было его собственное чувство. И испытал он от этого такое наслаждение, что хотелось умереть, ибо все дальнейшее может быть только угасанием, обмельчанием, вырождением. И еще он ощутил в душе своей теплый и ласковый комочек и понял, что в нем поселилась ее нежность.

— Я устала сидеть, — пожаловалась Аннушка, — позвольте, я выйду.

Игорь отодвинулся от дверцы, и Аннушка вышла из машины.

— Во-во! Смотри! — рыжий шофер, привезший Аннушку, толкнул в бок своего черного друга. — Я тебе говорил! Вот она! Ну, баба! — Он почувствовал, как его поднимает со скамейки неведомая сила, но ноги не подчинялись, словно их хватил паралич. А чернявый молчал. Он сразу понял, что эта женщина должна принадлежать ему, иначе никакой жизни у него больше не будет.

Игорь вдруг почувствовал сильнейший эмоциональный удар и, обернувшись, заметил кошачьи фигуры шоферов на скамейке. Он ощутил в себе что-то хищное и сексуальное, заглушающее слабый голос разума силой тысячелетнего инстинкта. Взглянул на Аннушку и понял, что она тоже ощутила, в каком эмоциональном поле находится. Им обоим стало ясно, что происходящее сейчас — неизбежно и будет происходить постоянно, ибо это естественно. Мгновенная подсознательная реакция Игоря была — спасти, защитить, ведь он уже слился с ней, а значит, стал потенциальной жертвой. Он уже был уверен, что им здесь делать нечего, особенно ей, — это опасно!

— Эй ты! — крикнул, поднимаясь со скамейки, рыжий. — А ну отойди от машины!

— И полезай в свою, пока за тобой не придут, — ехидно добавил чернявый, и глаза его недобро вспыхнули.

Это решило все. Почувствовав вспышку зла, Игорь резко шепнул Аннушке:

— Быстро в машину! Здесь опасно! — Он уже заметил, что ключи зажигания на месте. Аннушка повиновалась. Она тоже поняла, что атмосфера накаляется. Игорь в два прыжка подскочил к шоферскому месту и залетел в машину. Машина взревела и резко взяла с места.

— Эй, куда?! Стой! — перепуганно закричал рыжий. А чернявый уже заводил свою машину. Рыжий заскочил на место врача. Машина рванула с места.

Игорь вырулил на главную аллею, слава богу, оказавшуюся пустой, и направил машину к воротам, которые вдруг медленно стали закрываться. Скорей! Скорей! Проскочить...

Стрелка спидометра металась между 160 и 180. Больше не позволяли дорожные условия, ибо никто не хотел стать виновником аварии. Игорь был опытным гонщиком, потому что перед тем, как стать Игорем Анатольевичем, долго занимался автоспортом и даже занимал призовые места. Четко реализовав преимущество во времени, Игорь оставил преследователей далеко позади, но даже на таком расстоянии он ясно ощущал исходящее от них эмоциональное поле злости, страха

и азарта, столь характерное для любого преследователя. И от этого Игорь сам за-
ряжался пьянящим чувством азарта и опасности, от которого удесятерятся силы
ума и тела.

Аннушка же пребывала в полнейшем благорастворении. Слабое чувство опас-
ности приятно щекотало нервы и добавляло немного пряного вкуса восторгу от
жизни, доселе ей неизвестному. Ей нравился шелест шин и упругое давление ветра,
врывающегося в открытое окно, и этот красивый странно знакомый мужчина,
совершающий сейчас из-за нее безумную авантюру. Ей нравилось быть молодой
и красивой женщиной. Это было так непривычно, неправдоподобно и прекрасно.

— Расскажи мне о себе, — неожиданно попросил Игорь. Аннушку не надо
было уговаривать. Она начала с самого начала...

Слушая ее рассказ, Игорь запоздало поразился тому, что его ничуть не удивила
ее нагота. Поразила, ослепила — да! Но не удивила, словно это было совершенно
естественно. Это было еще одним звеном в цепи доказательств того, что он не от
мира сего. Хотя доказательства были уже практически не нужны. После того, как
он услышал про цветок Аннушки и ее преобразование, происходящее с ним нельзя
было выдать за случайный сбой психики — галлюцинацию, сон, наваждение. Нет,
он чувствовал, что они столкнулись с феноменом совсем иного порядка. Об этом он
и сообщил Аннушке, вкратце рассказав ей о том, что произошло с ним.

— До твоего рассказа я был втайне убежден, что веду себя как натуральный
псих, затеяв это детективное приключение на автомобилях. Но сейчас мне ясно —
все о'кей.

А в это время вся городская и областная автоинспекция внимательно следила
за дорогами, поджидая машину скорой помощи с известным номером. С баз ГАИ
выезжали усиленные наряды на мотоциклах. Система безопасности действовала
четко, и над беглецами уже была занесена густая сеть, в ячейку которой не про-
скользнет даже велосипед.

— Да, — согласилась Аннушка, — теперь и я не сомневаюсь, что мы поступили
опрометчиво.

— Не понял! — удивился Игорь, не отрывая глаз от дороги.

Белая легковая машина неотступно маячила в зеркальце заднего вида — черня-
вый тоже не первый год за рулем.

— Мы поступили опрометчиво, позвонив по телефону «03». Можно было
сразу догадаться, куда нас привезут. Хотя иначе мы бы не встретились, — объясни-
ла Аннушка. Ее благорастворение растворилось, и на смену ему пришли собран-
ность и четкое осознание серьезности обстановки. — А поодиночке нам было бы
очень трудно. И мы все равно, рано или поздно, не миновали бы печальной юдоли,
от которой сейчас бежим.

— Боюсь, что мы ее не избежим и вдвоем, — усмехнулся Игорь, — нам некуда
скрыться. Но хоть немного, немного подумать не в сумасшедшем, а в самом обыкно-
венном доме. Спокойно подумать, все взвесить и самостоятельно принять решение.

— Да, пожалуй, нам необходимо именно это и именно сейчас. Потом все равно
без людей нам не обойтись.

— Упустили, упустили мы свое право на самостоятельность! — посетовал
Игорь. — Если они не идиоты, что вполне вероятно, то нас должны задержать на
первом же посту ГАИ. Нам только кажется, что мы летим. На самом деле летит
наша клетка, и притом в расставленные сети.

— Значит, надо вовремя покинуть клетку! — вполне логично заметила Ан-
нушка.

— Покинуть? — усмехнулся Игорь. — Ха-ха! Да на такую птичку найдется
столько ловцов!

— Значит, птичку надо оставить в клетке, — по-прежнему логично старалась
рассуждать Аннушка.

— Ну уж нет! — возмутился Игорь. — Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

— Что ж, так вместе и будем сдаваться?

— Зачем же? Попытаемся вместе остаться на свободе.

— Но как?!

— Подольше не попадаться на глаза милиции и думать. Первое — моя забота,
второе — общая.

Но подумать им не удалось...

Стоило так долго мучиться и сомневаться! Камалетдин Усманович теперь
представлялся им архангелом, возвестившим благую весть. Один Максимов остался
совершенно спокоен, только глянул одним глазом в подписанную заявку и по-
бежал в машзал — заставил диспетчера вывесить новое расписание. Через два часа

он уже работал с ребятами над стыковкой своей аппаратуры с кибернетическим комплексом.

А институт гудел. Группа Секиной, возникнув из небытия, засверкала на институтском небосклоне яркой и загадочной звездой. У доски приказов постоянно толпился народ. Завлабы были в панике и принимали экстренные меры, чтобы пресечь брожение в умах подчиненных. Герард Кадырович не мог не отдать должного политической чуткости Секиной — лучшего момента для утверждения их работы не могло быть. Что в данной ситуации может быть оптимальней, чем столь блестящее развитие его работ?! И теперь он встанет во главе такого направления!

Последней к доске приказов подошла Анастасия Владимировна Платонова. — Чего пишут? — спросила она.

— Да вот, — с восхищением ответил ей полужнакомый инженер, — Секина-то как в гору пошла!

Платонова прочитала приказ о повышении должностей и окладов, о выделении в самостоятельную группу и объявлении конкурса.

Она шла от Симоняна, в сумочке у нее лежали подписанные акты об эффективности работ их лаборатории, которых шеф ждал с величайшим нетерпением. Но ее наличие этих актов нисколько не волновало. Эта неделя, проведенная в общении с Альфредом Вартановичем, круто изменила ее отношение к собственной работе. Казалось бы, куда серьезней — моделирование социальных явлений, изучение их влияния на человеческое счастье. Но... Это препротивнейшее «но» изгрызло всю ее душу. Оказалось, что все их моделирование не имеет ни малейшего отношения к реальной жизни. Они предсказывают неуклонное повышение функционала счастья, а люди бегут в отшельники. И вся их система социальных моделей не смогла предсказать этого явления... Чего же она тогда стоит? Симонян, конечно, ничего такого не говорил, но Анастасия Владимировна не сомневалась, что думает он именно так, хотя акты и подписал... Неизбежно напрашивается вывод о порочности самого метода моделирования, отчужденного от человеческой личности... Настя не раз вспоминала за эту неделю Андрюшину идею и обсуждала этот вариант с Платоновым, который счел его более чем разумным. Приказ подтвердил реальность идеи...

... — Понимаете ли, уважаемая Анастасия Владимировна, — говорил ей Симонян, воздев к потолку свои волосатые руки, — в чем наша прямо-таки неразрешимая проблема? В том, чтобы влезть в их шкуру. Мы с вами можем все научно объяснить, но как привлечь их обратно в общество, как предотвратить бегство других? Видимо, чтобы понять это, надо побывать в их шкуре. Административные меры, военные кордоны, вылавливание — это ампутация, а не лечение. А нам с вами нужно научиться лечить души человеческие.

Анастасия Владимировна согласно кивала головой и листала дополнительные материалы по отшельникам, не вошедшие в первый том отчета. Что она могла ему сказать? Он совершенно прав... Сообщить про группу Секиной? Что ж, сообщила, и Симонян тут же воспыал:

— Мы должны с ними связаться! Анастасия Владимировна, голубушка!

Но Настенька неожиданно увлеклась чтением листочков, на которых значилось: «Отрывок из путевых записей А. С. Кузьмина», и поэтому только рассеянно покивала в ответ.

«...Холодный острый ветер проникал под теплые куртки и толстенные свитера. Пока мы ставили палатку, казалось, что остались перед господом богом голенькие. Колотун был обалденный... И тут на тропинке появилась ОНА... Как выяснилось позже, мы все трое подумали, что ОНА не с Земли. Человек так не может. На ней ничего не было, но ОНА не дрожала, не жалась. Такое впечатление, что ОНА просто не замечала холода! Кожа у нее была совершенно чистая и чуть розовая, глазницы громадные, черные. Красивая — убиться можно! Волосы заплетены в толстую косу, и висит эта коса до самых пят... Мы, само собой, остолбенели и выстроились по стойке смирно возле палатки. А ОНА подошла к нам и улыбнулась. И дохнуло на нас таким теплом, словно мы враз оказались где-нибудь на Черноморском побережье Кавказа. И увидели мы, что воздух вокруг НЕЕ светится. Раньше это нибом называли, а сейчас у экстрасенсов какой-то другой термин появился... И почувствовали мы необычайный прилив сил и энергии, словно допинг приняли. В мозгу стали появляться странные картины, от которых охватывал восторг, но описать их словами нет никакой возможности... А ОНА уходила по снежной тропинке, и казалось, что ее босые ступни не касаются снега... Мы, как идиоты, смотрели ей вслед, и нам даже в голову не пришло сдвинуться с места... ОНА уходила, а нам казалось, что это уходит та самая Красота, которая должна спасти мир... Странная мысль, никогда раньше у меня таких не возникало...»

Внизу стояли три подписи, удостоверяющие истинность копии: Рахимов, Алексеев, Кузьмин — мастера спорта СССР по альпинизму.

— А это что за фантастика? — спросила Настя у Симоняна и подумала, что, надо же, только что у Платонова прочитала про голую бабу, которая светится, и тут на тебе — то же самое. До чего у мужиков стандартная фантазия: обязательно голая, обязательно неземной красоты и к тому же светится...

Альфред Вартанович заглянул в бумаги и пожал плечами.

— Даже и не знаю, как вам ответить, Анастасия Владимировна. То ли фольклор альпинистский, то ли действительный случай... Кузьмин Саша — один из участников нашей экспедиции. Очень хороший парень. Приврать, конечно, любит... Но эта его запись была сделана задолго до нашей экспедиции и, как видите, подтверждена остальными участниками экспедиции. Вы, я вижу, сразу почувствовали разницу между этим «документом» и отчетом, который вы читали.

— Естественно, — кивнула Настя. — Там все дико, но без прищельцев, без мистики.

— Вот именно, — словно бы обрадовался Симонян, — без мистики... Этот документ Саша показал нам не случайно. Когда-то он обратился с этим в Президиум Академии, но его послали так далеко, что он больше про это никому не заикался. И нам бы не сказал, если бы не начали случаться странные вещи... Но этому вопросу как раз посвящены те материалы, которые сейчас находятся у вас в руках.

Настя подозрительно покосилась на толстую синюю папку и подумала: «Уж не пророк ли мой Платонов?» И еще мелькнула у нее одна крамольная мысль: «А что, если все это правда? Чьи души тогда лечить-то надо?»

...— Можно? — открыла Настенька дверь в комнату, где обитала группа Секиной.

— Привет, Анастасия, входи, — отозвалась Ира.

Андрей улыбнулся ей и остался пребывать в сияющем состоянии.

— Здравствуйте, Анастасия Владимировна, — сказала Танечка, которой почему-то не понравилась откровенная радость Андрея.

— Вижу, вас поздравить можно...

— Можно! — радостно согласился Андрей.

— Теперь надо оправдывать высокое доверие, — развела руками Ирина Петровна.

— Оправдываете, — уверенно пообещала Настя. — Очередь-то где? Кто крайний?

— Какая очередь? — не понял Андрей.

— На переход в вашу группу.

— Ну что ты, — засмеялась Ирина Петровна, — чтоб наш народ... Директорский приказ может только брожение и сплетни вызвать. А чтоб с места сдвинуться! Ой, не смейся... Да мы уж сами как-нибудь...

— Так я не поняла — нужны вам новые люди или нет?

— Конечно, нужны! — удивилась вопросу Ирина Петровна.

— Прекрасно! Значит, у меня нет конкурентов.

— Ура! — закричал Андрей. — Все-таки решилась!

— Ты серьезно? — обрадовалась Ирина Петровна.

— Вполне.

— А как Платонов? — спросил Андрей.

— Одобряет.

— Чего это ты вдруг? — поинтересовалась Ирина Петровна.

— Да нет, — вздохнула Настенька, — это не вдруг.

— Не вдруг! Не вдруг! — возопил Андрей. — Она целую неделю думала! Это моя идея!

— Ай да Петров — великий конспиратор! — весьма ехидно заметила Танечка, удивленная его воплями.

— Ну, мы же не давали обета молчания, — мирно отреагировала Ирина Петровна. — Если бы Андрюша молчал, мы вряд ли знали бы сегодня Максимова. И вообще, у Андрюши чутье на единомышленников. Верно, Настасья?

— Верно, — улыбнулась Настя, — чутье у него...

— Ну что ж, тогда дело решенное... К тому же, вам больше не придется стелиться в коридорах подпираться, — невинным голоском дала понять Ирина Петровна, что народ все видит.

— Вот теперь мы твоих отшельников раздраконим! — опять возопил Андрей. Ирина Петровна и Танечка с удивлением посмотрели на него: «Какие еще отшельники?»...

...Герард Кадырович сидел в своем любимом кресле и рисовал на листе бумаги смешных человечков. Это помогало отключиться и снять нервное напряжение. Один человечек с большими ушами и громадным рюкзаком за спиной упорно лез на крутую гору, не замечая, что это всего лишь большой камень, который к тому же летит в пропасть. Второй человечек, чуть покрупнее, прицепившись к лестнице вертолета, через лупу рассматривает первого. А третий, еще крупнее, накрывает их сачком. Но появился на листе и четвертый человечек, который сидел в зрительном зале и смотрел фильм про первых трех. Получилось очень забавно...

Герард Кадырович нажал кнопку видеоселектора.

— Ариадна Кузьминична, пригласите, пожалуйста, ко мне Секину Ирину Петровну. — Вскоре в дверь постучались.

— Войдите.

В дверях показалась Ирина Петровна.

— Здравствуйте, — кивнула она.

— Добрый день! Прошу вас, входите, присаживайтесь, — радушно заулыбался Намазов.

Ирина Петровна, не проявляя никаких признаков робости, с интересом окинула взглядом директорский кабинет, прошла к стулу, стоявшему напротив директорского кресла, и села. Отсутствие робости в посетителе кабинета было непривычно для Герарда Кадыровича. Один из принципов Системы: страх элемента — залог надежности Системы. Хотя иногда ему было интересно общение с равными по силе духа. Таких он насчитывал немного. Женщин же подобного уровня не встречал вообще и думал, что их не существует в природе. Разумеется, Герард Кадырович еще ничего не знал о силе духа Ирины Петровны, но ощутил присутствие в кабинете сильного эмоционального поля. Выдерживая паузу, Герард Кадырович стал перекладывать с места на место бумагу. Неожиданно открылся его рисунок с человечками. Хотел было спрятать его, но решил, что не стоит. Ирина Петровна тут же отреагировала на рисунок, хотя несколько мгновений и сомневалась — стоит ли это делать.

— Отличная техника! Это ваш рисунок?

— Мой, — кивнул Намазов, — так, баловство, — продемонстрировал он свою скромность. Но Секина ему не поверила.

— Это мы? — спросила она, показывая на человечка с рюкзаком. — А это вы? — показала она на человечка, который сидел в зрительном зале.

— Ну что вы! — почти искренне возмутился Герард Кадырович. — Это совершенно безобидный сюжет, не имеющий никакого отношения к реальности.

— Так не бывает! — возразила Ирина Петровна. — Возможно, это работа подсознания, а оно никогда не отрывается от реальности.

— Ну, если на то пошло, то я вовсе не этот человечек. Я — художник.

— Вон оно что... — поняла Ирина Петровна. — Ну что ж, а мы будем тащить свой рюкзак... Я могу узнать, зачем вы меня вызвали? — резко перевела она разговор на деловые рельсы. Но Намазов крепко держался в седле, то есть в кресле.

— По делу, Ирина Петровна, разумеется, по делу!

Его улыбка была строга и обаятельна. Он смело посмотрел в глаза Ирине Петровне. Его взгляд ничего не говорил — он просто покорял. И Ира отвела глаза.

— Я вас слушаю, Герард Кадырович.

— Вы, надеюсь, уже поняли, что руководство института с особым вниманием относится к работам, проводимым вашей группой?

— Конечно.

— И чем вы это объясняете?

— Их актуальностью, вообще, и для руководства института, в частности.

— Рад, что вы понимаете правильно, но не стоит разделять интересы науки и интересы руководства института... С сегодняшнего дня я беру работу вашей группы под свой непосредственный контроль. В связи с этим прошу в кратчайший срок подготовить план работ и краткие тезисы его реализации. Недели вам достаточно?

— Да, конечно, — согласилась Ирина Петровна. — В связи с этим я хотела бы решить с вами ряд организационных вопросов.

— Прекрасно. С тем я вас и побеспокоил.

— Вопрос первый. Статус-кво группы Максимова. Техническая сторона нашей работы равновелика с фелицитологической.

— Каково его научное положение, перспективы?

— Он — заочный аспирант академика Исмаилова. Симбиоз мозга с кибернетической системой — тема его работы.

Намазов заметно помрачнел. Исмаилов был наиболее серьезным его конкурентом на президентский пост. «Мои люди уже работают на его аспиранта...»

— Вы делаете диссертацию Максимову? — спросил он довольно ехидно.

— Извините за громкие слова, но мы делаем науку, — серьезно ответила Ирина Петровна. — Разумеется, мы не станем задерживаться с реализацией промежуточных результатов в виде кандидатских диссертаций.

— И докторской для вас? — осторожно осведомился Герард Кадырович.

— Пока я себе такой цели не ставлю. Сделать бы работу.

— А зря цели не ставите. Личные интересы — двигатель общественного прогресса! — засмеялся Намазов. Он уже нашел положительные стороны создавшейся ситуации и возможность получения максимума прибыли.

— Вы не знаете, Ирина Петровна, Исмаилов в курсе успехов Максимова?

— Нет. Вася ни разу не мог добиться аудиенции.

— Прекрасно, — иронически улыбнулся Намазов. — Я подозреваю, что у него и тема не утверждена. Такие люди, как Максимов, беспомощны в практических вопросах, их надо опекать... Я бы согласился ему помочь. Так что, Ирина Петровна, передайте ему, что я согласен быть его вторым руководителем. Формальности и организацию защиты я возьму на себя.

Рисунки Л. Максимова

Ирина Петровна молчала, не зная, как реагировать. С одной стороны, Намазов может быть весьма полезен Васе, с другой — все это подозрительно... Намазов и бескорыстие?.. Примазаться хочет? Почуял?.. Господи! Пусть примазываются — лишь бы дело делалось. Если пошлость может принести пользу Идеалу, пусть приносит. Хлебу нужен навоз...

— Вы, надеюсь, объясните все, что следует, Максимову, — продолжил Герард Кадырович многозначительно.

— Да-да, конечно, — кивнула Ирина Петровна.

— И пусть зайдет ко мне. Конкретные дела надо решать конкретно.

— И все же статус-кво группы Максимова? — напомнила Секина.

Намазов с проницательной улыбкой изучающе посмотрел на нее. Эта женщина положительно нравилась ему — она своего не упустит.

— Ну что ж, — усмехнулся он наконец, — напишем еще один приказ. Вы назначаетесь и. о. зав. сектора, готовьте документы на конкурс. Группа Максимова войдет в ваш сектор. Вторую группу, видимо, возглавит Петров. Правда, людей маловато для сектора... Так что набирайте, агитируйте, не стесняйтесь.

Ирина Петровна, несмотря на всю свою подготовленность и понимание политической подоплеки дела, все-таки была ошарашена. Она как-то не привыкла к тому, что так с ходу, с бухты-барухты создается сектора и ее ставят во главе. Выходит, что она добивалась местечка потеплее?!

— Вот, — протянула она заявление Платоновой о переходе в их группу. На объяснение у нее уже не было сил.

— Ну-ка, ну-ка, — довольно произнес Намазов, удалось-таки ему поразить эту женщину. И стал читать заявление.

— Только я не знаю... Это так неожиданно... — наконец смогла промямлить Ирина Петровна. — Может быть...

— Нет-нет, Ирина Петровна! Никаких «может быть», — решительно прервал ее Герард Кадырович, подписывая заявление. — Отвяжите, пожалуйста, от этого инфантильного псевдоблагородства. Не бойтесь, делайте карьеру — это единственный способ делать жизнь. Если не вы, то кто же, а?

Ирина Петровна улыбнулась. Бодрая проповедь директора привела ее в чувство.

— Кстати, Герард Кадырович, проблема Максимова не решена и в этом варианте — они же обслуживают кибернетический парк.

— Пусть и дальше обслуживают. Пока не найдем замену. Ставки электронщикам я повышу. Устраивает вас такое решение?

— Вроде бы устраивает... Пока возражений не возникает.

— Прекрасно, — улыбнулся Герард Кадырович. — Если возражения возникнут, приходите. Итак, жду ваших планов.

— Да-да, обязательно... Я свободна?

— Да, благодарю вас, — Намазов в этот момент чувствовал себя чрезвычайно обяательным руководителем и эффектным мужчиной. И был недалек от истины, ибо совершенно неожиданно произвел на Секину весьма приятное впечатление. Как антипод Вольнова, он вызывал у нее априорное раздражение и неприятие. Но личное обаяние руководителя часто заслоняет его политические и административные изъяны.

Ирина Петровна встала со стула и пошла к двери. Неожиданно косые лучи солнца, ворвавшиеся в окно, растворили в себе ее легкое платье, и пораженный Намазов, повинувшись внезапному импульсу, почти крикнул:

— Стойте! Не двигайтесь!

Ирина Петровна подчинилась, хотя, естественно, была крайне удивлена. Ветер, исходивший от мощного кондиционера, романтично развеивал ее платье, а Намазов схватил фломастер и стал быстро рисовать. На рисунке она была обнаженной и преркасной в одеянии из солнечных лучей.

--- Извините, — виновато сказал он, протянув ей рисунок. --- Но это было безумно красиво -- я не смог с собой справиться. Хотя, конечно, не должен был этого делать.

— Почему же? Это хорошо, что вы способны на такие порывы, — покраснев, но не отводя от него глаз, ответила Ирина Петровна. — Никак не ожидала, что способна вдохновить вас на такое прекрасное безумие. До свидания, Герард Кадырович.

Ирина Петровна решительно повернулась и вышла, подумав: «Чудеса, однако!»

А Намазов долго стоял посреди своего кабинета и улыбался, а потом вдруг сказал вслух:

— А ведь я -- молодец! Ай, какой я молодец!

Уже с неделю Платонову было не до сказки — ни сил, ни времени. Он стал раздражительным, изнывал в борьбе с собственным гипертрофированным чувством долга. Он кричал под тяжестью производственной деятельности, но душа его мертвой хваткой вцепилась в баранку скорой помощи, уносящей в себе последние минуты его свободы и свободы светящейся женщины, доверившейся ему. Душа его все еще уходила от погони и надеялась на чудо.

Платонов не признавался себе в том, что на самом деле раздражительность его — вовсе не от невозможности из-за работы писать дальше, а от боязни писать дальше. Он чувствовал, куда приведет его неумолимая логика художественной правды, и ему туда очень не хотелось.

Но Настенька к концу недели разгадала причину духовной смуты любимого мужа. Она ласково обняла его за плечи, подвела к письменному столу, усадила перед рукописью, поцеловала и благословила:

— Вперед! Я хочу читать дальше...

А дальше:

«...Впереди на горизонте показалась маленькая темная точка, которая к моменту, когда она появилась в сознании беглецов, превратилась в милиционера на мотоцикле.

— Они опять догоняют нас! — воскликнула Аннушка, оглянувшись.

— Что ж, — кивнул Игорь, — поиграем в кошки-мышки.

— Они свернули с кольцевой дороги, — сообщил в эфир мотоциклист, и ближайший пост ГАИ приготовился к активным действиям. Но Игорь, заметив пост, свернул внутрь жилого массива, а от поста за ними помчались еще два мотоцикла. Используя лабиринт массива, беглецы выскочили обратно на кольцевую дорогу, когда преследователи уже свернули с нее. На некоторое время жертва выскользнула из петли. Но великое изобретение человечества — радиосвязь — работало против нее. Эфир наполнился криками типа: «Улю-лю!.. Ату его, ату!.. Твою мать!..» и т. п.

Гон! Гон!.. И пыль летит из-под копыт!..

— Поехали ко мне. Отсюда недалеко, — предложила Аннушка. — Мы так долго не выдержим!

— Дома они нас сразу же схватят, — не согласился Игорь и свернул с магистрали на боковую улицу, рассчитывая использовать хитросплетения городских улочек и переулков и запутать преследователей. — Поедем ко мне. У меня своя машина. Придется немного пожить на колесах. Главное, выиграть время и взять инициативу в свои руки. — И тут он услышал над головой шум вертолета. — Вот черт! Неужели засекли? Следи за ним!

Аннушка стала смотреть вверх, а Игорь принялся лавировать по улицам.

— Он летит за нами! — испуганно сообщила Аннушка.

— Да, один вертолет — и охота превращается в фарс. Ну что ж, тогда постараемся сделать так, чтобы над этим фарсом посмеялось как можно больше народу... Как, Аннушка, не возражаешь?

— С удовольствием! — Аннушка опять успокоилась, почувствовав неизбежное, и улыбнулась Игорю. У Игоря отлегло от сердца, когда он ощутил ее спокойствие, в котором не было ни малейшего упрека в его адрес, а только нежность и сострадание. Он направился к магистральной дороге и нагло проехал мимо мчащихся навстречу мотоциклистов, которых было уже более десятка — нажав на сирену, он направил машину прямо на них и заставил шарахнуться в стороны. Аннушка при этом оборотительно улыбнулась и послала им воздушный поцелуй.

— Фарс продолжается! Спектакль должен увидеть не только худсовет, но и зритель, — прокомментировал Игорь.

Тут навстречу им с магистрали свернула машина скорой помощи с Рыжим и Чернявым, приотставшая от милицейских мотоциклов из-за меньшей маневренности.

— Попались, голубчики! — радостно возопил Чернявый.

— Не разбей машину, — предостерег его Рыжий.

— Не бойсь, псих тоже жить хочет.

— Черт их знает, этих психов, — усомнился Рыжий.

— Держись крепче! — крикнул Игорь Аннушке. — И молись, на всякий случай. Идем на таран!

— Но мы же можем убить их!

— Вот гад! Куда прет, сволочь?! — орал Чернявый.

— Сворачивай, идиот! — хватался за руль Рыжий.

— Не трус! Он свернет...

А в Игоре кипели их страсти и страхи, но сам он был совершенно спокоен, ибо знал, что будет. Он улыбался, и сжавшаяся в комочек Аннушка с надеждой смотрела на его улыбку.

— Ну, псих недоделанный! Ну, попадешься ты мне! — орал Чернявый, выворачивая баранку вправо. Игорь тоже слегка взял вправо, потому что видел — они не успеют вывернуться. И машины разминулись в нескольких миллиметрах друг от друга. Игорь улыбнулся прямо в горящее злобой и страхом лицо Чернявого.

— Он еще лыбится! Тварь! — зарычал вне себя Чернявый и резко крутанул

руль влево, чтобы не угодить в кювет. Милиция, затаив дыхание, наблюдала за этой необычной дуэлью.

— Однако машиной он владеет, как дьявол, — выдохнул Рыжий, — и нервы у него покрепче, чем у нас с тобой. Породистый нынче псих пошел. — И они истерически расхохотались.

А милиции было не до смеха. Взревели мотоциклы, и погоня пошла своим чередом. Эфир кипел переговорами, перекрестки заранее очищались от транспорта и пешеходов, народ толпился по тротуарам и терялся в догадках. Спектакль удался...

Игорь предупреждал о своем приближении воем сирены, Аннушка приветственно махала из окна рукой, и те, кто успевал ее разглядеть, горячо реагировали. — Теперь нас не упрячешь бесследно, — усмехнулся Игорь.

Он немного притормозил, позволив мотоциклистам догнать и окружить машину, так что получилось некоторое подобие почетного эскорта. И тоже стал приветствовать народ из своего окна. Народ смеялся и был премного доволен этим зрелищем. Игорь чувствовал, как сквозь него проходит множество эмоциональных лучей, которые разогревают его. Чувствовал он также и волны раздражения, исходящие от эскорта. Все естественно — кому хочется быть посмешищем? Милиция стала нервничать, размахивать руками и жезлами, требуя, чтобы Игорь остановил машину. Вдруг вперед вырвалась машина Чернявого и резко перегородила дорогу. Игорь вынужден был остановиться.

— Уважаю решительных людей, — сказал он Аннушке, грустно улыбнувшись.

— Спектакль окончен? — спросила она устало.

— Практически, да, — кивнул Игорь, — осталось только достойно завершить его и собрать аплодисменты.

Милиция поставила мотоциклы вокруг их машины, образовав кольцо. Толпа быстро образовала второй круг, стремительно сжимавшийся. Игорь каждой клеточкой ощущал молчаливую враждебность милиции и неприкрытое любопытство толпы.

— Эмоциональная стихия, — сказал он, внутренне трепеща. — Занавес! Зритель ждет нас.

И они вышли из машины, спокойно и открыто улыбаясь, словно действительно находились на сцене после трудного спектакля. Когда они встали перед машиной, взявшись за руки, по толпе пронесся удивленный ропот. Милиция тоже растерялась. Они знали, кого преследуют, но кто же мог предположить что жертва так божественно прекрасна. Игорь тут же почувствовал перемену эмоциональной напряженности и шепнул Аннушке:

— Твое оружие прекрасно действует! — Аннушка благодарно улыбнулась ему. — А теперь вперед!

Он повел ее за собой навстречу милиции и гудящей за ней толпе.

«В сторону! В сторону! — твердил он про себя. — Вы пропустите нас. Вы не можете нас задержать!»

И действительно, милицейский круг распался и пропустил эту странную пару.

— Уходят, сволочи! — закричал Чернявый. — Опять уходят! Куда же они смотрят, лопухи вонючие! Совсем очумели! Давай, Вождь Краснокожих, это наша добыча! — Они выскочили из машины, причем, в руках Чернявого оказалась мониторинг. Толпа ахнула. Игорь почувствовал удар злости, резко обернулся и, предупредив удар Чернявого, сбил его с ног. Тот, потеряв сознание, скорчился на асфальте, а Рыжий опасноливо остановился и попятился к машине.

— Какой прекрасный финал! — сказал Игорь Аннушке.

— Боюсь, финал будет все-таки не здесь, — улыбнулась она печально.

Они двинулись к толпе, но Игорь почувствовал перемену ее эмоционального состояния (толпа боялась их) и на мгновение остановился. Потом все же двинулся к живой стене, мысленно приказывая: «Расступитесь! Расступитесь!» Ближайшие к ним попятнулись и действительно пытались расступиться, но стоящие сзади напирали. Слышались крики: «Не толкайте, сволочи!.. Задавили!.. Ой, где мой кошелек?! Мама-а-а!»

— Это ужасно, — шепнула Аннушка.

— Естественное поведение толпы, в которой исчезает человеческая индивидуальность, — философски ответил Игорь, хотя сам был в отчаянии, чувствуя, что эмоциональный хаос не поддается его управлению. Толпа сжимала кольцо.

Чернявый пришел в себя и со стоном встал на четвереньки.

— Что застыли, олухи?! — непочтительно обратился он к представителям власти. — Сейчас нас всех тут раздавят к чертовой матери!

Как ни странно, этот возглас разбудил милицию. Раздались пронзительные свистки, и толпа, вздрогнув, попятилась.

— Психа хватайте! Психа!

И вот уже Игорь связан по рукам и ногам и уложен на носилки. Его чуть не стошнило от приторного ощущения довольства победителей.

— Я ни о чем не жалею, — шепнула ему Аннушка, забравшись к нему в машину. — Я была счастлива. Спасибо...

Обратный путь оказался таким коротким. Их вновь привезли к приемному покою. Санитары вынесли носилки со связанным Игорем. Аннушка вышла сама и пошла следом. Медперсонал стоял перед ней по стойке смирно. Игорь улыбнулся ей. Таким улыбающимся его и внесли к врачу, где уже стояла медсестра со шприцем.

— Делайте укол, сестра! — приказала врач Ольга Петровна Орлова, миловидная женщина лет тридцати пяти.

— Да вы выслушайте меня сначала! — возмутился Игорь. — У меня очень важное сообщение!

— Я все знаю. Поговорим позже, когда вы отдохнете, — ответила врач.

— Не надо было делать глупости, — укоризненно произнесла пожилая врач, доставившая его сюда. Замечание было справедливым, и он промолчал.

— Вот и все, — сказала сестра, сделал укол, и Игорь почти сразу почувствовал какое-то оцепенение и равнодушие ко всему. А потом он погрузился в черную вату, не пропуская ни света, ни звука. Его унесли в палату. Аннушка было двинулась за ним, но ее не пустили. Посторонние покинули кабинет. Началась обычная работа. Аннушка сидела перед врачом и рассказывала все, что с ней произошло. С того самого момента, как проснулась ранним утром от неясного беспокойства в душе. И об одиночестве, и о костылях, и о странном волшебном цветке... Орлова внимательно слушала ее и по возможности подробно записывала в историю болезни, отчего сей документ становился похожим на сказку.

— Что ж, — сказала она, когда Аннушка замолчала, — все это очень любопытно.

— Вы мне не верите?

— Почему же? Верю. Хотя согласитесь, что ваша история весьма фантастична и если бы на вас не горела одежда, выглядела бы чистым бредом.

— Мне практически нечего вам возразить. Все верно, — согласилась Аннушка. — Но почему вы рассматриваете мой рассказ только как мою историю. А Игорь?

— Да, пока я рассматриваю только вашу историю, — постучала Ольга Петровна пальцем по истории болезни. — Когда я выслушаю второго пациента, буду обобщать и сопоставлять, и только потом делать выводы.

— Пациента, — удрученно вздохнула Аннушка. — Вы в нас видите только пациентов... А если нас вообще не нужно лечить? Как вы объясняете, что обе истории начались с одинаковых фантастических цветов?

— Никак, — спокойно ответила врач, — у меня слишком мало информации для каких-либо объяснений. А лечить, я думаю, надо. То, что произошло с вами, очень обременительно для психики.

— Но я себя прекрасно чувствую! Как никогда!

— Это стрессовое состояние, чреватое тяжелыми психическими последствиями. День, другой отдохнете, окрепнете, тем временем что-то, может быть, прояснится... Согласны?

— Мне не хотелось бы, но если вы считаете это необходимым...

— Да, я считаю это необходимым! Сестра, пожалуйста!

Из соседней комнаты вышла полная пожилая медсестра, которая делала укол Игорю. Аннушка непроизвольно сжалась. Сестра сделала укол и ушла. Аннушка, лежа на диванчике, вдруг стала проваливаться в черную бездну. Она коротко вскрикнула и потеряла сознание. Свечение ее тела угасло. Вошедшие санитары переложили ее на носилки, закрыли больничным халатом (и он не сгорел) и отнесли в палату, где переложили на кровать и удалились. А нянечка, чуток полюбившись Аннушкой, повздыхала, заботливо укрыла ее простышкой, вышла и повернула ключ в дверях на два оборота...

Вскоре Ольга Петровна передала смену и, переодевшись, в раздумье вышла из здания клиники. Села в своего «жигуленка» небесно-голубого цвета, достала из «бардачка» сигарету и, включив зажигание, прикурила. Эта сигарета, которую она позволяла себе в конце рабочего дня, служила ей чем-то вроде переключателя скоростей. Но сегодня было похоже, что переключиться не удастся. Уж больно фантастичный случай. Может быть, зря она мужчину не выслушала? Уж слишком буйно он себя вел! Хотя о нем уже достаточно порассказали...

...Ольга Петровна безошибочно затормозила около нужной калитки, вошла во дворик... Да, так она себе его и представляла по рассказу пациентки, буйно заросший сорной травой и цветами. Врач неторопливо шла, разглядывая двор, и вдруг ее охватил непроизвольный озноб — она увидела костыли, возле которых земля была припорошена тонким слоем серого пепла. Она не верила в костыли, да и во все это «чудесное превращение», хотя, конечно, собиралась сделать запрос в поликлинику

по месту жительства пациентки. Но костыли были! Значит, где-то здесь должен быть и цветок? И Орлова, никак не ожидавшая от себя такой прыти, встала на четвереньки и принялась исследовать заросли, отчего очень быстро порвала на колених дорогие колготки. Но цветка не было. И от этого на душе становилось все светлее и светлее. Отсутствие цветка — это, как спасательный круг для утопающего сознания. Цветка не было — значит, девица, действительно, безумна и ее надо лечить... Но эти костыли? И этот пепел? Мистификация? Но зачем? Уж не совершенно ли здесь преступление?! Хм, эта гипотеза многое ставит на свои места. И ее долг сообщить в милицию...

...Аннушка вдруг ощутила себя маленькой девочкой, свободно парящей метрах в ста над землей. У нее большие, почти невесомые крылья, чтобы плавать в потоках воздуха. Она летит по большому кругу над лесом, а потом над озером. Она смеется, ей хорошо и весело. Потом вспоминает, что обещала скоро вернуться, и быстро улетает к дому, который с трудом узнает — видимо, мама опять его перепридумала. Вот она опускается рядом с домом и попадает прямо в мамины руки...

Тут у Аннушки замирает сердце и на глазах выступают слезы, потому что она вспоминает, что никогда не видела свою маму — она умерла при родах. Получается так, что есть какой-то другой мир и какая-то другая жизнь, где она знала маму, прижималась к ее груди, слышала ее голос...

Аннушка села на кровати, протерла глаза, не сразу сообразив, где находится. Откинув простыню, она посмотрела на свое тело. Оно было по-прежнему красиво, но кожа уже не светилась. И потому из облика ее исчез элемент сказочности. Защемило сердце. Аннушка надела на себя рубашку — не сгорела! Халат — не сгорел! Она упала на кровать и горько зарыдала. Вошли нянечка с медсестрой и, заворковав, как влюбленные голуби, задрали Аннушке рубашку и сделали очередной предписанный врачом укол. Аннушка опять стала проваливаться в черную бездну...

...Вынырнув из забытья, Игорь ощутил себя каплей воды, оторвавшейся от громадной черной тучи. Раздираемый слепыми силами ветра и земного притяжения, он вместе с тысячами похожих на него капелек неудержимо летит куда-то вниз, где зияет черная пасть города. Игорь хрипит от раздавленного крика и с лета врзается в чей-то громадный зонтик... И снова он отрывается от тучи, и его пронзает ужас, но на этот раз он врзается в чье-то окно... И снова... И снова... Он было с облегчением вздохнул, почувствовав себя пишущей машинкой, но тут по его голове с такой силой шваркнули буквой, что он вообще перестал чувствовать что-либо, кроме бесконечных ударов... Игорь забился в угол палаты и мелко дрожал в такт с ударами клавиш, а голова его моталась из стороны в сторону, как каретка...

К тому времени, как Игорь почувствовал себя одуванчиком, разлетающимся на части, открылась дверь и вошли нянечка с медсестрой. Они вытащили его из угла и ласково уложили в кровать. Игорь благодарно шептал: «Спасибо!.. Спасибо!» — и по лицу его текли слезы неожиданного счастья. А наивысшее блаженство он испытал, когда после укола стал проваливаться в спасительную бездну...

...Странно, но в этой жизни не было отца. Мама говорила, что он ушел в большой полет по уровням мироздания. Экспедиция очень опасная, но мама верит, что они обязательно когда-нибудь соберутся втроем. Бедная мама, она очень любила отца и страдала без него. А он, оказываясь, был здесь — на другой планете. Или Аннушка ничего не понимает? Скорее всего, речь идет о разных людях. Но кто же тогда она — Аннушка? Ну откуда она могла знать о технике безопасности при физическом и психическом преобразовании материи?! Смешно даже... Однако там знала. Знала, что всякое преобразование материи на любом уровне мироздания неизбежно отражается на всех более низких уровнях. И надо уметь предвидеть последствия.

«Что это все означает?» — приходя в сознание, мучилась Аннушка, словно сны обязательно должны что-то означать. Как хотелось ей видеть в них какое-то объяснение происходящему! Никак не могла Аннушка согласиться с тем, что это обыкновенные сны. С этим ощущением она и шла к врачу, когда ее позвала нянечка.

В кабинете, кроме врача, находился седоватый коренастый мужчина, словно сошедший со страниц романов Сименона.

— О! — сказал мужчина, представившись следователем. — А мне говорили, что на вас одежда горит... Я так и думал, что это в переносном смысле.

— Да нет, — ответила, глядя ему в глаза, Аннушка, — вам сказали правду — она действительно горела, но... что-то случилось...

— Вот именно, — усмехнулся следователь, — что-то случилось... остается только узнать — что...

Далее допрос шел в установленном законом порядке. Но когда они добрались до сути, Аннушка, грубо говоря, обалдела.

— Неужели вы считаете, что я убила самое себя?!

— Нет, что вы! — хитро улыбнулся следователь. — Вы живы и здоровы. А вот кто вы на самом деле — еще предстоит выяснить. И что случилось с той, за кого вы себя выдаете.

— Но послушайте! — побледнев и чуть не плача, закричала Аннушка на представителя закона. — Неужели всех фактов недостаточно, чтобы понять нелепость ваших подозрений?! Неужели вы не понимаете, что нам надо помочь разобраться, а не обвинять? Ученые нужны, а не следователи!

— Будут ученые, будут, — заверил следователь. Однако насчет фактов. Какие-то факты мы имеем налицо? Вы, несомненно, прекрасная женщина — красоты такой я еще не видел. Но что в этом необычного? И где доказательства вашего чудесного превращения?

— Как? — растерялась Аннушка. — Но ведь вы же видели! — обратилась она к врачу.

— А что я видела? Где гарантии, что это не гипноз в сочетании с ловкостью рук? А кроме того, ведь сейчас на вас одежда не горит... Не хватает каких-то атрибутов для фокуса?

— Да как вы смеете?! — Аннушка чуть не задохнулась от возмущения и сознания собственного бессилия.

— Милая девушка, — сочувственно проговорил следователь. — Ну посудите сами, что мы имеем? Исчезновение больной девушки, попытка угона автомашины, абсолютное отсутствие логики и здравого смысла в ваших объяснениях... Зачем все это было проделано?

— Да ничего не было проделано! — выкрикнула Аннушка. — Все это случилось, понимаете, СЛУ-ЧИ-ЛОСЬ!

— Ну конечно, — понимающе кивнул следователь. — Вырос цветочек, вы его понюхали, и произошло чудесное превращение. Как прекрасно, а главное — очень убедительно... Послушайте, девушка, я не позволю делать из себя идиота! — голос его зазвенел, как духовой оркестр.

Аннушка испуганно смотрела на него и молчала. «Как его убедить? Какими словами? Если поставить себя на его место, то и в самом деле криминальная гипотеза — единственное разумное объяснение».

— Может быть, вы слышали, — продолжал уже спокойно следователь, — есть в философии такое понятие — бритва Оккама?

— Да, — кивнула она, — у Ефремова читала.

— Прекрасно... Так вот, пока мы можем объяснить происходящее естественными причинами, у нас нет никаких оснований прибегать к сверхъестественным.

— Да-да, — покорно согласилась Аннушка. — Только для этого вам придется отказаться от большей части требующих объяснения фактов, что вы и делаете весьма успешно... — она грустно усмехнулась. — Вы сбиваете истину с лица бытия во имя... А во имя чего вы ее сбиваете? Во имя спокойствия, здравого смысла, принципов логики?.. Ах да, совсем забыла! Во имя справедливости!

Это выступление почему-то произвело впечатление. Была в нем искренняя безысходность.

«Артистка», — с неудовольствием подумал следователь.

«Зачем я сунулась в милицию? — засомневалась Ольга Петровна. — Либо она должна находиться здесь, либо под следствием. От чего мы ее лечим, если считаем симулянткой? А если нет, то почему она не может жечь одежду? Или мы затормозили ее гипнотические способности? Тогда все правильно... А вдруг это все-таки неизученное явление? Новые возможности человеческого организма? А мы прохлопаем такое открытие?.. Ужас!.. А, ерунда все это...»

— Мне хочется поверить вам, милая девушка, — продолжил следователь, — но я привык честно исполнять свои обязанности и поэтому должен иметь неопровержимые доказательства того, что вы и исчезнувшая девушка — одно лицо. Вот ее фотографии, — он положил на стол несколько снимков. — Любому ясно, что лица разные.

— Но ведь в этом же и состоит загадка! — воскликнула Аннушка.

— Может быть, — согласился следователь. — Но пусть мне дадут медицинское заключение, что вы и она — один и тот же человек, что никто никуда не исчез, а лишь перевоплотился. Дадите такое заключение? — обратился он к врачу. Врач молча поджала губы.

— Вот видите?! — повернулся он к Аннушке. — Медицина не берется. Что же должен делать я?

— Позвать ученых, — спокойно ответила Аннушка. — Знаете, я не все еще сказала вам... — И Аннушка рассказала о своих снах.

— А вот мне сегодня ночью приснилось, что я играю в преферанс с динозавра-

ми, — улыбнулся следователь. — Так ведь подловили на мизере, гады, вот какие штуки случаются.

— Нельзя же так отмахиваться! А если это ключ к объяснению?

— Пришельцы, стало быть, — кивнул он, посмеиваясь одними глазами. — А девушку куда дели? Дезинтегрировали, что ли?

— Что вы говорите?! — отшатнулась Аннушка.

— Девушка-то исчезла, а появились вы. Значит, налицо либо похищение, либо убийство.

— Но я же говорю, что она — это я.

— А всякое насильственное преобразование личности противозаконно. И по сути является убийством...

— Какой беспросветный разговор, — вздохнула Аннушка. Помолчала, пытаясь собрать рассыпавшиеся мысли. — А почему вы берете в расчет только меня? Ведь нас двое! То, что случилось с Игорем, не менее странно. Почему не позвали его?

— Он невменяем, — ответила врач, — и насчет болезни у нас нет никаких сомнений — галлюцинаторный комплекс, необычайная глубина эмоционального погружения.

— Бедный Игорь! — воскликнула Аннушка. — Неужели вы не понимаете, что убиваете его? При его чувствительности находиться в сумасшедшем доме смерти подобно. Это не его галлюцинации — он пропитан кошмарами всего этого дома! Он не выдержит! — Аннушка опять сорвалась на крик. — Вы его убьете! Убьете!.. Неужели это так трудно понять? Ну, если вы мне не верите... ведь вы, наверно, как-то наблюдаете его галлюцинации?

— Да, мы имеем записи всех галлюцинаторных явлений, — подтвердила Ольга Петровна.

— Сравните его галлюцинации с остальными, с моими снами... Вы же можете!

«Действительно, можно обчислить корреляционную матрицу, — подумала Орлова, — богатый материал может получиться для докторской, если его видения и в самом деле будут скоррелированы с остальными».

— Вы же можете! Я знаю! Знаю! Отпустите его! Отпустите! — Аннушка чувствовала, что срывается в истерику, но ничего не могла уже с собой поделать. Она ощутила, что падает, и потеряла сознание. Следователь растерялся. Аннушке сделали укол. Она пришла в себя и тут же уснула. Ее отнесли в палату. Следователь мрачно попрощался и ушел. Ольга Петровна устало опустила в кресло. Сняла трубку внутреннего телефона и набрала номер.

— Группа обработки, Фетисов, — раздалось из трубки.

— Здравствуйте, Иван Денисович, это Орлова вас беспокоит... Вы уже обрабатывали вчерашние индивидуальные записи?

— Как всегда — перекодировка и каталогизирование.

— Прекрасно... Могу я вас попросить сделать статистический анализ?

— Полный?

— Да, желательно всех и в полном объеме. В качестве выходной записи использовать данные палаты № 6.

— Ясенько. Будет сделано. Освободитесь — загляните к нам.

— Обязательно, — она положила трубку и окунулась в текучку.

...«Откуда она могла знать?! Эта полуграмотная машинисточка?.. Ну вот, я уже верю, что она — та самая исчезнувшая машинистка...» Врач держала в руках распечатку результатов статистического анализа записей галлюцинаторных видений больных своей клиники. Фетисов с интересом поглядывал на нее. Он-то уже изучил эти цифири и теперь ждал каких-нибудь объяснений. Такую корреляционную матрицу и резонансные пики на спектральных кривых он видел впервые. Коэффициенты корреляции палаты № 6 с остальными превышали восемь десятых! Остальные же парные коэффициенты, как всегда, были близки к нулю.

— Ну, что скажете, Ольга Петровна? — не выдержал Фетисов.

— Нет слов, Иван Денисыч, вы же сами видите.

— А мне кажется, что вы предполагали нечто подобное. Насколько я помню — полный анализ делается чрезвычайно редко. Как правило, при гипносеансах. Это что — коллективный гипноз?

— Вы считаете, что похоже?

— Очень даже! Смотрите, коэффициент множественной корреляции равен 0,98! Где вы нашли такого гипнотизера?

«Похоже, он еще ничего не знает», — обрадовалась она.

— Размышляйте, Иван Денисыч, размышляйте. Разве может гипносеанс длиться целые сутки?

— Сутки? Сомнительно, конечно... Разве только какая-нибудь гипнотическая машина?

— Нет машины — по старинке работаем.

— Ну, не знаю тогда.

— И вам ничего больше не говорят эти цифры?

Фетисов уткнулся в распечатку и принялся задумчиво жевать свой рыжий ус.

— Вот черт! — хлопнул он себя по лбу. — Это же очевидно!

— Ну-ну...

— Ну да, все наоборот. Гипноз действительно коллективный, только в качестве гипнотизера выступает коллектив психов нашей клиники... Бедняга же у вас в шестой палате. Не завидую я ему! А что, и такое бывает?

— Первый случай, по-моему.

— Ну! Вам повезло! Новый тип психоза! Как вы его назовете?

— Пожалуй, абсолютное сострадание...

— Прекрасно! Не Иисус ли Христос у вас в шестой палате? И не Магдалина ли в тринадцатой? — захихикал Фетисов. — Посмотрите — их парный коэффициент корреляции равен 0,95!

Ольга Петровна зачарованно смотрела на это число, которое она раньше не зафиксировала в сознании.

— Иван Денисыч, все ли правильно? Ведь не могут же они видеть одно и то же! Или он видит то же, что она?

— Ага, все-таки в тринадцатой она! — улыбнулся Фетисов.

— Иван Денисыч, давайте еще немного посчитаем. Нельзя ли провести анализ отдельно для сна и бодрствования пациента?

— Нет ничего проще.

Фетисов ушел в машзал. Она уже знала, с чем он вернется. Почти знала. Но все же слегка надеялась, что ошибается. Очень ей хотелось ошибиться... Страшно было увидеть дело рук своих... Хотя, она сделала то, что сделал бы любой врач на ее месте. Почему же так погано на душе?..

— Ольга Петровна, я что подумал, — ворвался в комнату Фетисов, размахивая распечаткой, — а нельзя ли изменить направление гипноза? Чтобы не они его, а он их? Может он?

— В данном состоянии он ничего не может, а в другом я его не видела. Давайте лучше результаты посмотрим.

Фетисов развернул на столе распечатку.

— Мда, — сказал он, поскольку она упорно молчала, — интересно. В период бодрствования он имеет максимальный коэффициент множественной корреляции, практически единицу, а в период сна такой же коэффициент парной корреляции с тринадцатой палатой, зато множественная корреляция резко снижается. Что вы на это скажете?

— В период сна его восприимчивость резко тормозится.

— Для всех, кроме нее. Похоже, они действительно видят одно и то же. Вы этого ожидали?

Она неопределенно пожала плечами.

— Ольга Петровна, а что, если посмотреть в натуре, что же он видит? Или это запрещается по этическим соображениям?

— Да нет никаких соображений, — отмахнулась она, — давайте посмотрим.

Они двинулись к машзалу. «Да, теперь сомнений нет. Он действительно «пропитан кошмарами этого дома» ...Это страшно! Но что делать? Ведь он сам вызвал скорую помощь, значит, не выдержал. Да и так ли уж существенно мир отличается от сумасшедшего дома? Меньше ли в нем страданий? Как сказала эта бабуся? Психическая аллергия? А при лечении аллергии может быть два пути: исключить контакт с аллергеном или затормозить чувствительность к нему. Попробуй исключи контакт! Разве что на Луну отправить? Вот и получается, что ослабить его страдания можно, только затормозив чувствительность. Значит, все правильно...»

— Знаете, Иван Денисыч, я, пожалуй, пойду — работа ждет, — сказала она, посмотрев первые картины на экране. Ей стало скучно. Типичные галлюцинации. Как все это надоело! — Спасибо за помощь. Вы мне чрезвычайно помогли.

— Но ведь мы только начали, — удивленно и разочарованно прогудел Фетисов.

— А вы смотрите, Иван Денисыч, пожалуйста. Я буду вам благодарна, если найдете что-нибудь ценное.

Она вышла, а Фетисов погрузился в мягкое кресло и захватывающее переплетение кошмаров...

...В кабинете следователя мерзко заскрипел телефон. Он поднял трубку.

— Здравствуйте, с вами говорит доктор Орлова.

— А, Ольга Петровна, рад вас приветствовать! Чем обязан?

— Вам, кажется, было необходимо медицинское заключение о том, что наша пациентка и пропавшая девушка — одно и то же лицо? Я дам это заключение.

- Вы серьезно?! Не может быть!
- Мне не до шуток.
- Что-нибудь случилось?
- Просто у меня не осталось сомнений.
- И как же ей это удалось?
- Не знаю. И думаю, что никогда не узнаю. Извините, мне некогда. Пришлите кого-нибудь за заключением. До свидания.
- До свидания, — ошеломленно ответил следователь и положил трубку.

...В слегка помятом, но вполне респектабельном темно-синем костюме, при белой рубашке и синем галстуке Игорь Анатольевич вышел на крыльцо клиники. Глубоко вздохнул, посмотрел на небо и улыбнулся. «Свобода, черт возьми! Свобода! Все, товарищи! Я вам больше не товарищ. Кончились кошмары. Спасибо Ольге Петровне... Господи, как хорошо, как прекрасно, когда можно не бояться, что любой прохожий может окунуть тебя в помойное ведро своей души... Бр-р-р!». Игорь Анатольевич брезгливо передернул плечами и торопливо спустился с крыльца.

Со скамейки, стоявшей на дорожке, поднялась какая-то уродина на костылях и, криво улыбаясь, с большими усилиями двинулась навстречу Игорю Анатольевичу. Он, конечно, заметил ее. Не мог не заметить — вокруг больше никого не было. «Милостыню, что ли, просить будет?» — брезгливо подумал он и полез в карман за мелочью. Терпеть он не мог этих попрошаек, презирал их и почему-то боялся.

- Здравствуй, Игорь, — сказала она, глядя ему в глаза.
- Простите, вы меня? — постарался вежливо отгородиться Игорь Анатольевич, перебирая в кармане мелочь.
- Я — Аннушка...
- Очень приятно. Чем могу быть полезен?

Она усмехнулась.

— Подайте бедной-несчастной калек. Я только что вышла из больницы, обо мне некому позаботиться. Не имею средств к существованию.

«А я, конечно, вышел из дома отдыха?! — злился про себя Игорь Анатольевич. — Вот стерва, наверняка тебе государство пенсию платит».

— Ладно-ладно, — обрвал он ее и, не глядя, сунул в протянутую руку мелочь. — Извините, я спешу. — И быстро пошел к воротам.

Аннушка, навалившись на костыли, смотрела ему вслед, пока он не вышел за ворота и не вскочил в подвернувшееся такси. Захлопнув дверцу, Игорь Анатольевич облегченно вздохнул. Все-таки эта попрошайка изрядно подпортила ему настроение. «Ну и что, что Аннушка? Мало ли чего больной человек натворить может! Что ж, потом всю жизнь за это расплачиваться? Лучше сразу отрубить! Да и ерунда все это. Бред! Ничего не было! Ни-че-го! И точка... Гораздо серьезнее проблема работы. Уж, конечно, все пошло прахом. Эх, и откуда эта напасть свалилась?! Так хорошо все складывалось. Ничего! Главное, что выкарабкался...»

Врач отшатнулась от окна, когда Аннушка посмотрела в ее сторону и взмахнула рукой. В форточку влетело несколько монет и рассыпалось по полу. Аннушка, привычно перекидывая тело на костылях, двинулась к автобусной остановке...

— Я понял! Понял я! — влетел в комнату Фетисов. — Ольга Петровна, вы слышите? Куда это вы смотрите? — он подошел к окну и проследил за ее взглядом. — Подумаешь, калек. Сколько их на земле? Вы меня послушайте! Я понял!!

— Что вы поняли, Иван Денисыч? — устало повернулась к нему врач. — Нельзя ли в другой раз?

— Нельзя, никак нельзя! — завопил обезумевший математик. — Я просмотрел и профильтровал все записи за последний месяц.

— Ну и что у вас там?

— А вот что! Экзамен это, Ольга Петровна. И для них, и для нас.

— Господи, какой еще экзамен? И что — это?

— Как что? Да эти ваши чудесные пациенты с цветочками. У них это вроде как экзамен на аттестат зрелости. Преодолеют — не преодолеют. Ну и для нас тоже — созрели для контакта или нет.

— Кто это они?

— Не знаю, цивилизация какая-то. Они путешествуют по всем уровням мироздания, ищут разум и объединяются с ним, если, конечно, разум созрел.

— Фантастика, и притом примитивная, — хмыкнула Орлова. — Зря вы, Иван Денисыч, фильтровали этот бред.

— Да нет же! Уверю вас! — горячо возразил Фетисов. — Это в моем примитивном изложении... Потом я вам покажу... А эти двое... сентиментально, конечно, но... они отправились на экзамен вдвоем. Они, знаете ли, влюбленные... — покраснел от умиления Иван Денисович.

— Любовь заодно проверяли?
 — Да вроде того.
 — Что ж, провалились...
 — Как это?
 — Видели калеку? Это она шла к автобусу...
 — Но как же?!
 — А вот так... По-вашему, выходит, что не созрели.
 — Но как вы могли?! Кто дал вам право?!
 — А идите-ка вы, Иван Денисыч, куда-нибудь подальше! Где вы раньше были?
 — Я работал, я думал!
 — Ну вот и думайте дальше. Это у вас здорово получается.
 — Но нельзя же, чтобы судьба человечества зависела от поступков одного человека! — воздел кулаки к потолку возмущенный мыслитель.
 — Нельзя, — согласилась врач. — Однако зависит. А коли зависит, значит, не созрели... Только все это ерунда! Уверяю вас, милый Иван Денисыч. Профильтруйте-ка свои данные еще раз. Существует столько прекрасных фильтров... Не оставляйтесь на достигнутом... Хотите выпить? У меня тут спирт есть...

А ночью темное небо пересекла мгновенная яркая линия. Одна линия. Но никто из героев нашего рассказа этого не заметил. Только ваш покорный слуга, выйдя на балкон покурить, успел подумать о ней: «Не исчезай!» Да у Игоря Анатольевича, без всяких к тому оснований, случился инфаркт...

Андрей, задрав голову, созерцал мощную крону чинары. «Однако, — щелкнуло что-то в голове, и он посмотрел на часы. — Однако, разгар рабочего дня, а я торчу в парке...» Из «Луна-парка» доносилась модная музыка, под которую ноги спонтанно начинают дрыгаться. Из «Котлованчика», который уже сто лет, как не существует, возвращались веселые студенты, выдыхая концентрированный пивной дух. Андрей с удивлением обнаружил, что не помнит, как здесь очутился. Неужели он в имитируемой обстановке?.. Стоило огород городить.

Андрей постукал ребром ладони по скамейке, покатались на ней, цепи зашкрипели. Все, как в жизни. И студенты, и скамейка. «Пива, что ли, выпить для просветления мозга?» До «Котлованчика» было рукой подать, и вот он уже заказывает пиво и несет к столику две кружки. Устроился в уголке, взял соленых миндальных косточек. Пиво оказалось приятным и почти неразбавленным. Андрей сразу отпил полкружки и... попал в юность...

...Солнце ярко светит в высокие окна университетской аудитории. Душно. Внизу около доски вышагивает Камалетдин Усманович, излагая основы гомеостатической теории счастья Вольнова. Андрей смотрит в окно, где шевелятся пыльные листья тополей. Рядом сидит Настя. Записывает лекцию. Прилежная студентка. Их голые руки соприкасаются, и в зоне соприкосновения рожденья маленькие ручейки пота, щекотно стекающие к локтю. Но они не отодвигаются. Хотя и не смотрят друг на друга.

— Ощущение счастья, согласно рассматриваемой теории, — говорит Камалетдин Усманович, — формируется в человеческом сознании, когда все или хотя бы наиболее существенные для данного индивидуума стороны бытия соответствуют, находятся в равновесии, в резонансе с представлениями его о том, какими они должны быть...

Андрей повернулся к Насте. Она писала, наклонившись над конспектом и умирительно прижав кончик языка к верхней губе. Сарафан отошел от груди, открыв ее — маленькую и упругую с розовыми сосками. Ему показалось, что от Насти исходит сияние. Не ослепительное, а маленькое ласковое сияние. Что вся она лучится, и лучи ее проходят сквозь него. Она словно бы оказалась отделенной от него увеличительным стеклом — чуть отодвинулась и выросла.

Настенька подняла глаза, кожей почувствовав его беспокойство. Но не пошевелилась, не попыталась закрыться. Она лишь заглянула ему в глаза и вернулась к конспекту, играя прозрачной улыбкой в уголках губ и чуть-чуть тесней прижав к нему руку.

«Охмуряет, — выползло вдруг. — Все они охмуряют. Замуж-то надо выскокить». Тут зазвонил звонок, и Андрей опрометью бросился из аудитории. «К черту! — бормотал он. — К черту! Фигу вам! Ничего не выйдет...» Однако на душе было мерзопакостно...

...Андрей решился открыть глаза. Пред ним, валяжно развалясь на алюминиевом стуле, сидела толстенная Пустота и допивала его пиво. И оно, это пиво, покорно исчезало в ней, булькая при каждом глотке. Андрей без единой мысли в го-

лове проследил, как пустая кружка, описав хитрую траекторию, опустилась на стол, а Пустота уже сидела спиной к нему за другим столиком, где тосковал пожилой небритый алкаш. Андрей потряс головой, стряхивая наваждение, и стряхнул. «Может быть, это у меня после эксперимента память вырубил и галлюцинации появились? Могут поставить крест на хорошем деле». Он вспомнил глобальные проекты по переустройству человеческого общества, которые они понастроили, обсуждая план эксперимента. Коллективный разум! Учет функционала счастья каждого члена общества! Уничтожение государственности!.. Десятки раз цитировали вольновский роман и чувствовали себя Прометейми! И вот на тебе — получили Коллективный разум, когда и отдельный-то свихивается. Запретят теперь, как пить дать — запретят... Андрей с расстройства глотнул еще пару глотков пива...

...И вдруг почувствовал, что уменьшается. Самым настоящим образом. «Котлованчик» стал разбегаться от него во все стороны вместе со студентами и алкашами, словно капля бензина по поверхности воды. Сиденье стула превратилось в необозримое волнистое поле, и Андрей затерялся в какой-то щели. И самое странное, что он ничуть не испугался. Только немного удивился, когда с далеких где-то у горизонта стоящих стульев сорвались студенты и по спиральной траектории полетели к нему, увлекая за собой все прочие материальные субстанции. И все это поглощалось им, ничтожно малым, и становилось в нем чем-то единым. «Эге, — догадался Гражданин Вселенной, — коллапсирую!.. Ну и пиво сегодня — куда ОТК смотрит?!» Это была его последняя земная мысль, потому что он вдруг начал стремительно расширяться, охватывая все объекты открывшегося ему нового мира: от мельчайших частиц до звездных скоплений. Все это было им, как руки, глаза, кровавые тельца, нервные клетки его прежнего тела — он был вселенной, единой в своем многообразии. И он ощущал, что каждый элемент его вселенной есть такая же самостоятельная единая в себе вселенная. А сам он — элемент чего-то еще более Всеобщего. Ощущение было ни с чем не сравнимое. Среди человеческих понятий не было ему названия. Счастье? Нет, это было что-то большее. Может быть, даже ответ на вопрос ЗАЧЕМ ВСЕ ЭТО? Жизнь, Разум, Время, Пространство... Он сам был ответом на этот вопрос. Он ничего более не желал для себя, только бы сохранить всеобщую гармонию...

...Где-то вдалеке возник четкий знакомый звук таймера. Тик-тик-тик... Андрей открыл глаза. Он сидел в машинном зале, одетый в фантоматический скафандр с нахлобученным на голову шлемом, от которого тянулась куча проводов к пульта. Ирина Петровна сняла с него шлем и поцеловала в лоб, сияя радостью.

— С возвращением, Андрюша!

— Спасибо, — устало улыбнулся он в ответ и подумал: «Значит, это все-таки был эксперимент... Стало быть, не все пропало — будет Коллективный Разум!»

— Ну как? — спросила Ирина Петровна.

— Нормально, — кивнул Андрей.

— Ну ты даешь! — опешила она. — Нормально! Словно с обеда вернулся. Да ты что, товарищ Петров?

— Да, — согласился он, — чего это я? Обалдел, видно... Сообразить не могу. Сразу все в голове не укладывается... Слушай, начальство, можно я пойду прогуляюсь? Соберусь с мыслями.

— Ну, конечно, если тебе это необходимо, — разрешила Ирина Петровна, умирая от любопытства.

Андрея освободили от датчиков, и он быстро вышел из зала: ему нужно было побыть наедине с собой, закрепить в памяти все происшедшее с ним.

Он быстро шел по обочине дороги к автобусной остановке, чтобы мир не слишком активно врвался в него, мысленно выстраивал свои воспоминания, представляя, как будет излагать их перед микрофоном. Подойдя к магистральной дороге, по которой ходили трамваи, троллейбусы, автобусы и прочая рычащая нечисть, и, взглянув мельком налево, он пошел через дорогу, глядя под ноги и одним глазом влево. Когда он уже почти перешел половину дороги, с противоположной стороны раздались пронзительный женский крик и визг тормозов. Он поднял глаза и мгновенно увидел все, отметив, до чего банальна, стандартна и нелепа ситуация, как в подцлом телефильме: маленькая девочка бежала через дорогу, гонясь за болонкой, резко затормозившая машина отрезала путь матери, чуть не сбив ее, а девочка в этот момент споткнулась о рельс и упала на трамвайные пути, по которым с горки летел трамвай, звеня тормозами. Ближе всех к девочке оказался Андрей. Вот-вот, как в пошлом телефильме. Как поступать в банальных ситуациях? Думать было некогда... Только мелькнуло в мозгу: «А эксперимент? Они никогда не узнают, что со мной было!» И все исчезло...

...Когда он очнулся, около него хлопотали Ирина Петровна, Танечка и врач с медсестрой. Кто освобождал его от датчиков, кто снимал шлем.

— Где я? — спросил Андрей, ничего не понимая.

— В институте, Андрюшенька. Не волнуйся, миленький. Сейчас тебе сделают укол, и ты немного поспишь, — воркующим материнским голоском стала успокаивать его Ирина Петровна. — Приборы показали сильное нервное перенапряжение. Эксперимент пришлось прервать.

Ему сделали укол.

— Врете вы все, — прошептал Андрей непослушными губами и... заснул.

Ирина Петровна устало шла от института к остановке. Туфли жали, сумка то и дело сползала с плеча, в воздухе пахло выхлопными газами и пылью. Ирину Петровну мучила совесть. Ей казалось, что она чего-то не предусмотрела и как руководитель эксперимента вела себя безответственно. Эксперимент оказался не столь безобидным, как думалось. А наличие риска могло поставить крест на всей идее. Что-то еще скажут медики?

Ирина Петровна вздрогнула от неожиданного скрипа тормозов. Около нее остановилась директорская машина.

— Добрый вечер, Ирина Петровна, — сказал Намазов, выходя из машины.

— Здравствуйте, Герард Кадырович.

— Устали... — заметил он. — Научная работа — это нервы. Рождение надежд — нервы, крушение их — нервы, непонимание коллег — нервы, триумф — и подавно нервы...

Ирина Петровна устало кивнула, соглашаясь.

— Прошу простить меня, я вас долго не задержу, — продолжал Намазов. — Как эксперимент? Как наш доброволец?

— Трудно сказать, — вздохнула она, — эксперимент прервали по рекомендации врача. Приборы зарегистрировали сильное нервное перенапряжение. Андрею ввели снотворное. Сейчас он спит под наблюдением медиков и наших сотрудников.

— Интересно... Значит, в эксперименте что-то произошло, он на что-то реагировал... Есть основания полагать, что стыковка мозга с электроникой состоялась, не так ли?

— Я тоже надеюсь на это. Сейчас Платонова занимается расшифровкой записей приборов, но, судя по некоторым кривым, действительно есть основания...

— Что ж, примите мои поздравления, — улыбнулся Намазов.

— Рано еще, Герард Кадырович... Может быть, завтра вы нам запретите работать с человеком.

— Не бойтесь радоваться жизни, Ирина Петровна!

— О-о-о... — грустно улыбнулась она, — этому надо специально учиться. — Она уже внутренне подтянулась. Даже усталость несколько спала.

— Пожалуйста, садитесь в машину, — открыл перед ней дверцу Герард Кадырович. Ирина Петровна удивилась, но села.

— Где вы живете, Ирина Петровна?

— Чиланзар, десятый квартал.

— Мухамеджан, — красноречиво сказал Намазов, и машина тронулась. Ирина Петровна изо всех сил старалась придать себе независимый вид.

— Ваши планы на завтра, Ирина Петровна?

— Наши планы во многом зависят от состояния Петрова и от заключения медиков... Но, конечно, расшифровка записей, анализ, обсуждение эксперимента.

— С удовольствием принял бы участие в обсуждении.

«Этого еще не хватало!» — испугалась Ирина Петровна.

— ... но, увы, завтра с утра я занят. Пожалуйста, держите меня в курсе.

— Разумеется, Герард Кадырович, как договаривались.

— Вот и хорошо, — необычно мягким голосом сказал Намазов и как-то странно посмотрел на собеседницу.

«Совсем нервы ни к черту, — подумала Ирина Петровна, — ерунда всякая мерещится... Опять выдумываю черт-те что...» Она уже миллионы раз проклинала себя за дурную привычку все время моделировать окружающих и принять эти умозрительные модели за самих людей. Ей всегда казалось, что она с первого взгляда, с первого слова узнает о человеке все самое главное, и этого вполне достаточно для общения. Пронумерованный и охарактеризованный знакомый занимал место в свободной ячейке ее памяти. А те люди, которые не поддавались моделированию и прогнозированию, вызывали у нее раздражение и считались скользкими или неустановившимися личностями. Однако именно эти люди вызывали в ней наибольший интерес. Казалось бы, эта налаженная система отношений вполне должна была обеспечить ей душевный комфорт, но Ирина Петровна Секина не была бы собой, если бы в ней не было беса, который изредка обожал ходить на рогах. А поэтому в ответ на странный тон Герарда Кадыровича этот самый бес ангельским голоском спросил:

— Вы уничтожили тот рисунок?

— Нет, что вы! Это одно из наиболее удачных моих произведений, — ответил с обаятельной улыбкой Герард-великолепный, повергавший женщин в восхищенный трепет своим знаменитым немигающим взглядом, которым он и сейчас опаял Ирину Петровну.

Однако Ирина Петровна довольно спокойно выдержала этот сеанс гипноза, чуть сощурив свои зеленые кошачьи глаза — красующиеся мужчины сместили ее. Но авторитет директора ощутимо давил на психику, и посему она постаралась остаться серьезной.

— Я пыталась объяснить себе этот поразительный факт, но безуспешно... — вопросительно посмотрела она на Намазова.

Что ж, ему нравилось быть загадочным мужчиной.

— Все очень просто, Ирина Петровна, — ответил он с удовольствием, зная, что ответ его понравится и будет принят, — стихия, вдохновение... Или по-русски: бес попутал, — засмеялся Намазов открыто, раскованно, словно говоря: «Вот я какой — душа нараспашку, а дна не видно...»

Ирину Петровну вдруг посетило сомнение в правильности «модели Намазова», созданной ею, то есть человека, глубоко чуждого ей... А тут в нем появляется ее личный бес... Как это он вдруг забрался в Намазова?... Это рождало сомнения, а соответственно и интерес. А Герард Кадырович именно на это и рассчитывал.

— Как вы относитесь в Вольнову? — спросила Ирина Петровна с внутренним содроганием, зная, что он не любит напоминаний о своем знаменитом предшественнике. Но взгляд, и голос, и выражение лица Намазова как бы приглашали ее задавать всякие «опасные» вопросы. И она не могла устоять против искушения.

— С уважением, — кратко ответил Намазов. — Вольнов — мой идеал, — продолжал он, чуть помолчав. — Он достигает своих целей, не теряя любви народа... Талантище... Вот кто должен быть счастливым... А вы, Ирина Петровна, простите за нескромный вопрос, вы — счастливы? — неожиданно спросил Намазов.

— Не знаю, — честно призналась Ирина Петровна, — хотя часто радуюсь жизни без всякой видимой причины.

— Инстинкт счастья, — кивнул Намазов. — Иногда достаточно какой-нибудь Радости Бежать По Росе Босиком... Впрочем, вы это знаете не хуже меня.

— Конечно, — улыбнулась Ирина Петровна. — Ой, — вскрикнула она, увидев, что проезжает свой дом, — остановите, пожалуйста, Мухамеджан, я уже приехала!

Мухамеджан затормозил. Намазов быстро вышел из машины и открыл дверцу.

— Очень приятно было с вами поговорить в этой неофициальной обстановке, — признался Герард Кадырович. — Жаль, что мы так быстро приехали. Нормальное человеческое общение — такая редкость для меня.

— Я очень рада, — обаятельно улыбнулась Ирина Петровна. — Благодарю вас за любезность. До свидания...

... В голове звенело. И темнота с редкими неясными искорками... Совершенно дикие ощущения, на молекулярном уровне, словно сам себя рассматриваешь под электронным микроскопом. Рваные края живых тканей на глазах тянутся друг к другу, затягиваются раны, нарастает кожа...

— Смотри-ка! — доносился удивленный и даже испуганный голос. — Рука-то! Рука-то обратно прирастает! А лицо-то, лицо! Все в кровь было, а теперь розовенькое, как у младенца...

«О ком это?»

— Слышь, это, наверное, робот такой — человекообразный, — доносится другой голос... А клеточки тянутся друг к другу, и от этого по телу разливается теплое блаженство... — Точно тебе говорю, — доказывает тот же голос. — Она тут Институт Кибернетики стоит. Как пить дать — их продукция... Разве с человеком такое будет?

«О чем это они, черт возьми?!» — ему стало интересно, и он открыл глаза. Над ним нависли покрасневшие физиономии. Оказывается, он лежит на гальке между трамвайными путями, и его обступила толпа. И трамвай тут же, но народ его как бы оттеснил на задний план. А эта девушка, видимо, водитель трамвая: лицо у нее белое.

— Глаза открыл, — сказали из толпы.

Андрей сел и все вспомнил.

— Девчонка-то где? — спросил он толпу.

— Живая... Мать ее подхватила и в поликлинику потащила... Да она совсем целая, так, коленки чуть ободрала... — загудела толпа.

Андрей пощупал себя. Вроде цел.

— Робот. Я говорю тебе, робот, — тихо, но уверенно зашептал кто-то за его спиной. — Его так протащило, а на нем ни одной царапины.

— Разрешите! Разрешите! — в круг вступили трое в белых халатах. — Кто пострадавший? — спросил мужчина лет сорока пяти.

— Он, — показала на Андрея девушка-водитель.

— На носилки, — распорядился врач.

— Не надо! — испуганно вскочил Андрей. — Я здоров.

— Это шок, — объяснил врач.

— Его так долбануло! — сказал кто-то из толпы. — Вон кровящи сколько!

Андрей обернулся и увидел бурые пятна на камнях. «Неужели мое? — недоверчиво подумал он и стал рассматривать свои конечности. Они были целые, только без волос и покрыты какой-то необычно розовой кожей, как под свежесодранной мозолью. Чуть пониже локтя левой руки по всей окружности проходил не глубокий, но заметный шрам. «Дела...»

— Да нет у меня никакого шока! И вообще все в порядке.

Врач подошел к нему, стал ощупывать. Андрей пошло хихикал, потому что боялся щекотки.

— Мда, — многозначительно сказал врач и поскреб плохо выбритый подбородок. Было видно, что он ничего не понимает. — Что же, оформим, как... Нет, нельзя... Дорожно-транспортное.

Он пристроил на ящике с инструментами бумаги и стал что-то писать.

— Распишитесь, — сказал врач. Андрей расписался под словами «Пострадавший жалоб не имеет». Подписалась также и порозовевшая девушка-вагоновожатая. — Вызывают тут, не разобравшись, — проворчал врач, и троица исчезла за толпой.

— Сейчас и ГАИ объявится, — грустно вздохнула девушка...

— Не бойтесь, — успокоил ее Андрей, — вы же ни в чем не виноваты. Все видели. Да и все кончилось хорошо. — И тут раздался свисток милиционера, пробиравшегося через толпу, которая ждала продолжения чудес. И Андрей не обманул народ. Он исчез...

...В темноте светились огоньки пульта. «Все верно. Таймер сработал. Как это мне удастся уже второй раз вовремя смыться? Подозрительно...» Андрей нажал на останов. Снял шлем. Прислушался. Тишина. «Кажется, все в порядке... Хорошо, что сегодня Истукан дежурит, он человек умственный, ему некогда... Зато я имею очень интересный вывод из эксперимента: жив я, черт меня дери! Вот так!» — он вдруг почувствовал такой прилив радости, что чуть не задохнулся. Только сейчас он понял, что до смерти боялся откинуть копыта во время этого самовольного ночного эксперимента, который ему удалось провести только благодаря тому, что несчастные наблюдатели — Настя и медик — свалились от усталости и заснули прямо в креслах... До смерти, но не больше смерти...

Андрей вытащил из гнезд кассеты с записью эксперимента и спрятал в свой шкаф. Выключил рубильник. «А ведь похоже, что я сделал открытие! — осознал он вдруг. — Может быть, с помощью этой системы можно залечивать не только моделируемые увечья, но и действительные болезни организма? ЭТО вам не какое-нибудь абстрактное счастье, а вполне конкретное человеческое здоровье...» — размышлял Андрей и, на всякий случай, взглянул на свою левую руку. На ней, чуть пониже локтя, проходил по всей окружности еле заметный шрам, который слегка зудел...

ГЛАВА 2. ЗАГАДКА СИМОНЯНА

Сектор Ирины Петровны Секиной готовился к семинару. Сама Ирина Петровна набрасывала краткий планчик своего выступления. Настенька вводила в курс Платонова — Ирина попросила пригласить его на семинар, чтобы ввести в круг проблем и познакомить с Максимовым.

— Слава героям советской науки! — В дверях, широко улыбаясь, стоял Альфред Варганович Симонян. Герои науки несколько растерялись. — Разрешите представиться: Симонян Альфред Варганович, — гость склонил голову в легком поклоне.

— О, мы о вас столько слышали! — вскочила Ирина Петровна. — Проходите, пожалуйста, присаживайтесь, вот наш гостевой «трон», — показала она на единственное в комнате кресло...

— Благодарю вас, уважаемая Ирина Петровна. Позвольте вас поздравить и поприветствовать, — склонился он, целуя протянутую руку.

— Анастасия Владимировна, приветствую вас, — склонился он к следующей ручке. — Давно, давно вы не баловали старика своим вниманием.

— Какой же вы старик?! Господь с вами!

— О-о-о, вы добрая женщина Анастасия Владимировна... Танечка?! Позвольте и вас поприветствовать... Как ваши родители? Милейшие люди... А вас, Андрей Митрофанович, позвольте поздравить особо, пожать вашу мужественную руку... Герой! Герой без всяких скидок! Это же надо — с машиной свой мозг состыковать. Превращение кибернетики в интеллектронику — это уже революция, не только научная, но и социальная. И вы — ее буревестник! — С приходом Симоняна в комнате стало тесно и шумно, как будто к ним ввалился целый взвод гостей и все разом заговорили.

— Да вы садитесь, садитесь, — напомнила ему слегка обалдевшая Ирина Петровна. — Мы сейчас чайку организуем... Буревестник, будь человеком, — кивнула она на чайник. Андрей мигом исчез и мигом вернулся.

— Альфред Вартанович, — спросил он, включая чайник, — а откуда вы всех нас знаете?

— Во-первых, от Анастасии Владимировны. А во-вторых, я сейчас от вашего директора. Очень хорошо он обо всех вас отзывался... Большая редкость, чтобы директор знал своих сотрудников по имени-отчеству. Надо признать, что у вас есть к этому особые основания. Молодцы, молодцы... И ничего, живой, даже разговаривает, — кивнул он в сторону Андрея. — Сильно поумнел-то?

— Не знаю, не понял еще, — пожал плечами Андрей. Был он немного не в своей тарелке, и ему не давался сегодня легкий ироничный тон, предложенный Симоняном.

— У нас сейчас семинар состоится как раз по этому вопросу, — сказала Ирина Петровна. — Будем рады, если вы примите участие.

— Увы... Мое время принадлежит моему началству. Благодарю вас за приглашение.

— Альфред Вартанович, а может, все-таки... а? — изобразив очаровательные глазки, спросила Настенька.

— Не рвите душу, мои дорогие, она все равно останется с вами, — приложил руки к груди Симонян. — Но скоро за мной машина. — Он покосился в окно. — М-да... Так как, Анастасия Владимировна, не понравились вам мои отшельники? Не до них теперь?

— Совсе нет, — улыбнулась Настя. — Просто, без усилителей интеллекта я не тяну.

— Раздолбаем мы ваших отшельников, — оптимистически пообещал Андрей. — Научиться бы только думать в комплекте с кибернетикой.

— Бог в помощь, — усмехнулся Симонян. — Только мои отшельники разлюбезные и без кибернетики таких высот духа достигли, которые нам с вами и с кибернетикой вряд ли будут доступны.

— То есть? — заинтересовался Андрей, подавая ему пиалу с чаем. В утверждении Симоняна ему послышалось сомнение в действительной перспективности их работы. А это озадачило почивавшего на лаврах Гражданина Вселенной. Какие могут быть сомнения?!

— То есть? — улынувшись, переспросил Альфред Вартанович и, отпив из пиалы глоток чаю, поставил ее на стол. — Что ж, извольте. — Он выглянул в окно и продолжил: — Вы когда-нибудь разбивались на вертолете? — Его хитрый взгляд быстро пробежал по лицам слушателей. Профессионально рассчитанная пауза впечатляла. — Я так и думал, — кивнул Альфред Вартанович. — Пренеприятное, доложу я вам, приключение. Это случилось во время той экспедиции, с работой которой вы, я думаю, знакомы благодаря Анастасии Владимировне. Не оправдывайтесь, не оправдывайтесь, — успокоил он Настеньку, — такую информацию никто в себе не удержит... Ввиду особых обстоятельств случай, о котором я хочу рассказать, не вошел в тот отчет. Так вот. Выследили мы однажды с помощью вертолета одного отшельника в горах. Худющий такой, с бородой, старец. Сидел он на краю обрыва, высотой от подножия, боюсь соврать, ну, примерно метров пятьсот. Сидел себе, ноги свесив, не двигаясь. А у нас было задание — хотя бы один экземпляр представить пред светлы очи, что пока нам никак не удавалось сделать: прямо-таки растворялись в воздухе... Так что у нас уже и без задания дело на принцип пошло — что за черт возьми! Какие-то отшельники нас за нос водят и разговаривать с нами не желают. Все мы жаждали взять «языка» и заставить его говорить с нами. На этот раз, казалось нам, это должно получиться: все-таки старец — телом немощен, духом мудр, авось, со скалы сигать не будет... Ну, покружили мы над ним и пошли на посадку. За обрывом как раз было ровное место. Вдруг показалось нам,

что вертолет застыл на месте, словно в стенку невидимую уперся. И тут перед нами прямо в салоне появилось маленькое белое облачко, все из себя прозрачное, трогательное... барашек воздушный. Только нас при виде его почему-то ужас охватил, самый низкопробный животный ужас. А облачко стало расти, расти и заполнило все пространство вертолета. Дышать, правда, можно было, даже чем-то приятно пахло. И стали у нас в голове появляться всякие несуразности. Я, например, Анастасия Владимировна, какое-то время слышал ваш ангельский голос, который втолковывал мне такие умности, каких, извините, при всем моем уважении к вам, я от вас никогда не слышал. Не зря я вас попросил заняться отшельниками — сдается мне, что у вас с ними какие-то потусторонние связи. А, Анастасия Владимировна? Что вы мне такое говорили? — пристально посмотрел Симонян на Настю. И ей стало чуть не по себе от этого взгляда. Странный сегодня Альфред Варганович. — Потом послышалась то ли музыка, то ли пение. Заслушавшись, мы не сразу заметили, что вертолет сдвинулся с места. Только лучше бы он не сдвигался... Летели мы вовсе не к посадочной площадке, а в узкую расщелину между двумя скалами. Пилот будто прирос к рычагам управления и был похож на марионетку, которую кто-то дергает за ниточки. Его лицо выражало обалделую готовность к чему угодно. Он уверенно вел вертолет в расщелину, по габаритам явно не подходящую для нашего летательного аппарата. А мы, все остальные, не могли пошевелить ни рукой, ни ногой, словно в соляные столбы превратились... Гроб летающий с мумиями... Мы все-таки виртуозно втиснулись в расщелину — винт, конечно, вдребезги, но грохнулись с небольшой высоты, поэтому отделались ушибами и синяками... Когда мы с трудом выбрались из вертолета, старец поднялся и, не глядя на нас, легко зашагал прочь, а через несколько метров растворился в воздухе у всех на глазах... Шагнул и исчез... Такие дела. Хорошо, что рация у нас не разбилась, — закончил рассказ Симонян и залпом допил остывший чай.

— А при чем здесь наша кибернетика? — спросил Андрей. Намек он понял, но сдаваться не хотел.

— В том-то и дело, что ни при чем, — улыбнулся Симонян. — У нас нет ничего, что мы могли бы противопоставить им, кроме непонимания.

— И вообще, — гнул свою линию Андрей, — с чего вы взяли, что ваше крушение как-то связано с этим старцем? Конечно, сейчас модно пенять на экстрасенсов, но зачем же хвататься за мистику? — И подумал: «Чего это я несу? Сам по уши завяз в мистике!»

— Проще всего объявить мистикой все, что выходит из привычного круга наших понятий. Или галлюцинациями отдельных товарищей... Только отшельники — это реальность. Массовых галлюцинаций не бывает, и вертолеты в галлюцинациях не разбиваются... Может быть, это мутанты, ушельцы из нашего мира? Они не поддаются нашей логике, у них иная система ценностей... Так что, имейте в виду мою рабочую гипотезу, когда будете «долбать» отшельников. — Симонян еще раз глянул в окно и вскочил. — А я прощаюсь с вами, и надолго. Затем и пришел. Закругляю наиболее важные дела.

— А куда это вы собрались? — спросила Настя.

— Большой-большой секрет, — приложил толстый палец к губам Симонян. — Очередная и более решительная экспедиция. Один член нашего ЦК подался в отшельники. Больше с такими фактами мириться не собираются... Ну, ладно, счастливо оставаться и не забывайте моих отшельников, — двинулся он к двери.

— Мы вас не забудем, — пообещала Настенька.

— Спасибо, — улыбнулся Симонян и, сделав общий поклон, выкатился за двери.

Настя проследила в окно, как Альфред Варганович сел в свою служебную машину. Этот неожиданный визит вызвал у нее какое-то неопределенное, расплывчатое ощущение тревоги. Вроде бы Симонян как Симонян — ум, шум, энергия, но... Взгляд, что ли? Печальный какой-то взгляд, усталый... Да и вообще, сам факт его появления — уже нечто из ряда вон... Функциональный, вечно занятый Симонян — и эта сцена прощания с почти незнакомыми людьми, и она-то не бог весть какой близкий ему человек... Словно навсегда прощается. Как это он сказал? «Закругляю наиболее важные дела». Что же тут произошло такого важного?.. Настя поняла, что теперь не успокоится, пока не раскусит тайного замысла Симоняна...

— Надо же, какой толстенький! — нарушила затянувшееся молчание Ирина Петровна.

— Умный мужик, — определил Андрей, — и хитрый. На что-то он нас хотел навести. Подстрекатель-намекагель.

— Он в нашем доме живет, — сказала Танечка. — От него недавно жена ушла...

— Алло, Секина у телефона.

— Ирина Петровна, — раздался мужественный директорский глас, — вы не могли бы сейчас зайти ко мне? Я прослушал обе ваши записи.

— Сейчас приду. — Ирина Петровна положила трубку, посмотрелась в зеркало и вышла в коридор, довольная своим обликом. Спустившись на первый этаж, она почувствовала, что волнуется. Но не естественным волнением перед посещением начальственного кабинета, которое, впрочем, тоже присутствовало, а как-то по особому волнуется. Словно ждет чего-то необычного.

«Что это со мной происходит?» — удивилась с недовольством Ирина Петровна и проглотила аршин, с которым и вошла в директорский кабинет.

Увидев ее, Намазов катапультировался из кресла, что следовало понимать как особое расположение, ибо обычно он ограничивался формальным кивком и указанием стула.

— Проходите, Ирина Петровна, присаживайтесь, — проводил он ее к стулу. — Что с вами? Устали? — чутко прореагировал Герард Кадырович на ее оцепенение.

— Да нет, ничего, Герард Кадырович, не переключилась еще, — объяснила Ирина Петровна, почувствовав, что аршин растворяется.

— Жаль, что я не присутствовал на семинаре, — начал Намазов, — и благодарю вас за предоставленную мне возможность прослушать его запись. И запись рассказа Петрова. Конечно, это не живое общение, но все же... С особым вниманием я прослушал рассказ товарища Петрова... И знаете, не мог сдержать улыбки: сказочка получается, несерьезно как-то...

Ира ошетижилась:

— Вы хотите сказать, что он все это придумал?! — брови гневно взлетели вверх.

— Нет-нет! Что вы, уважаемая Ирина Петровна, я имел в виду совсем иное... Ну, представьте, что я докладываю об этом на Президиуме. Котлованчик, пиво, вселенные, трамвай... Смешно. Пойдут разговоры, что у Намазова белая горячка.

— Это не имеет никакого отношения к науке! — Ее возмущала сама постановка проблемы, которой для нее не существовало.

— Простите, Ирина Петровна, — ласковым тоном спросил Намазов, — но какое отношение к науке имеет то, что я услышал?

— Самое непосредственное, — отрубил она. — Во-первых, мы практически доказали возможность симбиоза мозга и кибернетической системы, во-вторых, доказали возможность имитации жизненных ситуаций, в-третьих, что эти ситуации могут быть сколь угодно фантастическими, в-четвертых...

— Хватит, хватит, дорогая Ирина Петровна, у вас великолепный научный темперамент, — засмеялся Герард Кадырович. Он откровенно любовался ею, ее сверкающими глазами, воинственной позой.

— Почему же хватит, — рвалась в бой Ира, — если вы сомневаетесь в научной ценности нашей работы...

— Нет-нет, в научной ценности нашей (!) работы я нисколько не сомневаюсь и очень рад, что не сомневаетесь в ней вы. Это залог успеха. Но, милая Ирина Петровна, историческая ситуация такова, что во главу угла ставится практическая ценность проводимых нами исследований... Пра-кти-чес-кая... А что мы имеем в практическом смысле?

— Ну, я же говорю... — завелась опять Ирина Петровна.

— Да-да, — перебил ее Намазов, — я понял: во-вторых и в-седьмых... А практически?

Они молча посмотрели друг на друга. «Дурак или притворяется?» — подумала Ира.

— Вам, что, расписка от Петрова нужна, мол, я такой-то, такого-то числа сего года был окончательно и бесповоротно осчастливлен в институте Моделирования Счастья под руководством Намазова Герарда Кадыровича, что и подтверждаю настоящей распиской?

— Здорово, — засмеялся Намазов, — как было бы замечательно, если бы мы получали такие расписки! Но, увы... Однако вернемся к делу. Рассказ Петрова убедил меня в том, что направление случайного моделирования бесперспективно, а заключение врача отметило также, что оно и небезопасно. Я жду от вас решения конкретной задачи в конкретной ситуации. Понимаете, в конкретной, а не в сколь угодно фантастической. Более перспективным представляется мне ваш метод имитации индивидуального отображения мира. Оптимальный поиск — вот что вам нужно! Не разбрасываться в исследовательском азарте, а идти к поставленной цели с наименьшими потерями... А расписки не надо. Существуют научные методы определения величины функционала счастья... Ознакомьтесь, — протянул он Ирине Петровне лист с приказом, в котором ей предписывалось в недельный срок разработать систему мероприятий, обеспечивающих безопасность эксперимента, и представить директору для утверждения.

— Ясно, — кивнула Ирина Петровна.

— На семинаре было выдвинуто много гипотез и предположений. Это неплохо, но хочу вас предостеречь от опасности чрезмерного увлечения проверками этих гипотез. Если вы избежите этой опасности, вам не нужно будет привлекать к решению вашей задачи силы всего института.

— Необходимость объединения интеллектуального потенциала института диктуется не нашим желанием, — возразила Ирина Петровна, — а глобальностью проблемы. В нашем понимании проблема не в том, чтобы в срочном порядке осчастливить Андрея Петрова, а в том, чтобы научиться делать это для любого человека, чтобы разработать общегосударственную систему счастья и внедрить ее в практику.

— Совершенно верно, уважаемая Ирина Петровна! — словно обрадовавшись чему-то, воскликнул Намазов. — Это наша, так сказать, программа-максимум... Общегосударственная система счастья... — с наслаждением посмаковал он это словосочетание. — Но нельзя допускать, чтобы высокие цели ослепляли нас. В настоящий момент наша насущная задача — срочным порядком осчастливить Андрея Петрова. Чтобы построить город, надо уметь построить дом.

— Разумеется, Герард Кадырович, это мы понимаем и сделаем для товарища Петрова все возможное. Но этого может оказаться недостаточно...

— Представьте мне в письменном виде ваши соображения о новой структуре института с обоснованием конкретных мероприятий и форм сотрудничества, а также способы преодоления психологической несовместимости и конфликтов, связанных с ломкой устоявшихся производственных отношений. Вот тогда мы и поговорим... — Конечно же, он прекрасно понимал, что одному человеку не под силу в реальный срок свернуть такую гору проблем, а тем более доказать свою правоту тем, чью спокойную жизнь этот человек собирается ломать. — А я, со своей стороны, также обещаю подумать над этими вопросами, — поспешил он подсластить пилюлю.

— Но почему вопросы, касающиеся всего института, должен решать кто-то один? Вы или я?

— Не решать, дорогая Ирина Петровна, а думать. Решать будут вышестоящие органы. — Герард Кадырович многозначительно помолчал и добавил: — А системные специалисты, которых, как вы утверждали на семинаре, нет в нашем институте... — он смотрел ей прямо в глаза, словно говоря: ай-яй-яй, товарищ Секина, разве можно обвинять директора в некомпетентности?! — ... должны видеть всю проблему в целом и везде успевать... Я думаю, что из вас получится такой специалист... Но, дорогая Ирина Петровна, сначала покажите, на что вы способны.

— Я не фея, — пожалла плечами Ира. — Но думаю, что даже фее в одиночку не под силу переделать мир.

— Неправда, — осветил собеседницу обворожительнейшей улыбкой Герард Кадырович, — любая женщина — фея, если желает ею быть.

— А вы, оказывается, знаток женщин, — ответила она чуть игриво.

— Увы, я только стараюсь быть системным специалистом. — Ира слегка улыбнулась, оценив его иронию. — И я думаю, что фея не должна переделывать мир, ибо это дело кровавое, не женское. Она должна помочь человеку в существующем мире разглядеть то, что принесет ему счастье. Человек может быть счастлив только в своем мире, в своем времени, в котором всегда есть то, что ему нужно для счастья. А феи затем и нужны, чтобы тайное, невидимое, сделать явным.

— И доступным?

— Ни в коем случае! Без труда, без борьбы полученное счастье уже не счастье, а отупляющий и развращающий душу наркотик. Душе, как и телу, нужно преодоление. Желательно — не искусственных препятствий.

«Ишь, какие мы умные!» — усмехнулась про себя Ирина Петровна и, натянувшись стрункой, спросила:

— Рискую попасть в глупое положение, но скажите мне честно... Ведь вы меня вызвали не для этого разговора?

«Ай, молодец, — обрадовался про себя Намазов. — Настоящая женщина!»

Несколько секунд они с интересом смотрели друг на друга.

— Скажем мягче, — наконец нарушил молчание Герард Кадырович, — не только для этого разговора... Я очень рад, что вы разгадали меня... Прошу извинить, что вынудил вас задать этот вопрос...

«Боже! Как мы предупредительны и элегантно! Как мы нравимся себе...»

— Осмелюсь высказать вам предложение, вернее, просьбу...

— О, я совершенно заинтригована, — разрешающе улыбнулась Ира.

— Я хочу пригласить вас в горы...

— Ну, что же так просто! Правда, я не предполагала, что вы ходите в горы.

— Мы будем вдвоем...

— Даже так? — «Старый греховодник! — подумала она и хитро посмотрела на него. — А почему бы и нет?» — Когда?

— Завтра.

— О нет! Завтра я занята. Если хотите, послезавтра.

— Я надеялся на два дня... Ну что ж, в воскресенье я буду у вашего дома в шесть ноль-ноль.

«Неужели для этого нужно было так долго морочить голову?!»

— Хорошо, утром в воскресенье. Я могу идти?

— Да, конечно. Благодарю вас. — Герард Кадырович вскочил, чтобы проводить Ирину Петровну, но она, строго кивнув на прощанье, перешагнула через директорское благорасположение и энергично пошла к дверям. У дверей остановилась и, превратившись в озорную пацанку, засмеялась и сказала:

— А почему бы и нет?!

«Зачем люди пишут дневники? Думается, следуя совету Сократа — познать себя. Разумеется, не без желания полюбоваться собой. Даже если любоваться нечем. Тогда можно сказать: «Ах, какой я мерзкий! Ничтожный, но зато и неординарный!»

Как непохожи мы в своих дневниках на тех, какими привыкли видеть нас ближние наши. Да, пожалуй, и мы сами. Какая странная потребность — вглядываться в неприглядные глубины своей природы-дуры... Почему меня все время заносит! Все эти «случаи в лесу», «бум-тарарамы в новогоднюю ночь», а теперь вот и «горное приключение»... Сплошная бульварщина... И где?! В автомобиле! И никаких угрызений совести... Ужас!

... Я пребывала в состоянии полнейшего благорастворения: закрыв глаза, мурлыкала вместе с радиоприемником и витала в сладкой невесомости над собственными комплексами и угрызениями... И вдруг словно кто ударил меня по голове: «Дура несчастная! Какой день-то сегодня?.. Ведь двенадцатый день-то! Ой-ей-ей! Как пить дать, влипла!.. Ну и ладно — влипла так влипла. Надо же когда-нибудь... Кстати, и мамамин заказ выполняю», — хихикнула я про себя, и на меня опять снизошло умиротворение. Сознание мое как бы расслоилось: один слой плавал в невесомости, другой слой с ухмылочкой наблюдал за ним, а третий, совсем уж критический, презрительно взирал на ситуацию и ее участников. Я так увлеклась исследованием этих слоев, что мелькнувшая передо мной табличка «Запретная зона» не вызвала у меня никакой реакции. Не дошло. Герд уверенно открыл шлагбаум и, подмигнув мне, тронул машину. «Эта зона — заповедный природный объект, куда допускается ограниченный круг лиц. В этот круг вхожу и я», — разъяснил мне Герд. Ага, значит, меня вводят в круг, как наложницу одного из великих...

Мы остановились в узком ущелье перед отвесной скалой. Асфальт не кончился за метр или хотя бы за десять сантиметров перед скалой, а самым аккуратным образом уходил в нее. «Приехали? Чудное местечко. Заповедный тупичок», — это я прикидывалась дурочкой, а Герд раздулся от загадочности, вышел из машины и сунул руку в щель между камнями. Скала дрогнула и поползла дальше. Дорога уходила вглубь. Герд включил фары, и мы двинулись дальше. Скала за нами задвинулась сама. Чудеса, да и только! Из тьмы прямо на нас выскакивали упыри и вурдалаки и молча исчезали под колесами машины... Мне стало страшно. А Герд видит, как я дрожу, и довольно посмеивается. Потом обнимает меня одной рукой и прижимает к себе таким покровительственным жестом, мол, не робей, детка, со мной не пропадешь... Но вскоре туннель кончился, и дорога резко пошла в гору. Я облегченно вздохнула и зачирикала, как птичка. Потом мы свернули с дороги на обочину и въехали под большой каменный козырек, где оставили машину, а сами полезли в гору. И минут через десять, продравшись сквозь заросли шиповника, барбариса и дикой вишни, мы оказались на лысой каменной вершине. Чуть в стороне от тропинки стоял небольшой каменный домик, из которого Герд вынес два складных дельтаплана производства знаменитой французской фирмы — голубая мечта каждого дельтапланериста. И моя в том числе.

А потом был ПОЛЕТ... Я не могу писать это слово маленькими буквами, и никогда не смогу. Кто летал, тот меня поймет...

Мы приземлились между двумя пиками, похожими на верблюжьи горбы. Убрав дельтапланы в такой же каменный домик, как на лысой горе, Герд крикнул: «За мной!» — и побежал вниз по склону. Я, конечно, бросилась следом. На краткий миг я опять ощутила себя босоногой пацанкой, и это тоже было хорошо...

Герд вдруг выскочил навстречу мне из-за камня и схватил медвежьей хваткой, так что косточки затрещали, поцеловал до головокружения и опять побежал. Господи! Как все быстро меняется!

Сбежав вниз, мы оказались на берегу синеглазого озерца, вернее, запруды,

в центре которой возвышалась ровная слоеная глыба... А солнце припекало все яростней, и вода завораживала, манила в свою синюю холодную глубину. Я предложила искупаться, и Герд обрадовался, словно только и ждал моего разрешения. Мы скинули одежду и одновременно нырнули в обжигающую ледяную воду. И это опять же было хорошо. Мы наперегонки поплыли к слоеной глыбе, и, конечно же, он опередил меня в великолепном кроле и первый выскочил на каменный пьедестал, застыв на нем в скульптурной позе... Пусть у меня будет этот день, пусть у меня будет этот Герд...

Потом я лежала у него на плече. Герд философствовал, а я слушала, как бьется его сердце. Он излагал какие-то мрачности, а мне так не хотелось ни слышать их, ни понимать... Помню, он говорил, что если б это было в его силах, он запретил бы людям смотреть на небо для их же собственного блага. Он говорил что-то вроде: «Когда я смотрю на небо, мне представляется, что я валяюсь на дне огромного аквариума среди остатков корма, песка и бутафорских ракушек. Мне никогда не выйти за пределы этого аквариума. Там чуждый мне мир, для которого я — ничто. Меня могут выплеснуть вместе с затхлой водой, чтобы почистить аквариум и наполнить его заново. Я ничего не значу для этого мира, но я вижу, как за прозрачными стенками движется что-то непостижимое, там что-то происходит, и это наполняет мое сердце страхом и сознанием собственной ничтожности... Нет, лучше бы я никогда не смотрел на небо...» Потом он опять повторил мысль, что если бы люди не смотрели на небо, то у нашего института появилась бы надежда осчастливить человечество. Тут я не выдержала. «Ткнув его мордой в полную кормушку, что ли?» — спросила я, сев от злости и не без сожаления покинув его плечо. «Увы», — развел он руками. Тогда я заявила, что он проповедует вунизм, на что он довольно обидно рассмеялся и сказал, что пока мы тут разводим теории и пускаем слюни, вунизм завоевал полмира, что наша наука всегда отличалась полетом мысли и отсутствием соображения. Меня все это страшно злило. Ведь где-то он и меня пихал в свою вонючую кормушку...

Потом мы вернулись на берег, обсохли, оделись, и Герд сказал, что хочет показать мне свое «небо». Он заставил меня надеть курточку, хотя пекло страшно, взял за руку и... Вот тут начинается самая фантастическая часть моего приключения, в которую я сама верю с трудом. Я просто не представляла, что в наше время возможно существование графа Монте-Кристо-ташкентского...

По берегу мы зашли под козырек, с которого с бешеным ревом срывался водопад, то есть оказались за водяным занавесом, и стали протискиваться в какую-то узкую щель в скале. Она шла зигзагом, и после первого же поворота стало темно и страшно. И двигаться можно было только боком. И вдруг мы оказались в просторной пещере. Было неожиданно сухо. Дорожки из камней. Сделанные «под камень» на песке лежали светильники ненавязчиво освещали пространство пещеры. Прямо дворец! Но Герд сказал, что это только еще вестибюль и потащил меня дальше. Протиснувшись через следующую щель, мы оказались в другой зале пещеры, который имел вид жилого помещения: каменные столы, сиденья, лежанки, покрытые искусственным мехом. Но самое главное — все стены пещеры были увешаны картинами, а в центре стоял подрамник с натянутым холстом. Я подошла к нему и увидела лишь сине-зеленую поверхность, сквозь которую проступала фактура холста и беспорядочные мазки. Я решила, что это грунтовка, но, присмотревшись к остальным картинам, увидела, что они не отличаются от натянутой на подрамнике. Я подумала, что или он — сумасшедший, или я — дура... Но тут погас свет — я еще никогда не была в такой темноте, чтобы ни лучика, ни пятнышка... Перед глазами поплыли какие-то круги, но я решила, что это мне мерещится. И тут я заметила светлое пятнышко прямо перед собой, которое постепенно расплылось в дрожащее световое пятно, и по нему побежали светлые волны — было очень похоже на водную поверхность. Но вот волны успокоились, и я увидела черное зеркало колодца, бездонного настолько, что я физически ощущала его бездонность. Я даже на шаг отступила назад, хотя до меня уже дошло, что это картина. И вдруг я заметила в глубине черной водяной бездны маленькую звездочку, растущую прямо на глазах. «Всплывает», — подумала я и тут же разглядела, что это женское лицо. Как будто кто-то, запрокинув лицо вверх, всплывает в узком колодце. Мне показалось, что я уже где-то видела это белое лицо с тонким прямым носом и неестественно громадными черными глазами, в глубине которых, казалось, тоже всплывали лица. Все это напоминало бесконечные отражения зеркал друг в друге... Впервые произведение живописи так заворожило меня, я не могла оторваться от этих глаз, но в то же время боковым зрением заметила, что светятся и остальные картины: вся внутренняя поверхность пещеры светилась сотнями глаз, и все они смотрели на меня. Я кожей чувствовала толпу странных существ вокруг себя, и мне хотелось выть от ощущения тоски, обреченности, одиночества... У меня закружилась голова.

«Что это?» — спросила я Герда, когда он зажег свет. «Душа гор», — ответил он вполне серьезно, явно довольный произведенным впечатлением. «Ты гений, Герд, — сказала я тогда, — но это ужасно...» Мне было совершенно ясно, что видела я не что иное, как его, Герда, душу, и мне рядом с этой душой было страшно... Чтобы как-то отвлечься, я стала расспрашивать Герда про эту пещеру. Он сказал, что сам обнаружил пещеру, ему помогли ее оборудовать, но о ее существовании знают единицы. А я, оказывается, первый посетитель его подземного дворца. Удостоилась! Я хотела спросить его, на какие такие шиши он смог оборудовать пещеру по последнему слову техники и так засекретить ее? И за какие заслуги ему разрешили это сделать? Но он, словно почувствовав нежелательный вопрос, вдруг засуетился и повел меня дальше, в следующий зал своего подземного дворца...

Я, конечно, видела фотографии подземных чудес, и по телевизору их показывают, но здесь ощущение было бесподобное, звучала фантастическая цветомузыка, и в цветомузыкальном пространстве возникал сказочный лес с русалками и гномами, или вообще вдруг совершенно неземной пейзаж. Оказалось, что Герд еще и скульптор. Мы долго бродили по залам дворца. Я охала и ахала от восторга, доставляя массу удовольствия хозяину, который спешил показать мне каждую мелочь в своих владениях...

Я вот пишу и думаю, зачем же я все-таки пишу? Да еще так подробно описывая всю эту бутафорию? Чтобы было что вспомнить на старости лет, заново пережить в подробностях каждый свой бум-тарарах? Да нет, видимо, я это делаю потому, что в данном случае бутафория имеет принципиальное значение. У меня, к примеру, ее в принципе быть не может. И у Андриуши тоже, и у Платоновых — у всех простых смертных... Материализация классового неравенства в «бесклассовом обществе» — вот что мне хотелось бы передать. Герд — мой классовый враг и — мой любовник. Единство и борьба! Да здравствует диалектика!..

Следовало бы написать, чем все это кончилось, но... Я сама не прочь заглянуть в будущее, а сегодня все еще только начинается.

Платонов развил бурную деятельность вокруг симоняновских отчетов: делал какие-то выписки, пометки, приставал к Насте с вопросами, на которые она, увы, не была способна ответить. Говорил, что ему самому неплохо бы встретиться с Альфредом Варгановичем. У Насти эта идея восторга не вызвала — как бы не вошли в резонанс два фанатика. Но у нее уже не оставалось сомнений, что Платонов задумал писать об отшельниках нечто глобальное. И боялась Настя, что муж ее может влезть в шкуру своих героев. Чем-то его надо было удержать на земле, зажечь человеческими заботами. И, памятуя, что Платонов почему-то не читал вызвавшего всеоюзный скандал романа Вольнова (с писателями такое случается), попросила его у отца и вручила мужу: «Читай и учишь овладевать массажи».

Платонов давно и сам собирался это сделать. Уж слишком много разговоров вокруг. А Настины братья-отроки Васька да Максим, вообще только цитатами из него и общались. «Вначале было Слово?» — назывался роман. Довольно претенциозно. «Слово» — называли его в обиходе. Почетно. Посему взялся за вольновский роман Виктор Михайлович с некоторым предубеждением.

Он заметил, что на полях немало заметок, некоторые строчки подчеркнуты, отдельные абзацы помечены звездочками, птичками или восклицательными знаками. «Проработали!» — удивился Виктор Михайлович. Стал раскрывать книгу наугад и читать помеченные места и комментарии к ним.

Был, например, помечен кусок текста про какого-то министерского деятеля. Довольный прошедшим днем, он развлекался тем, что представлял своих замов и завов в виде разноцветных пластилиновых поросят, столпившихся вокруг пластилинового корыта. Этот деятель со знанием дела рассуждал о будущем государства, которое якобы должно отмирать по теории классиков марксизма-ленинизма: «Классы исчезают, но дураки остаются. Умный пастырь всегда отыщет свое стадо, а это — уже государственные отношения», «Паситесь, мирные народы...» — с удовольствием цитировал он и добавлял при этом от себя: «Стремитесь к сияющим вершинам осознанной необходимости». Сам он, естественно, парил на мощных крыльях осознанной потребности... На полях было написано: «У-у-у! Мурло буржуйское! К стенке!». «Максим, — решил Платонов, — его темперамент» А дальше явно Васька приписал: «Стенка — не метод решения системных вопросов. Таких надо брать интеллектом. Ну и по рукам, конечно, врезать, чтобы не хапали».

Виктор Михайлович еще раз наугад открыл роман. Сверху на странице стоял заголовок: «Конспект лекции, прочитанной старшим преподавателем кафедры философии С. С. Приходько студентам сельхозинститута». Под заголовком и на полях накарябано: «Странный прием преподнесения авторского кредо через откровенный наив. На фига?». «Эти обормоты мне все впечатление испортят, — подумал Платонов. — Что за манера всюду соваться со своим мнением?!» Но читать все-таки стал.

«... И озирается в страхе и растерянности обыватель по сторонам, и воздевает руки к портретам классиков, и вопрошает сам себя: «Что же происходит?..» «Слог-то и впрямь библейский! Ну, пророк...» — усмехнулся про себя Виктор Михайлович. «... И это вовсе не тот обыватель, которому важнее всего — повкуснее поесть и помягче поспать, хотя и это ему не чуждо. Это обыватель, для которого важен интеллектуальный комфорт, т. е. наличие четкой и ясной картины мира, которую он желает получить готовой. И восклицает обыватель: «Что же будет?» А если вдруг наберется смелости, то скажет шепотком: «Что делать-то?» Но делать ничего не станет, отдаваясь воле течения, которое, как ему кажется, всегда имеет направление к лучшему. Боязнь нарушения собственного равновесия, социальная лень — вот что отличает обывателя от творческой революционной личности... Что же происходит? Да ничего, кроме исторического процесса, и не происходит... (На полях стояло: «Да ну? А мы и не знали...») Ведь что такое социализм? Это формация переходного типа, которая содержит в себе черты предшествующих формаций (феодализма и капитализма) и черты коммунизма, к которому устремляется. Как писал Ленин, при социализме в течение некоторого времени остается и «буржуазное право» и даже «буржуазное государство» — без буржуазии! Увы, без оной очень недолго... («Естественно, — согласился Платонов, — право, как и собственность, не может быть ничьим») ... Отсюда главное противоречие реального социализма: существование «буржуазного права» и «буржуазного государства» при отсутствии частной собственности на средства производства... Что же из этого следует? А то, что реальный социализм — совершенно уникальное общественное образование: основное его противоречие всегда разрешалось в пользу государства, не всегда «буржуазного», но всегда эксплуататорского! («Действительно, — подумал Платонов, — зачем буржуазию обижать. У нас имеется некто померзее»)

1917 — 1920 годы... «Военный коммунизм». Жесткий централизм, карточная распределительная система, продразверстка, натуральный обмен. Маузер и шашка — основные инструменты государственного строительства. Диктатура класса реализуется в виде военизированной диктатуры госаппарата. Зарождается класс социалистической бюрократии, той самой, для которой, по словам Маркса, «государство... и есть ее частная собственность»... Что это — «буржуазное государство»? Конечно, нет — типичная тирания охлократии, по классификации Полибия, с элементами первобытно-общинных взаимоотношений. («Да, — согласился Виктор, — первобытный коммунизм») 1921 — 1925 годы... Политический и экономический кризис, голод, крестьянские, матросские мятежи, забастовки и выступления рабочих. НЭП! Резкое изменение способа хозяйствования. Реабилитация товарно-денежных отношений. Ослабление государственного монополизма, возникновение кооперативной, индивидуальной, частной форм собственности. Судорожная попытка разрешить основное противоречие социализма не в пользу государства, точнее, не в пользу класса, им владеющего. Но тщетно... «Кто там шагает правой?!»

1925 — 1929 годы... Усиление власти аппарата партии, искусственное разделение и противопоставление классов, нейтрализация и сворачивание товарно-денежного способа хозяйствования и замена его административно-бюрократическим. Государство берет свое. Но буржуазное ли государство? Нет! Явный процесс формирования бюрократической монархии... 1929 — 1937 годы... Закрепощение крестьян, переход к феодальному «азиатскому» способу хозяйствования в результате коллективизации. Закрепощение рабочего класса. Превращение миллионов граждан в рабов-заклученных на «стройках социализма». Абсолютизация власти «феодално-социалистической бюрократии», установление феодально-кастового принципа партийной номенклатуры. Что это? Тиранический режим эксплуатации трудящегося населения «феодално-бюрократической монархией» под прикрытием социалистических лозунгов. То есть окончательная замена тирании охлократии тиранией бюрократической олигархии... Эксплуатация осуществлялась административно-бюрократическим перераспределением доходов населения («И осуществляется», — подумал Виктор) 1937 — 1953 годы... Период относительно стабильного существования фашизированной «феодално-бюрократической монархии», накопление внутренних противоречий режима, деградация экономической системы...

1953 — 1964 годы... Раскрепощение крестьянства, попытка демократизации общественной жизни и производственных отношений, сворачивание системы рабовладения. Причина — экономический кризис и стремление наиболее инициативной части «феодално-социалистической бюрократии» более эффективно превращать власть в звонкую монету. Ослабление монархии и «азиатского» способа производства, усиление государственно-монополистического способа... 1964 — 1985 годы... «Период застоя». Режим ограниченной «феодално-бюрократической монархии». Возникновение «теневого экономики», коррумпирование соцбюрократии, сращивание ее с функционерами «теневого экономики» и организованной преступностью — образование класса «социалистической буржуазии», извлекающей максимально возможную прибыль из государственной собственности. Истощение казны, природных ресурсов в результате хищнической эксплуатации со стороны «соцфеодалов», «соцбуржуазии» и примыкающих к ним социальных групп. Экономический и политический кризис, революционная ситуация, поляризация классовых интересов «соцфеодалов», «соцбуржуазии» и трудящихся... То есть «период застоя» есть период возникновения и становления «соцбуржуазии». Вот уж где «буржуазное» по-социалистически государство обнажилось во всем своем бесстыдстве! Но не то, теоретически-ленинское, а с вполне сформировавшейся жадной и беспощадной буржуазией, находящейся в стадии первоначального накопления капитала... 1985 — 2000 годы.. Эволюция «сверху» — «перестройка». Овладение элементами буржуазно-демократической культуры общественных и производственных отношений... Болезненное преобразование «феодално-бюрократической монархии» в правовое демократическое государство. Возвращение от «феодално-утопического» пути построения социализма к естественно-историческому с буржуазно-демократическим, социалистически-демократическим и ноосферным этапами... Первому этапу, продолжающемуся и поныне («Прямо скажем — затянувшемуся», — отметил Платонов), соответствует авторитарное государство с элементами буржуазно-демократического. Основное противоречие социализма разрешается в равновесии государственной и «частной» собственности с множеством промежуточных форм. Но равновесие это неустойчивое, потому что «феодално-социалистическая бюрократия» трансформируется в «буржуазно-социалистическую», которая приспособилась к жизнедеятельности в условиях демократического государства и сумела сохранить свою «авангардную роль». Резко вырос политический и экономический вес национальных отрядов соцбюрократии.

«Соцбуржуазия» никуда не исчезла, а прекрасно себя чувствует в условиях плюрализма форм собственности... Некоторое повышение общего уровня жизни по сравнению с недавним кризисом привело к относительной стабилизации общественных отношений. Но одновременная конкуренция между различными отрядами национальной «соцбуржуазии» и продолжающееся паразитирование бюрократии на общественном организме спихнули общество в очередной «период застоя»... Что же дальше? Революция? Нет! Народ больше не верит в революцию. Нельзя бесконечно выворачивать себя наизнанку... Это больно и бессмысленно... Не человек должен втискиваться в прокрустово ложе «революционных обстоятельств», где ему отсекут все лишнее, а обстоятельствам следует принимать форму, диктуемую человеческой природой. Человека можно вынудить стать подлецом, но вынудить стать гением невозможно... Поэтому задача второго — социалистически-демократического этапа построения ноосферного общества — сделать реальными демократические механизмы формирования обстоятельств человеческой жизни в соответствии с природой человека, то есть с его желаниями. А это есть ликвидация «буржуазного государства» как аппарата насилия. Полная замена аппаратно-бюрократической системы системой действительно коллективного принятия решений, системой определения общественных приоритетов для саморегулирующего социально-экономического организма! Зерно этой системы — народный референдум, но дать полноценные плоды оно может только на пути кибернетизации процесса общественного мышления для действительного учета мнения каждого, взвешивания его и обеспечения оптимального поиска варианта согласия всех. Путь коллективного мышления: от голосования к Коллективному Разуму! Но это уже ноосферный этап...»

«Любопытно, но... — решил про себя Платонов. — Схемы, ярлыки, утопии... Нет, все-таки это не чтение. Надо начать сначала». Он захлопнул книгу и открыл ее на первой странице:

«Вначале было Слово? Нет, вначале было Чувство, еще точнее — предчувствие, предощущение... Давайте же дадим ему слово...»

— Ирина Петровна, — раздался в селекторе голос Ариадны Кузьминичны, — попросите Платонову зайти в канцелярию.

— Меня? — удивилась Настя, поднимаясь. — Сроду у меня с ней дел не было.

— Распишитесь, — сказала Ариадна Кузьминична, пододвигая к ней книгу регистрации входящих документов. Письмо было из Совмина. «От Симоняна!» — обрадовалась Настя.

На фирменном бланке было напечатано: «Просим вернуть выданные вам документы за № 333706 и № 333707. Зав.отделом социологических исследований СМ Рябов Т. Х.»

«Как? — удивилась Настя, прочитав подпись. — А Симонян?.. Это они отчеты по отшельникам требуют, — догадалась она. — С Симоняном что-то неладно...»

— Что случилось? — спросила Ира, взглянув на Настю.

— Читай, — протянула ей письмо Платонова.

— Хм, новая метла, ничего удивительного.

— Кроме того, что он занял место Симоняна... А где же Симонян?

— Может, на повышение пошел? — предположил Андрей.

— Дома он не появлялся, — с сомнением покачала головой Танечка.

— С ним что-то случилось в экспедиции, — трагическим голосом провозгласила Настенька.

— Что ж, — вздохнула Ирина Петровна, — неси отчеты. Заодно и узнаешь, что к чему... Все равно всю информацию мы с них сняли.

— Можно? — постучав, она открыла дверь в знакомый кабинет. За столом сидел не то лысый, не то выбритый до зеркального блеска мужчина лет сорока пяти общего скелетообразного вида.

— Я вас слушаю, — строго посмотрел он на посетительницу.

— Я — Платонова Анастасия Владимировна.

— Оч-ч... приятно, — кивнул скелетообразный. — Рябов Тихон Харитонович... Вижу, принесли документы. Давайте.

— Да... но в связи с чем? Мы заинтересованы в этой работе. Есть интересные соображения...

— Замечательно, — сухо кивнул Рябов, положив костлявую пятерню на отчеты, словно придавив их могильным камнем. — Соображения, надеюсь, вам пригодятся для других работ. А эта тема закрывается. Да, собственно, она и открыта не была. Так, волонтаристские рецидивы моего предшественника.

— Что с ним? — быстро спросила Настя.

— Мне не известно, — твердо ответил Рябов. — Я в этой системе, вообще, человек новый.

— Он вернулся из экспедиции?

— Извините, из какой экспедиции? Не слышал ни о каких экспедициях.

— Как же?.. А отшельники?!

— Ах, отшельники, — Рябов изобразил на лице кривое подобие улыбки. — Снежные человеки, летающие тарелки, отшельники... Нет, Анастасия Владимировна, никаких отшельников! Поймите это сами и втолкуйте своим друзьям и сослуживцам, — сказал он с нажимом. — Нет никаких отшельников! И поэтому мы не вправе злоупотреблять вашим драгоценным временем.

— А это? — показала Настя на отчеты, пораженная услышанным.

— Фольклор, — отмахнулся Рябов, — или фальсификация.

— Не может быть, — негромко, но решительно произнесла Настя. Рябов неодобрительно взорился на нее, словно на бестолкового муравья, ползущего навстречу своей очевидной гибели.

— Вы видели живого отшельника?

Настя отрицательно покачала головой.

— Я тоже не видел... А кто видел?

— Но вот же отчет... И потом, Альфред Вартанович...

— Вот именно... Альфред Вартанович, которого я не видел и, думается мне, вряд ли увижу. — В его словах Насте почудился какой-то неприятный намек. Захотелось поскорей уйти. Видно было, что и Рябов вовсе не жаждет продолжения беседы.

— Итак, тема закрыта за отсутствием предмета исследований, и наше с вами сотрудничество пока прекращается. До свидания.

— До свидания, — кивнула Настя и пошла к двери.

— Наилучшие пожелания Герарду Кадыровичу! — металлическим голосом сказал Рябов ей вслед.

«Робот, — вздрогнула от нелепой догадки Настенька. — Ерунда какая-то...»

Камалетдин Усманович чувствовал, что наступил его звездный час. Секунды били в хрустальный колокол надежд, наполняя душу сладчайшими звуками предвкушения... Он порхал, словно бабочка от цветка к цветку, из кабинета в кабинет, демонстрируя свое личное обаяние и высокие деловые качества. И все это с милой улыбкой, говорившей о том, что оказать услугу хорошему человеку для Камалетдина Усмановича — высочайшее наслаждение и никакого труда не представляет. А даже наоборот — ему нравится организовывать все это тонко, красиво, чисто, чтобы партийная совесть и высокие гражданские чувства «хороших» людей оставались в неприкосновенности. Это была искусная работа, работа Мастера, которому следует позволить развернуться пошире.

Конечно, на первом месте среди «хороших» людей стоял Герард Кадырович, который просто диву давался, как это его друг Камалетдин в нужный момент все время оказывался рядом. ... Апофеозом этих «мероприятий» оказалась роскошная, на пятьсот персон, свадьба сына Камалетдина Усмановича — Фархада, молодого красавца киноактера с прекрасно прогнозируемым будущим, и дочери Герарда Кадыровича — Ширин, только что окончившей школу.

Камалетдин Усманович посмеивался про себя и потирал руки: уж теперь-то... Однако Намазов не придавал этому событию большого исторического значения. Ну, вышла и вышла. Как говорил товарищ Маяковский: «Гвоздь у меня в сапоге кошмарней, чем фантазия у Гете». А у Герарда Кадыровича своих «гвоздей» было предостаточно. Одним гвоздем была талия Герарда Кадыровича, скульптурные очертания которой стали меняться не в лучшую сторону. А Намазов, в отличие от подавляющего большинства своих коллег, не желал иметь распирающего брюки сомнительного «авторитета».

Вторым гвоздем была необходимость отказаться от президентского кресла. Высочайший семейный совет постановил не рисковать в условиях неустойчивой обстановки. Герард Кадырович быстро успокоил себя тем, что реальная власть все равно осталась в его твердой и мудрой деснице. С талией Герард Кадырович тоже обошелся весьма круто: перешел к полуголодной диете и стал гораздо больше времени проводить в своем домашнем гимнастическом зале, а также совершать челночные заплывы в двадцатипятиметровом бассейне в собственном дворе.

Но был еще третий гвоздь, который самым наглым образом мешал ему жить. Некоторое время Намазов старался его не замечать, а иногда пытался убедить себя, что легкое покальвание даже приятно. Но своеобразная честность не позволяла Намазову обманывать себя дольше, чем это требовалось для сохранения душевного

равновесия. Самообольщение — первый признак глупости. Поэтому он вынужден был признаться себе, что в данный момент имел не ту ситуацию, какую задумывал. А задумывал Герард Кадырович обрести Женщину! Женщину-друга, равную ему по силе ума, глубине чувств, Женщину, которой он с уважением вручил бы свою драгоценную душу. Не жене же ее вручать, в самом деле! Нет, собственных рабов Намазов не уважал... И вот он почуял такую Женщину и, можно сказать, бросился навстречу ей с распростертыми объятиями, но... в объятиях зияла Пустота. А объект его устремлений вел себя странно.

Конечно же, Герард Кадырович не относился к числу романтических слюнтяев, раскисающих от женской неблагосклонности, но гордая его натура не терпела ни малейшего пренебрежения ею. Он и в командировку-то уехал на следующий же день после их горной эпопеи, не предупредив ее, во многом с целью демонстрации своей независимости. Из командировки он вернулся не с пустыми руками. Но бриллиантовое кольцо и серьги, достойные английской королевы, которые он по возвращении вручил Секиной в своем кабинете с разлюбезной, даже преданной улыбкой, не вызвали у нее не только восторга, но даже и тени эмоций. Она пожала плечами и молча положила драгоценности на стол. Посмотрела в глаза Намазову со смешанным выражением любопытства и презрения и без всякого перехода заговорила о своих производственных проблемах... Он, конечно, не мог слышать, как она с ненавистью произнесла про себя: «Ворюга!» И как взорвалась ее душа презрением к себе. «Почему бы и нет? — вспомнила она с отчаянием. — А вот почему!» И невидимый прокурор начал свою бесконечную обвинительную речь...

День летел за днем, месяц шел за месяцем. Группа Секиной решительно разворачивала фронт работ, а Намазов, сделавшись руководителем Петрова и вторым руководителем Максимова, официально утвердился на посту командующего этим фронтом. И все бы ничего, если бы не подозрительные изменения в фигуре Ирины Петровны. Сначала он обратил внимание на то, что она стала носить исключительно свободные платья. Однако мало ли кто в каких платьях ходит?.. Вообще-то, факт беременности именно от него не вызывал у Намазова сколько-нибудь серьезных эмоций. Тот, кто тратит себя на мелочи, не способен на великие дела. Но случай с Секиной был особый. Ему хотелось рассматривать ее беременность как отмщение за пренебрежение им. Пусть она думает что угодно, но, рожая от него, она все-таки служит ему, продолжая ЕГО род... С другой стороны, какое же может быть отмщение, если она плюет на него?!

... Одновременно жажда презирать и уважать ее, стремление унижить и добиться понимания саднили душу Герарда Кадыровича и вынуждали к конкретным действиям. «Навязчивые желания надо удовлетворять» — решил, наконец, он и нажал на кнопку селектора.

— Ариадна Кузьминична, Секину, срочно! — произнес он строгим тоном.

— Секина! К директору! Срочно! — рыкнула секретарша в микрофон, десятикратно усиливая грозовые нотки директорского гласа.

Ирина Петровна от неожиданности даже подскочила на стуле. «Ненормальная!» — обругала она про себя Ариадну Кузьминичну и почувствовала, как нервно, взвинченно бьется сердце.

Ариадна Кузьминична одним неодобрительным движением головы направила Секину в кабинет директора. Ирина Петровна вошла и закрыла за собой массивные двойные двери.

— Никого не пускать! — коротко приказал в селектор Намазов и резко встал из-за стола. Он как-то вдруг молниеносно оказался рядом с Ириной Петровной и решительно, но не грубо положил обе руки на ее живот.

Ирина Петровна не успела осознать ситуации, но с удивлением увидела, как ее рука довольно изящно взлетает в воздух и со всего размаха врезается в намазовскую щеку. Звук вышел великолепный, классический, как концерт для фортепиано с оркестром. Намазов пошатнулся, но рук не убрал. Казалось, он не обратил никакого внимания на пощечину. Однако это было не так. Можно сказать, что он принял ее благосклонно: пощечина восстанавливала их живую связь.

— Это наш ребенок!

Ирина Петровна смотрела на его открытое лицо, откровенно лучащееся радостью и благорасположением к ней, и в какое-то мгновение ей захотелось расслабиться, улыбнуться ему в ответ, отдохнуть от непрерывной изнуряющей внутренней борьбы с собой... Но минутная слабость прошла, и что-то внутри у нее опять взорвалось ненавистью.

— Мой ребенок, — ответила она твердо. Потом, после небольшой колючей паузы добавила: — Неужели вы думаете, что уважающая себя женщина захочет иметь от вас ребенка?! — выражение гадливости на ее лице было столь откровен-

ным, что Намазова переделернуло: эта женщина позволяла себе слишком много. Но Герард Кадырович по-прежнему обаятельно улыбался:

— Завтра суббота... В шесть утра я буду у вашего дома... Я думаю, у нас есть основания для этой встречи. Если у вас будут силы и желание, мы повторим наш маршрут. — Ирина Петровна все так же строго и непроницаемо смотрела на Намазова, а хотелось ей исцарапать его до неузнаваемости... — Вот и прекрасно, — ответил на ее молчание Намазов. — А сейчас мы молча разойдемся и хорошо подумаем... До свидания, Ирина Петровна, извините за беспокойство...

Она чуть не расхохоталась ему в лицо на это извинение, но сдержалась и с тем же мраморным лицом вышла из кабинета.

Вернулась в свою комнату и закрыла за собой дверь на ключ. Слава богу, все в машзале — работа кипит! Как хорошо! Как изумительно хорошо рыдать в одиночестве!..

Истерика для души — что гроза для природы. После оглушительных раскатов грома и ослепительных вспышек молний — умиротворенная, чуть расслабленная тишина, прозрачность воздуха и свежий запах озона...

Приведев себя в порядок Ирина Петровна пошла в машзал, где Андрей пытался организовать процесс мышления в интеллектуальной системе. Он сидел в шлеме, облепленный датчиками, лицо у него было чрезвычайно умное и даже несколько жутковатое: выражение полной отрешенности и самоуглубленности, столь чуждое в обычном состоянии Андрею, превращало его в какое-то высшее существо. Остальные участники эксперимента внимательно следили за экраном дисплея, рядом с которым стоял видеомонитор. Ирина Петровна только горестно вздохнула, взвесив ценность наматывающейся на бобину информации — большая ее часть останется неиспользованной, провести полный анализ некому, кроме Насти, никто к ним не перешел. Так что, если бы не Платонов со своими ребятами, с которыми НИИМС заключил хоздоговор, всем было бы туго. «На семейственности выезжаем», — смеялись они иногда. Две семейных пары в одном секторе! Вторую пару образовали Танечка, бывшая Лебедева, и Сан Саныч Александров — сотрудник Платонова.

... Распровавшись с друзьями после окончания рабочего дня, Ирина Петровна наконец-то вручила свою душу рассудку. Она не торопясь шла от института к станции метро, под ногами романтично шуршали желтые листья — самое время для размышлений на личные темы.

«Итак, — сказала себе Ирина Петровна, — не пора ли остановиться, оглянуться?.. Я, как сумасшедший актер, играю моноспектакль при пустом зале — а ведь меня считают сверхрациональной женщиной. Кто-то даже обозвал «компьютером в юбке». Ну что ж, компьютер так компьютер. Начнем вычислять. Ну, что там у нас? Тип задачи: «Быть или не быть?» Исходная информация: еще молодая женщина, незамужняя, с нормальной, но, к сожалению, неудовлетворенной сексуальностью соглашается на авантюрное предложение своего директора о свидании. Характер этого свидания понимается ею совершенно однозначно, и, тем не менее, а если честно, то именно поэтому, она принимает предложение. К его чести, он облагородил или, по крайней мере, театрализовал служебную интрижку хорошо подобранными красками природы, отступлениями в собственную философию и искусство. Все-таки это впечатляло. И свидание из ряда сексуальных передвинулось в ряд авантюрных и даже загадочных, что рангом повыше. Но... На следующий же день после свидания он, не повидавшись с нею, уехал в командировку. Это был плевков номер один. Затем, вернувшись, он пытался в лучших феодально-буржуазных традициях оплатить ее услуги и, видимо, молчание. Это — плевков номер два. В ответ она полностью ликвидировала их неслужебное общение. Чувствуется, что он раздосадован, пребывает в недоумении, но, тем не менее, в течение пяти месяцев не делает попыток к сближению. Это уже плевков номер три. И только явные признаки ее беременности заставили его действовать, кстати сказать, весьма по-хамски. И наконец он снизошел до того, чтобы назначить ей свидание. «Я думаю, что у нас есть основания для этой встречи...» Ах, товарищ директор, где же были эти основания раньше?.. Но попытаемся проанализировать отношение этой женщины к своему директору. До злополучного свидания он был для нее представителем определенных общественных сил, к которым она относилась резко отрицательно, потому что эти силы «свергли» ее учителя в очень тяжелый для него период, когда он, по сути, и не сопротивлялся. Но прошло несколько лет. Она пожила в новой системе отношений, пообвыкалась, резкость неприятия притупилась. В то же время появилось умение лавировать, находить выгодные решения. Оказалось, что и в новой системе можно худо-бедно работать... И вот появляется необходимость активно включиться в систему, чтобы двинуть вперед свое Дело, и на этом этапе она ощущает неужи-

данно активную поддержку директора. Это ее приятно поражает. Одновременно директор обращает на нее внимание как на женщину. А она именно в этот момент очень нуждается во внимании. К тому же он вдруг стал открываться ей с неожиданных сторон. И она заинтересовалась им и как личностью, и как мужчиной. Все это: его авантюризм, художественные таланты, энергичность, напористость, мужские достоинства — ослабили чувство неприятия и обострили интерес женщины к этому человеку. Но... тут последовали вышеперечисленные плевки с его стороны. И тогда временная измена старому чувству неприязни вызвала угрызения совести, самобичевание и презрение к себе. Этот человек заставил ее изменить себе и сделал все возможное, чтобы она об этом горько пожалела. Ну какое же у нее после этого может быть к нему отношение?!»

Ирина Петровна вынырнула из своих «вычислений» и обратила внимание на то, что кружит по аллеям скверика возле Музея боевой славы. Она почувствовала, что ноги слегка гудят, и присела на скамейку, посидела несколько минут, наслаждаясь умиротворением и безмыслием, но душа ее жаждала вычислений, и она автоматически вернулась к этому занятию.

Решение задачи: Вариант первый — она идет на свидание. Подчиняется. Бежит по первому зову. Утирается после всех его плевков... И ради чего? Ради выяснения истины? Но какой истины? Ради того, чтобы высказать ему все свои обвинения? Или в надежде на примирение и продолжение их «неофициальных» отношений? Но примирение (тьфу, какое пошлое слово!) будет означать еще одну его победу. А какие обвинения она может предъявить ему? Злоупотребление служебным положением в целях обогащения? Но где доказательства? Бриллианты, машина, дача? Так ведь он регулярно получает от государства весьма солидные суммы: зарплата — дай боже, гонорары за книги, премии, лекции, оппонирование, консультирование — все это деньги. Тут ясно только одно: если человек имеет столь обширное поле для стрижки купонов — ему некогда заниматься наукой. А тогда откуда же его многочисленные научные достижения?.. Итак, одно обвинение есть: присвоение результатов чужого труда, в данном случае — интеллектуального. Что еще?.. Запретная зона — объект государственный, он за факт ее существования не отвечает. А пещера — объект природный, он его не покупал. На его месте мог оказаться любой из тех, кто вхож в зону. (Его ли вина, что он входит в этот круг, если уж круг существует?) И все же, если сформулировать второе обвинение, то оно прозвучало бы так: использование в личных целях преимуществ своего социального положения... «Милая Ирина Петровна, — скажет он, — преимущества для того и существуют, чтобы их использовать. А имеет их тот, кто соответствует своему времени. Отстающие и опережающие, как правило, неудачники». В общем, очевидно, что все ее попытки заклеймить его превратятся в дискуссию о его профессиональных достоинствах и утонут в словесном потоке, потому что он искусный оратор и опытный демагог. А она будет выглядеть круглой идиоткой, ведь для нормальных людей это не предмет для любовных ссор... А лично? Она лично что может ему предъявить? Только счет его плевкам? Но ради этого «бабского» занятия вряд ли стоит унижаться... Из этих умозаключений вытекает, что вариант второй — единственно приемлемое решение. Она не идет на свидание. Отвергает его предписание и тем демонстрирует свою независимость. Она не собачка, чтобы кидаться к нему по первому зову! Это было бы верхом глупости... А в груди почему-то стало тягостно и тоскливо...

...Анна Ивановна сразу почувствовала, что душа дочери не на месте, но не стала допытываться, отчего да почему, а всячески пыталась отвлечь ее то домашними делами, то телевизором, то своими пенсионерскими заботами. И ей отчасти удалось добиться своего. Только перед сном Ира вдруг сообщила ей, что утром, если будет хорошо себя чувствовать, то поедет с друзьями в горы. Анна Ивановна хотя и удивилась, но возражать не стала. «Зачем я это сделала?! — ругала себя Ира. — Ведь все уже решено! Окончательно и бесповоротно! Никаких гор! Никаких свиданий! И даже будильник заводить не буду», — твердо решила она и погасила свет. Но еще долго не могла уснуть, ворочаясь с боку на бок, потому что бока отчего-то моментально отлеживались, подушка куда-то проваливалась, простыни казались сырыми и холодными... «Господи, ну что за дура-баба! Показали мужика, так теперь и уснуть не может... К черту! Спать...»

И приснилось ей, что кто-то несет ее в абсолютной темноте, крепко прижимая к себе. Так крепко, что трудно дышать. Ира протягивает дрожащие руки к «его» лицу и тут же с омерзением отдергивает их — вместо головы она ощутила холст в деревянной раме. По телу пробежал колючий озноб, она рванулась изо всех сил... И села на кровати... Сердце гулко билось, озноб ужаса все еще шевелился где-то за спиной. Ира глубоко подышала и, чуть успокоившись, ощутила неприятную тя-

жесть внизу живота. Посмотрела на будильник — половина третьего. «Сумасшедшая! — вздохнула она. — Еще три с половиной часа... Тьфу, да что это я? Нет никаких часов! Надо проспать самым наглым образом, и пусть он посинеет в своей белой машине!»

Ровно в пять часов Ира открыла глаза. И сразу же встала. «Господи, куда это я?» — пыталась она себя остановить, но уже принялась суетиться, доставая походные принадлежности, умываясь и одеваясь. Она старалась ни о чем не думать, с единственным устремлением — скорей, скорей, не опоздать бы! И, конечно, собралась она быстрее, чем нужно, а завтракать у нее не было никаких сил. Анна Ивановна зашевелилась в своей комнате, и Ира быстро заскочила к себе, боясь неизбежных вопросов. Но, остановившись у окна, она уже не могла больше пребывать в состоянии суетливого автомата. Суетиться было незачем. Надо было ждать. Еще тридцать минут!.. «Слабая я женщина, — обреченно подумала она. — Ведь решила же! Хотя бы он не приехал! Пусть на гвоздь наедет, что ли, или в столб врежется». В груди стало тесно, что-то мешало глубоко и свободно дышать. «Но если он не приедет, — вдруг неожиданно холодно усмехнулась она, — то это будет плевок номер четыре...»

Ира нервно посматривала на часы. Без двадцати шесть... Без десяти... Без пяти... Из-за угла плавно выехала белая спортивная машина и мягко остановилась. «Шесть часов», — как автомат, зафиксировала Ира и почувствовала, что ее сжимает, перекручивает, влечет что-то огромное, беспощадное — так однажды ее схватила в море штормовая волна прибою. «Ведь это единственный человек, который видит во мне женщину, — поспешно уговаривала она себя. — Так ради чего я должна отказываться?.. Нет, это гипноз... Телепатия... Сексуальное бешенство... Я должна выдержать, чтобы уважать себя!.. Пять минут седьмого... Почему я не сдвигаюсь с места?.. Скорей же! Скорей!» — приказала себе Ира и, сделав шаг от окна, почувствовала движение стен вокруг себя, а пол резко двинулся ей навстречу...

Выходные дни Анастасия Владимировна Платонова провела в довольно мрачном настроении. Ощущение оплеванности после пятничного посещения Рябова то и дело всплывало в памяти, бередило душу и лишало покоя. Постепенно состояние обиды и непонимания превратилось в чувство протеста. Почему закрыли тему? Где Альфред Вартанович? Может быть, его спасти надо? Кто запретил исследования?.. Что-то тревожное было во всех этих вопросах. Сама невозможность получить прямой ответ настораживала.

— Я так и знал! Я знал, что рано или поздно это произойдет! — чуть ли не радостноотреагировал Виктор на рассказ жены.

— Ну что ты мог знать, когда тебе ничего не известно?

— При чем тут, известно или неизвестно? Все согласно твоей любимой логике... Смотри сама. Давай возьмем некий социум, находящийся в состоянии стабильного равновесия. Само собой, в этом социуме устанавливается определенная шкала нравственных ценностей, регулирующая ее стабильное функционирование...

— Гигант социального моделирования! — беззлобно поддела его Настенька. — Ну и?..

— Ну и все о'кей — гремят оркестры и бурные аплодисменты, переходящие в овации, как и положено в нормальном спектакле истории. И вдруг среди этого благолепия, прямо во время «спектакля» кто-то встает и уходит. Неприятно? Конечно... Но мало ли за какой надобностью человек вышел. Однако встает следующий, за ним еще и еще, и целый ряд в партере оказывается пустым. Еще не скандал, но уже предупреждение о том, что появились те, кого «спектакль» не устраивает. А это уже чревато скандалом. Ведь наверняка в зале есть еще недовольные, которые пока не решаются покинуть зал: они либо спят, либо молча злятся, но все равно отсутствуют, занимая место. Так сказать, потенциальные отшельники. А дурной пример может всколыхнуть и их. И вот тогда представление будет сорвано... Что в этом случае должна предпринять администрация театра? Любой ценой доказать, что ничего не произошло: срочно заполнить освободившиеся места «своими людьми», чтобы они усилили гром аплодисментов и «усыпили» «недвижимых отшельников». К тому же необходимо сделать все, чтобы никто не произнес вслух, что со «спектакля» уходят. А если вдруг найдется незадачливый журналист, который попытается об этом сообщить в рецензии на «спектакль», то рецензия не пойдет, а сам журналист перестанет писать рецензии. Обычные социальные-политические отношения... Я думаю, что Симонян слишком уж привлекал внимание к «ухажденцам» и на том погорел. А Рябов — просто «свой человек».

Если до платоновского монолога у Насти еще были светлые надежды, то теперь от них не осталось и следа. Что другое, а нагонять мрак, при всем своем историческом оптимизме, Платонов умел.

— А может быть, на самом деле все гораздо проще? Симонян, оттого что с женой развелся, решил новую жизнь начать, уволился и в другой город переехал... А ты тут теории строишь!

— Возможно. Но Рябов-то остался. И тему тебе прикрыли за неимением проблемы...

В понедельник рабочий день начался со звонка Анны Ивановны, сообщившей, что Ирина в больнице. Как поняла Настя из путаных объяснений — на сохранении. Известие, конечно, пренеприятное. Тайна Секиной, не дававшая покоя женской половине НИИМС, начинала приобретать трагическую окраску.

— Да, кстати, как твои отшельники? Что Симонян?— вдруг вспомнил Андрей. Настя рассказала про Рябова.

— Сволочи! — живо отреагировал он. — Буржуи проклятые! И никакая перестройка их не взяла!.. Опять работы подвалило.

Потом Настя поехала в больницу к Ирине Петровне, купив по дороге белых хризантем.

В больничном халате, с гладко зачесанными волосами Ира выглядела гораздо старше, чем обычно. Она заметно побледнела, осунулась. Насте стало жалко эту сильную, умную женщину, а заодно и себя.

— Ну, как ты? — спросила она.

— Нормально. Пока сохранили.

— Что случилось-то?

— Нервы, Настасья, нервы... что с нами еще может случиться?.. Ладно, мне медицина поможет. Вы-то как?

— Само собой — осиротели, — улыбнулась Настя, поняв, что Секина не желает открывать ей душу. — Но ты сохраняйся спокойно — работа не убежит. Отдай несколько месяцев сугубо личному делу... С утра Намазов тебя срочно вызывал зачем-то. Андрюше не сообщил. Велел докладывать о состоянии твоего здоровья.

— Что у Симоняна? — поинтересовалась Ирина Петровна, изо всех сил пытаясь утихомирить вдруг забившееся сердце. «Ну почему, почему, — думала она, — я не могу открыться близкому человеку? Почему я притворяюсь? Что заставляет меня лгать? И я еще борюсь за Коллективный Разум...»

А Платонова, делая вид, что ничего не замечает, рассказывала, надеясь, что это отвлечет Иру от беспросветного самокопания.

— Эка, он тебя допек, этот Рябов! — реагировала Секина, думая: «Интересовался все-таки!..»

— Ну, этот кого угодно допечет. И откуда он взялся? Знаешь, у меня какие-то ужасные предчувствия.

— Не знаю, Настасья, по-моему, ты усложняешь, — Ирина Петровна начала немного успокаиваться. — Слишком все это мрачно, чтобы быть на самом деле... Слушай, а не поговорить ли для начала с этой... ну, с бывшей женой Симоняна. Может, все сразу и прояснится. Не может быть, чтобы она ничего не знала. Попро-сите Татьяну.

— Ладно, посмотрим,.. — вздохнула Настя.

— И вообще, не рви на себе волосы раньше времени. Мы еще заставим себя уважать. — Ирина Петровна энергично вселяла в Платонову оптимизм, и незаметно собственное ее мрачное мировосприятие исчезло. Душа вырвалась из заколдованного круга неразрешимых личных проблем и заинтересованно огляделась по сторонам. Когда мрак идет извне — с ним можно бороться.

На следующее утро Танечка подошла к Настиному столу и торжественно произнесла:

— Вот! — и протянула толстую общую тетрадь.

— Ой! Что это? — вскочила Настя. — Во-первых, с добрым утром, во-вторых, рассказывай.

— А чего рассказывать? Почти нечего... Эта тетрадь — все, что у нее осталось от Альфреда Варгановича. Недавно к ней домой приходили с обыском и забрали все бумаги Симоняна. Она потом ходила к нему на работу, но с ней не стали разговаривать. Она только узнала, что экспедиция еще не вернулась.

— Ну прямо-таки классический детектив! — всплеснула руками Настенька. — Слышал, Андрюша?

— Слышал-слышал, — кивнул Гражданин Вселенной. — Что в тетрадке-то?

— А я ничего не поняла, — виновато призналась Танечка. — Похоже на бред какой-то. Правда, бред очень умного человека.

— Ну-ка, давай побредим вместе, — взял тетрадь Андрей и открыл где-попа-

ло.— Так-так... Вот слушайте: «Последнее время мне часто снится, будто я иду по дороге. Один. Босиком. Светит солнце, но свежо. Дорога вдруг начинает подниматься над окружающим пейзажем, словно у горизонта кто-то приподнял ее за один конец, как половик. Я осторожно выглядываю из-за края дороги и вижу зеркально уходящую под землю другую дорогу и чье-то лицо, запрокинутое из темноты вверх. А дорога поднимается все круче и вот уже делает «мертвую петлю». Я иду по ней вниз головой, как муха, и не падаю. И думаю все время — как там мой подземный друг? И как мы с ним встретимся на выходе из «мертвой петли»?

— Ну и что это должно означать? — спросила Танечка.

— Почему это должно что-то означать? Сон есть сон, — ответил Андрей.

— Зачем записывать сон, который ничего не значит? Нет, тут что-то не то.

— Вникать, стало быть, надо.

— Дай тетрадку-то, чур, я первая вникаю! — забрала записи Настя.

— Э-эх! — с сожалением вздохнул Андрей.

«Когда-нибудь мы встретимся, — прочитала Настя, — обязательно встретимся, но только в каком из миров?»

Негромко запищал зуммер селектора.

— Вам письмо из Москвы, — сообщила Ариадна Кузьминична. — Разрешите занести?

— Пожалуйста, — разрешил Намазов.

Это был фирменный конверт Совета Министров СССР. Намазов быстро вскрыл конверт и взглянул на подпись. Там значилось: заведующий отделом фелицитологических исследований при ГКНТ СМ СССР, действительный член АН СССР Вольнов А. А. — и знакомый, почти уже забытый росчерк.

Герард Кадырович оказался в нокауте. Это было слишком неожиданно. Впрочем, Вольнов — фигура уникальная, как бы внеисторическая. Заблудившийся во времени будетлянин. Но, как бы там ни было, Герард Кадырович прекрасно чувствовал свою эпоху и себя в ней, и поэтому быстро успокоился. Его эпоха защитит его от всяких «пришельцев». Он — Система, они — случайные выбросы. Однако факт организации этого ОФИ за спиной Намазова, привыкшего к роли ведущего фелицитолога, настораживал... Герард Кадырович, оправившись от первого шока, углубился в чтение письма: «Настоящим Вам предписывается подготовить свои рекомендации по организации всесоюзной фелицитологической службы. Особое внимание следует обратить на возможность использования разрабатываемой в Вашем институте системы «интеллект-интеллектрон» как базиса «Коллективного Разума». Предполагается созыв координационного совещания в декабре с. г. в г. Москве. Список вопросов, подлежащих рассмотрению, прилагается». Список вопросов занял несколько страниц. «Ай да Вольнов! Ай да божий одуванчик! Тряхнул старинной, значит... — хмыкнул Намазов, — узнаю Александра Аркадьевича... Да, вовремя товарищ Вольнов объявился! Если по умному к нему подключить и занять соответствующее место в «Ставке Главнокомандующего», то уж тогда нашему дорогому академику Исмаилову придется потесниться. Это вам не ослепляющее освещение одного человека, это масштабы целой страны!.. Да, — вдруг осенило Герарда Кадыровича, — а откуда же он знает про систему «интеллект-интеллектрон»? Работы только начаты, еще ни одного отчета не выпустили, ни одной статьи не опубликовали... Неужели Секина?!.. Ну, женщина! Ну, хватка! И какие способности к саморекламе! Поразительно!.. Черт побери, — и в этот момент она от меня нос воротит!» Герард Кадырович вдруг представил себя зажатым в тисках «Вольнов-Секина» и повел плечами, представив, как раздвигает эти тиски, усмехнулся и снял трубку правительственного телефона.

Записи в тетради Симоняна действительно оказались бессвязными, хотя и не лишены смысла. В них отсутствовало главное, что необходимо для понимания разрозненных мыслей, — идея, их связующая. Поэтому от первого прочтения, нетерпеливого и потому невнимательного, осталось впечатление общей бредовости. И у Настеньки, и у Виктора. Но Платоновы не собирались отступать...

«...Умение видеть сквозь туманы и миражи, зеркала и призмы, сквозь время и пространство то, ради чего все, — вот подлинно человеческое. Без него человечество — толпа слепцов, суетящихся на краю пропасти... Безумное счастье конечно — как глоток кислорода в газовой камере... Понимать, чувствовать, слышать друг друга — вот главоубийная проблема всех времен и единственный путь к спасению... Измерение духа — главное измерение бытия. Координаты во времени и пространстве определяют лишь местоположение объекта или субъекта. Координаты в измерении духа определяют суть человека и истинное положение человечества. ОНИ вездесущи. ОНИ в нас. ОНИ знают, чего хотят. А обыкновенный человек лишь

догадывается, что он хочет знать... Господи! Как она прекрасна!.. А вдруг ОНИ — альтернатива?!»

— «Господи! Как она прекрасна!» — повторила Настенька с воодушевлением. — Наверняка это о ней, о жене...

— И может, об Истине?

— Шизик ты, Виктор Михалыч.

— Возможно... Однако, здорово он об измерении духа написал! Не этой ли координате бытия принадлежит человеческое бессмертие? А кто же эти таинственные и вездесущие ОНИ, которые, к тому же, оказываются вероятной альтернативой? И кому?

— Чует мое сердце, что ОНИ — это отшельники, — предположила Настя. — И вообще, все это похоже на необработанный поток сознания...

«...Кому нужна гармония мироздания, если человеческое «я» приравнивается к нулю?.. Если ОНИ так всемогущи, то почему терпят наше присутствие на Земле? Одновременность двух эволюций?.. Она прекрасна, но... Я чувствую, как ежедневно она пролетает сквозь меня, словно нейтрино, стремясь к какой-то своей, неведомой мне цели... Опять были ГОЛОСА. Такое впечатление, что случайно подслушал телефонный разговор на неизвестном языке... Похоже, ОНИ обращаются ко мне. Но с чем?..»

«...Ну, хорошо. Предположим, что мы добьемся благоденствия. Ну, автоматизируем производство. Ну, освободим человека от физического труда, от давления политической системы. Вползем, наконец, в знаменитое «царство свободы». А дальше-то что? Чем займется свободный человек? Всем миром поэмы писать будем? Или философские трактаты? Наукой, конечно, сам бог велел заняться свободному человеку. Но наука, кроме познания своей части истины, должна осознавать, зачем она это делает. А это «зачем» зависит от того, что дальше. Может быть, вопрос преждевременный, но если он возник, значит, самое ему время...»

— Ну вот видишь, — обрадовалась Настя, — вполне разумный человек, как мы.

— А ты уверена, что мы разумны? — усмехнулся Виктор.

— Слушай, Платонов, идея у меня появилась. Читать, конечно, интересно, но нужно что-то большее. Какая-то догадка, озарение, взгляд извне.

— С тобой все ясно, — разгадал Платонов. — Хочешь стыкнуться с интеллектром? Ну что ж, обсуди с Ириной, с Андреем. Можно разочек и план нарушить. Вот тут, кстати, у твоего Симоняна: «Идущему по кругу не нужны ни разум, ни чувства — ему достаточно мышц...»

...Когда убогатворенный Платонов засопел, уютно устроившись у ее левой груди, Настенька вдруг почувствовала, что сон как рукой сняло. «Странно, — подумала она, — чего это? Спать надо, а то утром голова трещать будет». Добросовестно закрыла глаза, принялась считать до ста и далее, уговаривала себя уснуть, но тщетно. В голове вертелись то симоняновские максимы, то мысли о собственной жизни. Вдруг вспомнился рыжий Гражданин Вселенной, с которым у нее как-то само собой установились чисто деловые, дружеские отношения с легким налетом неявной, но постоянно присутствующей нежности. Потом мысли опять вернулись к Платонову. Они всегда возвращались к нему. Подумала про его роман, в который он погружался все глубже, хотя «мудрый» редактор в издательстве предупредил его, что сейчас романы могут позволить себе писать только живые классики. Бумажный кризис стимулирует лаконизм. То перед ее глазами возникал непривычно задумчивый, даже мрачный Альфред Варганович...

— Здравствуйте, уважаемая Анастасия Владимировна, — услышала она вдруг в полной тишине характерный голос Альфреда Варгановича. Настенька от неожиданности вздрогнула. «Вернулся! — не то обрадовалась, не то испугалась она. — Ой! А как же он в квартиру попал?»

— Не беспокойтесь, Анастасия Владимировна, меня нет в вашем благословенном доме... И в то же время, прошу покорнейше простить за столь нахальное вторжение, — засмеялся голос Симоняна. «Ну, слава богу, заснула, наконец».

— Что ж, можете считать так, если вам это удобно. Так оно даже романтичней, — вроде бы обрадовался голос Симоняна. — Рад, рад, очень рад, что вы так сразу меня узнали. Значит, помните еще. Я вот тоже, знаете ли, вдруг вспомнил о вас и так неудержимо захотелось мне встретиться с вами, поговорить, как прежде... Вы прекрасный, умный собеседник, Анастасия Владимировна, даже когда вот так вроде бы молчите. Но мысли-то ваши не молчат... Вот я и решил попытаться — вдруг получится? А получится-то могло только в одном случае — если вы имеете доступ к нашей ноосфере. И получилось же!

«Надо же, — подумала Настенька, — все тот же Симонян. Даже во сне».

— Альфред Вартанович, — чуть слышно шепнула она в темное пространство, — вы разожгли мое любопытство. Я жду объяснений.

— Ну что ж, — улыбнулся голос, — извольте... Но только вам придется покинуть это теплое уютное супружеское ложе... Вперед, прекрасная ведьма! Тайны мироздания ждут, чтобы ты ими ведала!

«Ведьма! — обрадовалась Настенька. — Хоть во сне!» И потихоньку, чтобы не разбудить Платонова (хотя, какие глупости, если это сон), поднялась с дивана и заглянула в зеркало. Показалось, что тело слегка мерцает, светится в темноте. «Как у Аннушки! Ну, Платонов!»

— Вперед, Анастасия Владимировна, пока спит ваш Мастер.

— А метла? — стала озираться Настенька. — Неужто на венике лететь?

— Не будем заниматься плагиатом, — успокоил ее голос Симоняна. — Я, конечно, понимаю ваше стремление во всем уподобиться Маргарите... Пример, что ни говорите, изумительно привлекательный для каждой женщины. Но придется обойтись без метлы и без битья стекол. Вы, Анастасия Владимировна, настоящая, а не литературная ведьма... Ваши возможности в вас...

— Вы намекаете на наличие во мне ведьминского инстинкта? Увы...

— Время, — ответил голос, — в вашем распоряжении время. Рискните хоть на мгновение обогнать свой мир, и вам подчинится пространство.

Настенька начала злиться. «Время, время, — ворчала она про себя. — Ну и что время? Часы тикают, Платонов сопит, Земля вертится — вот тебе и время. Какой с него толк? И куда от него убежишь?»

— И все же рискните, — посоветовал голос, — откройте пошире окно. Подумайте — ведь на самом деле вы открыли окно во вселенную... Вы летите по просторам Галактики, отделенная от нее лишь тоненьким слоем атмосферы. И вы не просто смертная земная женщина, а прекрасная мыслящая частичка мироздания...

— Розовые слюни, — усмехнулась Настя. — Нет, без метлы не получится.

Симонян негромко засмеялся:

— Типичная Анастасия Владимировна! И никаким мирозданием вас не перешибешь...

И тут Настенька почувствовала, что ее тело словно бы исчезает — исчез его вес, руки стали прозрачными. Она вдруг заметила, что стоит на подоконнике, причем не чувствуя его под ногами. Посмотрела в комнату — показалось, будто ее пространство заполнено чуть заметным туманом. «И всего-то одна наносекунда» — отчетливо осознала Настенька. Она поняла, что умеет передвигаться во времени так же, как по земле. Шаг, еще шаг... и иное время открывает иное пространство. Это не прошлое и не будущее, а — иное время и иное пространство. Настеньке показалось, что ее кто-то зовет. Издалека-издалека. Нельзя было даже разобрать, что этот зов из себя представляет, но что-то в ней отзывалось на него, и, безошибочно выбирая направление, Настенька устремилась ему навстречу. Давно исчезли и комната, в которой мирно спал Платонов, и дом, и город. Да и в существовании самой планеты Настенька была не очень уверена. А сама она? Действительно куда-то летит? Или все это только сон? Ее ощущения были так непохожи на то, что она ждала от своего перевоплощения! Даже от ее прекрасной ведьминской наготы ничего не осталось... Да и есть ли сейчас у нее тело?.. Зов становился все более отчетливым. Он превращался в музыку, и душа трепетала в унисон ей, открывая глубины непредставимой ранее Гармонии. И тут Настенька вспомнила первый эксперимент с Андреем, когда он коллапсировал в некую вселенную. Он тоже все время бормотал про какую-то высшую Гармонию, в которой он одновременно был и единичным и всеобщим. Тогда Насте это показалось чистой аллегорией. Но теперь-то она поняла Андрея, на себе ощущая всю конкретную силу этой абстракции. Душа была наполнена такой энергией жизни, что кажется — твоему разуму нет предела. Освобожденный интеллект стремительно вознесся на высший уровень ноосферы и, слившись с себе подобными «интеллектуальными атомами», стал частью мыслящей вселенной, которая решала свои вселенские проблемы, не уничтожая «атомарного самосознания». Счастье творчества, подключенного к вселенной, поглощало полностью. Время исчезло...

Но вот земное «я» Настеньки сорвалось с космических высот и обеспокоенно устремилось к земле. «А где же мой Платонов? Как он без меня?»

А Платонов мирно спал, обняв пустое место на подушке, где должны были находиться ее плечи. Настенька улыбнулась, сойдя с подоконника, наклонилась над мужем, осторожно подняла платоновскую руку и, юркнув под нее, опустила себе на грудь. И нежность поглотила ее сознание и унесла в светлый радостный сон.

А утром она прошептала мужу: «Платонов, я хочу от тебя дочку... Господи! Если бы ты знал, что со мной ночью было!..»

Окончание следует

К НАШЕЙ ВКЛАДКЕ

ВЕРНОСТЬ СЕБЕ

Творчество Риммы Гаглоевой отличает удивительная цельность. Круг ее привязанностей ограничен станковой живописью, а жанровый диапазон — пейзажем, натюрмортом. Ее картины демонстративно традиционны, и, может быть, поэтому ее работы все чаще в последние годы привлекают внимание посетителей выставочных залов. Кажется, что Гаглоева не подвержена моде, бдительно охраняет свой внутренний мир, свой круг образов и свою манеру письма.

Характер человека и его творчество — вещи неразрывные, но у Риммы Гаглоевой это особенно заметно. Она родилась и выросла в Осетии, в маленьком поселке. С детства впитала в себя неторопливый и устойчивый ритм сельского быта, его своеобразную обрядность, поэзию сельских трудов и праздников. Знакомые с детства горные пейзажи и маленькие аулы остались на всю жизнь одной из главных тем творчества, обретая новые оттенки в обращении к пейзажам Чимгана, Сиджака или Сукока. Ей интересны люди, живущие на природе, труженики, на лицах которых лежит печать прожитых лет. Художницу не привлекает сюжетная живопись, хотя среди ее работ есть и такие. Ближкими автору, а потому более интересными зрителям становятся полотна, где глубину переживаний и впечатлений отражают цвет и композиция.

Р. Гаглоева окончила художественное училище в Цхинвали, а затем Ташкентский театрально-художественный институт им. А. Е. Островского. В институте она готовилась стать театральным художником и впоследствии действительно несколько лет проработала в Чимкентском драматическом театре. Но зависимость от репертуарного плана и режиссерских замыслов, необходимость приспособлять свой талант к жестким условиям театрального производства никак не соответствовали ее характеру и мироощущению. Разрыв с театром был обусловлен не только внешними сложностями работы. Вглядываясь сегодня в полотна художницы, понимаешь, что ее камерное по своему характеру творчество, рассчитанное на общение со зрителем один на один, изначально было несовместимо с динамичной жизнью драматической труппы. Не случайно, проработав более десяти лет в художественном училище им. П. П. Бенькова, выпустив отличных учеников, творческие и человеческие связи с которыми не прерываются и поныне, она все-таки уходит и из училища, чтобы иметь возможность полностью посвятить себя работе в мастерской, остаться наедине с красками и холстом.

За последние два десятилетия — это время активной творческой работы Р. Гаглоевой — советская пейзажная живопись претерпела коренные изменения. Они проявились в меняющемся отношении человека и природы, в эволюции понимания человеческого отношения к окружающему миру, в переходе от образов человека — покорителя природы к человеку, созерцающему красоту, и уже этим созерцанием, любованием, стремящемуся сохранить ее в неприкосновенности. Для Риммы Гаглоевой природа всегда была отражением гармонии и красоты. Поэтому ни в самом начале ее творческого пути, ни позже мы не встретим в ее пейзажных циклах образов природы преобразенной и покоренной. Художницу всегда влекло к устойчивому, неизменному. Может быть, это — одно из главных достоинств ее работ, существовавшее изначально, но по-настоящему увиденное и оцененное сегодня, когда проблемы экологии остро стали перед всем миром.

Как и многие ее коллеги, Р. Гаглоева, выезжая на этюды, часто пишет горы. Своеобразие горного края создается на ее полотнах не только достоверностью детали и передачей освещения, оно — в композиции работ. Горные пейзажи строятся таким образом, что взгляд как бы поднимается по вертикали горного склона, где прилеплась маленькая деревушка с ярко светящимися окнами домов, низкими оградками и частоколом. Для художницы горы — это не каменные громады и не уникальные

экзотические творения подземных сил, а естественная среда обитания людей. Поэтому так часто возникают на ее полотнах маленькие горные поселки, человеческие фигуры. Передается образ жизни, тесно связанной с природой и как бы слившейся с ней. Таково, например, полотно «Мой аул», где в оттенках буро-коричневого цвета объединяется и цвет земли, горы, домов, расплзшихся по склону. Только одно неожиданно яркое пятно — красная машина, примета современности, но не раздражающая, а просто неожиданная и чужеродная среди этого гармоничного пейзажа.

Р. Гаглоева ищет гармонии человека и природы, хотя и не декларирует эти поиски. Они для нее естественны и необходимы. Человек немислим вне природы, поэтому гармония человека и мира, с одной стороны, и одухотворение природы, с другой, становятся главными темами художницы. Ей интересно то, на чем лежит печать времени, прожитых лет, устоявшихся порядков. Это может быть старый дуб, на ветвях и коре которого отложились прожитые годы, или «Стирка на горной речке», где в фигурах женщин и в жестах, даже в свежепостиранном белье, разложенном на траве и камнях, чувствуется отработанный до ритуальной отточенности быт.

В последние годы многие художники, как и вся наша культура в целом, теснее ощущают свою связь с прошлым, особенно явной стала тяга к традиционным темам, устоявшимся формам. Если для некоторых художников стремление восстановить «разорванную цепь времен» стало закономерным этапом творческого развития, то для Р. Гаглоевой это — изначальная суть характера и свойство дарования. Внутренне конфликтного сосуществования с окружающей природой она себе просто не представляет. Поэтому в ее портретах стариков и детей нет ничего умозрительного, придуманного, а есть желание увидеть внутренний мир человека, запечатлеть этот мир в чертах лица или жесте рук, манере носить одежду или вести разговор.

Природа одухотворяется человеческим настроением и размышлением, и здесь главным выразительным средством становится цвет. Вот натюрморт Р. Гаглоевой: засохшие цветы на фоне окна и драпировки, где в сгармонизованности приглушенных тонов прочитывается тема конца жизни, а вот посредством цветовой гаммы передано ощущение тишины на полотне «Зима в горах», изображающей стога сена, припорошенные снегом. А вот еще один пейзаж: коричнево-оранжевая диагональ пламенеющих деревьев на горных склонах... Цветовая насыщенность и выразительность может быть создана тонкими, просвечивающими один через другой красочными слоями, или ложится всей массой выжатой из тюбика краски, как бы чуть-чуть тронутой кистью. В этом внимании к поискам выразительности чисто живописными средствами, в постоянной работе над совершенствованием профессионального языка — требовательность к себе и любовь к профессии.

Определенную дань традиции можно увидеть еще в одной постоянной теме художницы — теме материнства. Р. Гаглоева написала несколько портретов своей матери, создала галерею образов немолодых женщин, проживших трудную жизнь. И во всех этих работах сгармонизованность темных, глубоких тонов послужила выражению глубокой духовности персонажей, причем духовности часто неосознаваемой, естественной, как естественны жизнь и труд этих женщин. Но для художницы тема материнства, как и понятие материнства, значительно шире. Это понятие включает в себя и связь поколений, и отношения человека и природы, где природа также трактуется как материнское начало. Потому-то как развитие темы материнства воспринимается и женский портрет на фоне виноградников, и женщины, шествующие по улице кишлака, словно сливающиеся с окружающим.

Когда рассматриваешь одно за другим полотна Р. Гаглоевой, может показаться, что современный мир с его динамикой и тревогами остается за пределами взгляда художницы. Но, проникаясь духом мира, созданного художницей на полотне, понимаешь, что тяга к устойчивому, традиционному, естественному, поиски персонажей портретов среди обычных людей, живущих внешне неприметной жизнью, становятся выражением художественных принципов и мироощущения автора. Она не философствует в своих работах, а пишет то, что любит и знает. Длительные, порой мучительные часы, проведенные у холста в поисках художественных средств выражения своих мыслей и чувств, наблюдений, становятся своеобразным средством самозащиты от того, с чем художнице трудно смириться. Картины Риммы Гаглоевой рассчитаны на зрителя, способного проникнуться не только красотой изображенного, но и оценить мастерство исполнения, понять глубину переживаний автора, вжиться в ее непростой, но целостный и гармоничный мир.

А. СОСНОВСКАЯ.

О НАШИХ АВТОРАХ

ХОДЖИЕВА Айдын родилась в селе Бустон Кызыл-тепинского района Бухарской области. Окончила филологический факультет ТашГУ им. В. И. Ленина.

Первая книга стихотворений Айдын Ходжиевой «Роса» вышла в 1970 году. Затем выходят сборники «Мечта», «Моя любимая песня», поэма «Люблю, Мать-Земля», «Цветы мечты моей», «Свежесть», «Милая мама», «Добрые вести» и другие.

За книгу стихов «Цветок моих надежд» и за поэму «Люблю тебя, Родина-мать» в 1975 году удостоена премии Ленинского комсомола Узбекистана.

КРЮКОВА Елена Рафаэлевна родилась в Ташкенте. Окончила архитектурный факультет Ташкентского политехнического института. Кандидат архитектуры. Работает старшим научным сотрудником в Институте искусствознания имени Хамзы. Публикуется впервые.

ГАЛИМОВА Галина живет и работает в Ташкенте. Студентка-заочница Литературного института им. А. М. Горького СП СССР. Стихи публиковались в журналах «Пионер», «Аврора», «Студенческий меридиан», «Молодая смена», «Звезда Востока», в альманахе «Молодость», в сборнике «Ростки».

БАКИРОВА Людмила родилась в Кировской области. Окончила факультет журналистики ТашГУ имени В. И. Ленина. Стихи печатает в газетах и журналах республики, это ее третья подборка в журнале «Звезда Востока».

ГОЛЬДБЕРГ Юлия Эдуардовна. Родилась в Ташкенте. Заканчивает филологический факультет Ташкентского университета им. В. И. Ленина. Публикуется с 1981 года в журналах «Звезда Востока», «Молодая смена», альманахе «Молодость».

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию издательства по адресу: 700000, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

Всеми вопросами подписки и доставки журнала занимаются отделения «Союзпечати» на местах.

Технический редактор Ф. Я. Викнянская.
Корректор З. Г. Байбазарова.

Адрес редакции: 700000, Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.
Телефоны: главного редактора — 33-42-68, заместителя редактора и отв. секретаря — 33-40-43; отделов: прозы, поэзии — 33-77-64, публицистики, литературной критики — 33-07-78.

Рукописи объемом менее печатного листа не возвращаются.

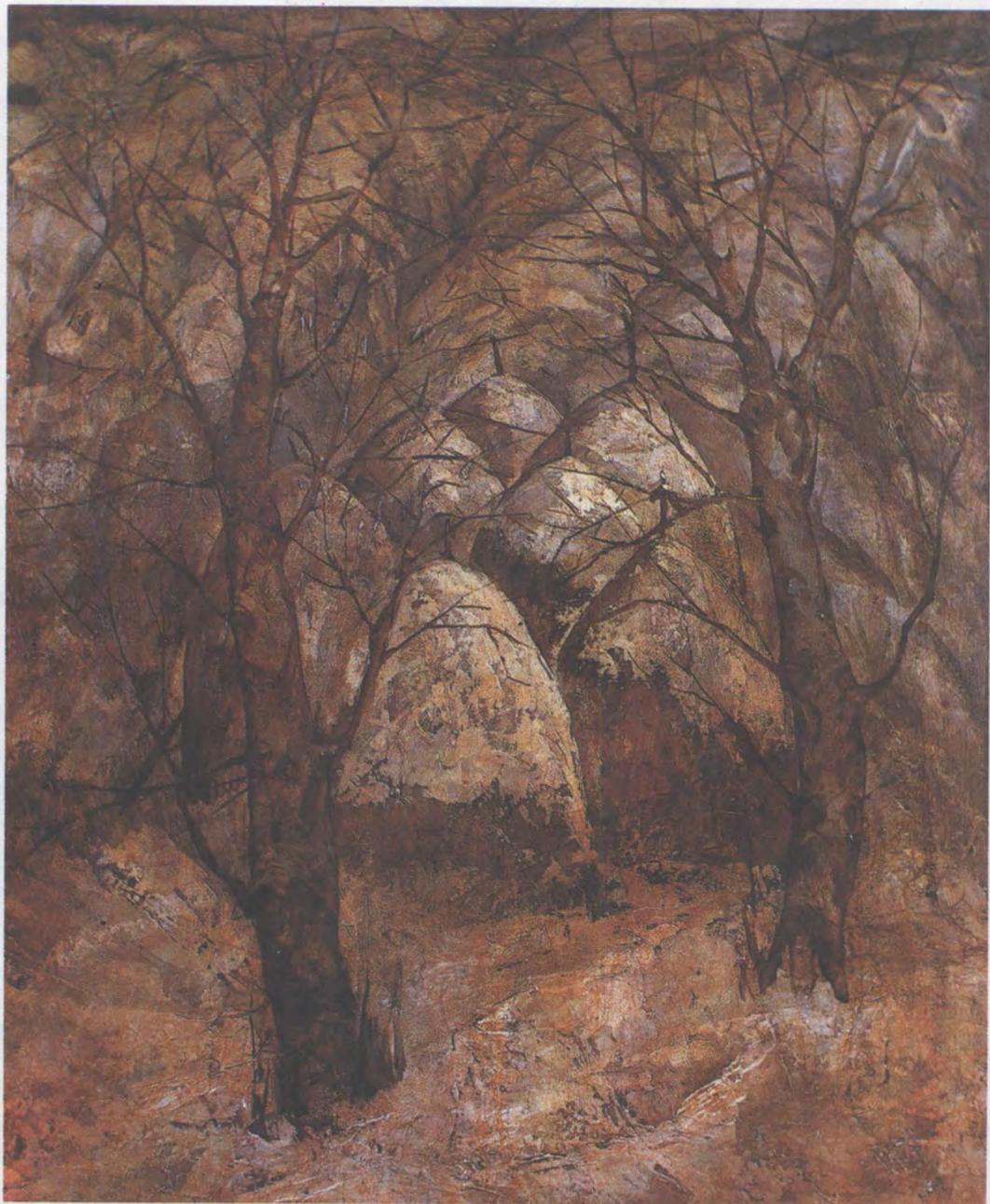
Сдано в набор 4.01.90 г. Подписано к печати 6.02.90 г. Р-01505. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага тип № 2. Офсетная печать. Условных печ. л. 18,2+0,35 (вкл.). Усл. кр.-отт. 19,95.

Уч.-изд. л. 20,95+0,35 (вкл.). Тираж 209 228. Заказ № 2310. Цена 1 рубль.

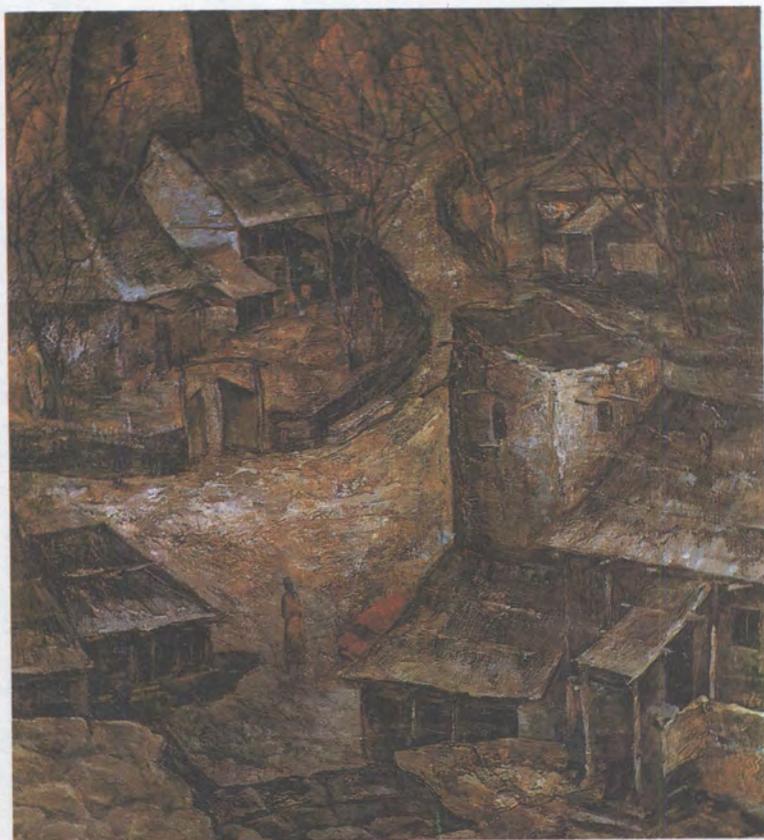

Ордена Трудового Красного Знамени
типография Издательства ЦК Компартии Узбекистана.
Ташкент, ГСП, ул. Газеты «Правда», 41.

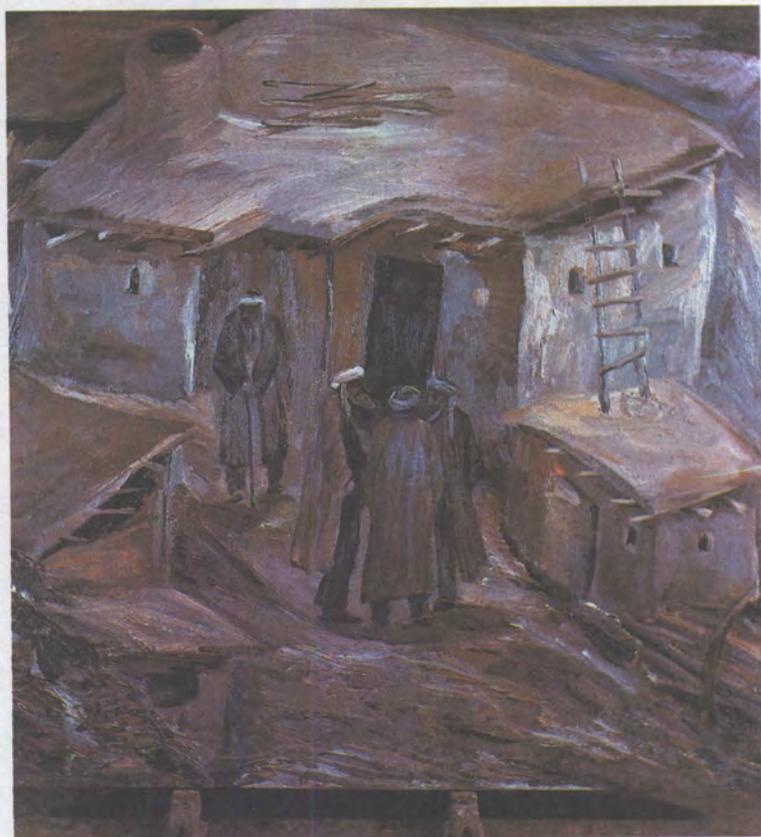
ИЗ РАБОТ РИММЫ ГАГЛОЕВОЙ

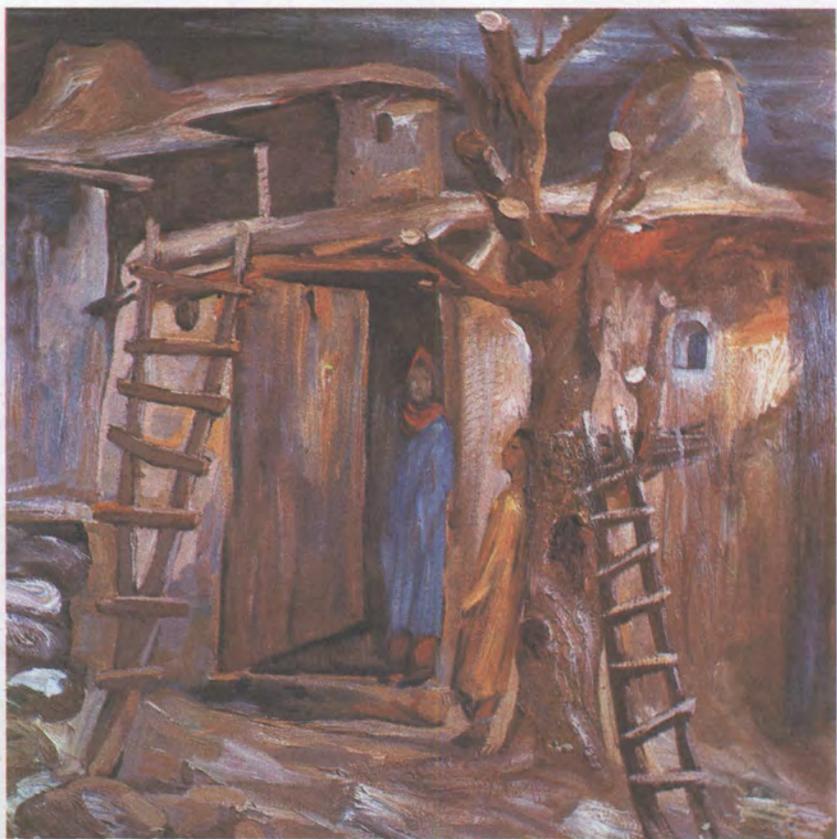
СТОГА

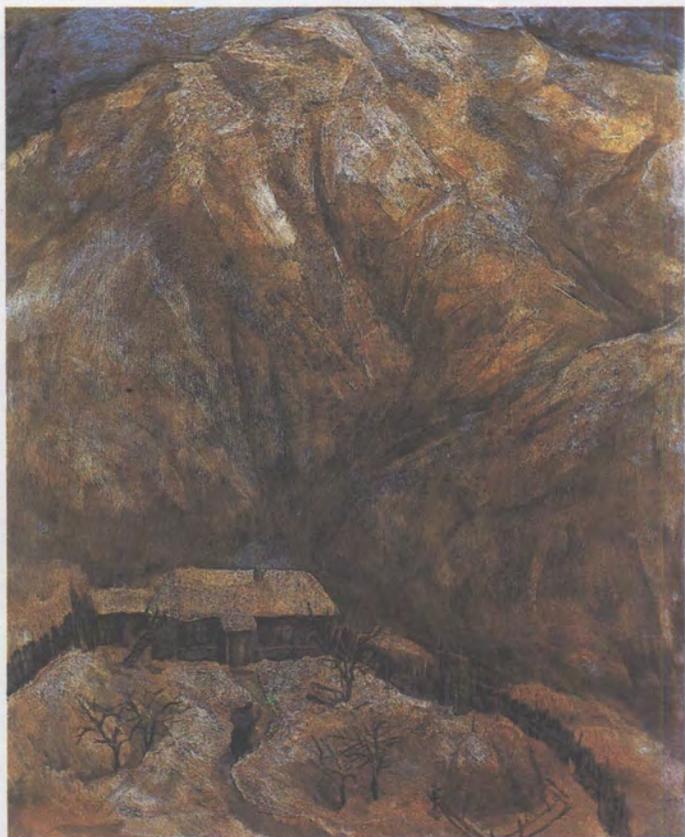
АУЛ

АКСАКАЛЫ

БЕСЕДА

СУРОВАЯ ЗИМА 1941 ГОДА

СУМЕРКИ

НАТЮРМОРТ

ЦЕНА 1 рубль ✓

ИНДЕКС 75273

«ЗВЕЗДА ВОСТОКА», 1990, № 3, 1—208